

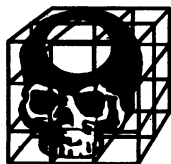

ТИРАНИЯ

ИОАХИМ ФОН РИББЕНТРОП

*Мемуары
нацистского дипломата*

ТИРАНИЯ

**ИОАХИМ ФОН
РИББЕНТРОП**

*Мемуары
нацистского дипломата*

СМОЛЕНСК
РУСИЧ
1998

УДК 94.99
ББК 63.3(4Г)
Р 49

Серия основана в 1993 году
Перевод с немецкого Г. Я. Рудого

Риббентроп И. фон

Р 49 Мемуары нацистского дипломата / Пер. с нем.
Г. Я. Рудого. — Смоленск: «Русич», М.: «Мысль», 1998. —
448 стр. («Тирания»).

ISBN 5-88590-902-4

Мемуары министра иностранных дел фашистской
Германии Иоахима фон Риббентропа (1893— 1946) частич-
но написаны во время Нюрнбергского процесса и по-
смертно изданы его женой в 1953 г.

Они интересны как свидетельства очевидца, участ-
ника и организатора дипломатических акций фашистской
Германии в канун и во время второй мировой войны.

УДК 94.99
ББК 63.3(4Г)

Текст печатается по изданию: Риббентроп И. фон. «Между
Лондоном и Москвой», М.: «Мысль», 1996

- © Издательство «Мысль», 1996
- © Перевод. Примечания Г. Я. Рудой
- © Предисловие. Примечание И. Г. Усачев
- © Составление и разработка серии.
«Русич», 1998
- © Художник А. А. Шуплецов, 1998

ISBN 5-88590-902-4

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Родившаяся полвека назад, в последний год второй мировой войны, Организация Объединенных Наций обязалась в своем Уставе «избавить грядущие поколения от бедствий войны». Через три года после вступления Устава в силу она при практическом единодушии своих членов приняла Всеобщую Декларацию прав человека, провозгласившую в числе прочих право на жизнь и на социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в ней, могут быть полностью осуществлены.

Достижение таких целей немыслимо без объединения усилий всех ныне живущих и требует не благого, а действительного осознания уроков истории. Особого внимания с этой точки зрения заслуживают уроки второй мировой войны, так дорого стоившей человечеству. Отсюда насущная необходимость обратиться к свидетельствам очевидцев и участников событий, приведших ко второй мировой войне, — как тех, кто всеми силами в той или иной мере противился ее возникновению, так и тех, кто старался разжечь ее. Только такой подход к прошлому позволит добраться до первопричины, правильно и нелицеприятно оценить ошибки и просчеты политики и политиков, а также преступные замыслы и планы фашистской Германии и ее союзников.

Желание содействовать осознанию прошлого и его уроков для современности делает целесообразным публикацию на русском языке мемуаров одного из главных немецких военных преступников, бывшего министра иностранных дел гитлеровской Германии Иоахима фон Риббентропа. Значение его воспоминаний очевидно: ведь Риббентроп был ключевой фигурой в дипломатической

подготовке и развязывании второй мировой войны. Он вступил в национал-социалистическую партию (НСДАП) в 1932 г. и лично содействовал установлению контактов между Гитлером и представителями германского монополистического капитала, что сыграло важную роль в приходе нацистов к власти. В 1934 г. Риббентроп стал начальником отдела внешней политики НСДАП, а в августе 1936 г. был назначен германским послом в Англии. В феврале 1938 г., на завершающем этапе подготовки Германии к войне, Риббентроп получил пост министра иностранных дел.

Завершил свой жизненный путь Риббентроп на виселице в Нюрнбергской тюрьме. 16 октября 1946 г. он первым из осужденных на смертную казнь главных немецких военных преступников подошел к эшафоту, точнее, был подтащен: в последний момент отказала собственная ему внешняя выдержка. Его участь разделили ближайшие сообщники Гитлера — Кейтель, Кальтенбрунер, Розенберг, Франк, Фрик, Штрейхер, Зейс-Инкварт, Заукель, Йодль. Более высокий по положению в гитлеровской иерархии преступник — Геринг — обманул своих охранников, трусливо покончив жизнь самоубийством. Но Немезида настигла его: его труп был все же повешен.

Свои мемуары Риббентроп написал в основном в тюрьме. Он, естественно, понимал, что его ждет, и это обстоятельство не могло не наложить отпечатка на характер воспоминаний, продиктованных желанием оправдать перед историей себя и режим, которому он верноподданнически служил. Было обусловлено, что после его смерти мемуары перейдут в распоряжение его жены. Аннелиз фон Риббентроп добавила к рукописи мужа несколько документов, в том числе его записи, подготовленные для выступлений в свою защиту на Нюрнбергском процессе, выдержки из писем, посланных им из тюрьмы после вынесения смертного приговора, некоторые другие материалы, призванные обелить его человеческое и политическое лицо. Предлагаемый вниманию читателей перевод ни на йоту не отступает от текста оригинала, и поэтому в интересах понимания истинного хода событий, описыва-

емых в мемуарах, нужно придерживаться критического подхода, дабы преодолеть субъективизм автора в подборе фактов и в оценках.

Российский читатель получает доступ к воспоминаниям Иоахима фон Риббентропа с более чем сорокалетним запозданием. На немецком языке они были опубликованы еще в 1953 г. издательством «Друффель-Ферлаг», которому жена Риббентропа передала правообладание. В 1954 г. мемуары вышли на английском языке с предисловием видного специалиста по германской внешней политике профессора Оксфордского университета Аллана Буллока. Они были выпущены издательством «Уэйденфелд энд Никольсон».

Диктаторы, как правило, не терпят в своем окружении, особенно ближайшем, ярких, инициативных и самостоятельных лиц. Гитлеровский режим не был исключением в этом отношении. Иоахим фон Риббентроп — пример политика, добившегося высокого положения благодаря умению и готовности подстраиваться под волю, вкусы и взгляды своего политического босса — Адольфа Гитлера, а также способности ловко использовать благоприятную конъюнктуру. По признанию Риббентропа на Нюрнбергском процессе, он впервые встретился с Гитлером в Берхтесгадене 13 августа 1932 г. при содействии графа Хелльдорфа — главаря берлинских штурмовых отрядов и впоследствии полицай-президента Берлина, служившего во время первой мировой войны в том же самом гусарском эскадроне, что и автор воспоминаний. С момента этой встречи Риббентроп вошел в число активных пособников Гитлера в осуществлении его планов прихода к власти национал-социалистов. Воспользовавшись своим знакомством с лидером католической партии «Центр» фон Папеном, занявшим в июне 1932 г. пост рейхсканцлера, Риббентроп организовал на своей вилле в Далеме переговоры между Папеном и Гитлером, в результате которых состоялась сделка: был сформирован кабинет, в котором Гитлер стал рейхсканцлером, а Папен — вице-канцлером. Страну накрыл колпак фашистской диктатуры.

Риббентроп уверяет, будто у него были, и притом

неоднократные, расхождения с Гитлером. Несложно понять стремление Риббентропа задним числом отмежеваться от немецкого военного преступника №1, но это вовсе не делает его фальшивые утверждения правдивыми. Убедиться в этом весьма просто, обратившись хотя бы к сборнику речей Риббентропа, выпущенному в 1943 г. берлинским издательством «Фольк-унд-Рейх Ферлаг», где приведены речи, произнесенные им в 1934-1943 гг. Это в полном смысле слова образец славословия, восхваления «мудрости» фюрера, его «самоотверженного служения» интересам Германии и немецкого народа.

Современники Риббентропа, лично наблюдавшие за ним, отмечали его заискивание перед фюрером. Бывший статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Эрнст фон Вайцзеккер обращал внимание в своих воспоминаниях на особую способность Риббентропа улавливать мысли Гитлера, подстраиваться под них и в нужный момент даже предвосхищать его желания. Такую особенность в поведении Риббентропа отмечал и посол Франции в Берлине А. Франсуа-Понсэ, утверждавший, что Риббентроп никогда не перечил своему шефу и старался подыскать как можно больше доводов в подтверждение его соображений. В дневниках итальянского министра иностранных дел графа Чиано, зятя Муссолини, есть ссылка на ироническую реплику дуче: «В Германии в ходу грампластинки... Гитлер напевает их, а другие проигрывают». Это замечание имеет прямое отношение к Риббентропу, которого Геринг окрестил попугаем №1 Германии.

Сказанному выше отнюдь не противоречит мнение английского посла в Берлине Невилла Гендерсона, видевшего в Риббентропе сочетание «тщеславия, глупости и поверхностности». Впрочем, едва ли могло быть иначе, учитывая тот политический курс, который проводил Риббентроп. Вслед за Гитлером он изо дня в день пугал своих зарубежных партнеров, будто по вине коммунизма Германия стоит на краю пропасти, беспрестанно твердил о советской, большевистской экспансии, угрожающей Западу, и под этим пропагандистским соусом выдвигал требование об отмене «версальского диктата», делающего Гер-

манию бессильной перед лицом внешней опасности. Так примитивно преподносились им главные задачи гитлеровской дипломатии — добиться ревизии в пользу Германии версальской системы, сколотить единый антисоветский фронт, изолировав Советский Союз.

Версальский договор 1919 г., завершивший первую мировую войну, предусматривал миропорядок, отвечавший интересам держав-победительниц. Он устанавливал виновность Германии и ее союзников в развязывании войны, перекраивал карту Европы: Франции возвращалась Эльзас-Лотарингия, отторгнутая Германией после франко-прусской войны 1870-1871 гг.; Бельгии передавались округа Мальмеди и Эйпен, Польше — Познань, часть Поморья; Данциг (Гданьск) объявлялся вольным городом, предусматривались и некоторые другие территориальные изменения. Германия обязывалась строго соблюдать независимость Австрии. Вся германская часть левобережья Рейна и полоса на правом берегу шириной 50 километров объявлялись демилитаризованной зоной. Колонии Германии были поделены между державами-победительницами. Военные пункты Версальского договора предусматривали ограничение германских вооруженных сил 100-тысячной сухопутной армией, основная часть сохранившегося военно-морского флота передавалась победителям.

Советская Россия не была приглашена на Парижскую конференцию, где разрабатывались Версальский договор и другие послевоенные соглашения по перекройке мира. Участники конференции не считались с ее интересами. Более того, ряд положений Версальского и других договоров, особенно Локарнского, были явно направлены против Советского государства. Это и предопределило сугубо негативное отношение советского руководства того времени к Версальскому договору. В то же время оно понимало, что версальская система таит в себе возможность взрыва межимпериалистических противоречий, и думало об их использовании в своих интересах.

Тяжелые, а в ряде случаев и дискриминационные для Германии положения Версальского договора делали версальскую систему мирного урегулирования крайне не-

устойчивой, чем и воспользовался Гитлер для ее ускоренного развала. Заведомая порочность версальской системы обеспечила ему внутри Германии благодатную почву для раздувания националистических, шовинистических и реваншистских настроений. Тема «унижения Германии», требования дать ей возможность обрести «равноправие в вооружениях» стали ведущими в нацистской пропаганде, и не последняя роль в раздувании страстей принадлежала Риббентропу. Выступая 15 августа 1934 г. в Берлине, он, ссылаясь на Гитлера, утверждал, что в «равенстве в вооружениях» — ключ к мирному будущему немцев и Европы. Риббентроп отрицал, что в Германии возрождается милитаризм, и представлял марши коричневорубашечников как проявление стремления навести порядок и дисциплинировать народные массы с целью уберечь их от «бациллы коммунизма».

Стремление Риббентропа подражать Гитлеру доходило до прямого пресмыкательства перед ним, отмечали современники, Риббентроп мог даже закатывать истерику, когда интуитивно чувствовал, что фюрер недоволен им. Но все это не мешало ему оказывать свое влияние если не на коренные установки германской внешней политики и дипломатии, то на тактические приемы, методы и формы осуществления внешнеполитических предписаний фюрера.

Риббентроп всемерно старался войти в доверие к Гитлеру. Ему помогло на первых порах то, что ставший рейхсканцлером фюрер не обладал нужным опытом в области внешней политики и дипломатии, не владел иностранными языками. Риббентроп, в прошлом коммивояжер и коммерсант по продаже вин, длительное время жил во Франции, Англии и Канаде, свободно владел французским и английским языками. По сравнению с необразованностью и невежеством других нацистских лидеров он даже выглядел «интеллектуалом» и космополитом. К тому же ему удалось убедить Гитлера в том, что, имея доступ к влиятельным деловым и политическим кругам Лондона и Парижа, он сумеет претворить в жизнь замыслы фюрера. Риббентроп полагался на свое знакомство с наследником британского престола Эдуардом, прав-

да лишившимся трона из-за женитьбы на разведенной американке. Король Эдуард VIII и миссис Симпсон не скрывали своих прогерманских взглядов. Однако планы Риббентропа рухнули, когда отрекшийся от престола и ставший герцогом Виндзорским Эдуард вместе с новоиспеченной герцогиней отправились по решению британского правительства на Багамские острова и были таким образом отстранены от политической жизни Лондона. Правда, они все же посетили Германию и были приняты Гитлером в его баварской резиденции Берхтесгаден.

Не преминул Риббентроп использовать для своего возвышения и то, что Гитлер питал недоверие к чиновникам, особенно дипломатам, сформировавшимся в недрах Веймарской республики. Поначалу нацистская партия имела в своих рядах небольшое число членов, обладавших опытом дипломатической работы за рубежом. Национал-социалисты, которых Гитлер направлял с дипломатическими поручениями, как правило, терпели фиаско. Так было с Розенбергом, вернувшимся из Лондона в мае 1933 г. с пустыми руками. Не преуспел в Женеве и другой нацистский главарь, Роберт Лей. К тому же опытные дипломаты-профессионалы и старшие чиновники МИДа в первые шесть лет нацистского правления тревожились по поводу слишком поспешной «политики ревизии» версальской системы, опасаясь, что она может привести к войне в условиях, когда Германия еще к ней не готова.

Первый крутой поворот Гитлер сделал в отношении профессионалов-военных, понимая, что без их помощи он не сможет превратить 100-тысячный (по Версальскому договору) рейхсвер в агрессивный, наступательный вермахт. Он пошел на сделку с военными в ущерб штурмовикам, которые, как еще недавно заявлял Риббентроп, «дисциплинировали немцев и наводили порядок в стране». Это было одной из причин кровавой операции, известной под названием «Ночь длинных ножей», когда 30 июня 1934 г. были ликвидированы глава штурмовых отрядов (СА) Эрнст Рем и сотни других руководителей ставшей оппозиционной коричневой нацистской армии. Победу одержали вермахт и СС.

По-иному действовали нацисты в отношении внешнеполитического ведомства Германии. 1 апреля 1933 г. Альфред Розенберг основал внешнеполитическое бюро нацистской партии. Оно было призвано представлять собственную внешнюю политику нацистов и готовить дипломатов с соответствующим образом мышления. Провозглашенная с большой помпой программа Розенберга с треском провалилась. Неудача Розенберга в его попытках установить контакты с влиятельными кругами Лондона в мае 1933 г. явилась для Риббентропа Божьим даром. Уже в следующем году он учредил свое собственное «бюро», ведавшее внешнеполитическими делами нацистской партии. Бюро, насчитывавшее в 1936 г. 160 сотрудников, занималось, по некоторым сведениям, перехватом шифрованной переписки иностранных государств. С помощью своего бюро Риббентроп выдвинулся на роль дипломатического советника фюрера, и это открыло ему возможность влиять в обход профессионального аппарата министерства иностранных дел на формирование внешней политики Германии.

Потребовалось всего четыре года, чтобы Риббентроп смог сделать головокружительную карьеру: от личного советника Гитлера по внешнеполитическим вопросам до министра иностранных дел рейха, пост которого освободился после отставки опытного, но консервативного дипломата фон Нейрата. Приходу Риббентропа в министерство предшествовало по-своему знаменательное событие: в конце декабря 1937 г. Гитлер назначил гауляйтера Вильгельма Боле (впоследствии руководителя Заграничной организации нацистской партии) статс-секретарем министерства иностранных дел. Благодаря этому НСДАП обрела инструмент для насаждения своих ставленников во внешнеполитическое ведомство Германии.

Появившись в министерстве иностранных дел, Риббентроп углубил процесс «нацификации» германской дипломатической службы. По «совету» нового министра большинство чиновников вступили в нацистскую партию: к 1940 г. из 120 высших чинов 71 присоединился к ней, 11 человек пытались это сделать, но им было отказано. В

своих действиях, направленных на постановку дипломатического ведомства под контроль НСДАП, Риббентроп опирался на своего ставленника Мартина Лютера, назначенного руководителем «Дойчландабтайлюнг» — подразделения, сотрудничавшего с гестапо и наблюдавшего за проявлениями политической оппозиции. Политический сыск внедрялся в дипломатическую службу, создавая тяжелую, напряженную обстановку, разлагающе действовавшую на состояние германской дипломатической службы.

Видный германский дипломат Уве фон Хассель (впоследствии участник антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г.), характеризуя обстановку в министерстве иностранных дел, писал в своем дневнике 11 декабря 1938 г.: «...под безумным руководством Риббентропа у сотрудников не выдерживают нервы. Например, молодые, новые дипломаты обучаются в специальных тренировочных лагерях партии, что лишает их истинных знаний». Кадровая политика Риббентропа обрекала германскую дипломатическую службу на деградацию.

Тяжелая моральная атмосфера царила не только в министерстве иностранных дел, но и вокруг него. Риббентроп не скрывает в своих воспоминаниях, что ему приходилось вести непрерывную конкурентную борьбу, отстаивая свои прерогативы министра иностранных дел, против Геббельса, Геринга, Бормана, Гимmlера и других более сильных клеветов Гитлера. Даже фон Папен, сделавший так много для возвышения Риббентропа, впоследствии именовал его «шелухой без зерна».

Нередко встречаются утверждения о «зловещем» влиянии Риббентропа на Гитлера. Так, к примеру, фон Хассель пишет в своем дневнике, что Риббентроп — «человек, имеющий наибольшее влияние на Гитлера». Сам Риббентроп, напротив, подчеркивает в мемуарах, что все решения по вопросам внешней политики принимались лично Гитлером, а он, Риббентроп, якобы будучи лишь номинальным министром иностранных дел, доверенным лицом фюрера не являлся. Следует отметить, что и в ходе Нюрнбергского процесса Риббентроп, видимо желая найти для себя алиби, настойчиво проводил тезис о «демоничес-

ком» характере личности фюрера, подавлявшей окружающих.

Так ли это? Здесь мы подходим к вопросу, который, пожалуй, острее всех других определяет значение воспоминаний Риббентропа для нашего времени. Дело не в том, чтобы поделить меру ответственности за совершенные злодеяния между отравившимся и сожженным во дворе Имперской канцелярии диктатором и его подручным-дипломатом, окончившим жизнь на виселице в Нюрнберге, а в понимании того, как складывалась и вызревала политика, втянувшая мир в водоворот чудовищной мировой войны.

Символично то, что Иоахиму фон Риббентропу из всех осужденных немецких военных преступников первому набросили на шею петлю. В данном случае стечение обстоятельств словно стремилось подчеркнуть, что преступление против народов начинается с момента нарушения основного призвания дипломатии — служить щитом народов, защищающим их от военных катаклизмов. Дипломатию — орудие мира и сотрудничества народов — нацисты сделали средством подготовки войны.

Иоахим фон Риббентроп мнил себя великим дипломатом и, по свидетельству современников, не видел ничего зазорного в том, чтобы ставить себя на одну доску с Бисмарком или Талейраном. Впрочем, такая черта присуща, как правило, тоталитарным режимам, заинтересованным представить своих вождей-фюреров и их соратников чуть ли не с божественным нимбом. Читатель убедится в этом, знакомясь с той частью воспоминаний Риббентропа, где он описывает личные качества Гитлера, зловеще-комичные по сравнению с теми, какие зафиксировала беспристрастная судья-история.

Там, где текст воспоминаний позволяет сказать кое-что лестное в пользу автора, Риббентроп прямо или косвенно внушает мысль о своей «незаурядности» как политика и человека, способного тонко разбираться во всех хитросплетениях мировой политики и заранее предвидеть дипломатические шаги противостоявших Германии держав. Он старается показать себя человеком твердых,

последовательных взглядов, разгадавшим с самого начала суть версальской системы, сделавшей Германию «изгоем» в европейской и мировой политике. «Незаурядность» Риббентропа как политика выразилась, пожалуй, в том, что он представлял в своих речах и выступлениях условия Версальского договора в качестве первопричины нависшей над Германией угрозы ее превращения в коммунистическую.

Риббентроп враждовал с Геббельсом, но это не мешало ему использовать в сфере внешней политики приемы и методы мастера нацистской пропаганды: чем чудовищнее ложь, тем она действеннее. Скрывая за тяготами версальской системы действительные устремления нацистской клики к мировому господству, Риббентроп настойчиво выдвигает тезис о «миролюбии» Гитлера и нацистской Германии. Он уверяет, что если бы западные державы пошли на полюбовный пересмотр Версальского договора, то войны не было бы и Гитлер «посвятил бы остаток своей жизни мирному развитию социального государства».

Такой идиллический, «вегетарианский» облик фюрера насквозь фальшив. Документы подтверждают, что война была запрограммирована Гитлером еще до того, как он стал рейхсканцлером. Будучи поклонником геополитической теории Гаусгофера, согласно которой Германии требуется «лебенсраум» — «жизненное пространство», Гитлер превратил ее в центральную установку германской внешней политики. Он считал ошибочной политику Гогенцоллернов, стремившихся захватить колонии в Африке. Территориальную политику невозможно осуществить в Камеруне, писал он в «Майн кампф», она может быть реализована только в Европе. И пояснял, что имеет в виду Восток Европы, прежде всего Россию. Фюрер пытался осуществить такие замыслы, и в этом может убедиться каждый, проанализировав «рисунок» второй мировой войны.

Одним из шагов в направлении ее подготовки явилось назначение Риббентропа в Лондон в качестве посла. Вся его деятельность в Лондоне была подчинена одной цели: закрепить правительство английских консерваторов

на позициях пресловутой «политики умиротворения», оборотной стороной которой был курс на политическую изоляцию Советского Союза как неперемненное условие осуществления планов завоевания «лебенсраума» на Востоке Европы. Что может быть убедительнее того факта, что 25 ноября 1936 г. Риббентроп в качестве посла Германии подписал с Японией Антикоминтерновский пакт, заявив на пресс-конференции, что он направлен на «защиту западной цивилизации». Уже одна эта формулировка в условиях того времени звучала достаточно ясно в плане ее политической направленности.

Если обратиться к событиям, предшествовавшим полномасштабной второй мировой войне, то простой перечень ясно показывает, куда устремлялось острие гитлеровской агрессии: аншлюс Австрии, использование судетских немцев для ликвидации независимой Чехословакии, притязания на западную часть Польши, включая Гданьск, «ползучее» проникновение в Прибалтийские страны. Ко всем этим акциям так или иначе был причастен Риббентроп.

Звездным часом Риббентропа стало подписание 23 августа 1939 г. в Москве германо-советского договора о ненападении и секретного дополнительного протокола к нему, являвшегося по сути дела соглашением о разделе сфер влияния в Восточной Европе. Съезд народных депутатов СССР в Постановлении 24 декабря 1989 г. дал политическую и правовую оценку этого договора, отметив, в частности, что он «заключался в критической международной ситуации, в условиях нарастания опасности агрессии фашизма в Европе и японского милитаризма в Азии и имел одной из целей — отвести от СССР угрозу надвигающейся войны». Так виделся договор с советской стороны. Иначе рассматривала его другая сторона, распознавшая в советской дипломатии поворот к имперской политике, готовность к согласию о разделе сфер влияния. И такое согласие состоялось и было зафиксировано в секретных дополнительных протоколах к договорам от 23 августа и 28 сентября 1939 г.

Следует напомнить, что в момент конституирования Международного военного трибунала был составлен спи-

сок вопросов, обсуждение которых на Нюрнбергском процессе считалось советским руководством нежелательным. К их числу относились советско-германский пакт о ненападении и секретные протоколы. Правда, по инициативе защитника Гесса эта тема всплыла на процессе, но договоренность союзников сработала, и вопрос был снят. Риббентроп также пытался использовать факт согласия между Германией и СССР о разделе сфер влияния, утверждая, что советская сторона не вправе выступать в роли судьи, ибо и она повинна в войне против Польши.

Одновременно, чтобы выгородить себя, Риббентроп утверждал при допросах в Нюрнберге и в мемуарах, будто ему не были известны планы фюрера относительно сроков нападения на Польшу. Это не что иное, как фальшивая мина при плохой игре. В книге «Пакт Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939» немецкий историк Ингеборг Фляйшхауэр, получившая доступ к личному архиву германского посла в СССР фон дер Шуленбурга, впоследствии за участие в заговоре против Гитлера казненного нацистами, пишет, что наутро после подписания пакта посол оказался в состоянии тягостного пробуждения. «Его дипломатической инициативой злоупотребили, пакт о ненападении — инструмент поддержания мира — в результате подписания протокола о разграничении сфер интересов превратился в свою противоположность... Если еще во время переговоров он и питал надежду на то, что таким способом можно предотвратить войну, то откровенное бахвальство Риббентропа после совершенной сделки должно было убедить его в обратном». Личный референт посла Херварт незамедлительно информировал о заключении пакта советника посольства США в Москве Чарлза Болена.

Безнравственная, лицемерная, беспринципная внешняя политика требует и соответствующих исполнителей. Риббентроп отвечал требованиям гитлеровской политики. Его подражание политическому боссу было не шутовством, не актерской игрой, а (как это видно по той части его воспоминаний, где он говорит о Гитлере) его второй натурой. Риббентроп копировал во всем поведение и

манеру обращения фюрера с политическими партнерами. У него он заимствовал своеобразную версию «международно-исторических» норм принятия гостей, когда желал поразить воображение своего визитера.

Примечательны в этом отношении наблюдения американского дипломата Сэмнера Уэллеса, которого трудно заподозрить в предвзятости, учитывая то обстоятельство, что его собственные соотечественники относили его к числу сторонников «умиротворения» Германии и в особенности Японии. В 1940 г. Уэллес в качестве личного представителя президента Рузвельта посетил Рим, Берлин и Лондон с целью изучения политической обстановки в Европе. Сэмнер Уэллес был удивлен поведением министра иностранных дел рейха, встретившего его без тени улыбки и даже не произнеся обычных в таком случае приветственных слов. Риббентроп демонстративно отказался вести беседу на английском языке, не дал американцу и рта раскрыть, сведя встречу к своему двухчасовому монологу. Чтобы увидеть в правильной перспективе такую «дипломатичность» Риббентропа, следует напомнить, что после ноября 1938 г., когда в знак протеста против еврейских погромов из Берлина был отозван американский посол, отношения между США и Германией были весьма и весьма ограниченными, и было естественным ожидать, что министр должен быть заинтересован получить информацию о позиции США из первых рук. Уэллес не без иронии писал по поводу этой встречи, что Риббентроп уподоблял себя дельфийскому оракулу.

И другая сторона медали, дополняющая представление о личности Риббентропа. Участница Нюрнбергского процесса, советская переводчица Е. Е. Шемелева-Стенина отмечала, что он производил наиболее удручающее впечатление, помышляя исключительно о самосохранении. Похоже, он просто панически боялся усугубить свою вину неосторожным высказыванием и всю вину и ответственность сваливал на Гитлера. Эти наблюдения подтверждаются тем, как вел себя Иоахим фон Риббентроп в последние недели и дни существования рейха: 14 апреля 1945 г. он приказал начальнику своего секретариата пе-

ревети канцелярию в Гармиш-Партенкирхен (Бавария) — «новое местопребывание правительства», а сам сбежал на Запад. 16 июня 1945 г. он был арестован английскими солдатами в Гамбурге на квартире у друга, где скрывался.

В свете сказанного было бы наивным ожидать правдивого, объективного изложения фактов и беспристрастных оценок в мемуарах Риббентропа. Однако это вовсе не умаляет значения этого исторического документа, который проливает дополнительный свет на то, как формировалась и вершилась внешняя политика гитлеровской Германии, и, в частности, на сложный, противоречивый период в истории советско-германских отношений в 1939—1941 гг. Взгляд с другой стороны, даже несомненно тенденциозный, на эти отношения, на причины и ход второй мировой войны полезен уже потому, что позволяет отрешиться от некогда предписывавшегося нам обязательного представления о тех тяжелых годах в жизни нашей страны, вновь обдумать пережитое, результаты пресловутого культа личности. Такое осмысление тем более необходимо, ибо воспоминания Риббентропа и других участников событий той трудной поры еще раз убеждают в том, что сокрытие взглядов даже политических и военных противников и оппонентов неизбежно ведет к одностороннему освещению исторического прошлого.

Чрезвычайный и полномочный посол в отставке
доктор исторических наук И. Г. Усачев

Моей превыше всего любимой
отважной жене посвящается.

Иоахим фон Риббентроп

МОЙ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ С 1893 ДО 1933 г.

Я родился 30 апреля 1893 г. в Везеле, небольшом гарнизонном городе на Рейне, представлявшем собой в былые времена крепость. Мой отец служил премьер-лейтенантом артиллерийского полка, а мать являлась дочерью саксонского помещика.

Семья моя происходит из рода Риббентропов, обосновавшегося в Зальцуфлене, близ Детмольда. В последние столетия почти все мои предки были юристами и солдатами. Один из них от имени графа Липпе подписал Вестфальский мир¹.

Мой прадед в тяжелый час революции 1848 г. присоединился к герцогу Брауншвейгскому, и тот не забыл об этом. Дед был брауншвейгским артиллеристом и во время [франко-прусской] войны в 1870 г. командовал батареей в исторической фазе битвы при Марс-ла-Тур, за что был удостоен Железного креста I степени. Отец мой получил такую же награду за храбрость при самоотверженных действиях авангарда 49-й резервной дивизии во

¹ Этим миром завершилась Тридцатилетняя война 1618—1648 гг. — война между немецкими протестантскими князьями, с одной стороны, католическими князьями и императором Священной Римской империи германской нации — с другой, превратившаяся из внутригерманской в общеевропейскую. Ее результатом, по Аугсбургскому миру, явилось дальнейшее ослабление и децентрализация Германии, в частности по религиозному принципу. Здесь и далее все неоговоренные примечания принадлежит переводчику и автору предисловия.

время первой мировой войны, когда принял на себя командование этим авангардом и тем самым содействовал знаменитому прорыву у Бржезины.

Поскольку отец вскоре после моего рождения был переведен в Кассель, в детстве я Рейна не видел и каждый раз потом испытывал какое-то редкостное чувство словно эта ни с чем не сравнимая река и есть моя настоящая родина. Я вновь и вновь ощущал очарование Рейна — будь то во время плавания на прелестных рейнских пароходах в кругу семьи моего тестя Хенкеля или же позднее, при посещении Рейнланда Адольфом Гитлером, любуясь с балкона отеля «Дрезен» в Годесберге открывающимся с него великолепным видом.

Когда в сентябре 1938 г. в Годесберге находился английский премьер-министр Чемберлен¹ и его переговоры с Гитлером шли не совсем гладко, я в перерывах между заседаниями выходил на берег Рейна и, любуясь его могучим течением, обретал покой и силы.

В последний раз я увидел Рейн как пленник англо-американцев во время нашего полета из Мондорфа² в Нюрнберг.

* * *

Мои первые детские воспоминания связаны с Вильгельмское под Касселем, куда мой отец был переведен в качестве командира дислоцировавшейся там батареи полевой конной артиллерии. Вильгельмское — это знаменитый кайзеровский дворец, в котором в 1870 г., после капитуляции французской армии у Седана, содержался в качестве пленника Наполеон III. Времена и нравы с тех пор изменились — сегодня победители сажают побежденные суверенные правительства не в королевский замок, а в каторжную тюрьму.

¹ Невилл Чемберлен (1869—1940) — британский государственный и политический деятель, дипломат. В 1937—1940 гг. — премьер-министр, лидер консервативной партии. Известен своей политикой «умиротворения» фашистского агрессора.

² Место предварительного заключения главных немецких военных преступников до перевода их в Нюрнбергскую тюрьму.

Дворец был виден издалека благодаря статуе Геркулеса и своим всемирно известным каскадам, вода которых с большой высоты низвергалась в парковое озеро, обретая форму гигантского водопада. То было чудо природы и искусства. Впервые я увидел его во время одного визита кайзера Вильгельма II; он приезжал сюда почти каждой весной.

Мои родители жили в так называемой кайзеровской гауптвахте — красном здании у въезда в замок. В дни приезда императора помещение внизу бывало занято охраной. Именно с этим и связано мое первое воспоминание. Когда караул выстраивался под ружье для почетной встречи кайзера, мы, мальчуганы — мой брат Лотар и я, присоединялись к гренадерам и браво салютовали ему своими деревянными сабельками. Однажды, следуя мимо, император заметил нас и громко рассмеялся. С нашими мужественно-серьезными лицами мы и впрямь выглядели очень забавно. Но дежурный лейтенант воспринял это по-своему и устроил разнос своим солдатам. Не успел кайзер удалиться, как лейтенант с саблей оказался за нашей спиной, и мы едва успели спастись от его гнева поспешным бегством в густые заросли сада.

Хорошо помню и визит английского короля Эдуарда VII к своему племяннику-императору в Вильгельмское. Главной заботой гофмаршала было, чтобы четверка лошадей легкой рысью доставила дородного венценосного британца вместе с его племянником на крутой холм прямо к подъезду дворца. Репетиции продолжались целыми часами. А когда оба монарха наконец-то прибыли, мы, снова отдавая честь, даже не смогли удовлетворить наше мальчишеское любопытство — так быстро они исчезли внутри замка. Нам хотелось разглядеть их получше, особенно потому, что за столом отец сказал: дядя и племянник не очень-то жалуют друг друга и даже враждуют между собой. Мы представляли себе это так, что они, верно, лупцуют друг друга, я и сейчас помню, сколь сильно был разочарован, увидев мирно беседующих между собой коронованных особ, когда они проезжали мимо нас. Таково было мое первое соприкосновение с мировой

политикой, дальнейшее развитие которой бросило свою тень уже на этот первый визит.

* * *

Мой отец, к которому я всю жизнь питал большое почтение, был для нас тогда строгим ментором, и мы скорее боялись, нежели любили его. В воспоминаниях же о матери любовь сочетается с горечью и печалью. Она уже тогда носила в себе зародыш той болезни, от которой через несколько лет скончалась. Мы, трое детей — мой старший брат, с которым я поддерживал тесные братские отношения, и чуть моложе меня младшая сестра, очень любили мать. Она, как и отец, была весьма музыкальна и великолепно играла на фортепьяно. Могла часами играть для меня, а я, как зачарованный, с наслаждением слушал. Мать была трогательна в своей любви и в этой своей готовности. В последние годы ее жизни мы, дети, знали мать только больной и видели редко, так как она боялась нас заразить.

Из Касселя отец в чине майора был переведен в 34-й полк полевой артиллерии в Мец [Эльзас-Лотарингия]. Этот город был тогда одним из крупнейших гарнизонов рейха и резко контрастировал с идиллическим Вильгельмское. Отец вдруг почувствовал себя потерявшим самостоятельное положение командира батареи и брошенным в огромный плавильный тигель военной машины со всеми его преимуществами и теневыми сторонами, с его хитро-сплетениями и интригами. К военным сложностям добавились и политические, вытекавшие из специфической ситуации, царившей во вновь присоединенной к рейху лишь с 1870 г. земле Эльзас-Лотарингия. Тогда повсюду говорилось, что штабс-офицер в Меце быстро получит либо чин генерала, либо «голубой конверт», т. е. отставку. Мой отец оказался в числе последних; правда, такой конверт он не получил свыше, а прислал его себе сам из военного кабинета кайзера.

В Меце размещались тогда многочисленные пехотные полки, а также несколько артиллерийских и кавалерий-

ских. Начальником гарнизона был командир 16-го армейского корпуса старый граф Хезелер. Он являлся не только одним из виднейших генералов германской армии, но и популярной личностью как среди друзей, так и среди врагов. Французы с уважением называли его *le vieux Comte*¹. Когда он, согбенный, в старом поношенном мундире (весь его облик был непривычно спартанским), появлялся пешком или на коне, нам, подросткам, он вовсе не казался блестящим полководцем. Но, подойдя поближе и увидев зоркие, как у сокола, глаза, мы невольно снимали шапки и глядели ему вслед с робким восхищением. Позже, в годы первой мировой войны, часто говорили, что и битва на Марне², да и сама война в целом протекали бы иначе, если бы Хезелер еще мог тогда командовать.

Мой отец был очень высокого мнения о военных способностях старого графа и уважал его как человека. Младшими офицерами он порой бывал менее любим; у Хезелера имелась, в частности, такая неприятная черта: по особо торжественным поводам, скажем в первый день Масленицы, он любил объявлять ночную тревогу. Весь офицерский корпус должен был за считанные минуты сбросить с себя праздничную негу и сменить карнавальный костюм на походные сапоги.

Потом место графа Хезелера занял генерал Штетцер, адъютантом которого несколько лет служил мой отец. Преемником Штетцера после его смерти стал генерал фон Приттвиц — дальний родственник моего будущего тестя. Он принадлежал к числу тех, кто в начале первой мировой войны предпочитал в оборонительных боях сдать противнику Восточную Пруссию, но не снимать войска с Западного фронта. О том, были ли его стратегические взгляды правильными или нет, военные специалисты спорят и по сей день.

¹ Старый граф (*фр.*).

² Приток Сены, место крупного сражения 6—9 сентября 1914 г., остановившего наступление немецких войск на Париж и заставившего их перейти от маневренной войны к позиционной. Имело решающее значение для исхода первой мировой войны на Западе.

Моему отцу как штабс-офицеру прочили большое будущее. При своей весьма высокой профессиональной квалификации он был яркой личностью с прямым, открытым характером. Временами он бывал резким, но сердце у него было золотое. Умный, весьма начитанный, проявлявший большой интерес к политике, искусству, он был неподкупен и обладал ярко выраженным здравым смыслом. Если характерным для обращения моего брауншвейгского деда с людьми считали выражение «рукопожатие или удар шпагой», то и мой отец тоже унаследовал кое-что из этих качеств. Он был до самой смерти верен своим друзьям, а врагам без обиняков высказывал все, что о них думал.

Из-за болезни моей матери мы жили довольно уединенно в одном из пригородов Меца, где воздух будто бы был чище. Для нас, юношей, жизнь с ее серьезными проблемами началась только в лицее. Дома я с гордостью рассказывал о своих первоначальных школьных успехах, благодаря которым к Рождеству был признан одним из лучших среди 50 учеников своего класса. Каково же было мое огорчение, когда потом я оказался на 32-м месте. Еще круче была реакция дома: я получил хорошую порцию розог. Вот тогда-то я и поклялся в будущем быть куда осторожнее с предсказаниями собственных успехов!

Розги — еще далеко не самое худшее. За несколько недель до Сочельника я просто изнемогал от нетерпения: из намеков я понял, что мне собираются подарить скрипку. Но получить мне ее не пришлось. Отец захотел меня как следует проучить! То было печальное Рождество для всех нас, особенно для нашей доброй больной матери. Позже я не раз спрашивал себя, правильно ли поступают родители, так сурово наказывая детей. Моему отцу это в соответствии со взглядами того времени казалось последовательным и с воспитательной точки зрения верным, но со своими собственными детьми я бы так никогда поступить не смог.

На Пасху я все же оказался среди лучших в классе и наконец-то получил обещанную скрипку. С этого момента музыка заняла в моем сердце первое место на всю

жизнь. Вскоре я стал обучаться игре на скрипке у одного ученика великого скрипача Йозефа Иоахима и через почти тринадцать лет впервые выступил в концерте в музыкальном училище Меца. Я тогда всерьез подумывал о том, чтобы стать виолончелистом.

Скрипка сопровождала меня на всем моем жизненном пути, подарив мне бесконечно прекрасные часы. Она всегда была моим верным спутником, не бросила меня на произвол судьбы и сегодня, что (как показывает Нюрнберг) далеко не всегда можно сказать о людях. Я постоянно находил в ней ясность. Пытался ли я в юности обуздать обуревавшие меня страсти, искал ли утешения в дни тяжелой утраты, когда умерла мать, старался ли звуками скрипки скрасить мою одинокую жизнь и жизнь моих друзей в заснеженном бревенчатом доме в дремучих лесах Канады или же позже в своей полевой ставке где-то в Восточной Пруссии почерпнуть силы для тяжелой работы, скрипка всегда была со мной.

Вскоре после нашего переезда в Мец, 28 февраля 1902 г., скончалась моя мать. Мм похоронили ее на родине, в Гротише, одном из поместий моего деда Хертивига, где в детстве проводили незабываемо прекрасные часы, катаясь на пони или охотясь. Вскоре мы переселились во внутреннюю часть Меца, где отец снял красивый дом времен Империи на Бельильштрассе, рядом с так называемым Пороховым садом — местом летних встреч офицерского общества города.

После вторичной женитьбы моего отца на Ольге Маргарете фон Приттвиц-унд-Гаффрон в нашем доме, который моя дорогая и заботливая мачеха вела с большим тактом, воцарилось необычайное оживление. В это время все сильнее стала проявляться склонность отца к политике. Он был большим почитателем Бисмарка¹, а в свое время и молодого кайзера [Вильгельма II]. Но произведен-

¹ Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк (1815—1898) — князь, германский государственный деятель и дипломат. Завершил после франко-прусской войны объединение Германии под гегемонией Пруссии. Выступал за добрососедские отношения с Россией.

ная последним отставка канцлера [Бисмарка] крайне разочаровала отца. С тех пор он со всевозраставшим критическим отношением следил за внешней политикой, а также и за военной кадровой политикой Вильгельма II, с которой близко познакомился, будучи адъютантом командира корпуса^{1*}.

С присущей его характеру прямоотой отец не считал нужным скрывать свои воззрения: он говорил на эти темы даже с нами, юнцами. Мое первое знакомство с политическими событиями относится именно к этому времени. Порой отрицательные высказывания отца доходили до ушей берлинских властей, и для него возникла трудная ситуация. Знаю, что в один прекрасный день он внезапно, по собственному решению подал в отставку, причем без обычного прошения, разрешающего ему и впредь носить форму своего полка. Эта неожиданная отставка привлекла к себе в Меце большое внимание. Помню, как командир корпуса лично приехал к нам домой и тщетно пытался уговорить отца отказаться от своего решения.

На этом наше пребывание в Меце закончилось. Оно было для меня и моего брата поучительно и тем, что через своих одноклассников мы тесно соприкасались с нашим западным соседом: французское влияние было в то время в Меце еще очень сильно. Наши родители тоже поддерживали дружеские отношения с французскими семьями. Эти отношения оказали влияние и на меня, они пережили обе мировые войны. Многочисленные кратковременные поездки с отцом в соседнюю Францию еще в детстве дали мне представление о жизни французской провинции.

И если в своей дальнейшей жизни я чувствовал себя особенно сильно связанным с миром французской культуры, то это следовало отнести на счет тех ранних впечатлений, которые потом углубились благодаря длительному обучению вместе с братом в коммерческом училище Гренобля. При этом мы совершенствовали свое знание французского языка*.

¹ Звездочкой обозначены примечания к русскому изданию, помещенные в конце книги.

В Меце большую роль для нас, молодых, играл спорт, особенно теннис. Мы даже заняли первое место на офицерском турнире. Очень рано пробудилась в нас и любовь к лошадям, унаследованная от отца, который был большим лошадником.

* * *

После отставки отец решил переехать с семьей в Швейцарию; в Арозе мы прожили полтора года. Это время мой отец называл счастливейшим в своей жизни. Зимой мы поднимались в горы на лыжах или же вместе спускались на бобслее, не раз выигрывая гонки... Летом отец бродил с нами в Швейцарских Альпах, рассказывая нам о многих событиях своей жизни, а также делясь взглядами на внутри- и внешнеполитическое положение Германии.

Когда же мы заговаривали с отцом о нашем собственном будущем, мы сознавали: сами мы никогда солдатами не станем. Нас сильно тянуло странствовать. Я и мой брат стремились повидать мир. В конце концов мы получили согласие отца поселиться в Южной или Восточной Африке, для чего особенно важно было владеть английским языком. С этой целью мы занимались с домашним учителем, который за время нашего пребывания в Швейцарии дал нам довольно хорошие знания. Он познакомил нас с классиками английской литературы и помог понять образ жизни англичан.

В спортивной жизни тогдашней Швейцарии особенно активно участвовали англичане и канадцы. Благодаря этому мы познакомились с многими англичанами и тесно подружился с одной канадской семьей. Оба мы питали большую симпатию к некой молодой канадке, и позже это стало одной из причин нашего многолетнего пребывания по ту сторону Атлантики.

В 1909 г. — мне как раз исполнилось шестнадцать лет — одна дружественная английская семья пригласила меня и моего брата в Лондон. Мы хотели усовершенствовать в английской школе свои знания английского языка и получше подготовиться к будущей торговой деятельности. Жили мы в семье одного английского врача в Саут-

Кенсингтоне и пробыли там почти год. Не могу забыть, с какой трогательной заботой относились к нам, обоим братьям, погибший в первой мировой войне д-р Грэндейдж и его сестра.

Первое мое впечатление от Лондона было грандиозно: вот каков он, этот город великого Шекспира, город Диккенса и Шерлока Холмса, тот самый Лондон, о котором, по словам одного моего предка, дружившего с Блюхером¹, этот «маршал Вперед» при посещении герцога Веллингтонского с восторгом сказал: «A good city to loot!»² Этот мой предок, Фридрих фон Риббентроп, был генерал-интендантом и стал известен, в частности, тем, что вернул в Берлин квадригу Бранденбургских ворот, которую Наполеон хотел отправить в Париж. Он также отвечал за снабжение армии Блюхера во Франции продовольствием, которое, как тогда было принято, предоставляла сама побежденная страна. Острые на язык парижане переименовали фамилию генерал-интенданта: он требует для своих солдат «gis, pain — trop» («слишком много риса и хлеба»).

Уже в первый день своего пребывания в английской столице я вместе с братом часами ездил на крышах лондонских омнибусов из одного конца города в другой. Мы никак не могли наглядеться на снующий повсюду транспорт, на деловую жизнь этого мирового города. Осмотрели Тауэр, побывали в Сити. Нам просто не верилось, что может существовать такая масса омнибусов, автомобилей, грузовиков и конных повозок. Уверенность, с какой немногочисленные полицейские, по большей части ирландцы, управлялись со всем этим транспортом, произвела на нас огромное впечатление. Здесь мы в буквальном смысле слова ощутили биение сердца всего мира. Какой опыт, какое влияние, какой огромный капитал, какое охватывающее весь мир трудолюбие требовались для того, чтобы поддерживать такую жизнь в беспрестанном движении!

¹ Гебхард Леберехт Блюхер, князь Вальштатский (1742—1819), — выдающийся немецкий полководец, фельдмаршал; в 1813—1815 гг. командовал прусскими войсками. Участник сражения при Ватерлоо.

² «Хороший город для поживы!» (англ).

В позднейших дискуссиях с Адольфом Гитлером мне часто приходилось вспоминать об этом, и я говорил ему, как сожалею, что он никогда не видел из Mansion House¹, что такое Британская империя! Сегодня меня обвиняют в том, что я давал ему неправильные советы насчет Англии и будто бы утверждал, что англичане слабы и дегенерировали. Как раз наоборот: во всех моих беседах с фюрером я вновь и вновь подчеркивал гигантское могущество этой империи и указывал на абсолютно героический дух ее руководящего слоя. Но об этом еще будет сказано.

В Лондоне мой брат и я получили первые впечатления о жизни английского общества. Должен признаться, непринужденные манеры англичан нам тогда исключительно импонировали: это были люди, с которыми можно было великолепно болтать о чем угодно. То, что англичане, занимающие руководящие посты, отнюдь не легкомысленны и при всем их кажущемся комфортабельном образе жизни весьма серьезные труженики, я понял гораздо позже и еще больше — в результате моей политической деятельности. В 1920 г., снова посетив Лондон после первой мировой войны, я остановился в скромном отеле «Браун» и город показался мне таким знакомым, словно я не покидал его.

* * *

В один прекрасный осенний день 1910 г. я, направляясь из Лондона, плыл на огромном пароходе компании «Уайт-старлайн» по широкому течению канадской реки Святого Лаврентия. Миновали печально известный Квебекский мост, который несколько лет назад рухнул во время его постройки. Этот несчастный случай стоил жизни множеству людей, которые оказались зажатыми между металлическими конструкциями и были смыты стремительным потоком. Один из офицеров корабля, очевидец этой катастрофы, рассказал нам ужасающие подробности. А через несколько лет мне самому довелось участвовать в восстановлении этого моста.

¹ Мэншн хаус — резиденция лорд-мэра Лондона.

После непродолжительного пребывания в Квебеке мы отправились в Монреаль, где нас с большой сердечностью встретили наши канадские друзья. Приехал я к ним сначала просто в гости, а остался на целых четыре года, до самого начала первой мировой войны. Как сложилась бы вся моя дальнейшая жизнь, не покинь я тогда Канаду, что вполне было возможно из-за моей негодности к военной службе? Наверняка не сидел бы сейчас в Нюрнберге. Но стоит ли мне отказаться от всего того прекрасного и величественного, чем с тех пор одарила меня моя жизнь!

Когда я уже слегка акклиматизировался, мои канадские друзья всякими каверзами и злыми шутками постарались отучить меня от того, что они называли лондонскими аллюрами. Так, к примеру, на площадке для гольфа они каждый день стали наполнять камнями карманы моего пальто из типично английской ткани в клетку, пока я наконец скрепя сердце не расстался с ним. Или же, когда я появлялся в обществе, меня встречали насмешливыми репликами «How do you do's?» или «Don't you know's?»¹ Канадцы были верны «старой доброй Англии», но при этом чувствовали себя до мозга костей именно канадцами и имели свой собственный стиль жизни. Я очень тепло относился ко многим моим канадским друзьям, и это чувство не изменилось у меня и по сей день, несмотря на то что в двух мировых войнах мы противостояли друг другу как враги.

Во время и после первой мировой войны я все еще получал вести от многих канадских друзей; они постоянно писали мне (в военные годы — через нейтральные страны), что, когда наступит мир, я должен вернуться к ним. Однако после тяжелых переживаний времен первой мировой войны я снова внутренне настолько сросся со своей родиной, что покинуть ее теперь уже не смог. Но и позже, в Берлине и будучи послом в Лондоне, я часто встречался со своими старыми канадскими друзьями и знакомыми, которые так обогатили чувствами и сделали столь прекрас-

¹ «Как вы поживаете?», «Знаете ли вы?» (англ.).

ными мои молодые годы (от 17 до 21); проведенные в этой гостеприимной стране.

Недавно я прочел поносящую меня статью одного бывшего сотрудника министерства иностранных дел (ныне он живет как эмигрант в Нью-Йорке), в свое время бывшего завсегдатаем в моем доме в Далеме [район Западного Берлина]. В этой статье все лживо, за исключением того факта, что я не антисемит. Мои канадские друзья отказались сообщить автору что-либо обо мне и моих прошлых связях.

Вскоре после приезда в Монреаль я поступил клерком в один банк и прослужил в нем полтора года. Мне сказали, что banking¹ — это фундамент канадского бизнеса, а именно этому я и хотел научиться. Так я провел в Монреале две зимы и одно лето и познакомился со всеми сторонами жизни этого крупнейшего канадского города: его серьезной деловитостью, развлечениями, зачастую отчаянным покером, спортом, теннисом, регби, а особенно со знаменитым канадским хоккеем.

Завершив обучение в банке, я поступил на службу в фирму по строительству мостов и железнодорожных сооружений, что привело меня в Квебек. В этом небольшом городе со старинной франко-канадской культурой я поначалу получил работу в качестве *car-checker*² на восстановлении Квебекского моста. Затем работал на строительстве Национальной трансконтинентальной железной дороги и испытал на себе суровые условия жизни канадских первопроходцев. Увидел я во всем величии и во всей красе девственный канадский лес, узнал и его грозные опасности. Мало есть, пожалуй, таких профессий, которые предъявляли бы к молодому человеку столь суровые требования, но вместе с тем были и столь поучительны, как работа на подобном предприятии в Канаде. Эту мою деятельность внезапно оборвала тяжелая болезнь. Из-за зараженного бактериями молока у меня возник туберкулез почек, приведший к удалению одной из них.

¹ Банковское дело (англ.).

² Транспортный контролер (англ.).

После длительного лечения в больнице и кратковременного пребывания на родине я, вернувшись из Германии, сначала жил несколько месяцев в Нью-Йорке. Случайно у меня установились отношения с одной влиятельной нью-йоркской семьей, и я даже подружился с ней. Мне было тогда 20 лет. Находясь в Нью-Йорке, я получил хотя и поверхностное, но богатое представление о лихорадочной суете этого огромного делового центра Америки. Несколько месяцев я проработал в качестве daily reporter¹ ряда газет, и эта, пожалуй, самая беспокойная на свете профессия позволила мне больше, чем все остальное, понять психологию американцев, их вечное стремление к действию, жажду новостей и сенсаций. Это осталось для меня хотя и коротким, но самым интересным воспоминанием об Америке.

Я с самого начала намеревался вернуться в Канаду и потому принял приглашение одного друга переехать в Оттаву, чтобы попытаться там счастья в качестве самостоятельного предпринимателя. Поскольку в моем распоряжении находилась часть имущества матери, перспективы были недурны.

Общественная жизнь канадской столицы обладала своеобразным шармом. Центром ее служил Ридо-холл — резиденция генерал-губернатора; им был тогда герцог Коннаугутский — брат английского короля Эдуарда VII, особенно досточтимый представитель британской короны. Герцогиня по происхождению была германская принцесса Маргарете Прусская, дочь нашего «Красного принца» времен войны 1870 г. Благодаря отцу одного моего друга, верховному лорду-судье Канады, я был введен в Ридо-холл. Я провел в доме этого английского гранд-сеньора и его супруги, которая была особенно любезна со мной как с немцем, немало прекрасных часов. Часто общался я и с ее очаровательной дочерью Патрицией, позднее ставшей леди Патрицией Рамсей. Довелось мне и играть в этом доме на скрипке. Со старым герцогом я виделся и позже, когда находился в Лондоне в качестве посла. Ему было

¹ Хроникер (англ.).

тогда уже за восемьдесят, и он крайне любезно вспоминал некоторые даже мелкие эпизоды тех лет.

Оттавское общество, собиравшееся в губернаторском доме, состояло из семей правительственных чиновников, министров, судей, офицеров и задававших тон представителей делового мира. На приемы и торжественные церемонии в Ридо-холл приглашались все видные семьи страны.

В то время я, еще будучи молодым человеком, с удивлением сознавал, сколь искусным образом Англия умеет, хотя и предоставив своим доминионам полную независимость, тем не менее — причем только благодаря личности генерал-губернатора — сохранять во всем их тесную связь с метрополией. Начиная со времен знаменитого лорда Страткона¹ с его «Хадсон Бэй К^о»² и кончая сегодняшним днем, ряд влиятельных и наиболее преуспевающих канадских семей, новых и старых, связан с английской короной благодаря графскому или рыцарскому званию. Точно так же тесны и в иных областях деловые интересы канадцев с Англией, с другими доминионами. По этой причине в Оттаве в 1932 г. была провозглашена новая великая торговая хартия Британской империи. Разумеется, тесные деловые отношения существуют у Канады и с США, но она, как и прежде, твердо держится за Содружество.

Ни первая, ни вторая мировые войны не были в Канаде популярными. Тем не менее английская политика добилась того, что в обеих войнах канадцы без колебаний жертвовали жизнями своих сыновей за британскую метрополию. То же самое происходило и в других доминионах. Сохранение прочных связей внутри Содружества — важная функция английской королевской династии и одна из тайн британской имперской системы, которая, будучи органически выросшей и

¹ Дональд Александр Смит Страткона (1820—1914) — канадский железнодорожный магнат и государственный деятель, глава Компании Гудзонова залива.

² Компания Гудзонова залива.

построенной на опыте многих поколений, в конечном счете представляет собой шедевр организации и искусства править.

Я часто рассказывал Адольфу Гитлеру об этих своих наблюдениях и о структуре Британской империи, а особенно о тех вещах, которые указывают на то мастерство, с каким британцы умеют добиваться слияния вокруг короны в гармоническом единстве укоренившегося в старинных аристократических родах принципа преемственности с олицетворяемым молодым дворянством принципом основательности и деловитости. Когда я обрисовывал фюреру эти особенности английской политической жизни, он всегда слушал с особенным интересом и, полагаю, при ином ходе событий все же перенял бы кое-что из присущих ей институтов. Однако возродилась ли бы когда-нибудь в Германии монархия, я не знаю. Во всяком случае в 1933—1934 гг. Адольф Гитлер не раз повторял мне: «Все говорит в пользу германской императорской династии».

Летом 1933 г. мы завтракали с Адольфом Гитлером наедине в «Кайзерхофе». Фюрер весьма подчеркнул и с большой теплотой говорил о том, что хочет восстановить в Германии монархию Гогенцоллернов; он намекнул, что при этом думает о сыне принца Августа-Вильгельма. Уже во время торжественного акта в потсдамской Гарнизонной церкви¹ бросалось в глаза, что на предназначенной для кайзеровской семьи трибуне было оставлено свободным среднее кресло для кайзера. Это заметил и французский посол Франсуа-Понсэ (Francois Poncet. Als Botschafter in Berlin. Mainz, 1949. S. 107).

¹ 21 марта 1933 г. в Потсдаме — бывшей резиденции прусских королей — в Гарнизонной церкви, где находилась гробница Фридриха II, состоялось открытие рейхстага, избранного после прихода гитлеровцев к власти. На этом торжественном государственном акте произнес речь рейхспрезидент Пауль фон Гинденбург. «День Потсдама», когда Гинденбург обменялся демонстративным рукопожатием с Гитлером, был призван символизировать союз нацистской партии с консервативно-милитаристскими силами Германии.

Начало первой мировой войны резко оборвало мое пребывание в Канаде. Мне было в этой стране безгранично хорошо, и я всегда оставался бы там, но я был немцем до глубины души. Никогда еще я не чувствовал это так сильно, как в июльские и августовские дни 1914 г. Меня словно магнитом тянуло на родину. Правда, когда Англия объявила войну Германии, мои друзья убеждали меня, что «калеку» с одной почкой на военную службу все равно не возьмут. Но у меня было такое чувство, что предстоящая война будет тяжелой и моей стране потребуется каждый мужчина. В тот же день я выехал из Оттавы через Монреаль в Нью-Йорк.

Это было 4 августа 1914 г. Я оставил в Канаде все свое имущество, своего тяжелобольного брата, пренебрег деловыми возможностями, которые как раз тогда открылись передо мной, покинул многих друзей и даже девушку, с которой хотел быть помолвленным. Я расстался со всем этим, чтобы отважиться на риск весьма чреватой опасностями поездки на родину, да при этом не зная, пригожусь ли я там, будучи негодным к военной службе.

Прибыв в Нью-Йорк, я узнал, что ни один корабль не возьмет на борт нас, немцев: англичане не пропускали суда с немцами в Европу. Мне не оставалось ничего иного, как попытаться сделать это любыми способами. И вот вместе с еще несколькими сотнями немецких соотечественников я 15 августа отплыл из Нью-Йорка на голландском пароходе «Потсдам», обслуживавшем роттердамскую линию.

Настроение на пароходе было веселым и патристическим. Поступали победные известия. Один офицер генерального штаба регулярно делал доклады о положении на фронтах. Пели песни, строили планы — словом, вели себя так, будто мы уже дома. Правда, я этого оптимизма не разделял и считал, что англичане не пропустят запросто целый корабль с немецкими резервистами. Я обнаружил, что один мой друг, лейтенант-артиллерист из Меца, имевший швейцарский паспорт, служил на этом пароходе

кочегаром, и с его помощью на всякий случай нашел для себя укромное место в угольном бункере.

При приближении к английскому побережью на корабле стало потише. Вскоре показался английский торпедный катер, и на борт поднялись матросы с примкнутыми к винтовкам штыками. Мы в своих каютах с напряжением ожидали, что же произойдет дальше, но пароход продолжал двигаться. Когда же мы заметили, что он изменил свой курс и направляется к английскому берегу, веселое настроение как рукой сняло. Немного погодя — это было уже к вечеру — мы бросили якорь близ Фалмута, у прекрасного берега Корнуолла. На следующий день на борт взошел офицер британского «Интеллидженс департамент» и через капитана-голландца объявил, что все немцы будут высажены на берег и интернированы.

Теперь каждый должен был выкручиваться в одиночку. Я прежде всего вышел на рекогносцировку на палубу и, как нарочно, наткнулся на этого офицера. У нас завязался разговор. Тогда я еще говорил по-английски довольно правильно, а он принадлежал к числу тех многочисленных англичан, которые испытывали определенную симпатию к иностранцу, говорящему на их языке. Слово за слово, и, когда я сказал, что еду из Канады, выяснилось, что кэптэн прежде был адъютантом генерал-губернатора герцога Коннаугутского и у него есть в Оттаве много знакомых, именно тех, с которыми я недавно расстался. Теперь мне было легче признаться: да, я немец, визы у меня нет, но мне надо во что бы то ни стало вернуться в Германию. О том, что я, несмотря на свою негодность к военной службе, хочу стать солдатом, я благоразумно умолчал, иначе он бы не решился помочь мне. А так мы договорились, что я могу остаться на борту; и он поставил в моих бумагах штамп: «Passed by Military Authorities»¹.

Но самое тяжкое испытание еще предстояло. Когда все мои немецкие друзья покинули пароход, было объявлено, что на берег следует высадить и всех остальных

¹ «Контроль военных властей пройден» (англ.).

пассажиров — врачей и граждан нейтральных стран. Мне стало ясно: лишь только я окажусь в Фалмуте, оттуда по телеграфу запросят Канаду, где я известен как немец, и меня задержат. Еще в Нью-Йорке я слышал, что жадные до сенсаций канадские газеты, поддавшись психозу первых дней войны, стали распускать интригующие слухи о «бегстве шпиона Риббентропа». (Этот бессмысленный вымысел — что, собственно, мог уже тогда «выведать» немец в Канаде? — во время войны неоднократно повторялся в различных газетах с успокоительным примечанием, что я все-таки схвачен и интернирован в Кингстауне.)

Итак, если я хотел плыть на «Потсдаме» дальше, надо было действовать немедленно. Всех нас, оставшихся пассажиров, собрали в кают-компании под охраной известного своим дружественным отношением к немцам стюарда. Я сунул ему в руку несколько золотых монет, попросив разрешения отправиться в угольный бункер к моему другу. Стюард выбрал подходящий момент и доставил меня вниз, где мне удалось спрятаться в довольно мало-приятном месте за горой угля. Здесь я и оставался, пока «Потсдам» не вошел в устье Шельды; я пробрался в свою каюту, чтобы быстренько умыться. Неожиданно для себя я нашел там свои вещи совершенно нетронутыми. Узнал я и о том, что в поисках меня, исчезнувшего пассажира, пароход был подвергнут обыску. Когда потом мы ехали поездом через всю Голландию, мне пришлось пережить еще одну, последнюю, неожиданность в этом богатом необычайными событиями возвращении на родину: появившийся в моей каюте стюард, тот самый, который отправил меня в угольный бункер, оказался немецким офицером и вернул мне мои золотые монеты.

Очутившись снова на немецкой земле, я испытал неопишное счастье. Мое прибытие оказалось для родителей в Наумбурге величайшей неожиданностью. Отец как раз готовился принять командование над одной воинской частью. После кратковременного пребывания дома я добровольно поступил на военную службу в 12-й гусарский полк в Торгау. В этом полку во время войны 1870 г. воевал мой дед с материнской стороны. Сложный вопрос,

возьмут ли меня в полк, решил неожиданно просто: мне удалось избежать столь пугавшего меня медицинского освидетельствования, и из канадца получился голубой гусар.

В первый же день моего рекрутского бытия я совершил непростительную ошибку: на вопрос моего строгого вахмистра, умею ли я ездить верхом, я, само собой разумеется, ответил утвердительно, ведь с юношеских лет я все-таки на лошади иногда сидел. Мое опрометчивое утверждение обернулось сущим позором: вахмистр тут же приказал мне показать свое умение на норовистом коне. Я падал с него так часто, что под конец и сам уверовал, что никогда в жизни не сидел в седле. Эти старые кавалерийские вахмистры хорошо знают, как обращаться с желторотыми юнцами-рекрутами, когда дело касается святой военной службы! Но потом я с этим грозным унтером хорошо поладил.

Через четыре недели после моего появления в Торгау состоялась первая отправка во фронтовую полк. Но меня еще не сочли достойным этого после такого кратковременного обучения. Ясное дело, считал я, пока меня как следует обучат, и войне конец! В этом самом полку я провоевал на Востоке, а потом на Западе с перерывами, вызванными несколькими ранениями и тяжелым заболеванием, до весны 1918 г. После моего последнего ранения летом 1917 г. я получил Железный крест I степени; сегодня эту награду носит мой старший сын — представитель четвертого поколения нашей семьи.

В оставшихся рукописных воспоминаниях моего мужа в этом месте говорится: «О пережитом во время войны я скажу особо». Сделать это ему не удалось.

Во время войны я служил в действующей армии и затем как ставший негодным к фронтовой службе офицер в апреле 1918 г. был направлен в Турцию адъютантом уполномоченного военного министерства. Там я узнал войну с другой стороны. Деятельность этого уполномоченного имела своей задачей установить, удастся ли вообще и каким именно образом в результате поставок вооружения и военной техники сделать Турцию боеспособной.

Когда я прибыл в Константинополь, там уже существовали сильные течения, направленные на то, чтобы дистанцироваться от Централных держав. За лето эти тенденции приняли столь определенные формы, что меня послали в Берлин для устного доклада военному министерству*.

В столице рейха царило странное состояние. Один из господ в центральном отделе военного министерства, к которому я явился, счел мое сообщение столь важным, что уже через несколько часов мне пришлось лично докладывать самому военному министру фон Штайну — бывшему начальнику и хорошему знакомому моего отца. Но принял он меня крайне немилостиво. Признать перед молодым лейтенантом ненадежность турецкого союзника военному министру никак не улыбалось; он прервал мой доклад и стал расспрашивать меня... о немецких школах в Турции! А потом довольно холодно — но с приветами отцу — позволил удалиться.

Тогда мне казалось, что в Берлине в отношении Турции и вообще Балкан ведется безответственная, «страусовая политика», ибо подобные же внушающие тревогу известия шли и из Болгарии. Когда я высказал одному своему знакомому из центрального отдела свои опасения на сей счет, тот очень серьезно ответил мне: «У военного министерства заботы совсем другие». В Берлине скрывалось тогда примерно двадцать тысяч дезертиров с Западного фронта. По внутривластическим причинам бороться с ними и хватать их не решались. Мне стало просто не по себе: я увидел в этом больше, чем в чем-либо ином, первые признаки грядущего поражения. Но чем мог помочь тут я, молодой лейтенант? У меня было тогда горячее желание что-то сделать, дабы отвратить грозящую опасность. Я был глубоко разочарован тем, что мне не удалось получить доступ в другие влиятельные учреждения, чтобы обрисовать там истинное положение с нашими союзниками. Я казался сам себе обязанным выполнить чрезвычайно важную миссию, но вместе с тем и беспомощным, а потому проклинал свою судьбу, не позволяющую мне сделать что-то имеющее решающее значение.

Только позже, уже во время второй мировой войны,

мне стало ясно, перед каким безнадежным начинанием я тогда стоял и как трудно, даже будучи министром иностранных дел, в критических фазах оказать влияние, чтобы повернуть ход событий. Если фурия войны уже начала бушевать, решающим фактором для обеих сторон становится только одно: тотальная победа.

Когда затем в ноябре 1918 г. германское поражение стало явью и пришла весть, что кайзер покинул страну, для молодого офицера это было равнозначно крушению мира. Я и сегодня вижу эту картину: во время обеда моему начальнику майору Майеру приносят телеграмму, он читает ее, бледнеет и молча протягивает мне: «14 пунктов Вильсона¹, перемирие, кайзер — в Голландии, революция». Первая мировая война проиграна.

После интернирования в азиатской части Турции, ночной переправы через Босфор, чтобы не дать документам военного министерства попасть в руки врага (при этом незабываемую помощь мне оказали мои шведские друзья), после попытки пробраться в Германию через Россию, после уличных боев в Одессе и обратного пути в Константинополь мне наконец посчастливилось вернуться на родину через Италию.

Недолго побыв в родительском доме, я доложил о своем прибытии в военное министерство; меня прикомандировали к генералу фон Вризбергу для подготовки мирной конференции.

Берлин после революции! Город являл собой картину самых резких противоречий. Старики спорили между собой, спекулянты процветали, а молодежь стремилась в вихре удовольствий позабыть о своей четырехлетней героической, но, по всей видимости, бесцельной борьбе во имя Германии. Мы, офицеры, воспринимали как особенный позор замену погон синими нарукавными повязками. Среди политиков пышным цветом расцвели раздробленность и отсутствие всякого единства — это, по-видимому,

¹ Условия мира, изложенные президентом США В. Вильсоном в послании конгрессу США 8 января 1918 г. и положенные в основу мирных договоров, завершивших первую мировую войну.

неистребимое, специфически немецкое наследственное зло. В то время я познакомился с людьми из многих политических лагерей и получил особенно яркое представление о тех чудовищных трудностях, которые противодействовали консолидации нашей молодой республики. Тогда у нас появилось множество евреев, которые с огромной активностью и не всегда в приятной форме действовали во многих областях жизни, в том числе политической, экономической и культурной. Но справедливости ради следует сказать, что и в эти времена я знал много еврейских семей, которые мыслили точно так же, как и мои строго националистически настроенные друзья, да и я сам, и страдали от поражения точно так же, как все мы.

Того, что все усилия так называемой Комиссии по заключению мирного договора, которая должна была готовить предстоящую мирную конференцию с немецкой стороны и к которой я был прикомандирован, окажутся бесплодными, весной 1919 г. еще не предчувствовал никто из нас. Однажды мне было приказано явиться к генералу Секту¹, которого я знал еще по Константинополю, и отправиться вместе с ним в Версаль. Но до этого дело не дошло. Когда мы в Берлине получили текст мирного договора, я прочел его за одну ночь и отшвырнул в святом убеждении, что в Германии не найдется такого правительства, которое подписало бы нечто подобное. Министр иностранных дел граф фон Брокдорф-Ранцау подал в отставку, и все-таки этот мирный договор был подписан.

Если до тех пор я еще сомневался, не остаться ли мне офицером на действительной службе, то теперь вопрос этот был решен. Я вышел в отставку и снова стал торговцем.

* * *

Решение уйти в хозяйственную жизнь я принял легко, поскольку за время своего пребывания в англоязычных странах приобрел основательные знания в ком-

¹ Впоследствии командующий вооруженными силами (рейхсвер) Веймарской республики.

мерции. И все-таки поначалу я столкнулся с гораздо большими трудностями, чем ожидал. В Германии от отставного гусарского обер-лейтенанта в коммерческой области явно ничего путного не ожидали, а к американскому опыту деловой жизни относились тогда не менее недоверчиво.

Несмотря на это, я уже в начале лета 1919 г. нашел себе подходящее поле деятельности в берлинском филиале одной старой бременской фирмы, занимавшейся импортом хлопка. Трудности, с которыми мы встретились поначалу, не только не испугали меня, но и, наоборот, укрепили мое намерение. И действительно, вскоре я уже добился того, что владельцы фирмы предоставили мне широкие полномочия, а после того как мне удалось осуществить несколько удачных сделок, я приобрел еще большее доверие хозяев, которые относились ко мне с поистине ганзейской купеческой широтой.

Это имело для меня особое значение, ибо мое канадское имущество пропало, а отец в ту пору начинавшейся инфляции из-за крупного долга за лечение моего больного брата в Швейцарии попал в трудное финансовое положение. Я сумел ему помочь и даже спасти его наумбургский дом. Однако на это ушли все мои первые заработки. Но та трогательная любовь, с какой мой отец всегда помнил об этом, служила мне самой большой наградой.

Еще в 1919 г. произошло важное событие, которому суждено было сыграть определяющую роль во всей моей жизни. Находясь на курорте Бад-Хомбург, я на теннисном турнире познакомился с Аннелиз Хенкель, моей будущей женой. Мы поженились в следующем году — 5 июля 1920 г. Она подарила мне больше двадцати пяти лет безмерного счастья и нашу «пятерку» — троих сыновей и двух дочерей. Суждено ли кому-либо пережить столько любви, радости и глубокой преданности друг другу, даже и в горе, чем довелось нам вдвоем? Разве может смертный требовать от судьбы большего блага, чем это?

В конце апреля 1945 г. моя жена хотела прилететь ко мне в Берлин, и только категорический запрет фюрера помешал этому. В июле 1945 г. мы могли бы отпраздно-

вать нашу серебряную свадьбу; в это время я находился в американской тюрьме в Мондорфе и не имел никаких вестей ни о жене, ни о детях.

* * *

С деловой точки зрения передо мной в 1920 г. возник выбор между Бременом и Берлином. Фирма моего тестя Хенкеля предложила мне стать вместо ее умершего представителя совладельцем своего берлинского представительства. Я выбрал Берлин, одновременно решив начать собственное импортно-экспортное дело с использованием моих уже существовавших тогда связей в различных странах Европы, прежде всего в Англии и Франции. Мне удалось всего за несколько лет осуществить свой план и добиться немалого успеха. В середине 20-х годов моя импортно-экспортная фирма стала одной из крупнейших в своей области.

Мой муж еще в 1924 г. отказался от представительства фирмы Хенкель и посвятил себя исключительно созданной им самим и принадлежащей лично ему фирме.

В конечном счете мои зарубежные связи в Англии и Франции привели меня в политику. Еще в годы первой мировой войны я неоднократно писал статьи по экономическим, а также политическим вопросам для тогдашней «Фоссише цайтунг». Со времен Версальского договора я поставил себе целью делать на своем месте все ради идеи пересмотра этого диктата. За годы своей коммерческой деятельности я не раз имел случай обрисовать многим влиятельным лицам, в первую очередь в Лондоне и Париже, всю бессмысленность проводимого там политического курса в отношении Германии и его возможные последствия. Совершая свои деловые поездки в столицы западных держав, я не упускал ни одной okazji для подобных бесед, при этом познакомился со многими людьми не только из хозяйственных кругов, но и из сферы политики, прессы и культуры этих стран. В нашем Берлинском торговом доме часто бывали члены дипломатического корпуса и многие прибывавшие в Берлин иностранные деловые друзья. Общение с ними в сфере

профессиональной деятельности я зачастую использовал и для того, чтобы беседовать с иностранцами о положении Германии, о неотложной необходимости прекращения выплаты репараций и изменения определенных статей Версальского договора. При этом я имел возможность говорить свободнее, чем могли позволить себе официальные лица, и пользовался такой привилегией где только мог. Но в большинстве случаев я при всей любезности моих собеседников встречал у них мало понимания. Правда, мне иногда удавалось косвенно содействовать тому, чтобы то или иное германское пожелание было скорее услышано по ту сторону границы.

Однако действительное понимание германских забот было доступно лишь узкому кругу лиц. Они были слишком сильно связаны с той системой, которая именовалась «Версальем» и «Лигой Наций» и была столь удобна для победителей. Мне уже тогда стало ясно, сколь бесконечно трудно государству, не обладающему силой и не имеющему друзей, добиться ревизии договора, продиктованного ему победителями. Даже в экономическом секторе, по вопросу об уплате репараций, державы-победительницы шли на уступки только тогда, когда дальнейшее упорствование в прежних требованиях означало бы явную катастрофу*.

* * *

С 1929 г. германская экономика, а вместе с ней и немецкая внутренняя политика неудержимо шли к кризису. Гайки репарационных требований были закручены слишком сильно. После нездорового экономического подъема 1928 г. на основе займов все вдруг резко пошло на спад: германский экспорт больше уже не мог покрывать импорт, золотой запас Рейхсбанка стремительно сокращался, деловая жизнь находилась в состоянии застоя, производство падало, массовые увольнения на предприятиях, миллионы безработных, бегство от налогов и утечка капиталов за границу — таковы были симптомы все отчетливее наступавшего начиная с 1930 г. экономического кризиса.

Зимой 1930/31 г. стало ясно, что Германия окажется во власти коммунизма. Было очевидно, что ни буржуазные партии, ни обе церкви (католическая и протестантская.— *Перев.*) не в состоянии надолго воспрепятствовать этому. Единственным шансом остановить коммунистов был, по моему убеждению, национал-социализм. Я был тогда близок к Немецкой народной партии и с ужасом наблюдал упадок буржуазных партий.

Моим иностранным друзьям, спрашивавшим меня в то время о национал-социализме, я неизменно отвечал: «Дайте шанс Брюнингу¹, и Гитлер к власти не придет! Не дадите — к рулю власти придет он или коммунисты!» Но шанса Веймарской республике дано не было, и в конечном счете Гитлер победил коммунистов. Можно не сомневаться, что победа эта не являлась легкой.

Как коммерсант, я, несмотря на свои политические интересы, намерения активно участвовать в политике не имел. Но когда я в 1931—1932 гг. увидел, что Германия приближается к пропасти, то приложил все свои усилия, дабы помочь образованию национальной коалиции буржуазных партий и национал-социалистов.

¹ Генрих Брюнинг (1885—1970), немецкий политический деятель, принадлежал к католической партии «Центр». В марте 1930—мае 1932 г. — рейхсканцлер. В 1934 г. эмигрировал в США.

АДОЛЬФ ГИТЛЕР

Впервые я увидел Адольфа Гитлера в августе 1932 г. Это было после его берлинских переговоров с правительством Папена—Шлейхера¹, которые закончились фиаско. Хотя в перспективе Адольф Гитлер предполагался на пост рейхсканцлера, фактически ему была предложена должность вице-канцлера. Гитлер этот вариант отверг и вернулся в Оберзальцберг. Друзья из национал-социалистического лагеря попросили меня переговорить с Адольфом Гитлером и выступить в качестве посредника между ним и господином фон Папеном, с которым я был знаком. Когда я встретился с Гитлером в Берхтесгадене, он был в гневе на господина фон Папена и на все берлинское правительство.

Адольф Гитлер впоследствии не раз описывал эту встречу в Оберзальцберге. «Риббентроп, — обычно рассказывал он, — явился летом 1932 г. ко мне, чтобы передать предложение сформировать правительство вместе с Папеном. Я заявил ему: я Папена не доверяю и хочу создания правительства во главе с генералом фон Шлейхером. Риббентроп же придерживался взгляда, что лояльное сотрудничество со Шлейхером невозможно. В ответ на это я в течение двух часов доказывал ему, что господин фон Шлейхер как прусский генерал своего слова не нарушит. Но Риббентроп упорно заявлял, что посредничать между мной и генералом фон Шлейхером

¹ Франц фон Папен (1879—1969) — германский государственный деятель и дипломат. В июле—ноябре 1932 г. — рейхсканцлер Германии, в январе—ноябре 1933 г. — вице-канцлер в правительстве Гитлера.

Курт фон Шлейхер (1882—1934) — германский военный и политический деятель, генерал. В июле—декабре 1932 г. — военный министр в правительстве Папена. В декабре занял пост рейхсканцлера, 28 января 1933 г. рейхспрезидентом Гинденбургом уволен в отставку.

не станет, так как не питает к нему доверия, между тем как фон Папен — человек чести».

При том Гитлер сообщил мне о своих намерениях насчет образования коалиционного правительства. Он был готов сотрудничать с другими политическими силами, но настаивал на своем назначении рейхсканцлером. Уже во время этой первой встречи Адольф Гитлер произвел на меня столь сильное впечатление, что я был убежден: только он один может спасти Германию от коммунизма. *После этой личной встречи с Адольфом Гитлером мой муж вступил в члены НСДАП¹.*

Вернувшись в Берлин, я сообщил тогдашнему рейхсканцлеру фон Папену о моем разговоре с Гитлером и о его неизменном требовании канцлерского поста. Но, поскольку рейхспрезидент фон Гинденбург² тогда назначать Гитлера рейхсканцлером не желал, да к тому же последний выразил сильное недоверие Папену, своим сообщением я ничего не достиг, и моя посредническая деятельность ушла в песок.

Вскоре правительство Папена пало и рейхсканцлером стал Шлейхер. 10 января 1933 г., через несколько дней после известной встречи Гитлера с фон Папеном на кельнской вилле господина фон Шрёдера, меня посетили в Берлине господа Гиммлер³ и Кепплер и задали мне

¹ Аббревиатура от нем.: Nationalsozialische Deutsche Arbeiterpartei (NSDAP) — Национал-социалистическая немецкая рабочая партия.

² Пауль фон Гинденбург (1847—1934) — генерал-фельдмаршал, в 1925—1934 гг. — президент Германии.

³ Генрих Гиммлер (1900—1945 гг.) — один из главных немецких военных преступников. По образованию — агроном. Член НСДАП с 1925 г. Рейхсфюрер СС и шеф германской полиции, имперский министр внутренних дел; в конце второй мировой войны командовал группой армий «Висла» на германо-советском фронте. Пытался вести сепаратные мирные переговоры с западными державами через начальника Управления секретных служб США Аллена Даллеса в Швейцарии и через шведского дипломата графа Бернадотта. Бросив Гитлера на произвол судьбы, отправился в северную часть Германии к назначенному по завещанию фюрера новому рейхспрезиденту гросс-адмиралу Дёницу. Был схвачен английскими войсками с фальшивыми документами на имя ефрейтора Хитцингера. Избежал суда, на первом допросе покончив самоубийством (отравился цианистым калием).

вопрос, не продолжу ли я свое посредничество с целью установления сотрудничества между Гитлером и Папеном. Следует предпринять новую попытку создания коалиционного правительства правых партий. Я предоставил свой дом в Далеме для нескольких встреч Гитлера с Папеном; в этих переговорах участвовали и другие лица: Геринг¹, Рём, сын рейхспрезидента [Оскар] фон Гинденбург и прочие господа. В итоге переговоров 30 января [1933 г.] было образовано коалиционное правительство НСДАП и Немецкой национальной [народной] партии с назначением Адольфа Гитлера рейхсканцлером.

На переговорах в моем доме я являлся только посредником и сам к ним допущен был не всегда. Но один эпизод и сегодня помню очень хорошо. Папен заявил, что рейхспрезидент Гинденбург снова хочет сделать Гитлера только вице-канцлером. В ответ Гитлер крайне энергично высказал свое мнение на сей счет, и я впервые увидел ту жесткость его характера и ту прямоту, с какими он реагировал на любое возникающее сопротивление.

Встречи в нашем доме оставались строго секретными, что имело немаловажное значение для формирования правительства. Особенно отчетливо я помню то совещание, которое состоялось в ночь с 10 на 11 января 1933 г., потому что в этот вечер я впервые увидела Адольфа

¹ Герман Геринг (1893—1946) — рейхсмаршал (с июня 1940 г.), один из главных немецких военных преступников. Участвовал в первой мировой войне в качестве летчика. Член нацистской партии с 1922 г., первоначально возглавлял СА. Организатор провокационного поджога рейхстага в феврале 1933 г. После прихода Гитлера к власти — премьер-министр и министр внутренних дел Пруссии, затем — председатель рейхстага. Один из создателей и руководитель государственной тайной полиции (гестапо). Министр авиации, а во время второй мировой войны — главнокомандующий ВВС (люфтваффе). Был официально назначен преемником Гитлера. В последние дни войны под благовидным предлогом скрылся из Берлина на юг Германии, а затем при попытке узурпации власти был снят со всех постов, разжалован и исключен из партии за «измену фюреру». Попал в американский плен. Международным военным трибуналом в Нюрнберге был приговорен к смертной казни через повешение, но в последний момент покончил самоубийством.

Гитлера у нас дома. Я приветствовала его в кабинете мужа, где он вел переговоры с господином Папеном с глазу на глаз. 12 января мы ожидали Гитлера и Папена к обеду. Гитлер отказался, Папен явился один и с озабоченностью высказался насчет выборов в [избирательном округе] Липпе. Он боялся, что ожидаемый там успех НСДАП ужесточит позицию Гитлера.

На эту встречу господина фон Папена привез, а затем отвез обратно шофер, служивший у нас много лет. Гитлер же имел обыкновение выходить из машины и садиться в нее в расположении наших гаражей, чтобы незаметно покинуть дом через сад.

О самом ходе переговоров я под диктовку мужа вела ежедневные записи, которые он лично продолжил в последних числах января. Эта находящаяся в моем распоряжении стенограмма дополняет упоминание об указанных переговорах в его нюрнбергских записях. Я воспроизвожу их в хронологическом порядке.

Вторник. 10.1.33 г. Беседа Гитлера с Папеном.

Гитлер не желает больше встречаться с Папеном до выборов в Липпе.

Воскресенье. 15.1. Иоахим едет в Шёнхаузен. Длительная беседа наедине с Гитлером. Ночью возвращается в Берлин. Запланированная беседа Папена и Гитлера состоится либо в понедельник вечером у Шульце-Наумбурга, либо во вторник в Галле.

Понедельник. 16.1. Беседа не состоялась, так как вечером Папен находился у Лерзнера.

Вторник. 17.1. Папен — в Галле, Гитлер — в Веймаре. Никакой встречи. Вечером Гитлер возвращается в Берлин.

Среда. 18.1. В 12 часов в Далеме: Гитлер, Рём, Гиммлер, Папен. Гитлер настаивает на своем канцлерстве. Папен снова считает это невозможным. Добиться этого он не может, несмотря на все свое влияние на Гинденбурга. Гитлер не желает договариваться насчет дальнейших переговоров. Иоахим пробует предложить устроить встречу сына Гинденбурга с Гитлером.

Четверг. 19.1. Длительные переговоры Иоахима наедине с Папеном.

Пятница. 20.1. Вечером долгая беседа у Папена. Папен сообщает, что сын Гинденбурга и (начальник Имперской канцелярии) Майсснер в воскресенье придут в Дале.

Суббота. 21.1. Иоахим сообщает Гитлеру о предстоящей встрече. В ответ Гитлер объясняет, по каким причинам он не желает приглашать на нее Шлейхера. Гитлер хочет захватить с собой Геринга и Эппа.

Воскресенье. 22.1. В 10 часов вечера — встреча в Дале. Папен является один уже в 9 часов. Присутствуют: Гитлер, Фрик, Геринг, Кернер, Майсснер, сын Гинденбурга, Папен и Иоахим. Гитлер говорит два часа наедине с сыном Гинденбурга. Затем беседа Папена и Гитлера. Папен хочет теперь добиться канцлерства Гитлера, но заявляет последнему, что если тот ему не доверяет, то готов немедленно прекратить все это дело.

Понедельник. 23.1. Утром Папен у Гинденбурга. Тот все отверг. Иоахим отправляется к Гитлеру, чтобы сообщить ему об этом. Длительный обмен мнениями насчет возможности канцлерства Шахта. Гитлер все отклоняет.

Вторник. 24.1. Чаепитие в Дале: Фрик, Геринг, Папен, Иоахим. Формулирование решения о национальном фронте поддержки Папена на переговорах со старым Гинденбургом.

Среда. 25.1. Снова чаепитие в Дале: Иоахим наедине говорит с сыном Гинденбурга. Выясняется, что канцлерство Гитлера под эгидой нового национального фронта не совсем бесперспективно. Молодой Гинденбург сообщает Иоахиму, что до окончательного решения своего отца он еще раз переговорит с Иоахимом.

Четверг. 26.1. Долгая беседа с Фриком и Герингом в рейхстаге. Переговоры с немецкими националистами. Вечером в Потсдаме у принца Оскара, письмо Гинденбургу.

Пятница. 27.1. Гитлер снова в Берлине. Длительный разговор с ним на квартире Геринга. Гитлер хочет немедленно уехать. Иоахим предлагает объединение с Гугенбергом для создания национального фронта. Договариваются о новой встрече со старым Гинденбургом. Гитлер заявляет, что он сказал фельдмаршалу все и не знает, что

еще должен ему сказать. Иоахим уговаривает Гитлера: тот должен предпринять последний шаг, и дело абсолютно не безнадежно. Иоахим предлагает Гитлеру как можно скорее создать национальный фронт и в 10 часов вечера встретиться с Папеном в Далеме для окончательного разговора. Гитлер соглашается действовать в этом духе, чтобы вечером повести с Папеном переговоры об объединении с Гугенбергом. Затем следует долгая беседа с Герингом, на ней обсуждается дальнейшая тактика. К концу дня — телефонный звонок Геринга: пусть Иоахим немедленно придет во дворец рейхспрезидента. Там — беседа с Гугенбергом. Гитлер и Геринг (две фамилии неразборчивы. — *А. ф. Р.*) со скандалом отклоняют неприемлемые требования немецких националистов. Гитлер, весьма возмущенный этими переговорами, хочет тотчас выехать в Мюнхен. Геринг убеждает его повременить или в крайнем случае уехать лишь в Веймар. Постепенно Герингу и Иоахиму удается успокоить Гитлера. Но все это вызывает у Гитлера недоверие. Ситуация, весьма внушающая опасения. Гитлер заявляет, что не желает вечером видеться с Папеном в Далеме, поскольку не в состоянии высказать ему все, что думает.

Записано под диктовку моего мужа:

«Еще никогда я не видел Гитлера в таком состоянии; я предлагаю ему и Герингу вечером побеседовать с Папеном и ясно обрисовать тому всю ситуацию. Вечером говорю с Папеном, и наконец мне удается убедить его, что имеет смысл только канцлерство Гитлера, которого он должен добиваться всеми силами. Папен говорит, что дела с Гугенбергом играют лишь подчиненную роль, и заявляет: теперь он целиком и полностью за назначение Гитлера канцлером, и это означает решающий поворот в его [Папена] позиции. Папен будет полностью сознавать свою ответственность. Есть три возможности: или президентский кабинет с последующей (неразборчиво), или возвращение марксизма¹ при канцлерстве Шлейхера, или же

¹ Имеется в виду пребывание у власти социал-демократов.

отставка Гинденбурга. Чтобы воспрепятствовать этому, есть единственное ясное решение: канцлерство Гитлера. Папену становится совершенно очевидно, что теперь он должен при всех условиях добиться канцлерства Гитлера и больше не может, как считал до сих пор, в любом случае предоставлять себя в распоряжение Гинденбурга. Осознание этого факта Папеном, по моему мнению, поворотный пункт во всем этом деле. В первой половине дня в субботу, в 10 часов, Папену назначена встреча у Гинденбурга.

Суббота. 28.1. Около 11 часов утра я у Папена, который встречает меня вопросом: «Где Гитлер?» Я говорю ему, что он, вероятно, уже уехал, но, пожалуй, еще достигаем в Веймаре. Папен заявляет: надо немедленно его вернуть, ибо наступил поворотный момент и он после долгих бесед с Гинденбургом считает его канцлерство возможным. Я немедленно отправляюсь к Герингу и от него узнаю, что Гитлер еще находится в «Кайзерхофе». Геринг звонит туда, Гитлер остается в Берлине. Затем возникает новая трудность: вопрос о Пруссии*. Продолжительный разговор и спор с Герингом. Я заявляю ему, что немедленно слагаю с себя все обязанности, если снова будет проявлено недоверие к Папену. Геринг уступает, заявляет, что полностью согласен со мной, и обещает предпринять все возможное в отношении Гитлера, чтобы довести дело до конца. Геринг хочет убедить Гитлера решить прусский вопрос в духе Папена. Я сразу же еду вместе с Герингом к Гитлеру. Долго говорю с Гитлером с глазу на глаз и еще раз даю ему ясно понять: дело можно решить только при наличии доверия, а само по себе его канцлерство невозможным уже не является. Прошу Гитлера еще во второй половине дня приехать к Папену. Однако Гитлер хочет еще раз обдумать прусский вопрос и встретиться с Папеном только в воскресенье в первой половине дня. Это решение я сообщаю Папену, которого опять одолевают крупные опасения. Он говорит: «Я этих пруссаков знаю!» Затем договариваемся о беседе с Папеном на 11 часов утра в воскресенье.

Воскресенье. 29.1. В 11 часов утра — длительная беседа Гитлера и Папена. Гитлер заявляет, что в общем и целом все ясно. Но должны быть назначены новые выборы [в рейхстаг], а также следует принять закон о чрезвычайных полномочиях. Папен незамедлительно отправляется к Гинденбургу. Я завтракаю в «Кайзерхофе» с Гитлером. Обсуждается вопрос о новых выборах. Поскольку Гинденбург их не желает, он просит меня сказать рейхспрезиденту, что эти выборы будут последними. Во второй половине дня Геринг и я идем к Папену. Тот заявляет, что все препятствия устранены и Гинденбург ожидает Гитлера завтра в 11 часов.

Понедельник. 30.1. Гитлер назначен рейхсканцлером».

* * *

Когда вечером 30 января 1933 г. колонны СА¹ с факелами маршировали от отеля «Кайзерхоф» к Вильгельмштрассе в честь Гинденбурга и его нового канцлера, я горячо молился, чтобы это новое правительство оградило наш рейх от хаоса и Германия снова заняла достойное место среди других наций земного шара.

Через несколько недель после образования правительства Гитлер устроил у нас в Далеме праздничный ужин. Присутствовали лишь несколько друзей и мой старый отец. Когда за столом возник разговор о внешней политике, Гитлер высказался очень откровенно. Я впервые услышал его внешнеполитические идеи.

Во время этой первой беседы на внешнеполитические темы Адольф Гитлер сказал мне, что он безусловно хочет мира*. С Германии хватит и одной мировой войны, больше она повториться не должна. Но надо добиться равноправия Германии. Такой великий народ, как немецкий, не может жить в состоянии постоянной дискриминации. Необходимо добиться пересмотра определенных статей Версальского договора. Невозможно терпеть и та-

¹ Аббревиатура от нем.: Sturmabteilungen (SA) — штурмовые отряды.

кое положение, когда Германия, окруженная сильно вооруженными государствами, сама остается безоружной. Но у него есть время, и он хочет добиться этой ревизии постепенно.

Его главная цель — установить прочные и ясные отношения с Англией. Эту цель он выдвинул еще в своей книге «Майн кампф», и вот теперь Провидение поставило его на такой пост, на котором он сможет осуществить это на практике. Точно так же он хочет дружественных отношений с Италией, хорошей базой для которых служит однородность национал-социалистического и фашистского мировоззрений. Насчет Франции Гитлер высказался отрицательно. Поэтому я еще тогда обратил его внимание на то, что и в этой стране есть многие круги, желающие взаимопонимания с Германией.

Впоследствии Гитлер однажды в разговоре о развитии германо-английской политики сказал моему мужу, что «опубликование внешнеполитической главы «Майн кампф» было его крупнейшей ошибкой».*

Позиция Гитлера в отношении Советской России характеризовалась острейшей враждебностью. Здесь сказывалась его четырнадцатилетняя внутривнутриполитическая борьба против лозунгов Москвы. В разговоре на эту тему лицо его стало жестким и неумолимым. В этом пункте — мне бросилось это в глаза уже тогда — Гитлер был преисполнен фанатической решимости ликвидировать коммунизм до конца. И тогда, и позже при таком внутреннем возбуждении глаза его темнели, а речь приобретала удивительную резкость. О еврейском вопросе Гитлер в этом первом разговоре не упомянул.

Большой интерес проявил Адольф Гитлер к моему рассказу о моих политических впечатлениях и беседах в послевоенные годы в Берлине и о моих поездках по Англии и Франции. Мы очень долго просидели в моей небольшой библиотеке в далемском доме. Гитлер хотел подробнее услышать о моем опыте в этом отношении, а я очень откровенно поведал ему обо всем пережитом, а также о моей симпатии к немецкой национальной партии,

о моем знакомстве с Густавом Штреземаном¹, против которого он многие годы столь упорно боролся. О Штреземане Гитлер все же отозвался дружелюбно: мол, в тогдашней внешнеполитической ситуации тот большего добиться не мог. Но, заявил Гитлер, «Германия снова должна стать фактором силы, иначе она никогда не приобретет друзей, а предпосылки для этого должен создать я».

Об Англии Гитлер просто никак не мог наслушаться. Его интересовало решительно все: английский образ жизни, парламентские институты, Сити с его торговлей, а также имперская политика Великобритании. Он расспрашивал меня и о Южной Африке, а также осведомился, бывал ли я в Индии, на этот вопрос мне пришлось ответить отрицательно. Особенный интерес Гитлер проявил к позиции влиятельных английских кругов в отношении национал-социализма. То, что я мог сообщить ему по этому поводу, звучало не очень-то благоприятно. И все же во время моих поездок в Англию в 1931 и 1932 гг. я заметил усилившийся там интерес к сути и целям национал-социализма.

Из всего нашего разговора было видно восхищение Гитлера этим небольшим островным народом, сумевшим своей твердостью и упорством, а также ясно выраженными гениальными методами правления, присущими его руководящему слою, установить свое господство над значительной частью земного шара и, несмотря на возрастающие трудности, сохранить это господство и по сей день.

Именно наш общий взгляд на Англию послужил в тот вечер зародышем возникшего доверия между Адольфом Гитлером и мной. Но тогда я даже не мог и предчувствовать, что это положит начало нашему тесному сотрудничеству во внешнеполитической области в последующие годы.

¹ Густав Штреземан — один из основателей и председателей Национальной немецкой народной партии («Дойчнационале»). В 1923 г. — рейхсканцлер, в 1923—1929 гг. — министр иностранных дел Веймарской республики, в 1925 г. заключил Локарнский пакт с западными державами, а в 1926 г. — Берлинский договор о нейтралитете с СССР.

С того вечера я все чаще встречался с Адольфом Гитлером в Далеме. Правда, должен признаться, что за все годы этого сотрудничества я в человеческом плане не сблизился с ним в большей мере, чем в первый день нашего знакомства, хотя мной пережито вместе с ним так много. Во всем его существо было что-то такое, что невольно отстраняло от личного сближения с ним.

Еще при первой встрече с Адольфом Гитлером его личность произвела на меня сильное впечатление. Уже тогда у меня появилось чувство, что этот человек, речи которого я читал с таким интересом, — явление, совершенно из ряда вон выходящее. Особенно мне бросилась в глаза его полная обособленность, но отнюдь не замкнутость. Его мысли и высказывания, их суть и та форма, в какую он их облекал, были совсем иными, чем у других людей. У Гитлера имелась совершенно особенная, свойственная только ему одному манера высказывать свою точку зрения таким образом, что последнее слово оставалось за ним. Остальным оставалось только принять это как факт. Он никоим образом не был человеком компромиссов, несомненно, сильно полагался только на самого себя, и повлиять на него было весьма трудно. Такое впечатление сложилось у меня с самого начала.

Неприступность Адольфа Гитлера была не какой-то заранее заданной, а шла от самого его характера. Как человек он, верно, и сам страдал от этого. Вместе с тем мог быть и подкупающе любезен, сердечен и открыт. Мог захватывающе, с юмором и даже блистая остроумием рассказывать о своей юности, о своей военной службе в первую мировую войну и о годах своей внутривосточной борьбы. А когда говорил об искусстве и архитектуре, чувствовалось, в какой большой мере он был артистической натурой. Позднее я сам наблюдал это во время его визита в Рим. Он с воодушевлением говорил в узком кругу о собственных намерениях в области искусства, и не поддаться его увлеченности было просто невозможно.

Когда он хотел привлечь кого-нибудь на свою сторону или добиться чего-нибудь от собеседника, он делал это с непревзойденным шармом и искусством убеждать. Я

видел, как к нему входили сильные личности, министры и гауляйтеры, даже сам Геринг, распираемые желанием немедленно «открыть фюреру всю истину». Они были полны решимости со всей категоричностью заявить ему, что вот-вот произойдет катастрофа и они не могут взять на себя ответственность, если то или иное его распоряжение не будет отменено. А через полчаса выходили от него сияющие и довольные и зачастую с такой же убежденностью отстаивали точку зрения Гитлера; нередко противоречивую той, которую они хотели ему высказать.

Меня упрекали в уступчивости Адольфу Гитлеру. Он же называл меня «самым трудным подчиненным», поскольку я всегда с полным спокойствием высказывал свою зачастую противоположную его собственной точку зрения, хотя он считал, что уже убедил меня. Но признаю открыто, что и я тоже плыл в русле этой великой и трагической исторической личности.

Только наш спор в 1942 г., о котором еще пойдет речь дальше, привел к тяжелому разрыву в наших личных отношениях. Внешне же все казалось в полном порядке, однако прежней близости уже не было.

Верность Адольфа Гитлера людям, которые однажды что-либо сделали для него, порой граничила с невероятным. С другой стороны, он мог быть непостижимо недоверчивым. Но всего легче он поддавался влиянию, даже нашептыванию тех людей, которые умели ловко вводить его в заблуждение и выставлять напоказ менее привлекательные стороны его характера. Он мог даже сознательно оскорбить человека. В этом проявлялась известная двойственность его натуры, которую я так никогда и не смог понять до конца. Принцип «разделяй и властвуй» был доведен им до такой степени, что не только возникали межведомственные трудности, но и почти все его сотрудники оказывались вовлеченными в тяжелые внутренние конфликты. В весьма обширной области внешней политики, в которую чуть ли не каждый пытался вмешаться, этот метод был особенно вреден.

Для оценки личности Адольфа Гитлера имеет значение и другой момент: он мог приходить в слепую ярость

и не всегда умел владеть собой. Это проявлялось порой по дипломатическим поводам. Так, в Годесберге, когда пришло сообщение о мобилизации в Чехословакии¹, он уже был готов прервать совещание с Чемберленом и вдруг вскочил с покрасневшим лицом — признак его необузданного гнева. Я вмешался с целью успокоить его, и Гитлер потом благодарил меня за то, что этим я спас конференцию. И во время переговоров с Франко в Андее он тоже вскочил в возбуждении с места, когда [испанский министр иностранных дел] Серано Сунье довольно неудачно «встрял» в беседу. То же самое было и с [английским послом в Германии] Гендерсоном во время польского кризиса, когда тот своей бесцеремонностью (он стукнул ладонью по столу) возмутил Гитлера. Фюрер опять побагровел, и я уже видел надвигающуюся катастрофу, но и на этот раз мне удачно заданным вопросом удалось переключить его внимание на другую тему. Потом Гитлер сказал Гессу², что уже готов был вышвырнуть Гендерсона за дверь. Такие ситуации за все эти годы возникали не раз. Гитлер признавал это, когда я вмешивался с целью успокоения. После одного такого инцидента, уже во время войны, он откровенно сказал мне: «Знаете ли, Риббентроп, иногда я совсем не могу совладать с собой!» Что касается [итальянского министра иностранных дел] графа Чиано³, Гитлер превозносил мое «ангельское терпение».

Доминирующий характер личности Адольфа Гитлера проявлялся как на больших народных митингах, так и в

¹ Частичная мобилизация была объявлена в Чехословакии 20 мая 1938 г.

² Рудольф Гесс — член нацистской партии с 1920 г., с 1925 г. — личный секретарь Гитлера, заместитель фюрера по партии. 10 мая 1941 г. он тайно перелетел на самолете в Англию в расчете, что встретится с герцогом Гамильтоном и сможет при его посредничестве добиться прекращения войны между Германией и Англией.

³ Галеаццо Чиано (1903—1944) — граф, государственный и политический деятель Италии, дипломат. В 1936—1943 гг. — министр иностранных дел. Зять Муссолини. В январе 1944 г. расстрелян по приговору фашистского военного трибунала за участие в заговоре против Муссолини.

общении с политиками, военными, иностранцами, а также и в более тесном кругу и в личных беседах. К примеру, однажды болгарский царь Борис сказал мне, что от фюрера исходит такая сила и уверенность, что он каждый раз черпает их на много месяцев вперед. Так происходило со всеми, кто имел с ним дело. Гитлер производил впечатление не только на Ллойд Джорджа¹, но и на Чемберлена и Даладьё². Его вера в себя и твердость воли в сочетании с гениальным, понятным и простым способом выразиться ощущались многими людьми, вовлекая их в его русло. На крупных митингах мне приходилось повсеместно быть свидетелем того, как его слова приводили массы в движение, вызывали восторг, гнев, трогали людей до слез. По воздействию на людей и массы личность этого человека — один из величайших феноменов.

Адольф Гитлер был обожаем миллионами и все же был одинок. Я никогда не мог сблизиться с ним и не видывал никого другого, кому бы это удалось. Единственным исключением был Герман Геринг. Тот мог добиваться у Гитлера очень многого. Не говоря о последних двух годах, когда Гитлер изменил к нему свое отношение из-за несостоятельности люфтваффе, фюрер всегда отзывался о нем с величайшим уважением. Он часто называл Геринга «великим немцем». Когда мне доводилось бывать у фюрера вместе с Герингом, последний благодаря своему влиянию настолько овладевал положением, что я (к моему раздражению из-за возникавших в результате этого ведомственных трудностей) казался вообще совершенно отодвинутым на задний план.

Геринг умел ловко пользоваться своим влиянием на Гитлера. Мне вспоминается один характерный эпизод в замке Клезхайм. Когда Геринг из-за гнусной шпионской

¹ Дэвид Ллойд Джордж (1863—1945), граф Дуайфор, — британский государственный и политический деятель, дипломат. В 1916—1922 гг. — премьер-министр Великобритании.

² Эдуард Даладьё (1884—1970) — французский государственный и политический деятель. В 1933, 1934 и в 1938—1940 гг. — премьер-министр.

истории с «Красной капеллой»¹, в которой были замешаны несколько военнослужащих люфтваффе, попытался замять дело, он сделал это очень просто: взял и переложил вину на совершенно непричастного к этому сотрудника министерства иностранных дел. Фюрер при своей обычной неприязни к моему министерству сразу же согласился с Герингом, и мне пришлось долго и энергично протестовать, пока все не выяснилось.

Зато позднее Гитлер все чаще высказывался критически по поводу присущего Герингу самолюбования и тщеславия. Но однажды у меня возникло такое ощущение, что Гитлер испытывает некоторый страх перед Герингом и его энергичностью. Особенно ярко это проявилось в 1944 г. в Бергхофе. Фюрер весьма несдержанно высказался насчет люфтваффе и имел по этому поводу разговор с Герингом, не возымевший, однако, никаких последствий. Поэтому я попросил у фюрера разрешения со своей стороны подействовать на Геринга, чтобы он отказался от поста главнокомандующего авиацией. Но Гитлер даже с каким-то оттенком страха удержал меня от этого: «Ради Бога, не делайте этого, иначе он нам однажды еще покажет!» Я упоминаю об этом эпизоде только потому, что зачастую испытывал чувство, что фантазия Геринга и вообще его сильная личность очень влекли фюрера в мир мышления сверхкрупными масштабами. Кроме Геринга довольно близки к фюреру были, пожалуй, еще Гесс и Тодт².

Судить о характере такого гениального явления, как Адольф Гитлер, очень трудно. Его нельзя мерить обычной меркой. Он был убежден в своей роли мессии, считал себя предназначенным самим Провидением сделать Германию великой. Он обладал несгибаемой волей и немислимой энергией в достижении своих целей. Его интеллект был

¹ «Красная капелла» — агентурная сеть советской разведки в Берлине накануне и во время второй мировой войны и организации антифашистского Сопротивления в Германии.

² Тодт — генерал, начальник военно-строительной «Организации Тодта», возводившей так называемый Западный вал и другие фортификационные сооружения.

огромен, а способность схватывать все налету — ошеломляюща. Мир его представлений и фантазий всегда характеризовался крупными историческими перспективами и параллелями. Образцом ему служил Фридрих Великий¹. Несмотря на всю свою фантазию, он все-таки был в достаточной степени реалистом, чтобы трезво оценивать ситуации. Но, принимая крупные решения, он ощущал себя исполнителем предначертанной Всевышним судьбы. Однажды он сказал мне, что каждый раз перед крупными решениями к нему внезапно приходит абсолютная уверенность и тогда он совершенно точно знает: его долг — сделать именно это.

Не может быть никакого сомнения в том, что Адольф Гитлер имел в жизни только одну цель: служить немецкому народу. Об этом говорит весь его жизненный путь начиная с юности, его участие в качестве неизвестного солдата в [первой] мировой войне и его деятельность как политика и фюрера немецкого народа. Он жил совершенно самоотверженно, жертвовал своим здоровьем и до последнего момента не думал ни о чем ином, кроме как о будущем своей нации. Это служило направляющей нитью его мыслей и действий. Ради этого он принимал крупные внешнеполитические решения. Он мыслил надежно обеспечить германское будущее только тем способом, который считал пригодным для себя. Тот факт, что он потерпел поражение, фюрер, говоря со мной, назвал судьбой. Почему именно он потерпел поражение — решит история.

¹ Фридрих II (1740—1786) — прусский король, символ германского милитаризма, пруссачества и агрессии.

РАВНОПРАВИЕ ГЕРМАНИИ

Поскольку наша встреча в Далеме в феврале 1933 г. проходила накануне моей продолжительной деловой поездки в Лондон и Париж, Адольф Гитлер попросил меня по возвращении рассказать о моих впечатлениях и о настроениях в западных столицах.

Во время той беседы по внешнеполитическим вопросам я сказал, что, по моему убеждению, предпосылкой германо-английского взаимопонимания должен послужить компромисс в какой-либо форме между Германией и Францией. Но сначала Адольф Гитлер на это не пошел.

После довольно длительного пребывания в Париже и Лондоне я снова сообщил ему, что, на мой взгляд, ослабление напряженности в международных отношениях в благоприятном для нас духе способен принести только наш успокоительный жест по адресу Франции. В Париже меня всюду спрашивали, что думает Адольф Гитлер о Франции. При этом постоянно цитировались высказанные им в «Майн кампф» мысли о германо-французской непримиримой вражде; с этого начинался и этим заканчивался любой разговор на политические темы.

Пользуясь этим и другими случаями, я подробно делился собственными впечатлениями, рассказывая Адольфу Гитлеру о Франции, о красоте Парижа, о французском искусстве, о Лувре. Многие французы так же выступали за взаимопонимание, как и я со времени окончания войны*.

Тем самым я вновь и вновь помогал Адольфу Гитлеру сблизиться с Францией и французами и полагаю, что мне удалось это в первую очередь благодаря апелляции к его художественной натуре. Он начинал видеть французский вопрос в ином свете и даже однажды дал одному извест-

ному французскому журналисту (ставшему впоследствии послом Лавалля), де Бринну, сенсационное интервью насчет возможности взаимопонимания с Францией; оно появилось в «Матэн»¹ и сразу же высветило германо-французские отношения. Должен упомянуть здесь, что тогдашний начальник штаба СА Рём, который позднее, 30 июня 1934 г., был расстрелян², значительно способствовал тому, что Адольф Гитлер постепенно пересмотрел свое отношение к Франции.

Мой муж тогда был настолько далек от внутривнутриполитических событий, что даже накануне 30 июня 1934 г. ничего не знал о надвигающемся кризисе. Ему лишь бросилось в глаза, что Рём, который раньше часто посещал нас в Далеме, с некоторых пор стал избегать всяких высказываний. 29 июня 1934 г. вечером у нас побывал Гиммлер, и муж спросил его, почему Рём стал таким замкнутым: Гиммлер ответил: «Рём — уже мертвец».

Дабы использовать благоприятную атмосферу, возникшую в обеих странах, я вскоре спросил Адольфа Гитлера, готов ли он встретиться с французским премьер-министром Даладье. От парижских друзей я слышал, что

¹ «Матэн» — парижская газета, основанная в 1882 г. Одно время принадлежала группе Бюно-Варилла, с которым поддерживал контакт Риббентроп. Выходила в Париже во время оккупации, за сотрудничество с нацистами была закрыта после освобождения.

² Речь идет об учиненной Гитлером и вошедшей в историю под названием «Ночь длинных ножей» кровавой расправе (руками гестапо Геринга и СС Гиммлера) с сообщниками по партии и соперниками в борьбе за абсолютную власть во главе с Рёмом. Они отражали настроения мелкобуржуазной массы нацистского движения, требовавшей осуществления демагогических псевдосоциалистических обещаний фюрера («второй национальной революции»), а потому представлявшей определенную опасность для монополистического капитала и военщины. Одновременно были убиты опасный личный конкурент Гитлера, лидер оппозиционного крыла нацистской партии Грегор Штрассер и бывший рейхсканцлер Германии генерал Курт фон Шлейхер, располагавший секретным досье о психическом расстройстве фюрера в годы первой мировой войны на почве венерической болезни.

господин Даладьё склонен пойти на такую конфиденциальную неформальную встречу. Местом ее должен был стать охотничий домик в Оденвальде. Я выехал в Париж, питая радужные надежды на то, что мне удастся этот визит устроить и таким образом сделать шаг к лучшему взаимопониманию и сближению обеих стран, т.е. что визит этот приведет к той цели, к которой я в рамках возможного стремился уже с 1919 г.

В Париже я встретился на завтраке с господином Даладьё в квартире моего знакомого. Он явился вместе с одним господином из военного министерства, несколько опоздав, и был довольно возбужден. Казалось, вопрос о встрече с Гитлером он предварительно обсудил со своими политическими друзьями. К сожалению, результат был негативен. Уже здороваясь, председатель совета министров Франции сразу сказал мне: «На встречу я пойти не могу, ибо нахожусь в рамках такой системы, которая не позволяет мне действовать столь же свободно, как господин Гитлер».

Я был его заявлением очень разочарован, ибо ожидал от личного контакта Адольфа Гитлера с этим умным, спокойным французом, тоже выходцем из народа (которого за его молчаливость часто называли *la taciturne*¹), весьма многого для германо-французского взаимопонимания. Какой-либо твердой программы этого визита намечено не было: я хотел достигнуть лишь разрядки все еще застывшей дипломатической атмосферы в отношениях между Германией и Францией. Завтрак прошел поэтому в подавленном настроении. Благоприятный случай для установления взаимного согласия, в чем я, учитывая позицию Гитлера и его недоверие к Франции, был особенно заинтересован, оказался упущенным.

Позже, в 1938 г., провожая господина Даладьё после Мюнхенской конференции четырех великих держав в аэропорт, я сказал ему, как сильно в прошедшие с тех пор годы сожалел о том, что встреча его с Адольфом Гитлером в 1933 г. так и не состоялась. Многие в минувшие годы,

¹ Молчальник (фр.).

вероятно, сложилось бы иначе, если бы тогда была найдена основа для германо-французского доверия. Даладье ответил мне одной фразой: «A qui le dites vous?»¹

Но одного успеха мне в своих усилиях добиться взаимопонимания с Францией в 1934 г. все-таки удалось достигнуть: по моему совету фюрер в своей публичной речи отказался от Эльзас-Лотарингии.² А это было главным пунктом в германо-французских отношениях. Данное заявление значительно облегчило плебисцит по вопросу о Сааре в январе 1935 г.

Летом и осенью 1933 г. я постоянно поддерживал связь с моими французскими друзьями и еще несколько раз побывал во Франции. От надежды все-таки когда-нибудь осуществить встречу Гитлера с Даладье я не отказался. Но особенно мне хотелось дипломатическими мерами открыть путь к соглашению о равенстве Германии в вооружениях с другими европейскими государствами, к которому Гитлер решил прийти так или иначе — будь то посредством разоружения других стран или же вооружения собственной. К сожалению, этим усилиям, которые, казалось, имели неплохие перспективы, положили конец решения, принятые в Женеве в октябре 1933 г. Согласно им, Германия должна была на практике ожидать равноправия в вооружениях еще целых восемь лет!

У Гитлера это требование вызвало возмущение. Тогдашний министр рейхсвера фон Бломберг³, который с самого начала горячо поддерживал меня в моей политике по отношению к Франции, попытался вместе со мной успокоить его. Но фюрер без обиняков заявил нам, что переговоры так дальше не пойдут, он покинет конференцию по разоружению и выйдет из Лиги Наций. Решение

¹ «Кому вы это говорите?» (фр.).

² Эта речь Гитлера была произнесена 21 мая 1934 г. в рейхстаге. Он, в частности, заявил: «Германия торжественно признает и гарантирует Франции ее границы, какими они будут после Саарского плебисцита... Тем самым мы окончательно отказываемся от всех претензий на Эльзас-Лотарингию...»

³ Вернер фон Бломберг (1878—1946) — генерал-фельдмаршал с 1936 г. Возглавлял создание фашистского вермахта.

его останется неизменным! В его жизни уже не раз бывало так, что в своих трудных решениях ему оставалось полагаться только на самого себя. На следующий день было официально объявлено о выходе Германии из Лиги Наций, а также о том, что она покидает Женевскую конференцию по разоружению*.

После этих событий я сначала поехал в Лондон, чтобы в неофициальной форме сообщить там известным мне государственным деятелям и политикам о готовности Гитлера продолжить переговоры по разоружению. В Париже правительство Даладье в результате происшедших событий ушло в отставку.

В Лондоне я в первый раз встретился с Болдуином¹. Один из его друзей, лорд Дэвидсон, пригласил меня на завтрак в один из внешне неприметных домов в кварталах Вестминстерского дворца. Здесь я со всей откровенностью впервые изложил лорд-канцлеру мысли Адольфа Гитлера о равенстве в вооружениях и их практическом осуществлении, а также передал ему желание фюрера добиться прочных дружественных отношений с Англией. У меня сложилось впечатление, что моя информация весьма заинтересовала Болдуина.

Чисто по-человечески я с первого же момента почувствовал приятный контакт с этим типичным представителем английских консерваторов. Весь его облик и манеры внушали доверие. Если бы Болдуин и Гитлер заложили тогда фундамент германо-английской дружбы, он оказался бы солидным. Болдуин отнесся к моим высказываниям положительно: меня попросили вести такие переговоры и впредь.

Уже во второй половине того же дня я был приглашен на Даунинг-стрит 10/11², где меня самым дружеским образом принял Болдуин. Сначала он побеседовал со мной об одной немецкой книге, которая, очевидно, принадле-

¹ Стэнли Болдуин (1867–1947) – британский государственный и политический деятель, лидер консервативной партии. С мая 1923 по январь 1924 г., с ноября 1924 по июнь 1929 г., а также в 1935–1937 гг. – премьер-министр.

² Официальная резиденция английского премьер-министра.

жала его матери и которую он иногда читал сам. Затем он перешел к рассмотрению политических вопросов и высказал несколько замечаний насчет удачной комбинации нынешнего правительства из министров-консерваторов и лейбористов. Вскоре к нашей беседе присоединился и тогдашний премьер-министр Англии Макдональд¹ — человек с импонирующей внешностью ученого. Я еще раз, но более подробно изложил ему внешнеполитические идеи Адольфа Гитлера. Казалось, что и у мистера Макдональда эти идеи не вызывали отрицательных эмоций.

По положению вещей я не мог и не должен был, учитывая неофициальный характер моей миссии, брать на себя какие-либо договорные обязательства. Моим делом было прежде всего создать основу доверия, чтобы тем самым подготовить германо-английское соглашение. В этом случае, по моему тогдашнему убеждению, получают свое решение все другие вопросы, такие, как равноправие и разоружение. Мне было сказано, что меня желают видеть еще раз вместе с министром иностранных дел. Прощаясь, мистер Макдональд спросил меня, с каких пор я занимаюсь дипломатическими вопросами. Я рассказал ему, как и когда встретился с Адольфом Гитлером. Макдональд, любезный, как все англичане, сказал шутя, что он наверняка проголосовал бы за меня, если бы я был выставлен кандидатом в его избирательном округе.

После намеченной второй, снова проведенной в дружественном духе беседы с влиятельными английскими государственными деятелями (на сей раз присутствовал и министр иностранных дел Джон Саймон) я считал, что могу быть доволен этим первым контактом. Затем я выехал в Париж, чтобы и там действовать в том же направлении.

На следующий день я прочел в «Таймс», что Болдуин в своей речи в палате общин указал на обещанное Герма-

¹ Джеймс Рамсей Макдональд (1866—1937) — британский государственный и политический деятель. В 1924 и в 1929—1931 гг. — премьер-министр лейбористского правительства, в 1931—1937 гг., выйдя из лейбористской партии, возглавлял коалиционное правительство.

нии равноправие. Оно, заявил он, может быть достигнуто или тем, что Германия вооружится до уровня других государств, или же тем, что другие государства разоружатся до ее уровня. Но ни того ни другого делать не хотят. А потому остается только достигнуть золотой середины частичным вооружением Германии и частичным разоружением других стран. Это кажется ему правильным курсом.

Речь Болдуина была гораздо большим, чем то, на что я надеялся, и меня эта перспектива для Германии удовлетворяла. Фюрер тоже был явно обрадован позицией Болдуина, так как увидел в этом приемлемую возможность достигнуть равноправия Германии в области вооружений.

Однако в Париже, как я констатировал, речью Болдуина были довольны куда меньше. Но все же некоторая разрядка дипломатической ситуации была достигнута.

1934 год начался прежде всего важным внешнеполитическим событием — германским компромиссом с Польшей, безусловно необходимым для облегчения нашего внешнеполитического положения. Генерал фон Бломберг и я очень советовали фюреру сделать это*.

Весной 1934 г. фюрер назначил меня уполномоченным по вопросам разоружения, чтобы я смог продолжать переговоры, прежде всего с Лондоном и Парижем, в официальном качестве.

Нашей целью было тогда, как и прежде, прийти возможно быстрее к соглашению о равноправии в области вооружений. Затем последовали визит английского министра иностранных дел Идена в Берлин и несколько моих поездок в Лондон и Париж. Во французской столице я вел переговоры с тогдашним министром иностранных дел Луи Барту¹, который сначала говорил со мной гораздо больше о своей великолепной библиотеке и о Рихарде Вагнере,

¹ Луи Барту (1862–1934) — французский государственный и политический деятель. Занимал различные министерские посты. После прихода Гитлера к власти стал активным сторонником франко-советского сближения и сотрудничества. Убит 9 октября 1934 г. в Марселе хорватским террористом вместе с югославским королем Александром I.

чем о политике. Барту, умевший рассказывать пикантные анекдоты из своей бурной жизни, был неподражаемым остряком, с которым приятно поболтать. Но вместе с тем он был закоренелым врагом Германии, и, когда речь зашла о политике, его реплики — правда, всегда любезные — сделались едкими. Здесь, несомненно, сказывалась идейная школа Пуанкаре¹ и его времени. По-видимому, Барту заметил мое недовольство его постоянным отклонением от темы и вечером прислал мне прекрасную книгу о любовной жизни Рихарда Вагнера с посвящением: «На память о беседе, в которой Рихард Вагнер сыграл роль посредника». Это было так типично для Барту! Ведь, рассказывая любовные истории из жизни знаменитых людей (тема, в которой он был большим знатоком), министр ловко обходил рифы на пути к какому-либо решению насчет равноправия Германии в вооружениях!

Некоторое время спустя я снова увидел Барту в красивом дворце на набережной Кэ д'Орсе старого месье Бюно-Варилла — владельца газеты «Матэн» — на ужине с дамами (на этот раз присутствовала и моя жена). Барту блистал остроумием и пребывал в прекрасном настроении. Это был очень интересный и прямо-таки прелестный вечер. Когда я уже начал опасаться, что Барту снова уклонится от политических разговоров, ради которых я и явился на этот ужин, он пригласил меня пройти в сад. Здесь у нас состоялась долгая и на сей раз весьма серьезная беседа. Французскому министру иностранных дел предстояла вскоре поездка в Восточную Европу: он хотел создать вокруг Германии новое кольцо своих союзников. Тщетно заклинал я его вместо того, чтобы ехать в Варшаву, Прагу, Бухарест и Белград, сначала побывать в Берлине. Успешно разговаривать с Германией Адольфа Гитлера, протягивая одну руку для дружеского рукопожа-

¹ Раймон Пуанкаре (1860—1934) — французский государственный и политический деятель. В 1922—1924 гг. — премьер-министр и министр иностранных дел. Инициатор оккупации Рура в 1923 г. франко-бельгийскими войсками.

тия, а в другой держа револьвер, нельзя. Но Барту невозможно было переубедить. Его неизменный ответ звучал так: прежде чем вести с нами переговоры по вопросу вооружений, он должен упорядочить свои союзы со странами Восточной Европы¹.

Когда я после этого малорадостного разговора с Барту высказал свое разочарование, господин Бюно-Варилла, сей старый и многоопытный дипломат, дал весьма примечательный ответ: «Вы хотите изменений [Версальского договора]. Я это понимаю, но вы делаете ошибку, обращаясь к месье Барту. Есть только одна возможность: обратитесь к Лондону. Печально, но так: французской политикой дирижирует Форин офис».

Я упоминаю этот эпизод потому, что мои усилия в отношении Барту были второй после истории с Даладьё попыткой установить контакт французского правительства с Адольфом Гитлером. Моему сердцу была близка идея побудить влиятельного французского государственного деятеля к разговору с германским рейхсканцлером, чтобы создать доверительную атмосферу непосредственного общения, сильно облегчившую бы все дальнейшее. Я всегда сожалел, что попытка эта оказалась тщетной. Учитывая отношение Гитлера к Франции, то обстоятельство, что такой непосредственный контакт между главными персонами своевременно установить не удалось, могло обернуться трагедией. В результате недоверие Гитлера к Франции углубилось.

¹ Граф Шверин фон Крозиг в своей вышедшей в 1951 г. книге «Это произошло в Германии» («Es geschah in Deutschland») на с. 121—122 пишет: «Барту был весной 1934 г. проинформирован, что в Германии предстоит смена [государственной] системы. Откуда он получил это сообщение и каково было его подробное содержание, неизвестно».

Черчилль сообщает в своих мемуарах (т. I, с. 127): «Шлейхер был столь неосторожен, что намекнул французскому послу в Берлине Франсуа-Понсэ, что предстоит свержение Гитлера... Он хотел еще раз действовать так же, как в свое время в истории с Брюнингом». — *Примеч. нем. изд.*

Свой взгляд на Францию Адольф Гитлер выразил в «Майн кампф» еще во времена борьбы за возвращение Рура, [оккупированного франко-бельгийскими войсками]. С тех пор французская политика сделала не так-то много, чтобы внести коррективы в его отношение к Франции. Ведь, собственно говоря, это именно она всегда препятствовала разумному пересмотру [Версальского договора]. В Берлине ходило тогда ироническое высказывание французского посла Франсуа-Понсэ, который в связи с небольшим увеличением [германских] полицейских сил сказал немецким журналистам: «Когда неразумный ребенок играет с огнем, надо вовремя дать ему по рукам». Это было еще до 1933 г.

В таких условиях моему мужу было нелегко изменить представление Гитлера о Франции. Когда однажды делегация французских ветеранов первой мировой войны, беседуя с Гитлером о его «Майн кампф» и о высказанном в ней мнении насчет Франции, задала ему вопрос, не напишет ли он новой книги, тот ответил: «Я опровергну свою книгу не словами, а действиями». Начал он с предварительного шага — официального отказа Германии от возвращения ей Эльзас-Лотарингии. И если бы между Германией и Францией возникло полное согласие, в мировую историю была бы вписана новая глава.

По возвращении Барту из поездки в страны Восточной Европы, где он возобновил военные союзы против Германии, французский министр иностранных дел 9 октября 1934 г. был вместе с югославским королем Александром убит в Марселе. С преемником Барту министром иностранных дел Лавалем я еще несколько раз вел переговоры. Я пытался ввести в рамки договоров с Англией и Францией начатое тем временем Адольфом Гитлером в одностороннем порядке вооружение, которое вызывало на дипломатической арене значительную тревогу. К сожалению, и эти усилия, предпринимавшиеся мной зимой 1934/35 г., остались безрезультатными и нам пришлось констатировать, сколь бесконечно трудно прийти к ревизии военных статей Версальского договора дипломатическим путем. Весь этот ход развития послужил Гитлеру в марте

1935 г. основанием для введения всеобщей воинской повинности и для провозглашения формирования германских вооруженных сил*.

Непосредственным поводом явилось объявленное во Франции 6 марта 1935 г. восстановление двухлетнего срока военной службы. Тем самым французское правительство отказалось от идеи разоружения.

Для меня нет никакого сомнения в том, что шока, в который повергло мир это одностороннее заявление Гитлера, можно было бы избежать, если бы тогда удалось установить непосредственную связь фюрера с французскими государственными деятелями. Главное сопротивление любому германскому вооружению исходило тогда, несомненно, от Франции.

Введение всеобщей воинской повинности имело следствием то, что Джон Саймон и Антони Иден¹ прибыли к Адольфу Гитлеру в Берлин. Визит проходил в атмосфере согласия, что видно по беседам, к участию в которых я был тоже привлечен. Гитлер разъяснил британским государственным деятелям необходимость введения всеобщей воинской повинности. Он предпринял этот шаг, дабы внести наконец ясность в данный вопрос. Как и прежде, он заявлял о своей готовности заключить с другими государствами соглашения об ограничении морских и воздушных вооружений. Кроме того, он подчеркивал свое искреннее желание прийти к широкому соглашению с Великобританией. Была достигнута договоренность, что участники встречи будут поддерживать между собой связь дипломатическим путем по вопросу установления взаимопонимания в области морских вооружений. Затем в следующие недели предпринимался различный зондаж, и в конце мая 1935 г. нами было получено приглашение прислать в Лондон своего полномочного представителя для переговоров по вопросу о флотах.

¹ Антони Иден (1897—1977), граф Эйвон, — британский государственный деятель и дипломат. В 1935—1938, 1940—1945, 1951—1955 гг. — министр иностранных дел; в 1955—1957 гг. — премьер-министр Великобритании. С 1961 г. — член палаты лордов.

Фюрер пожелал, чтобы на переговоры отправился я, и назначил меня послом по особым поручениям.

В начале июня 1935 г. я выехал в Лондон, чтобы достигнуть с английским правительством соглашения по морским вооружениям. Вести переговоры, на которые я взял с собой только узкий круг сотрудников, мне компетентно помогали адмирал Шустер и наш военно-морской атташе в Лондоне капитан I ранга З. Васснер вместе с некоторыми другими специалистами.

На первом заседании председательствовал сэр Джон Саймон. По опыту прежних переговоров с британцами мне казалось правильным с самого начала выдвинуть в качестве *condicio sine qua non*¹ желаемое фюрером соотношение английского и германского военных флотов 100:35. Далее я счел необходимым, чтобы мы заключили с Англией твердый договор, немедленно вступающий в силу. Если же этого не произойдет, я предвидел самые серьезные трудности. Но даже если Англия будет готова признать германские пожелания, приходилось рассчитывать на то, что при любом предварительном запросе Парижа (ввиду ее тогдашних союзнических отношений с Францией) она натолкнется на решительное возражение. Поэтому я и выдвинул наши требования сразу же после открытия переговоров.

Сэр Джон Саймон, желавший, чтобы такое требование, пожалуй, было поставлено лишь в конце переговоров, в качестве их результата, возразил, что принять такое требование сразу после начала переговоров едва ли возможно.

Переговоры продолжились в знаменитом здании адмиралтейства с его историческим флюгером. Он был установлен еще во времена адмирала Нельсона, чтобы командующий флотом адмирал в любой момент знал направление ветра: может ли французский флот выйти сейчас из гавани Булонь или нет.

После некоторых затруднений мои требования были приняты английской стороной. После короткого перерыва

¹ Необходимое условие (*лат.*).

переговоры (которые велись в основном тогдашним помощником государственного секретаря в Форин офисе, будущим послом в Токио сэром Робертом Крэйджи и британским адмиралом Лиддлом) завершились 18 июня 1935 г. заключением известного германо-британского соглашения о флотах.

За день до заключения договора возникла еще одна серьезная возможность отсрочки — Форин офис неожиданно прислал проект соглашения, который в принципе закреплял соотношение 100:35, но хотел поставить его вступление в силу в зависимость от согласия всех держав, подписавших Версальский договор, а также содержал и некоторые другие тормозящие положения. У меня произошла в отеле «Карлтон» серьезная стычка с сэром Робертом Крэйджи, и я сказал ему: «Весьма сожалею, но мне придется отправиться домой, сознавая, что по отношению ко мне англичане слова своего не сдержали».

Затем проект был соответствующим образом изменен, причем (как это вообще принято на переговорах по вопросам флотов) первый лорд адмиралтейства, будущий лорд Монселл, проявил поистине широкий подход к делу в интересах своей страны.

Соглашение было подписано министром иностранных дел сэром Сэмюэлом Хором¹ и мной. В своей заключительной речи я со всей теплотой высказал мысль, что добровольным ограничением германских военно-морских сил фюрер желает навсегда устранить соперничество между флотами обеих стран и тем самым заложить фундамент прочной германо-английской дружбы. После меня слово взял Хор, но говорил он, как бросилось мне в глаза, гораздо холоднее. Однако для меня главным было то, что договор, казалось, создал основу для того англо-германского сотрудничества, к которому мы стремились, и устранял причину, которая привела к первой мировой войне.

¹ Сэмюэл Джон Генри Хор (1880—1959), виконт Темрлвуд, — британский государственный и политический деятель, дипломат. В 1935—1936 гг. — министр иностранных дел.

Этим результатом моей лондонской миссии, я был очень удовлетворен. Адольф Гитлер, которому я сообщил о подписании соглашения по телефону, был удовлетворен не менее — он назвал этот день одним из самых счастливых в своей жизни. Хотя тем самым, причем с согласия Англии, были официально отменены положения Версальского договора в отношении вооружений, бесконечно более важным мне казалось возникшее германо-английское взаимопонимание насчет наших флотов.

В полдень я был на ланче у сэра Уолтера Лейтона в здании газеты «Ньюс кроникл», где мое сообщение о договоре произвело своего рода сенсацию. Во второй половине дня меня посетили многие мои английские друзья, чтобы выразить свою радость. Редко приходилось видеть мне таких довольных людей, как многочисленные посетители отеля «Карлтон» в этот и на следующий день. Немало этих друзей и знакомых уже не один год помогали мне в моих стремлениях. Я вспоминаю уже, к сожалению, покойного лорда Ротермира и ряд других. Но в те дни я увидел и много новых лиц, а в ответ на мое удивление один из моих знакомых сказал мне: «Вы, верно, даже и не догадываетесь, что значит заключить такой договор с британским военно-морским флотом, который означает для Англии решительно все!»

В Париже были серьезно раздосадованы. Некоторые газеты дошли до того, что стали писать о «коварном Альбионе». Я просил моих французских друзей подчеркивать те выгоды, которые в результате этого добровольного ограничения Германией своих вооружений в конечном счете получила и Франция.

Когда на следующий день после заключения договора меня снимали для еженедельного киножурнала и я сказал, что считал задачей всей своей жизни добиться взаимопонимания между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой, это отнюдь не были пустые слова или *double talk*¹, как хотели изобразить на Нюрнбергском процессе. Нет, это было мое глубочайшее

¹ Лицемерные, двуличные (англ).

убеждение! Сегодня мне не верят, что это так; более того, как я сказал в своем последнем слове на Нюрнбергском процессе, иностранные государственные деятели «сегодня не смеют поверить, что это так!». Но я надеюсь, что еще придет тот день, когда сделанное мною получит совсем другую оценку.

После заключения договора меня посетил также постоянный секретарь английского министерства иностранных дел сэр Роберт Ванситтарт¹. Но я не смог установить, каково же его собственное мнение. Хотя в общих выражениях он и высказывался о договоре положительно, но находился в каком-то нервном состоянии, и у меня сложилось такое впечатление, что подобный ход событий был ему совсем не по душе. Я знал Ванситтарта лишь поверхностно, в былые годы раз или два посетил его, причем он всегда вел себя очень сдержанно. Я не мог не поддаться впечатлению, что в улучшении германо-английских отношений он был заинтересован гораздо меньше меня. Я задавал себе вопрос, не является ли причиной этого его сильно дающая себя знать франкофильская позиция. Ванситтарт писал стихи и пьесы на французском языке. Но это еще не причина для его негативного отношения: я ведь тоже был франкофилом!

Главное заключалось в том, что Ванситтарт с самого начала отстаивал в Форин-офисе тезис, который в свое время был сформулирован сэром Эйром Кроу — англичанином, рожденным немкой: «Англия никогда не должна идти на пакт с Германией!» Сэр Роберт держался этого курса вплоть до самого уничтожения Германии, своего великого триумфа в данный момент. Все мои попытки и попытки других людей настроить его на другой лад ни к чему не привели. В те годы он, несомненно, был в Англии главным противником всех стремлений германской политики. «Ванситтартизм» стал для всего мира символом не-

¹ Роберт Джилберт Ванситтарт (1881—1957), барон Денхэм, — британский дипломат, представитель антигерманского направления британской дипломатии. Отсюда его ориентация на Францию и готовность искать соглашения с СССР для борьбы против германской опасности.

ненависти к Германии. Но выдержит ли политика Ванситтarta проверку историей?

Свое недовольство подписанием договора о флотах Ванситтарт показывал достаточно явно. Уже один тот факт, что мистер Крэйджи после подписания попросил меня не посещать сэра Роберта, говорил о многом. Дружественно настроенные по отношению ко мне люди проинформировали меня о том, что Ванситтарт возражает против немедленного вступления договора о флотах в силу и что трудности, возникшие накануне его подписания, исходили лично от него. Так это или нет, но в любом случае обычно столь самоуверенный Ванситтарт при моем посещении был явно скован и подчеркнуто вежлив со мной. Это, в частности, выразилось в том, что при прощании (весьма редкий случай в Форин офисе) он спустился со мной по лестнице и проводил меня до моего автомобиля, стоявшего на Даунинг-стрит. Я дал себе обещание сделать все для того, чтобы установить дружественный контакт с этим влиятельным человеком. К сожалению, это не удалось мне и позднее.

Уже в то время в Англии действовали силы, с порога отвергавшие любое германское предложение, даже если оно было столь же разумно, как соглашение о флотах. В противоположность временам Тирпица¹ этот договор соотношением 100:35 гарантировал Англии, если она честно стремилась к миру, преимущественное положение морской державы. Но Ванситтарт и стоявшие за ним круги старались сохранить версальскую систему; тем самым они несут главную ответственность за дальнейший ход развития, в результате которого Германия и Англия вновь оказались друг против друга*.

Уже тогда, после соглашения о флотах, я сконцентрировал свою деятельность на том, чтобы, базируясь на этом фундаменте, прийти к еще более тесным отноше-

¹ Альфред фон Тирпиц (1849—1930) — гросс-адмирал. В 1897—1916 гг. возглавлял имперское военно-морское ведомство, проводил политику создания крупного, предназначенного для агрессии военно-морского флота; во время первой мировой войны требовал ведения неограниченной подводной войны.

ям, а если можно, то и к союзу с Англией. Это было огромным желанием Адольфа Гитлера, а также и моим собственным. Фюрер заявил мне, что кроме соглашения о флоте он готов также в рамках союза с Англией гарантировать целостность лежащих между Германией и Англией стран — Голландии, Бельгии и Франции — и, более того, предоставить в распоряжение Великобритании в целях сохранения ее империи, где бы то ни потребовалось, до 12 германских дивизий.

Я в первую очередь думал тогда о заключении военно-воздушного пакта, к чему Адольф Гитлер относился положительно. В качестве встречной компенсации Англия должна была бы признать Германию сильнейшей континентальной державой и не остаться глухой к определенным немецким требованиям о пересмотре границ в Центральной Европе. Правда, о последнем Гитлер тогда еще подробнее не высказывался, а пока говорил лишь, что для этого он должен найти дружественное понимание со стороны Англии. В качестве источников сырья он желал вернуть одну или две бывшие немецкие колонии. Однако это требование не должно было служить *condicio sine qua non* для союзнических отношений. Эти мысли Гитлера о союзе я в последующие годы выдвигал в Лондоне на обсуждение при самых различных обстоятельствах. Отчасти они воспринимались позитивно, но в большинстве случаев холодно.

Решающим для того, чтобы двинуть это дело вперед, мне казалось одно: встреча главы британского правительства с фюрером, чтобы на базе исключения военноморского соперничества прежде всего углубить взаимное доверие. Гитлер сразу же согласился. Но привлечь Болдуина на сторону этой идеи оказалось трудно. Все мои английские друзья тогда поддержали меня. Болдуин колебался. Тогда Гитлер предложил устроить встречу на военном корабле в Северном море и даже заявил, что готов полететь к британскому премьеру в Чеккерс¹.

Я слышал, что Болдуин вроде бы не против, но к

¹ Чеккерс — загородная резиденция британского премьер-министра.

решению идет все же медленно. Потом я узнал, что Болдуин высказался так: он должен сначала переговорить с «Ваном» (имелся в виду Ванситтарт). Это вызвало у меня опасения, ибо от Ванситтарта я положительного решения не ждал. В конце концов Болдуин через своего друга мистера Т. Дж. Джэнса передал мне, что такая встреча «еще требует большой подготовки». Практически это означало отказ. Я слышал позже, что Болдуин высказался так: он, мол, не знает, «как говорить с диктаторами».

После многообещающего начала в виде соглашения о флотах отказ Болдуина разочаровывал. Когда я доложил об этом отказе Адольфу Гитлеру (он ожидал меня в саду Имперской канцелярии), его разочарование было, пожалуй, даже еще большим, чем мое. Он довольно долго молчал, а потом серьезно поглядел на меня. Наконец сказал: многие годы он вновь и вновь выступал за германо-английское взаимопонимание, решил вопрос о флотах в таком благоприятном для Англии духе, готов делать все вместе с нею, но, видимо, его позицию, имеющую столь важное значение для целых поколений, там не понимают.

Мне было ясно: важная возможность упущена. В ущерб Германии и Англии, более того, к невыгоде для Европы и всего мира благоприятный компромисс не достигнут и шанс его так и остался неиспользованным. Представится ли он вновь? Нет, этого не произошло!

Я был встревожен, ибо знал Адольфа Гитлера. Франция отказала ему в лице Даладье, а теперь, несмотря на все авансы, отказывает и Англия. Не толкнет ли это его на путь вражды и куда в конце концов этот путь приведет?

Разве внешнеполитические идеи фюрера не были вполне разумны? Адольф Гитлер хотел сильного рейха, внутри объединенного против большевизма, а вовне вооруженного на любой случай развертывания военной силы Востока. Он неоднократно говорил со мной об опасной идеологии коммунизма во главе с его решительным руководством, которое располагает людскими резервами и материальными ресурсами в трудно поддающемся оценке

масштабе. Он хотел возвести в Центральной Европе бастион против коммунизма в виде сильной Германии. Он хотел пересмотреть такие установленные в Версале нелепые границы, как Данциг и коридор, и при этом эвентуальным возвращением сельскохозяйственных областей улучшить продовольственное положение Германии. Он желал найти решение по вопросам Австрии и Судет; приобрести Балканы как рынок сбыта и закупки пшеницы; установить дружбу с Италией; гарантировать целостность западных стран (в особенности достигнуть соглашения с Францией ценой отказа от Эльзас-Лотарингии); вступить в союз с Англией, прекратив военно-морское и военно-воздушное соперничество между нею и Германией.

Таковы были в общих чертах тогдашние основные внешнеполитические идеи Адольфа Гитлера. Хотя он и желал упомянутого выше возврата одной или двух колоний, но при определенных соответствующих торговых соглашениях решающим фактором это не являлось. Фюрер, вне всякого сомнения, достиг бы договоренности с Англией насчет соотношения сил на суше и в воздухе точно так же, как он уже сумел сделать это на море соглашением о флотах; он бы выдвинул долгосрочную программу территориальных изменений, а также эволюционного решения вопросов об Австрии и о Судетах.

Я убежден в том, что, если бы встреча с британским премьер-министром состоялась и английская сторона согласилась с основными идеями этой внешней политики, мы жили бы сейчас в условиях глубочайшего мира.

Россия здорово призадумалась бы, предаваться ли ей своему экспансионистскому «Drang nach Westen»¹. Советы, учитывая бесперспективность таких затей, вообще воздержались бы от своих планов и подготовительных мер в военной и идеологической областях.

Почему же эти идеи Адольфа Гитлера не осуществились и из-за чего сорвался ход того развития, которое было начато германо-английским соглашением о флотах? Когда сегодня, в 1946 г., я пытаюсь ответить на этот

¹ Натиск на Запад (нем.).

вопрос на основании своего личного опыта и с определенной временной дистанции, я должен привести следующие причины, являющиеся, по моему разумению, решающими.

Прежде всего следует назвать тот факт, что на основе Версальского договора была построена та система, которая нашла свое выражение в виде Лиги Наций и ее устава. Эта организация, собственно говоря, должна была со временем стать инструментом разумного пересмотра ставших невыносимыми положений Версальского договора. Правда, такое ее предназначение маячило и перед мысленным взором Вильсона, но когда теория была призвана стать действительностью, США быстро отшатнулись от этого. Вместо того Лига Наций начала развиваться в противоположном направлении. Она стала инструментом закрепления, увековечения Версаля. Иными словами, она сделалась инструментом подавления побежденных в 1918 г. наций и тем самым причиной их дальнейшего упадка. Ревизия Версаля значилась только на бумаге, ибо не было ни института, ни доброй воли победителей, чтобы вопреки эгоизму отдельных государств на практике добиться изменения этого договора. Но народы не желали и впредь находиться под гнетом всяких статутов, они хотели жить. И если статуты эту жизнь обеспечить не смогли, тогда эти народы прибегали к своему праву перешагнуть через все уставы и параграфы.

Как и прежние германские правительства, третий рейх тоже оказался перед лицом того неоспоримого факта, что добиться пересмотра Версаля путем мирных переговоров с государствами Лиги Наций в конечном счете невозможно. Поэтому Германия покинула Женеву и вступила на путь непосредственных переговоров с великими державами, прежде всего с Англией и Францией. Соглашение о флотах явилось единственным, когда ревизия Версальского договора была достигнута путем дружественных переговоров по крайней мере с одной великой державой. К сожалению, это так и осталось исключением. Английская дипломатия своим тогдашним прорывом господствующей системы, несомненно, нажила себе большие трудно-

сти во взаимоотношениях с другими странами — участницами Версальского договора. В то время мне неоднократно приходилось слышать, что со стороны профессиональной английской дипломатии во главе с Ванситтартом на британский кабинет было оказано сильное давление с целью преградить путь любому развитию в направлении переговоров вне версальской системы.

Только так можно понять отказ Болдуина. Я и сегодня убежден в его доброй воле. Если бы при этом он следовал лишь инстинкту и меньше — советам Форин офиса!

Но почему английская дипломатия и вообще влиятельные круги, группировавшиеся вокруг таких людей, как Черчилль, Ванситтарт, Дафф Купер и многие другие, заняли такую отрицательную позицию в отношении Германии? Здесь лежит вторая причина провала крупного германо-английского соглашения тех лет. Ответ на этот вопрос одновременно дает и ответ на вопрос о причинах второй мировой войны вообще. Он гласит: угроза «балансу сил» в Европе!

Английский политический мир в ту пору раскололся на две части.

Одна, возглавлявшаяся важнейшими членами кабинета, к числу которых поначалу принадлежали мистер Болдуин, определенное число видных лиц из палаты лордов и палаты общин, влиятельные представители прессы, Сити и духовенства, была за взаимопонимание, за широкий союз с Германией.

Другая часть, возглавлявшаяся Ванситтартом и Форин офисом, была против всякого соглашения с Германией, за строгое соблюдение версальской системы. Политики данной группы уже в самом существовании сильного германского рейха видели опасность для английского тезиса сохранения «баланса сил» в Европе. Поэтому они с самого начала считали необходимым противодействовать Гитлеру и Германии и не допускать никакого дальнейшего усиления рейха. Уже в 1935—1936 гг. эти круги все больше брали верх, по мере того как новая широкая политика группы британских политических деятелей, желавших осу-

ществления английских интересов посредством совместных действий с Германией, теряла свои шансы на успех.

Третью причину неудачи в деле окончательного установления германо-английского взаимопонимания в 30-е годы я вижу в сильном влиянии тех кругов в Англии, которые с самого начала враждебно противостояли национал-социалистической идеологии. Это прежде всего масоны и евреи, а также определенные церковные и профсоюзные круги. Вопрос, в какой мере эти круги, к действиям которых косвенно добавлялось и влияние из США, сыграли определяющую роль в этом развитии, весьма спорен. Сам я думаю, что в сравнении с решающей ролью тех кругов, которые были настроены в духе соблюдения британских имперских интересов, они имели лишь второстепенное значение. Но как бы то ни было, в любом случае это служило теми главными факторами, которые противодействовали в Англии разумному подходу к решающему для всего европейского развития вопросу. Если бы тогда существовало такое британское правительство, которое вопреки всякому сопротивлению заявило о своем согласии на выдвижение для совместного осуществления программы ревизии Версаля и крупного политического соглашения, всего этого с Гитлером можно было достигнуть.

То, что в Англии не проявили такой решимости, было особенно достойно сожаления, учитывая характер фюрера. Он восхищался Англией и искал дружбы с ней, считал существование Британской империи важным и для Германии. Но, как он не раз говорил мне в последующие годы, «любовь — дело взаимное, а односторонняя ни к чему хорошему не приведет».

Уже в те годы я неоднократно просто-таки вступал в единоборство с Адольфом Гитлером за модификацию мировоззрения национал-социализма, особенно в еврейском вопросе, ибо она облегчила бы германо-английское взаимопонимание. К сожалению, вместо этого на свет появились нюрнбергские законы*.

Обстоятельства складывались так, что в любом случае Гитлер уже тогда постепенно оказывался в оппозиции к

Англии. Все, что исходило от Англии, он с 1935—1936 гг. рассматривал с медленно, но неуклонно возрастающим недоверием.

К тому же Адольф Гитлер легко и сильно поддавался воздействию прессы. Часть английских газет уже в те годы не останавливалась перед нападками на Германию. К сожалению, ни тогда, ни позже, когда я уже был министром иностранных дел, несмотря на все мои упорные усилия, я не мог влиять на так называемый доклад фюреру материалов иностранной печати. Несомненно, было бы правильным, чтобы мое министерство представляло ему выдержки из прессы с соответствующими комментариями. Но этого не происходило. Материалы иностранной прессы ему непосредственно докладывал его шеф печати д-р Дитрих. Таким образом, фюрер зачастую получал только полные ненависти к Германии статьи, которые в общей массе публикаций существенного значения не имели и никак не отражали английское общественное мнение. Подобные статьи производили на весьма чувствительного к критике фюрера совершенно нежелательное впечатление, и мне порой требовалось немало времени, чтобы опровергнуть лживые или же сильно утрированные сообщения. В течение многих лет моей деятельности я, докладывая фюреру, постоянно чувствовал воздействие на него этих статей. Да и сами статьи английской прессы, несомненно, не способствовали успокоению бушующих волн.

Однако все это решающей роли не играло. Решающим было то, что именно Англия вечно шла наперекор Гитлеру, будь то неизбежный пересмотр статей Версальского договора или же осуществление прочих германских требований. Вплоть до самого начала войны в 1939 г., когда речь шла о Данциге и коридоре (т. е. о той проблеме, которую сама Англия называла пороховой бочкой Европы), именно британская сторона вновь и вновь оказывала величайшее сопротивление германской политике ревизии Версаля. Эта английская позиция психологически воздействовала на позицию фюрера весьма неблагоприятно. И все-таки Адольф Гитлер, который в принципиальных вопросах с невероят-

ным трудом отходил от своей линии, до последнего перед началом войны дня проявлял волю к взаимопониманию и сделал все, чтобы избежать войны с Англией и все же прийти к широкому германо-английскому соглашению.

Я придерживался мнения (и это мнение я вопреки всем утверждениям британской пропаганды высказывал Адольфу Гитлеру), что Англия, не увидев другого пути для осуществления своего принципа равновесия сил, возьмется за оружие и будет героически сражаться, если только мы не сможем договориться с ней о силе нашего рейха. Еще в 1935—1936 гг. я испытывал такое чувство, что те английские круги, которые исповедовали старый тезис о равновесии сил, однажды возьмут верх над теми кругами, которые выступают за взаимопонимание¹.

Я знал, какое решающее влияние оказывает там профессиональная дипломатия, особенно принимая во внимание значительный интерес большинства англичан к внешнеполитическим вопросам. В Форин офисе твердо и непоколебимо присягнули на верность тезису сэра Эйра Кроу никогда не идти на пакты с Германией, а также принципу равновесия сил, согласно которому Англия никогда не должна вести свою политику вместе с сильнейшей европейской державой, а всегда — лишь против нее.

Точка зрения Адольфа Гитлера была такова: этот английский принцип устарел и уже не отвечает британским интересам даже теоретически. Причину, которую фюрер мне назвал, он видел в возможности развертывания Востоком крупных сил и в той угрозе большевизации Европы, Англии, а затем и всего мира, которая проявляется в наш век социальных переворотов. А потому Гитлер считал, что Англия гораздо скорее будет приветствовать

¹ В этом отношении представляет интерес дневниковая запись будущего английского премьер-министра Невилла Чемберлена от 6 июня 1934 г.: «Мы не можем одновременно готовиться к военным действиям и с Японией, и с Германией. Мы должны сосредоточить наши усилия на последней проблеме». (Цит. по: Keith Feiling. The Life of Neville Chamberlain. London, 1946. P. 253). — *Примеч. нем. изд.*

более сильную, чем прежде, Германию и даже должна быть особенно заинтересована в ее существовании. Только объединенная национал-социализмом, невосприимчивая к коммунизму, сильная Германия может послужить для Европы, а тем самым и для Британской империи действительным бастионом против него. Старый английский тезис равновесия сил, как однажды в классической форме выразил это фюрер, в нынешних условиях никогда больше не пойдет на пользу Англии, а будет выгоден только России.

Британская империя как первый фактор военно-морской силы и стоящая на ее стороне благодаря германо-английскому союзу Германия в качестве первой европейской силы, предназначенной для отпора усиливающемуся агрессивному Востоку, — такова была картина будущего, представлявшаяся Адольфу Гитлеру. В ней он видел базис новой стабилизации сил во всем мире, а тем самым и мирного развития всех народов.

Вопреки этому наши противники в Лондоне Ванситарт и Черчилль со всевозраставшим успехом отстаивали другой тезис: умеренно сильная Германия, с одной стороны, и Франция со своими восточноевропейскими союзниками — с другой, должны обеспечить Англии возможность в любой момент бросить по ее собственному усмотрению на чашу весов все свое влияние.

По этому вопросу у меня еще с 1935—1936 гг. и в военные 1943—1944 гг. постоянно имелись серьезные разногласия с фюрером. Я обращал его внимание на то, что в долгосрочной исторической перспективе он, возможно, и прав, но это не кажется мне решающим. Решающее — это тот факт, что руководящий слой английского государства, правильно то или нет, сегодня придерживается своего собственного взгляда. Не в нашей власти заставить английское руководство думать по-другому, даже если это и в интересах самой Британской империи. Ничего большего для осуществления своих взглядов в Англии мы сделать не можем.

Я вновь и вновь говорил фюреру перед войной: мы должны считаться с защитой Англией своего старого прин-

ципа равновесия как с политической реальностью, ради осуществления этого принципа она пойдет и на войну. Именно по данному столь решающему пункту мне никогда не удавалось добиться единства взглядов с фюрером. В последующие годы войны он неоднократно повторял мне: «Риббентроп, разве не был я прав в своем отношении к английскому тезису о равновесии? Продолжал ли он оставаться правильным и перед лицом этого колоссального развертывания сил России? Служить интересам Англии? Что произошло бы с Англией, если бы сегодня Германия оказалась слабой? Мы и в идеологическом, и в военном отношении являемся последним бастионом на подступах к Британской империи. А если Сталин сомнет Германию, большевизации Европы никакой силой английских или американских штыков не воспрепятствовать. Так не лучше ли было бы, если бы Англия своевременно договорилась с нами насчет Данцига и коридора, чего я с вашей помощью добивался три четверти года, вместо того чтобы объявлять нам войну из-за Польши? Разве Германия, заняв позицию борьбы против столь сильной Азии, смогла бы когда-нибудь стать опасной для Англии?»

В течение 1935—1936 гг. предпринимались попытки, опираясь на военно-морское соглашение, достигнуть дальнейших договоренностей с Англией. В переговорах о предполагавшемся военно-воздушном пакте, заключения которого я настоятельнейшим образом желал, мне довелось участвовать лишь частично. Переговоры шли по различным каналам. Я всегда сожалел, что они не увенчались успехом, ибо полагал, что пакт именно в этой области, пожалуй, мог привести к установлению иных отношений с Англией.

Никакого дальнейшего улучшения германо-французских и германо-английских отношений в это время констатировать было нельзя. Франция систематически продолжала свою политику союза против Германии. После того как Барту снова прочно включил Польшу и Малую Антанту в французскую систему пактов, произошла ратификация франко-русского договора о взаимной помощи, который, разумеется, представлял собой непосредственную

угрозу рейху и означал разрыв Локарнского соглашения¹. Ответом Гитлера стал важный шаг — восстановление германского военного суверенитета на всей территории рейха. Позднее фюрер говорил мне: это было для него одним из самых серьезных решений и после заключения франко-советского военного союза действовать иначе он не мог*.

Зимой 1935/36 гг. я поддерживал в Париже и Лондоне контакты со многими влиятельными лицами. В беседах с ними я открыто и недвусмысленно заявлял: либо в результате согласованной программы пересмотра границ в Европе будет достигнуто взаимопонимание между западными державами и Германией, либо рейх в какой-то форме вновь сам возьмет свою защиту в собственные руки, так как, следовательно, Локарнский договор должен быть изменен.

Из различных разговоров с благоразумными англичанами я вынес впечатление, что они признают обоснованность моих аргументов, и даже встречал согласие со стороны некоторых весьма влиятельных лиц. Мне нередко говорили: «Находясь в положении Адольфа Гитлера, англичане тоже заняли бы такую позицию».

Однако о намерении вновь занять Рейнскую область Адольф Гитлер тогда еще не говорил. На эту меру он решился очень быстро, когда получил сообщение о ратификации франко-советского договора о взаимопомощи. На его вопрос о риске я ответил: думаю, что занять Рейнскую область ему удастся без войны.

Часы, предшествовавшие вступлению в Рейнскую область, были тревожными. Сообщалось, что у французской стороны находится в боевой готовности моторизованная армия численностью примерно 250000 человек, и было ясно: при наших небольших вооруженных силах занятие Рейнской области может являться лишь символи-

¹ Локарнские договоры 1925 г. были подготовлены на конференции министров иностранных дел Бельгии, Великобритании, Германии, Италии и Франции, а также Польши и Чехословакии. Подписаны 1 декабря 1925 г. в Лондоне. Инициатива исходила по сути дела от Германии, предложившей заключить западноевропейский гарантийный пакт.

ческим. Для меня тоже это были тяжелые часы: ведь я же убеждал фюрера, что в Англии в конце концов смирятся с восстановлением германского военного суверенитета в Рейнской области. Однако широкие английские круги твердо держались за Версальский договор и Локарно, и никто, конечно, не мог в точности знать, сколь велико окажется влияние этих кругов. Даже при том, что, насколько мне было известно, крупные силы в Англии выступали за германо-английскую договоренность и проявляли понимание нашей точки зрения, решение Гитлера все равно означало большой риск.

Как самому Адольфу Гитлеру, так и мне было ясно одно: восстановления военного суверенитета Германии (а после заключения франко-советского союза фюрер придерживался именно такого взгляда) путем переговоров добиться невозможно. Наоборот, имелась опасность, что в результате длительных дискуссий по этой проблеме возникла бы крайняя ситуация, которая, вероятно, гораздо скорее могла привести к действительному конфликту, чем если бы за граница оказалась поставленной перед *fait accompli*¹. Таковы были мысли, владевшие нами тогда и окончательно побудившие Адольфа Гитлера предпринять этот шаг.

После занятия Рейнской области² Лондон предложил Германии отстоять немецкую точку зрения в Лиге Наций. Поначалу фюрер обдумывал, не следует ли ему лично полететь в Лондон и там самому выступить на ее Совете. Но против этого возразили министр иностранных дел Нейрат и я, и он от этой мысли отказался, а в Лондон послал меня. Предварительно нам сообщили, что Германия сможет там свободно и беспрепятственно защищать свою точку зрения. Накануне моего отъезда Гитлер обговорил со мной все детали нашей системы доказательств. Его крупный план мирных отношений должен послужить основой нового сотрудничества с другими нациями. Главное состо-

¹ Свершившийся факт (*фр.*).

² Германские войска приступили к занятию и ремилитаризации Рейнской области 7 марта 1936 г.

яло в том, что тем самым провозглашалась готовность Германии вернуться в Лигу Наций.

С этим решением у меня связано небольшое личное воспоминание. Когда поступило сообщение о франко-советском пакте и Гитлер принял решение занять Рейнскую область, мы находились в Мюнхене. Во время продолжительной беседы я изложил ему идею крупного мирного плана, с тем чтобы после занятия этой области построить сотрудничество с другими нациями на базе полного равноправия. Вернувшись в отель «Четыре времени года», я стал раздумывать, не смогли бы мы, пожалуй, решающим образом содействовать спокойному развитию, заявив, что готовы снова вступить в Лигу Наций. Я записал эту мысль и положил бумагу на стол. Ранним утром совершенно неожиданно позвонил фюрер: он хочет немедленно зайти ко мне, чтобы обсудить нечто очень важное. Войдя в мой номер, он сказал: «Риббентроп, сегодня ночью мне пришла в голову одна идея, как нам без всяких осложнений занять Рейнланд. Нам надо сначала вернуться в Лигу Наций. Теперь у нас положение там совсем другое, чем прежде». Я взял со стола и показал ему свою запись, в которой говорилось точно то же. Прямотаки передача мыслей на расстояние!

Мое задание представлять Германию на заседании Совета Лиги Наций в Лондоне было миссией довольно шекотливой, и поднялся я в самолет вместе с несколькими моими сотрудниками, испытывая довольно смешанные чувства. Ведь мы почти потеряли с Лигой Наций всякий контакт, не знали ничего определенного о позиции того или иного члена Совета, а также о настроении в Париже и Лондоне. Ходили слухи и о том, что между Англией и Францией уже ведутся военные переговоры.

Прибыв в Лондон, мы попали в явно недружественную атмосферу.

Поначалу нам даже не удалось ничего выяснить насчет процедуры предстоящего заседания. Все было окутано таинственной мглой. Тогдашний советник миссии, а позже посланник фон Шмиден, осуществлявший связь нашего министерства иностранных дел с Лигой Наций,

ничего определенного о заседании Совета сообщить мне не смог. Однако поначалу стало известно одно: его решение будет объявлено прямо на утреннем заседании, сразу после моего выступления.

Это было бы равнозначно вынесению приговора без учета германской точки зрения. Поэтому я попытался связаться с председателем Совета австралийцем Брюсом, но мне это не удалось. Тогда я вечером отправился в Форин офис, чтобы разузнать там все поточнее и одновременно заявить: если Германия предстанет перед Советом, то он по меньшей мере обязан принять к сведению ее точку зрения, прежде чем выносить какое-либо решение. Но и в Форин офисе я сначала получил уклончивый ответ. Только на следующее утро председатель Совета, которого я посетил, сообщил мне о согласии с желаемой нами процедурой. Я должен выступить на утреннем заседании, а на вечернем будет оглашено решение Совета.

Когда я вошел в прекрасный исторический дворец Сент Джеймса, с которым связано столь много событий в истории Англии, большинство членов Совета уже собрались. Я знал только английского представителя Идена, француза Фландена и бельгийца ван Зееланда. Остальные были мне неизвестны. Стол заседаний в большом зале имел форму подковы; мое место находилось на его внешнем углу рядом с румынским представителем Титулеску. Французы, англичане и русские заняли место посередине. Представление присутствующих предусмотрено не было. То, что я, несмотря на это, приветствовал Идена, Фландена и Зееланда, было расценено прессой как «символ разрядки».

После краткой вступительной речи председателя я подробно изложил германскую точку зрения относительно занятия нами Рейнской области. Я показал, что в результате франко-русского союза, который может быть направленным только против Германии, предпосылки, при которых был заключен Локарнский договор, исчезли, а потому и сам этот договор потерял силу. Ни от одной нации в мире нельзя ожидать, что она будет бездейственно взирать на создание направленной против нее системы

союзов такого масштаба. А поэтому нельзя и далее отказывать в этом Германии, требуя от нее оставлять часть своей страны, причем одну из важнейших, в незащитном состоянии. Затем я разъяснил 25 пунктов германского плана мира, который, как мы надеемся, откроет совершенно новую эру отношений между державами, и под конец решительно заявил о готовности Германии вернуться в Лигу Наций.

После моего выступления должны были начаться дебаты. Я увидел, как советский представитель Литвинов, во время моей речи демонстративно скрывавший свое лицо за развернутым листом газеты, поднялся, желая мне возразить. Но Иден, который с самого начала стремился создать уравновешенную атмосферу, тут же подошел к господину Литвинову и горячо заговорил с ним. В результате Литвинов, вместо того чтобы ответить мне, снова прикрылся своей большой газетой — думаю, это была «Таймс». Некоторые другие члены Совета, в первую очередь бразильский представитель, решили все-таки выступить, и состоялось краткое обсуждение, затрагивавшее, однако, больше формальные вопросы, чем содержание моей речи. Затем неожиданно встал со своего места господин Титулеску и резко напал на один тезис предыдущего оратора; таким образом, дебаты пошлы по второстепенному пути. Я поначалу держался весьма сдержанно и наблюдал за дальнейшим ходом событий не без удовлетворения, ибо моя речь не вызвала никаких возражений, которые потребовали бы какого-либо резкого германского ответа. Англия, Франция и Бельгия, т.е. наиболее заинтересованные страны, проявили полную сдержанность. Так время постепенно подошло к обеденному перерыву, и мне даже не потребовалось еще раз брать слово.

После короткого перерыва Совет собрался снова и без дальнейших формальностей огласил свое решение, в разработке которого мы участия не принимали. В нем Германия объявлялась виновной в нарушении Локарнского пакта. Это заявление было принято единогласно, причем, как я видел, итальянскому представителю было не совсем по себе. Воздержался от голосования лишь бразилец.

Разумеется, решение это было predeterminedено еще до того, как я прибыл в Лондон, и небольшое обсуждение на утреннем заседании служило просто очковтирательством. И все же наше решение изложить перед Советом Лиги Наций германскую позицию было наверняка правильным. Но, как известно, на конференциях никогда нельзя с точностью предвидеть, что именно произойдет, если аргументы и темпераменты побудят делегатов к выступлениям. У меня же самого никакого намерения спровоцировать дебаты от лица Германии не было. Наоборот, я считал, что мои слова, частично сформулированные фюрером, достаточно взвешены и германские аргументы настолько убедительны, что возразить что-либо против них можно, пожалуй, лишь с юридической, но отнюдь не с политической точки зрения.

Учитывая новую французскую политику союзов, фактически направленную только против рейха, положения Локарнского пакта стали слишком несправедливыми оковами для Германии. И это, несомненно, ощущали если не политические представители в Лиге Наций, то широкие массы их стран. Поэтому после обсуждения, на которое мы рассчитывали, я ограничился сравнительно кратким заявлением, что это осуждение Германии, если рассматривать его в свете более высоких соображений, не может быть понято и не выдержит справедливого приговора истории. На этом заседание Совета Лиги Наций по вопросу о занятии Рейнской области закончилось.

Гораздо большее опасение вызывало то, что тем временем в Лондоне начались совещания представителей генеральных штабов Франции и Англии. Поэтому сразу после заседания Совета Лиги Наций (еще в тот же день) я установил контакт со всеми друзьями, находившимися в сфере моей досягаемости. В эти послеполуденные часы отель «Карлтон» был подобен голубятне. Мне даже не пришлось извещать большую часть наших друзей, многие пришли сами по себе, а вместе с ними явились и некоторые люди с солидной репутацией и громкими именами, которых я раньше даже не знал. Я до глубокой ночи старался разъяснить им германскую точку зрения и пробудить у них пони-

мание нашей позиции. И если в дальнейшем события протекали гладко, тому, несомненно, в немалой степени способствовали эти лица, имевшие значительное влияние на политику, формирование общественного мнения и экономику. В те критические часы как Германия, так и я лично обрели в Англии немало хороших друзей.

На следующий день у меня состоялась продолжительная беседа с Иденом в Форин офисе. Да, конечно, для него ситуация была отнюдь не легкой. Речь шла о том, готова ли Германия (скорее символически, чем фактически) отвести свои войска назад, а также и о возможном создании нейтральной зоны на франко-бельгийской границе, об укреплениях и о численности находящихся в Рейнской области немецких войск. Все это были вопросы трудные, и Франция, вне всяких сомнений, сильно стремилась к тому, чтобы, поскольку не было предпринято ничего более серьезного (а на вооруженное вмешательство в Париже уже не решались), сделать нечто такое, что позволило бы ей сохранить лицо перед внешним миром. С другой стороны, Гитлер, как я констатировал при телефонном разговоре с ним из посольства, был полон решимости добиться неограниченного военного суверенитета во всех отношениях, а следовательно, и включая укрепления, противостоящие линии Мажино. Ситуация была — видит Бог — непростой!

К счастью, Иден не сделал мою задачу еще более трудной, чем она была и без того. Как в этой, так и в двух последующих беседах он проявил известное понимание германской точки зрения и вел себя гораздо дружелюбнее, чем я ожидал от него при таком положении вещей. И в этой деликатной ситуации я воспринимал его поведение, как говорят англичане, как вполне helpful¹. Если же один или два раза коса все-таки находила на камень (ибо я был обязан отстаивать и «пробивать» бескомпромиссную позицию Адольфа Гитлера), то, по крайней мере дипломатически, делалось все, чтобы дальнейшее ужесточение германо-английских отношений не наступило.

¹ Полезное (англ.).

Решающим образом этому содействовало английское общественное мнение. Несмотря на шок, вызванный германским актом у официальной Англии, *man in the street*¹ проявлял определенное понимание положения Германии и немецкой точки зрения. Многие англичане спонтанно говорили мне, что нельзя на длительный срок отказывать в праве на защиту своей страны ни малой, ни великой нации. Таким образом, даже и в эти дни общественное мнение Англии отнюдь не являлось недружественным по отношению к Германии. Например, лорд Ротермир (с которым во второй половине того дня у меня состоялась долгая беседа) был настроен весьма позитивно. «Таймс» и пресса Берри, с владельцами которых лордом Кэмроузом и лордом Кемсли я познакомился в те дни, а также некоторые провинциальные газеты тоже высказывались вполне разумно. В конечном счете я передал прессе несколько дополнительных заявлений о германском мирном плане.

Перед отъездом из Лондона я еще раз получил приглашение лорда Ванситтарта, которого посетил вместе с германским послом фон Хёшем. Ванситтарт проживал в добротном старомодном загородном доме, изысканность которого редкостным образом гармонировала с утонченностью современной обстановки, полностью определявшейся вкусом его жены-американки. За столом о политике говорили мало. Я особенно приветствовал и принял это приглашение потому, что всегда считал моей важнейшей задачей находить путь к окончательному установлению дружбы с Англией, а также и потому, что сэр Роберт в вопросе англо-германского компромисса (в этом не было никаких сомнений), как и прежде, занимал одну из главных, если не самую главную ключевую позицию. На эту тему я долго разговаривал с послом Хёшем на обратном пути. Он тоже подчеркивал большое значение Ванситтарта и характеризовал его как человека, настроенного в отношении Германии весьма скептически и кажущегося довольно непроницаемым; привлечь его на нашу сторону можно лишь с большим трудом; он также подтвердил и большое влияние лорда

¹ Простой человек (англ.).

на других членов кабинета. Господин фон Хёш, несомненно хорошо знавший Лондон, отнюдь не всегда благожелательно относился ко мне. Возвращаясь домой после визита к Ванситарту, мы впервые решили дружить и договорились вместе делать все, чтобы развивать германо-английские отношения. Условились и поддерживать в будущем тесный контакт друг с другом.

Вскоре я вылетел на доклад к Адольфу Гитлеру, который пребывал в тот момент в отеле «Дреезен» около Годесберга. Там на следующий день мне сообщили, что господин фон Хёш скоропостижно скончался от паралича сердца. Я искренне сожалел о смерти этого способного посла.

В Годесберге я смог доложить, что, на мой взгляд, никаких дальнейших серьезных последствий занятия нами Рейнланда ожидать не приходится и что теперь надо превратить германский план мира в реальность, а также прийти к новому сотрудничеству с другими государствами. На вопрос, сколь далеко продвинулись переговоры между генеральными штабами Франции и Англии, я точного ответа дать не мог.

Из Годесберга, куда приехала и моя жена, мы вместе с фюрером совершили роскошную поездку на пароходе вверх по Рейну до Бибериha. Весенняя погода была великолепна, а по берегам стояли люди, приветствовавшие нас. Весть о поездке фюрера по Рейну опережала наш пароход со скоростью ветра, чем дальше, тем народа становилось все больше. Здесь тоже стало видно, какой невероятной популярностью пользуется Адольф Гитлер. Люди повсюду бросали работу, только бы поглядеть на него и поприветствовать хотя бы издали. Виноградари махали нам рукой со своих виноградников, а на пристанях по мере нашего продвижения вверх по Рейну собирались сначала сотни, а потом и тысячи людей, встречавших фюрера с восторгом и ликованием. Когда мы проплывали мимо одного крупного промышленного предприятия, загудели заводские гудки и рабочие и работницы устремились к берегу. Я и сейчас слышу, как стоявший на капитанском мостике Адольф Гитлер, повернувшись ко мне,

произносит: «Моя величайшая гордость, что я завоевал сердце немецкого рабочего». В Биберихе собралась такая толпа, что фюрер едва добрался до своей автомашины. Такие сцены мне доводилось переживать с ним еще достаточно часто.

Из Бибериха я со своими родителями поехал в Бланкенбург, где мы нанесли визит герцогу Брауншвейгскому и его супруге — дочери кайзера. Мой прадед, майор в отставке, проживал в одном из домов в герцогском парке и был в этом городе личностью известной. Герцогская чета, находившаяся в родстве с английским двором, в эти годы помогала мне (и я очень благодарен ей за это) в осуществлении моих стремлений и сделала многое для великой цели германо-английского взаимопонимания.

В начале лета 1936 г. я с семьей находился на лечении в Бад-Вильдунгене. Там я получил приглашение фюрера на Вагнеровский фестиваль в Байройте. Я никогда еще не бывал там и очень обрадовался возможности провести в этом городе несколько прекрасных дней.

К сожалению, пребывание в Байройте не ограничилось лишь наслаждением столь любимой мною музыкой Рихарда Вагнера. С каким удовольствием побыл бы я вместе с женой в тиши виллы «Мирные грезы» со всеми ее достопримечательностями, напоминающими о несравненном мастере, но до этого дело не дошло. Едва прибыв в Байройт, я получил известие о возникшем в Испании серьезном положении и услышал о намерении Адольфа Гитлера принять сторону генерала Франко, поднявшего восстание против тогдашнего мадридского правительства левого направления. На следующий день я посетил фюрера, который разместился во флигеле этой виллы. Он принял меня довольно предупредительно, но сразу же перешел к разговору об Испании, сказав мне, что Франко запросил самолеты, чтобы по воздуху перебросить войска из Африки в Испанию и начать военные действия против коммунистов. Я спонтанно ответил: для нас было бы лучше не влезать в испанские дела. Там нас не ждут никакие лавры, и, по моему убеждению, Испания для нас — дело весьма опасное. Я боялся новых осложнений с Англией, поскольку там

германское вмешательство, без сомнения, будет рассматриваться как очень нежелательное. Гитлер же категорически придерживался противоположного мнения. Он разъяснил мне (и я снова увидел, что и в данном случае мировоззренческие компоненты все же были решающими во всем его мышлении), что Германия ни в коем случае не потерпит существования коммунистической Испании. Его долг национал-социалиста — сделать все, дабы не допустить этого. Он уже распорядился, чтобы самолеты были предоставлены в распоряжение Франко.

Все мои повторные возражения Адольф Гитлер отбросил. Он заявил: в конечном счете в испанской гражданской войне решается вопрос, удастся ли Советам прочно забрать в свои руки одну из западных стран; глава мадридского правительства — человек Москвы, и от Франко поступили сообщения, согласно которым преобладающая часть оружия, имеющегося у Негрина¹, получена от Советской России. Муссолини тоже относится к Франко позитивно. Между мадридским правительством Негрина и французским Народным фронтом Леона Блюма² существуют теснейшие связи. Фюрер дословно сказал следующее: «Если создать коммунистическую Испанию действительно удастся, то при нынешнем положении во Франции большевизация и этой страны тоже всего лишь вопрос времени, ну а тогда дела Германии плохи! Оказавшись заклиненными между мощным советским блоком на Востоке и сильным франко-испанским блоком на Западе, мы вряд ли сможем еще что-нибудь предпринять, если Москве вздумается выступить против Германии».

Я видел вещи в другом свете. Особенно в том, что касается Франции: мне казалось, что французская буржуазия — все-таки достаточно сильная гарантия против окон-

¹ Лопес Хуан Негрин (1894–1956) — испанский политический деятель. Во время войны 1936–1939 гг. — министр финансов, обороны, премьер-министр. До 1945 г. считался главой испанского правительства в эмиграции.

² Леон Блюм (1872–1950) — французский политический деятель, лидер социалистической партии. В июне 1936 г. возглавил правительство, опиравшееся на Народный фронт.

чательной большевизации этой страны. Я сказал это фюреру. Но мне было бесконечно трудно противостоять его идеологическим принципам, которых я, как он считал, не понимаю. На мои возражения он реагировал довольно нервозно и резко оборвал разговор, сказав, что решение уже принял. Речь идет о совершенно принципиальном вопросе, и здесь моего чисто реально-политического мышления недостаточно. Со времени появления крупного социального вопроса нашего века текущую политику следует подчинять этой принципиальной проблеме, иначе однажды внешняя политика зайдет в тупик.

В данном случае проявилось то политическое расхождение с Адольфом Гитлером, которое неоднократно возникало у меня во внешнеполитической области. Свое наиболее типичное выражение оно нашло позже, когда в 1943 г. я в своей памятной записке снова посоветовал пойти на немедленный мир со Сталиным. В ответ Адольф Гитлер через посла Хевеля (поддерживавшего связь между министерством иностранных дел и ставкой фюрера) велел мне передать: «В борьбе против большевизма никакому компромиссу места нет. Торгашескую политику Риббентропа я одобрить не могу. Исход этой войны дипломатическими средствами решен быть не может!»

Чтобы получить самолеты, Франко сначала обратился к Герингу. Гитлер дал свое согласие, и это решение вызвало между Англией и нами новые трудности, которые позже, в период моего пребывания в Лондоне в качестве посла, привели к разногласиям в так называемом Коми-

¹ 17–18 июля 1936 г. начался франкистский мятеж против испанского правительства. Правительства Гитлера и Муссолини не замедлили с открытой военной интервенцией в Испанию. Франция и Англия не оказали противодействия мятежникам, а под предлогом сохранения всеобщего мира провозгласили политику «невмешательства» в испанские дела. 9 сентября 1936 г. в британском министерстве иностранных дел начал свою работу Международный комитет по вопросам невмешательства в дела Испании. Несмотря на неоднократные обращения испанского правительства, этот комитет фактически бездействовал, покрывая тем самым интервентов.

тете по невмешательству¹ и ощутимо мешали мне в выполнении моей дипломатической миссии.

Стала бы Испания действительно коммунистической, если бы мы не помогли ей? Кто может сказать это сегодня? Исключить это, конечно, нельзя, ведь поставки Москвой оружия для красных в Испании были, вне всякого сомнения, очень значительны.

Когда на следующий день я снова был вызван к фюреру, он совершенно неожиданно для меня объявил о моем назначении статс-секретарем министерства иностранных дел и поздравил меня с этим назначением¹. Он только что говорил с министром иностранных дел фон Нейратом, и тот с этим согласен. Он, фюрер, надеется, что мы хорошо сработаемся. Я поблагодарил Адольфа Гитлера за оказанное мне доверие.

Затем фюрер перевел разговор на тему о вакантности поста нашего посла в Англии ввиду смерти г-на фон Хёша и спросил меня, кого надобно послать в Лондон. В связи с этим возникла продолжительная беседа о германо-английских отношениях. Фюрер пожелал узнать, как я расцениваю шансы на достижение взаимопонимания с Англией. Я отвечал, что некоторые подходящие случаи, несомненно, английской стороной использованы не были. Поэтому, исходя из совершенно трезвых соображений, я не считаю эти перспективы в настоящее время хорошими. Однако, судя по тому, что я слышал, король Эдуард VIII отнюдь не настроен недружественно к Германии. При той огромной любви, которой он пользуется у английского народа, можно полагать, что взаимопонимание было бы достижимым, если бы король поддержал идею германо-английской дружбы, хотя обычно британский суверен оказывает на политику своего правительства влияние небольшое. Гитлер весьма скептически высказался насчет того, что изначально отстаивавшаяся им идея союза с Англией остается как-либо осуществимой.

¹ Прежний статс-секретарь министерства иностранных дел Бернгард Вильгельм фон Бюлов умер в июне 1936 г. — *Примеч. нем. изд.*

Мне стало ясно, насколько важное значение имеет точное представление фюрера о ситуации в Англии и возможности ее изменения, поскольку он, несмотря на все сомнения, все еще стремился к взаимопониманию с нею. Поэтому я высказал мысль, не будет ли наиболее правильным послать меня в Лондон послом, а не назначать статс-секретарем министерства. Идея эта так понравилась Гитлеру, что он тут же ухватился за нее и сказал, что целиком согласен. Договорились, что в течение одного дня мы вполне спокойно обдумаем этот вопрос, а затем будет принято окончательное решение. На следующий день мы решили, что эту попытку следует предпринять. Затем фюрер пригласил к себе господина фон Нейрата и сообщил ему, что желает послать меня в Лондон. Это решение, как фон Нейрат сказал мне, он нашел особенно удачным. Казалось, министр тоже считал весьма важным окончательное выяснение германо-английских отношений.

Я очень хорошо помню этот столь важный для нас день.

Мы жили в пригороде на частной квартире, как это было принято в Байройте. Муж отправился к Гитлеру на виллу «Мирные грезы», а я в это время показывала сыну Эрмитаж — прелестный небольшой замок маркграфини Вильгельмины. На обратном пути мы встретили моего мужа, который приветствовал нас такими словами: «Я назначен статс-секретарем, но попросил фюрера вместо этого послать меня в Лондон!»

Вокруг этого собственного предложения моего мужа с тех пор возникло несколько странных легенд. Когда Черчилль пишет в своих мемуарах: «Риббентрон сказал мне, что он охотно принял пост посла в Англии, хотя мог стать министром иностранных дел», я готова benefit of a doubt¹ оправдать его невольную ошибку тем, что он добросовестно перевел немецкое наименование «Staatssekretär»² как «Secretary of state»³, т.е. так, как в Англии именуют министра иностранных дел. Но менее простительно, когда хорошие знатоки тогдашних условий после 1945 г.

¹ За недостаточностью улик (англ.).

² Статс-секретарь [министерства] (нем.).

³ Государственный секретарь (англ.).

пишут, будто мой муж был разочарован назначением в Лондон. Так, являвшийся в свое время шеф-переводчиком министерства иностранных дел д-р П. О. Шмидт сообщает в своей книге «Статист на дипломатической сцене» («Statist auf diplomatischer Bühne») (на с. 332) даже такое: будто мой муж через несколько недель на приеме у нас в Далеме приветствовал гостей с «довольно кисло-сладкой улыбкой», ибо «в тот день он был назначен послом в Лондон, а хотел стать министром иностранных дел». Однако даже «статистам» следовало бы знать, что между назначением дипломата и официальным сообщением об этом назначении (оно было опубликовано в тот самый день) обычно проходит достаточно длительный период, необходимый для получения так называемого агремента.

Я со всей определенностью снова сказал тогда Адольфу Гитлеру: шансы на союз с Англией невелики; скорее надо рассчитывать на противоположный результат, но, несмотря на это, я еще раз попытаюсь сделать все возможное для достижения этой цели. Я достаточно хорошо знаю англичан, чтобы совершенно трезво и объективно сообщать ему о британском отношении к данному вопросу. В остальном же многое, естественно, зависит от дальнейшей германской политики. Я и тогда недвусмысленно высказал мнение, что Англия (во всяком случае как можно судить по имевшемуся до сих пор опыту) будет держаться за свой тезис о равновесии сил и противодействовать нам, если убоится, как бы Германия не стала сильной.

Таким образом, пребывание в Байройте оказалось гораздо больше посвящено политике, чем мне хотелось. Итак, я отправляюсь послом в Лондон! Хотя я и был настроен скептически, но поставленная передо мной задача действительно радовала меня: может быть, все-таки еще есть возможность достигнуть этой великой цели!

«Риббентроп, привезите мне союз с Англией!» — таковы были прощальные слова, которыми Гитлер напутствовал моего мужа, посылая его в 1936 г. послом в Лондон, чтобы еще раз прозондировать все возможности, которые смогли бы привести к взаимопониманию с Англией.

ЛОНДОН

Нам пришлось провести в Байройте еще один день, занимаясь всевозможными делами, в частности надо было разослать приглашения на прием в саду под открытым небом, который я хотел устроить у себя в Далеме в связи с начинающимися 1 августа в Берлине Олимпийскими играми. Из одного только Лондона я ожидал чуть ли не нашествия друзей. Дал согласие прибыть лорд Монселл, с которым мы заключали военно-морское соглашение. Пожелали присутствовать лорд Ротермир, лорд Бивербрук¹ и другие видные деятели английской прессы; были приглашены все мои друзья, ожидал я и личных гостей из Парижа, Италии, из всех европейских стран, а также из Америки. Спортивные соревнования служили весьма благоприятным поводом для установления контактов с влиятельными личностями из самых различных лагерей. К радости моей, приняли приглашение и сэр Роберт Ванситарт с супругой.

Поскольку наш не слишком вместительный дом в Далеме для такого наплыва гостей оказался тесен, талантом Аннелиз небольшой сад был превращен в праздничный луг. Над газоном и теннисным кортом был натянут тент, и при вечернем освещении все это выглядело весьма эффектно: прекрасная трава, которой мы всегда гордились, усеянный кувшинками плавательный бассейн, великолепные рододендроны и празднично накрытые столы. Моя жена превзошла самое себя. Столь торжественно украшенным мы видели наш дом еще только один раз — в мае 1939 г., когда был заключен союз с Италией и мы давали прием в честь графа Чиано.

¹ Уильям Макссуэлл Эйткен Бивербрук (1879—1964) — английский политический деятель, газетный магнат, с 1917 г. — лорд.

На приеме по случаю открытия Олимпийских игр на ужин в нашем доме собралось около 600 гостей. С немецкой стороны присутствовали в числе других Геринг и Гесс со своими женами. Почетными гостями наряду с иностранными были члены Олимпийского комитета и дипломатический корпус. Однако не обошлось и без небольшого недоразумения: в течение нескольких минут пришлось полностью изменить размещение за столом нескольких сотен гостей. Дело в том, что президент Олимпийского комитета граф Байе-Латур совершенно неожиданно появился не один, а с супругой, между тем как наш протокольный отдел ошибочно посчитал, что графини в эти дни нет в Берлине. Тот, кто разбирается в протокольных вопросах на приемах, знает, что означает такое изменение в самый последний момент. После ужина публика танцевала на покрытом кокосовыми матами теннисном корте под звуки скрипки любимого ею венгерского скрипача Барнабаса фон Гежи.

До серьезных разговоров дело на таком вечере, конечно, не дошло, но зато было очень весело. Праздник продолжался до раннего утра. Среди наиболее поздно удалившихся гостей находились и сэр Роберт Ванситтарт с женой, они много танцевали и по виду были очень довольны. Было ли это добрым предзнаменованием? Не перестал ли сэр Роберт считать Берлин таким уж вызывающим отвращение городом? В тот вечер я был словно в розовых очках, во всяком случае хотел видеть все в розовом свете. К сожалению, все пошло по-другому.

Поскольку в первой половине этого дня было объявлено о моем назначении послом в Лондоне, это заранее придало вечеру определенное германо-английское звучание, и сэр Роберт особенно дружески поздравлял меня. Прощаясь, я пригласил его на завтрак *a deux*¹, а также сказал ему, что фюрер охотно познакомился бы с ним. Сэр Роберт принял приглашение с благодарностью. Мы расстались, когда уже настало утро.

На следующий день печально выглядел только наш

¹ Вдвоем (*фр.*).

старый садовник Бонхауз. Я до сих пор вижу, как он, качая головой, с огорчением обходит свой теперь, как он считает, безнадежно вытоптаный газон, за которым так заботливо ухаживал более десяти лет. Но добряк счел делом своей чести как можно скорее устранить последствия того вечера. Где теперь этот преданный человек? Он служил моей семье несколько десятилетий. Мысль о таких верных людях сегодня гнетет мое сердце сильнее, чем все другое.

Когда я встретился с Ванситтартом в отеле «Кайзерхоф» за ланчем, о котором мы с ним договорились заранее, мне пришлось нажать на все регистры моего искусства убеждать. Я старался как можно проникновеннее втолковать сэру Роберту, что личность фюрера, который может решать единолично и суверенно, дает уникальную возможность надолго свести Германию и Англию вместе и на пользу обеим создать солидную базу доверия и общих интересов. Фюрер готов к искренней договоренности на паритетной основе.

К сожалению, говорил преимущественно я, и у меня с самого начала было такое ощущение, словно передо мной стена. Ванситтарт слушал спокойно, оставаясь наглухо застегнутым на все пуговицы и уклоняясь от любой моей попытки перейти к открытому обмену мнениями. За свою жизнь я вел разговоры на эту тему с сотнями англичан, но никогда ни одна беседа не оказывалась столь бесплодной, не вызывающей никакого резонанса у партнера и характерной отсутствием у него даже малейшего желания подойти к сути дела. Я просил сэра Роберта выразить свое мнение по определенным пунктам, спокойно и открыто подвергнуть мои высказывания критике или же объяснить мне, в чем мы принципиально или в деталях расходимся во взглядах, но в ответ не услышал ровным счетом ничего, кроме словесных выкрутасов. В последующие годы я часто думал об этом разговоре.

Одно было ясно и не вызывало ни малейшего сомнения: с Ванситтартом германо-английского взаимопонимания не достигнуть. Лишь позднее я однажды испытал после беседы подобное же чувство. Это было после раз-

говора с Черчиллем в 1937 г., во время моего пребывания послом в Лондоне. Разница состояла только в том, что Ванситтарт вообще не давал распознать свою точку зрения, между тем как Черчилль был куда откровеннее.

Об этой многочасовой беседе, состоявшейся в связи с одним посещением Черчиллем нашего посольства в Лондоне, сохранилась единственная запись моего мужа. В ходе этого разговора Черчилль проявил полную неуступчивость и без обиняков сказал: «Если Германия станет слишком сильной, она будет снова разбита». Когда мой муж ответил, что на сей раз это будет сделать не так-то легко, поскольку у Германии есть друзья, Черчилль заявил: «О, мы достаточно ловко сумеем в конце концов все-таки перетянуть ваших друзей на нашу сторону». Во время Нюрнбергского процесса защита безуспешно требовала предоставления отчета моего мужа об этой беседе, который он немедленно послал Гитлеру. Однако заместитель главного обвинителя от Великобритании сэр Максвелл Файф заявил по данному поводу: «Что именно сказал мой друг Черчилль во время этого разговора, значения не имеет».

В лице Ванситтарта — и я чувствовал это — я имел перед собой человека предубежденного, с заранее сформулированным мнением, человека Форин офиса, который не только отстаивал тезис *balance of power*¹, но и, более того, воплощал принцип сэра Эйра Кроу: «Что бы там ни было, никогда не идти на пакт с Германией». Этот человек не делает даже никакой попытки к сближению — такое впечатление вполне определенно сложилось у меня. Говорить с ним бесполезно. Позднее фюрер утверждал, что в поведении Ванситтарта, должно быть, играли свою роль и другие причины, влияния идеологического порядка. Я этого не знаю и в это не верю, но выяснить это мне уже никогда не удастся. Однако, каково бы ни было это влияние, главным принципом для него являлось: «Никогда не идти вместе с Германией!»

Когда утверждают, что ванситтартизм и вся содержа-

¹ Равновесие сил (англ.).

щаяся в этом слове ненависть к Германии — следствие политики Гитлера, я вопреки этому (и, как считаю, с большим правом) заявляю: гитлеровская политика явилась следствием политики Ванситтарта в 1936 г.*

Адольф Гитлер провозгласил совместные с Англией действия как свой политический принцип еще с 20-х годов и в течение всей войны и даже незадолго до своей смерти в 1945 г. постоянно говорил мне об этом. Так разве не имел права политик, с 1926 г. более пятнадцати лет отстаивавший этот тезис, ожидать, что будет по крайней мере предпринята попытка достигнуть широкого взаимопонимания, дабы подвергнуть проверке его стремление и подлинные намерения?

Сегодня, осенью 1946 г., когда я пишу эти строки в своей тюремной камере за восемь дней до вынесения приговора на Нюрнбергском процессе, я по-прежнему непоколебимо верю: Адольф Гитлер при всех условиях соблюдал бы заключенный с Англией союз.

Только растущая антигерманская позиция Лондона и вечное английское стремление играть роль гувернера, как это называл Гитлер, толкнули его на путь, по которому он, по моему мнению, совсем идти не хотел, но по которому ему потом все же пришлось пойти, как он считал, в интересах своего народа.

Когда сегодня, в 1946 г., Ванситтарт смотрит на карту Европы и Азии и видит советскую звезду над огромной территорией от Везера, включая Тюрингию и Вену, до самой Атлантики с компактной массой населения в триста пятьдесят миллионов человек и противостоящую ей до смешного малую полосу земли, на которой слабые режимы пока еще судорожно цепляются за жизнь, не вспоминается ли ему 1936 год и наша беседа в Берлине?

В affidavitе¹, который мой защитник на Нюрнбергском процессе запросил от лорда Ванситтарта для выяснения некоторых пунктов, заслуживает внимания именно то, что он подтверждает: в этой беседе «Naturally, I was reserved»². Но я спрашиваю: почему — ради Бога! — он был

¹ Письменное показание под присягой.

² «Разумеется, я проявлял сдержанность» (англ.).

таким? Почему он не дал мне, постоянно ратовавшему за германо-английскую дружбу и открыто и прямо высказывавшему ему свою позицию, узнать его собственное мнение? Крупные политические вопросы зачастую рассматриваются только с абсолютной, а порой и жестокой откровенностью. Почему же он не сделал этого? Ответ на этот вопрос дает последняя фраза его аффидэвита. Она характерна для той генеральной антигерманской позиции Ванситтарта, которая не ограничивалась его враждебностью к Адольфу Гитлеру: «Я никогда не одобрял договоров с Германией, поскольку немцы их редко соблюдают».

Я убежден: если бы тогда удалось достигнуть германо-английского взаимопонимания, весь остаток своей жизни Адольф Гитлер отдал бы мирному построению социального государства. Как часто в военные годы он говорил, что просто не может дождаться конца войны, чтобы посвятить себя внутригерманским планам. И если сегодня лорд Ванситтарт цинично пишет в своем аффидэвите, что был сдержанным потому, что не мог доверять германским заверениям, то я спрашиваю: а по какому праву? Потому, что Германия не хотела увековечить Версальский договор, ведущий ее к гибели? Но разве не сама Англия вместе с нами заключением военно-морского соглашения разрушила версальскую систему и разве Локарнский договор не потерял свою силу в результате русско-французского военного союза? Адольф Гитлер обеспечил этот пересмотр договоров в пользу Германии, но в остальном он все эти годы делал не что иное, как неизменно предлагал Англии свою дружбу.

Мне пришлось тогда констатировать, что 1935—1936 гг., вне всякого сомнения, были уже теми решающими годами, когда политические пути Германии и Англии начали расходиться. И я видел, какая трудная задача ждала меня в Лондоне.

* * *

Осенью 1936 г. мы с женой собирали наши чемоданы для отъезда в Лондон. Поскольку здание германского посольства должно было перестраиваться, мы сняли не-

большой частный дом будущего премьер-министра Чемберлена в Итон-сквере. В Лондоне мы были встречены германской колонией и множеством наших друзей.

Вскоре после моего прибытия меня принял в Букингемском дворце король Эдуард VIII для вручения верительных грамот.

К числу многих не соответствующих истине утверждений, распространяемых насчет моего мужа, принадлежит и история о том, что при вручении верительных грамот он будто бы приветствовал короля Эдуарда VIII «гитлеровским приветствием» (вытянутой вверх рукой. — Перев.). Распространение и всяческое повторение этого утверждения не прекратилось даже после того, как сам герцог Виндзорский¹ решительно опроверг его в своих воспоминаниях «История одного короля» (немецкое издание: «Eines Königs Geschichte». 1951. S. 411). В действительности же мой муж впервые воспользовался «германским приветствием» только при встрече с королем Георгом VI осенью 1937 г. по прямому распоряжению Гитлера.

Мне часто приходилось видеть, как легко из пустяков возникают всякие байки. Так было, к примеру, во время одного приема в парке Букингемского дворца. Король Георг VI довольно долго беседовал с моим мужем, прохаживаясь с ним по поляне взад-вперед. Вдруг ко мне бросается возбужденный сотрудник нашего посольства и с упреком заявляет, что мой муж не смеет надевать шляпу, разговаривая с королем. Итак, казалось, рождается новый анекдот! Когда мы ехали домой, я спросила об этом мужа. В ответ он лишь сказал: «Если король под палящим солнцем просит меня надеть шляпу, я, разумеется, делаю это!»

При вручении моих верительных грамот король Эдуард VIII, одетый в адмиральский мундир и сопровождаемый министром иностранных дел Иденом, был исключительно любезен. Он расспрашивал меня о фюрере и в

¹ Титул короля Эдуарда VIII после его отречения от престола.

ясной форме повторил свое желание иметь хорошие германо-английские отношения. Это желание он высказал мне еще раньше, на одном приеме по случаю моего предыдущего визита в Лондон. Никто из нас не предчувствовал тогда, что этот столь популярный монарх вскоре отречется от трона. Правда, до нас дошло однажды, что своей речью, произнесенной перед рабочими Уэльса, он вызвал возмущение влиятельных английских кругов и что ему ставили в упрек его симпатию к Германии. Тем не менее считалось, что он пользуется огромной любовью английского народа.

Здесь я должен упомянуть о том, что Эдуард VIII к тому времени уже не раз показывал свое весьма дружественное расположение к Германии. Так, он тепло поддержал подготовленную мной встречу руководителей германской и английской организаций солдат-фронтовиков [первой мировой войны]. По этому случаю он произнес речь, в которой высказал мысль: никто не способен содействовать развитию добрых отношений между Англией и Германией сильнее, чем люди, которые когда-то находились в окопах друг против друга. Речь эта привлекла к себе тогда большое внимание, тем более что английский монарх, как известно, с речами вообще-то выступает редко.

За этим поступком короля последовали тогда и дальнейшие взаимные поездки ветеранов первой мировой войны, несколько крупных митингов, на которых выступали руководители этих организаций в обеих странах, а также речь Рудольфа Гесса в Кёнигсберге. Эдуард VIII принял немецких ветеранов, а Адольф Гитлер — английских. Таким образом, это стало одной из актуальных тем тех лет. Двусторонние визиты ветеранов, а также основанное мной Германо-английское общество в Берлине с его многочисленными филиалами, и Anglo-German-Fellowship¹ в Лондоне, поставившие своей задачей заботу о развитии германо-английской дружбы, стали оказывать гораздо более широкое воздействие.

¹ Англо-германское товарищество (англ.).

В том же духе в 1934—1938 гг. работало так называемое Бюро Риббентропа. В 1934—1936 гг. было положено и начало сотрудничеству с французскими союзами ветеранов первой мировой войны, проведено несколько встреч с ними. Французские бывшие фронтовики приезжали в Германию, а немецкие побывали в Париже, Вердене и других городах. Вместе с моим сотрудником Абецем был основан Франко-германский комитет, чтобы культивировать официозные и приватные отношения между обеими странами. По моей инициативе Германию посетили многие французские писатели, политики, ученые, представители финансового мира и военные. Абец двинул вперед и сотрудничество немецкой и французской молодежи. Бюро Риббентропа продолжало существовать в течение всего моего пребывания послом в Лондоне и сделало многое для того, чтобы сблизить общественное мнение обеих стран. Так, хорошо известный мне сэр Томас Бичем из Ковент-Гардена по инициативе любезной леди Канард дал концерт в Берлинской филармонии, на котором присутствовал фюрер. Затем Дрезденская опера гастролировала в Ковент-Гардене. Состоялись и выступления деятелей искусства в обеих столицах. Бюро Риббентропа, насчитывавшее всего нескольких сотрудников, действительно никогда не занималось ничем иным, как всеми мыслимыми путями культивировало «good will» («добрую волю») к сближению с народами Англии и Франции.

За несколько недель до отречения Эдуарда VIII от престола никакого особенного контакта с ним я установить не смог. Это не зависело ни от короля, ни от меня, события развивались слишком стремительно. Несколько раз я встречался с Эдуардом в обществе, но это происходило в довольно широком кругу, а потому беседы были весьма краткими. Доверительная беседа с королем, которую хотели устроить мои друзья, так и не состоялась. Каждый раз этому мешало что-нибудь непредвиденное.

Однажды я услышал от авторитетных лиц, что король заявил: коронация возможна для него только вместе с [американкой] миссис Симпсон. Из тех же кругов я узнал: если король будет упорствовать в своем желании, неми-

нуемо возникнет кризис королевской власти. Я был весьма озадачен таким ходом событий, ибо знал, сколь своенравен Эдуард VIII, и боялся, что его намерение серьезно. Но влиятельные английские круги, считал я, всеми средствами воспротивятся этому — именно этого следовало ожидать, судя по всему, что доводилось мне слышать из самых различных лагерей. Чем же все это кончится? Начавшись в Канаде, в прессе возникла кампания против матримониальных намерений короля. Говорилось, что доминионы не могут одобрить подобный брак. Публикуя такие сообщения, английская пресса сама быстро вела кризис к кульминации. Теперь уже сомнения больше быть не могло: судьба Эдуарда VIII как короля решена.

Удрученный этим, я сидел в небольшом рабочем кабинете в доме Чемберлена на Итон-сквер, где мы продолжали пока жить, и ломал голову над тем, нельзя ли еще что-нибудь сделать с целью повлиять на ход событий. Эдуард VIII показал себя возможным поборником германо-английского взаимопонимания. Поэтому, естественно, в наших интересах было, чтобы он остался королем. Но что тут мог поделаться иностранный посол? И все же я считал важным, чтобы немецкая пресса не заимствовала из английской сенсационные сообщения и ее порой весьма язвительные комментарии против короля. Я по телефону попросил фюрера дать соответствующее указание; так и было сделано.

Через одного дружественного посредника я обратился в Букингемский дворец с просьбой об аудиенции, но получил ответ: король отсутствует. Никакой возможности установить с ним контакт и услышать что-либо достоверное больше не имелось. Позже было сказано, что король находится в Белфоре. Он, несомненно, ставил собственные планы слишком высоко и переоценивал свою власть. Не думаю, чтобы Эдуард VIII с самого начала предполагал, что ему придется уйти. Для этого он был слишком самоуверенным сюзереном. Но когда затем в результате его своеволия против него выступили крупные силы политики и церкви, стали видны пределы британской королевской власти. И вскоре мы услышали по радио усталый голос

покорившегося судьбе короля: Эдуард VIII возвестил британскому народу и всему миру о своем отречении от престола.

Удивительно было то, что одним из тех немногих англичан, кто выступал в поддержку Эдуарда VIII, был Черчилль. Мне до сих пор помнится его реплика, которую он (уже после отречения короля) бросил в моем присутствии во время ужина в узком кругу у лорда Кемсли: «Никому никогда не удалось бы сместить Эдуарда VIII, если бы Ллойд Джордж не находился тогда за океаном. Я же один был слишком слаб».

С отречением Эдуарда VIII дело германо-английского сближения лишилось одного из шансов на успех. Что касается английской стороны, то здесь оно потеряло один из тех факторов, который в числе других послужил причиной для фюрера послать меня в Лондон. Позже я узнал подробности этой печальной королевской истории. Эдуард VIII, ставший герцогом Виндзорским, сказал мне в Берлине при посещении Гитлера, что миссис Симпсон делала все от нее зависящее, чтобы побудить его отказаться от этого брака.

Наряду с множеством визитов членам королевского двора и дипломатического корпуса, а также личным друзьям, которые мне надлежало нанести и которые длились много недель, началась и моя работа в Комитете по невмешательству в Гражданскую войну в Испании.

Этот комитет было бы правильнее назвать «комитетом по вмешательству», ибо вся деятельность его членов заключалась в том, как с большей или меньшей ловкостью оправдать или затушевать вмешательство своей страны в испанские дела*. Это была в высшей степени безотрадная работа, а для меня она являлась таковой вдвойне, поскольку Англия зачастую склонялась на сторону красных в Испании и мне постоянно приходилось выступать против этого. Возникавшие трения все больше и больше отодвигали на задний план мою основную работу по развитию германо-английских отношений и мешали ей. Мне часто хотелось послать к черту эту злополучную Гражданскую войну, из-за которой мне

приходилось вступать в конфликты с английским правительством. Поскольку мы уже связали себя с Испанией, дело не могло обходиться без инцидентов. И они действительно происходили. Обстрел Альмерии после бомбардировки крейсера «Дойчланд», инцидент с торпедированным «Лейпцигом» и другие события гораздо больше отягощали германо-английские отношения, нежели шли на пользу Франко.

Не лучше становились и отношения с Францией, от имени которой мой коллега французский посол в Лондоне Корбэн по приказу французского правительства Народного фронта (правда, зачастую вопреки своему личному желанию) должен был выступать за красную Испанию. Настоящая же борьба шла против сильного вмешательства Советов и их представителя Майского¹. Ее я вел по большей части в союзе со своим итальянским коллегой Дино Гранди². Сотрудничать с этим фашистским коллегой было не всегда легко. Гранди, который в 1943 г. сыграл главную роль в отпадении Италии от Германии и предал Муссолини, по своей натуре был ярко выраженным интриганом. Опубликованные им во время войны статьи о нашей совместной деятельности в Лондоне и о якобы принадлежащих мне от начала до конца вымышленных высказываниях об Англии, при помощи которых он хотел стать любимцем британцев, были расценены как неправдоподобные даже самой английской прессой. Если эти строки когда-нибудь попадут на глаза Гранди, пусть он знает: я еще в Лондоне распознал его! Уничтожающую оценку его фальшивой сущности дал Муссолини.

Учитывая многие трудности, я был бесконечно рад, когда Франко — хотя и медленно — одержал верх и тем самым испанская проблема исчезла с поля дипломатичес-

¹ Иван Михайлович Майский (настоящая фамилия Лиховецкий) (1884—1975) — советский дипломат и историк.

² Дино Гранди (1895—?) — граф, один из первых помощников Муссолини по созданию фашистских отрядов. В 1932—1939 гг. — посол Италии в Лондоне. Сторонник ориентации на Англию. На заседании большого фашистского совета 25 июля 1943 г. голосовал против Муссолини.

кой борьбы. Она давила на меня почти весь период моей деятельности в Лондоне в качестве посла.

В течение всей зимы 1936/37 г., вплоть до самой весны, продолжалась перестройка здания германского посольства в Лондоне. Его предполагалось торжественно открыть большим приемом по случаю коронации Георга VI, что и было сделано.

Еще при предшественнике моего мужа господине фон Хёше, незадолго до его смерти, дополнительно к территории посольства был приобретен соседний дом на Карлтон-хауз-террас. Месторасположение посольства на престижной Мэлл-стрит, между Букингемским дворцом и Адмиралтейством, едва ли могло быть более благоприятным. Гитлер лично распорядился провести внутреннее переоборудование. Планы были разработаны Шпеером, которому удалось найти красивое и широко задуманное решение. Мебель была изготовлена по эскизам умершего профессора Трооста. При этом само собой разумелось, что из соображений экономии валюты в связи с начавшимся тогда осуществлением четырехлетнего плана все основные предметы обстановки и оборудования ввозились из Германии. Даже рабочие-специалисты прибывали оттуда. Поэтому мой муж был немало удивлен, когда однажды в период перестройки здания, посольства ему позвонил Геринг и попросил не вскрывать, а сразу же сжечь посланное им, Герингом, с курьером письмо, в котором содержались серьезные упреки насчет якобы непомерного расходования валюты на нее. Тем временем Геринг, оказывается, узнал, что, наоборот, все желаемые меры по экономии валюты приняты и все заказы размещены в Германии. Фантастические рассказы о перестройке лондонского посольства вновь ожили после 1945 г., но правдивее они от этого не стали.

На наше первое торжество прибыло 1400 гостей. Мне бы хотелось, чтобы их было вполтину меньше, но к тому времени у нас возникло столько обязательств, что более скромным числом приглашенных обойтись не удалось. О таких грандиозных мероприятиях каждый волен думать что ему угодно. Я их не любил. Однако в Лондоне подоб-

ная party¹ может иметь успех только в том случае, когда между гостями не протиснуться. Если придерживаться такого взгляда, то прием в германском посольстве на второй день торжеств по случаю коронации Георга VI означал, вне всякого сомнения, полный успех, ибо в обоих зданиях на Карлтон-хауз-террас, как говорится, яблоку негде было упасть. В качестве почетного гостя с английской стороны пожаловал позже пострадавший на войне брат короля герцог Кентский с супругой, красавицей гречанкой; затем присутствовали делегации различных стран вместе с дипломатическим корпусом, а также знакомые или дружественные нам представители английского общества. Пели Фрида Ляйдер и Боккельман, снова играл знаменитый скрипач Барнабас фон Гежи, танцы длились до утра. Если верить начальнику французского генерального штаба генералу Гамелену², то праздник удался на славу, ибо я случайно слышал, как он, прощаясь, сказал: «Этот вечер был чересчур прекрасен, чтобы понравиться мне».

Коронационная процессия, которую мы вместе с многими приглашенными гостями наблюдали из посольства и которая двигалась от Букингемского дворца к Мэлл-стрит, была грандиозным спектаклем. Еще великолепнее была коронация в Вестминстерском аббатстве, где рядом с главами делегаций привилегированные места занимали и мы, дипломаты. Когда под мощные звуки органа королевская чета, сопровождаемая прелестной герцогиней Норткумберлендской и обеими малышками-принцессами, подошла к алтарю, где ее ожидал для возложения короны архиепископ Кентерберийский, всех присутствующих охватило глубокое волнение. Я видел, как на глазах сидевшего напротив меня министра иностранных дел Идена показались слезы. Перед алтарем выстроились палadini империи в своих пурпурных и украшенных соболями мантиях и коронах, по величине и форме которых можно было

¹ Прием, вечеринка (англ.).

² Морис Гюстав Гамелен (1872–1958) — французский генерал. С 3 сентября 1939 г. — главнокомандующий союзными войсками во Франции. Один из виновников поражения Франции во второй мировой войне.

определить их ранг. Все это в целом являло импозантную картину могущества и традиции и как-то странно не соответствовало обычно столь трезвой лондонской будничной повседневности! Этот контраст стал еще нагляднее к концу празднества, когда начался проливной дождь и аристократическая элита Британской империи внезапно снова превратилась в скромных «деловых людей», которые со своими сложенными пурпурными мантиями под мышкой, в уличных костюмах бросились к автомашинам или же, раскрыв зонты, пешком отправились восвояси.

В качестве представителя фюрера на коронацию был прислан фельдмаршал фон Бломберг, он жил у нас в посольстве.

И здесь тоже сыграла свою роль досадная история с Испанией. Первоначально мы ожидали прибытия на коронацию имперского министра иностранных дел фон Нейрата или же рейхсмаршала Геринга. Но Гитлер из-за эпизода с «Лейпцигом» и инцидентов с Альмерией от этого воздержался. На его решение, очевидно, оказал влияние и неудачный ход переговоров о воздушном налете. Поэтому он послал фельдмаршала Бломберга, имевшего такой же чин, как и французский представитель на коронации генерал Гамелен.

За оба дня коронации я дал в честь Бломберга два завтрака: первый — с уходящим премьер-министром Болдуином (его кабинет подал в отставку), архиепископом Кентерберийским, министром иностранных дел и несколькими другими членами правительства, а второй — с мистером Невиллом Чемберленом и отдельными членами нового кабинета. Мне было важно, чтобы Бломберг установил контакт с этими влиятельными в британской политике лицами и смог доложить об этом Гитлеру.

В лице архиепископа Кентерберийского, д-ра Ланга, Бломберг познакомился с особенно влиятельным в Англии человеком. Я неоднократно встречался с д-ром Лангом в Лембетском дворце, традиционной резиденции архиепископов Кентерберийских, этих высших князей англиканской церкви, будь то встреча для обмена мнениями или же приглашение на ланч или чай. Архиепископ был

человеком очень умным, сановником церкви и государственным мужем в одно и то же время.

Беседы с ним углубили мое представление о политическом значении церкви в Англии, которая, далеко выходя за рамки лишь заботы о спасении душ паствы, является одним из политических краеугольных камней Британской империи. Мы вели много бесед и об отношениях с церквами в Германии, и я (несмотря на известные разногласия в евангелической церкви) старался посредничать в установлении между ними дальнейших связей. У меня уже давно имелись контакты с епископом Чичестерским, который в первую очередь занимался германскими проблемами, и мы еще во время войны пытались через Швецию установить контакт с этими кругами.

На период моей деятельности в качестве посла в Лондоне приходится и заключение так называемого Анτικοинтерновского пакта с Японией, на подписание которого я в ноябре 1936 г. летал в Берлин. Годом позже, в ноябре 1937 г., к этому пакту присоединилась и Италия. Формально не закрепленная связь Германии, Японии и Италии существовала уже довольно длительное время. Адольф Гитлер рассматривал противоречие между национал-социализмом и коммунизмом как один из решающих факторов своей политики. Поэтому следовало проверить, каким способом можно найти путь к тому, чтобы привлечь и другие страны к противодействию коммунистическим стремлениям. Таким образом, речь шла о вопросе мировоззрения*.

Еще несколькими годами ранее Адольф Гитлер говорил со мной о том, нельзя ли в какой-либо форме завязать с Японией более тесные отношения. Я отвечал ему, что у меня самого есть кое-какие связи с японцами и что я установлю с ними необходимый контакт. При этом выяснилось, что японское правительство занимает такую же антикоммунистическую позицию, как и германское. Из этих бесед, имевших место в 1934—1935 гг., выкристаллизовалась идея сделать одинаково направленные стремления предметом переговоров.

Один из моих сотрудников, господин фон Раумер,

сформулировал затем эту идею как заключение Антикоминтерновского пакта. Я доложил тогда (еще до моего отъезда в Лондон) этот план Гитлеру, который с ним согласился. Фюрер пожелал, чтобы подготовка к осуществлению данного плана велась не по линии германской официальной политики, поскольку здесь речь идет о мировоззренческом вопросе. Поэтому он поручил мне подготовить указанный пакт, который и был в 1936 г. заключен при посредничестве Бюро Риббентропа. По этим причинам под договором стоит и моя подпись. Смыслом и целью пакта были совместные меры по отражению коммунизма. Пакт должен был воспрепятствовать разлагающим стремлениям Коминтерна в разных странах. Это недвусмысленно вытекает из преамбулы соглашения с Италией, в которой говорится:

«Исходя из того что Коммунистический Интернационал постоянно угрожает цивилизованному миру на Востоке и Западе, нарушает и разрушает их мирное состояние и их строй; будучи убежденной, что только тесное сотрудничество всех заинтересованных в сохранении мира и порядка государств может уменьшить и устранить эту опасность; принимая во внимание то, что она с несгибаемой решимостью борется против указанной опасности и готова рука об руку с Германией и Японией, которые, со своей стороны, вдохновляются таким же стремлением, дать отпор Коммунистическому Интернационалу и бороться против общего врага, Италия присоединяется к соглашению против Коммунистического Интернационала, заключенному 25 ноября 1936 г. между Германией и Японией».

Пакт возник из сознания, что только созданный на длительный срок общий оборонительный фронт всех здоровых государств мог положить конец угрожающей всему миру опасности. Поэтому я выражал тогда надежду на то, что остальные культурные государства тоже осознают необходимость своего объединения против деятельности Коммунистического Интернационала и пожелают присоединиться к данному соглашению. Эта надежда оправдалась хотя бы потому, что вскоре к соглашению присое-

динилась на основании своего опыта Гражданской войны Испания, а затем с течением времени и еще семь других государств.

На Нюрнбергском процессе эти не имевшие жесткой формы связи по Антикоминтерновскому пакту изображались таким образом, будто я сплочением так называемых держав оси вместе с Японией и Италией планомерно подготовил вторую мировую войну, чтобы обеспечить этим державам мировое господство. Это утверждение столь же фантастично, сколь и исторически неверно. Начальник американского генерального штаба Маршалл прав, говоря: «На самом деле ось существовала только на бумаге». Решившейся на войну и планомерно подготовлявшей ее группы трех держав действительно не существовало; германской стороной ничего подобного не планировалось и ведущих к тому действий не предпринималось.

В намерения Гитлера входило подтолкнуть к участию в антикоммунистическом фронте также и Британскую империю. Именно данная мысль не в последнюю очередь побудила его поручить мне, тогдашнему германскому послу в Лондоне, дипломатическое формирование этого блока стран, выступающих за сохранение существующего мирового порядка.

Когда я в ноябре 1937 г., после подписания Италией Антикоминтерновского пакта, вернулся из Рима в Лондон, у меня состоялась беседа по этому поводу с английским министром иностранных дел Иденом. Я хотел доказать ему значение этого идеологического сплочения для всего культурного мира. Когда Иден заявил мне, что в Англии подписание Антикоминтерновского пакта германским послом в Лондоне воспринято с неудовольствием, я со всей откровенностью растолковал ему смысл и цель пакта и его значение для всего некоммунистического мира, а тем самым и для Британской империи. Я указал на то, что этот пакт не направлен ни против кого другого, кроме мирового коммунизма, и что он открыт для вступления в него и Британии. Но я натолкнулся на полное непонимание со стороны Идена, и даже позже мне никогда не доводилось услышать от английского правительства

хоть что-то насчет этой инициативы. В Англии не хотели видеть коммунистической опасности.

Это было в 1937 г., а сегодня, в 1946 г., когда я пишу эти строки в своей нюрнбергской камере, мои усилия по созданию блока стран порядка против большевизма хотят изобразить как заговор, направленный на развязывание агрессивной войны с целью «завоевания всего мира»!

Разумеется, Антикоминтерновский пакт скрывал в себе и политический момент, причем момент этот был антирусским, потому что носителем идеи Коминтерна являлась Москва. Гитлер и я надеялись Антикоминтерновским пактом создать определенный противовес России, ибо между Советским Союзом и Германией имелось тогда и политическое противоречие.

Да и в том, что касалось Англии, у нас не было иного пути, кроме как продолжать и далее нашу антикоминтерновскую политику. Только в качестве наивозможно сильного партнера могли мы помочь приобрести решающее влияние тем кругам в Англии, которые видели наилучшую гарантию будущего своей страны в совместных действиях с Германией. Была избрана наименее жесткая форма Антикоминтерновского пакта, а на первый план выдвинута мировоззренческая сторона, для того чтобы и в дальнейшем оставить себе дипломатическую свободу рук для эвентуального альянса с Англией.

Целью германской внешней политики было убедить Англию в том, что при выборе между возможной расстановкой сил в виде союза против Великобритании и германо-английским союзом следовало предпочесть именно последний.

* * *

Еще несколько слов насчет моих донесений фюреру об Англии.

Пробыв несколько месяцев в Лондоне, я направил ему подробный отчет о моих впечатлениях. В этом отчете я выразил свое убеждение в том, что Англия сильна, ее руководящий слой — героический, а главным направлением британской внешней политики, как и прежде, является

balance of power в Европе. Эти факты лежали в основе и всех последующих донесений Адольфу Гитлеру, написанных за период моего пребывания послом в Лондоне. Представленная обвинением в Нюрнберге моя памятная записка от 2 января 1938 г. обобщает эти сообщения и подтверждает их. Само собой разумеется, долг посла, поставленного на такой важный пост, как Лондон, в затребованном главой государства донесении о позиции Англии на будущее — принимать в расчет все возможности; извлекать же отсюда выводы — дело фюрера.

Я упоминаю об этом ввиду той пропаганды, которая велась против меня во время, а также и после войны как в Германии, так и за границей. Утверждалось, будто я неправильно информировал фюрера о силе и позиции Англии. В частности, мне говорят, что бывший имперский министр финансов граф Шверин фон Крозиг написал записки, в которых можно прочесть, будто я неправдиво, неверно и неполно ставил фюрера в известность о происходившем в Англии. На самом же деле все было совсем наоборот, и я еще более удивлен высказываниями графа Шверина, потому что именно ему я тоже не раз заявлял, что, по моему убеждению, Англия будет сражаться. Именно в таком духе я и информировал фюрера из Лондона.

Такие утверждения, продиктованные дешевым приспособленчеством, опровергнуты самим Нюрнбергским процессом.

На этом (за исключением публикуемого нами далее описания политики в отношении России) заканчиваются непосредственные записки моего мужа в форме сведенных воедино воспоминаний, над которыми он работал в период между 25 августа и 23 сентября [1946 г.]. Завершить их не дал вынесенный в Нюрнберге приговор. Однако в оставшихся бумагах находится столь много дальнейших записей (частично — наброски воспоминаний, частично — описание событий для семьи и защитников), что это делает возможным — хотя и с неизбежными пробелами — продолжить повествование моего мужа от первого лица.

Глава «Лондон» логически, завершается упоминавшимся выше затребованным Гитлером донесением об Англии, которое

мой муж написал за несколько недель до своего назначения имперским министром иностранных дел. Из всех политических донесений и памятных записок, которые мой муж направлял Гитлеру из Лондона, а позже как министр иностранных дел, в Нюрнберге был представлен только этот единственный документ. Неоднократные ходатайства Защиты разрешить ей доступ к другим конфискованным союзниками донесениям оказались безуспешными. Не были предъявлены даже ни донесение посольства-А 5522, на которое ссылаются сделанные в нюрнбергском документе ТС 75 «выводы», ни приложенные к нему записки. Эти документы до сих пор остаются неизвестными германской общественности.

В послевоенной литературе эти выводы публиковались лишь в отрывочном и совершенно искаженном виде. Несомненная фальсификация содержится в книге Папена «*Der Wahrheit eine Gasse*» (Мюнхен, 1952). Там на с. 423 помещено всего пять из почти 290 строк так называемого документа ТС 75 с датой, заголовком и подписью, причем сделано это в такой форме, которая заставляет читателя считать, что перед ним весь документ целиком. Когда внимание г-на фон Папена было обращено на эту некорректность, он сначала ответил, что оригинала данного донесения не видел. Когда же ему было указано на то, что в английском издании его мемуаров, вышедшем в свет несколькими неделями ранее опубликования книги на немецком языке, имеется точная ссылка на источник, он объяснил это так: «...у меня совершенно выпало из памяти, что я уже цитировал эти строки в английском издании, и я сожалею об этой своей забывчивости... Таким образом, бесспорно, что я читал это донесение в том виде, в каком оно опубликовано в *Documents on German Foreign Policy 1918-1945*...»

Эти выводы из посольского донесения А 5522, которые прежде всего призваны опровергнуть вымысел, будто Риббентроп оставил Гитлера в неведении о британской решимости вступить в войну, приходится воспроизвести здесь согласно тексту, представленному нюрнбергским Обвинением.

Выводы

из донесения «Германское посольство в Лондоне,
А 5522» о характере формирования будущих
германо-английских отношений

По мере осознания того, что Германия не желает связывать себя сохранением status quo в Центральной Европе и рано или поздно возможно военное столкновение в Европе, надежда на понимание со стороны дружественных ей английских политиков (если только они в настоящее время не играют всего лишь предназначенную им роль) постепенно исчезает. Тем самым поставлен судьбоносный вопрос: не окажутся ли Англия и Германия в конечном счете поневоле в разных лагерях и не придется ли им однажды снова выступить друг против друга? Для ответа на этот вопрос необходимо принимать в расчет следующее.

Изменение status quo на Востоке в германском понимании осуществимо лишь насильственным путем. До тех пор пока Франция знает, что Англия, так сказать, взяла на себя ответственность за предотвращение опасности, грозящей Франции со стороны Германии, и стоит за ней, выступление Франции на стороне своих восточных союзников (а тем самым германо-английская война) является вероятным и во всяком случае всегда возможным. Это верно даже в том случае, если сама Англия войны не хочет. Англия, считающая, что она должна защищать свои интересы на Рейне, просто-напросто будет автоматически втянута в нее Францией. Таким образом, форсирование германо-английской войны путем германо-французского конфликта практически находится в руках Франции. Отсюда следует далее, что война между Англией и Германией из-за Франции может быть предотвращена только в том случае, если последняя заранее знает, что сил Англии для обеспечения совместной победы не хватит.

Такая ситуация могла бы заставить Англию, а тем самым и Францию в силу необходимости примириться с некоторыми такими вещами, которые сильная англо-французская коалиция никогда бы не потерпела. Такой случай мог бы, к примеру, возникнуть, если бы Англия ввиду ее недостаточного вооружения или вследствие угрозы своей империи со стороны превосходящей группировки держав (например, Германии, Италии, Японии), а тем самым сковывания ее сил в других местах оказалась неспособной обеспечить Франции достаточную поддержку в Европе.

Что же касается вопроса о расстановке держав в виде различных группировок, то она зависит от дальнейшего хода развития, от нашей политики союзов; а также и от характера последующего формирования отношений Англии с Америкой.

Неблагоприятным для Англии явилось бы, если бы ей пришлось одной, будучи еще недостаточно вооруженной, противостоять указанной коалиции. Однако эта расстановка сил должна быть прочной, и у Англии, как и у Франции, не должно существовать никакого сомнения насчет того, что Италия и Япония твердо стоят на нашей стороне и в надлежащем случае совместные силы данной группировки будут незамедлительно введены в бой. Италия и Япония столь же серьезно заинтересованы в сильной Германии, как и мы — в сильной Италии и сильной Японии.

Существование новой Германии стало в последние годы большим преимуществом для экспансионистских стремлений обеих стран*. Если мы будем указывать на это, а также на те цели, которых нам следует в будущем совместно добиться, нам удастся обеспечить, чтобы в соответствующий момент обе эти державы заявили о своей солидарности с нами. В такой ситуации было бы возможно, что Англия в случае конфликта Германии с одним из восточных союзников Франции удержала бы последнюю от вмешательства в этот конфликт, дабы он остался локализованным, а самой Англии в результате французского вмешательства в него не пришлось бы в неблагоп-

приятных условиях сражаться за свою мировую империю эвентуально в трех местах: в Восточной Азии, на Средиземном море и в Европе. Ради локальной центральноевропейской проблемы Англия, даже если бы она стала значительно сильнее Германии, по моему мнению, пойти на борьбу не на жизнь, а на смерть за свою мировую империю не рискнет. Франция же в таком случае едва ли решилась бы одна, без Англии, устремиться на германские укрепления на Западе.

Решающим обстоятельством кажется мне в данной связи та быстрота, с какой центральноевропейский конфликт будет победоносно завершен. При молниеносном успехе, я уверен, Запад не выступит. Затяжка же его могла бы вызвать у вражеских государств впечатление, будто они все-таки переоценили силы Германии, и, таким образом, момент вмешательства западных держав приблизился бы.

По этим причинам, как я полагаю, мы и впредь заинтересованы в укреплении оси Берлин—Рим и треугольника Берлин—Рим—Токио, а также во вступлении других государств в эту группировку. Чем сильнее дружественная нам группировка, тем легче было бы в предполагаемом конфликте Германии в Центральной Европе удержать в стороне от него Англию, а тем самым и Францию, обеспечить к нашей пользе его локализацию. Я даже считаю, что мы должны постоянно крепить эту дружбу и устанавливать дружеские отношения со всеми новыми странами.

Бывший французский премьер-министр Фланден в одной статье о коалиции Германия, Италия и Япония и обеих демократий Англия и Франция плюс Россия писал недавно, что каждая из них сама по себе стремится привлечь как можно больше стран на сторону своих воззрений. При рассмотрении успешных усилий Англии в этом смысле (упомяну, к примеру, Португалию, которая вновь быстро сближается с нею и куда не так давно прибыл бывший личный секретарь Остина Чемберлена [Селби], а также Турцию, на которую сильное проанглийское влияние оказал сэр Перси Лоррейн, один из лучших

английских дипломатов) создается впечатление, что эта информация Фландена исходит от его английских друзей. Но в первую очередь Англия и в будущем будет стараться ослабить ось Берлин—Рим, а также расчленить треугольник Берлин—Рим—Токио. Влиятельные круги в Англии постоянно ведут работу, направленную на достижение взаимопонимания с Италией, а также Японией. Так, в Японию Форин офис послал летом своего лучшего сотрудника сэра Роберта Крэйджи. Ради того, чтобы иметь возможность защитить сердце Британской империи, Англия, на мой взгляд, в данный момент будет делать все, дабы даже эвентуально с большими жертвами для себя вновь установить хорошие отношения с Италией и Японией, т.е. нанести ущерб Германии. По моему разумению, Германия, Италия и Япония должны, напротив, крепко держаться друг за друга, ибо именно в этом и состоит сила их позиции на мировой арене. Мне кажется, следует порекомендовать всем этим трем государствам стремиться к дружбе с любым, даже самым малым государством в сфере своей досягаемости. Это принесет пользу также с точки зрения разведки и пропаганды, а в случае серьезного конфликта, как я полагаю, чем больше будет таких друзей, тем лучше. Опасно было бы из-за неопределенной английской дружбы не сделать выбора в пользу других стран и отказываться от надежных дружественных отношений с ними. В результате можно оказаться сидящими между стульями. Вопрос о том, должна ли та или иная дружба поначалу предпочтительнее устанавливаться или поддерживаться в нежесткой форме или же было бы лучше, чтобы она сразу заключалась в какой-либо определенной форме (например, антикоминтерновского движения), должен, по моему мнению, в каждом отдельном случае решаться особо.

Что касается Англии, то наша политика, как я считаю, должна и далее быть направлена на компромисс при полном соблюдении интересов наших друзей. Нам следует и впредь укреплять у Англии понимание того, что компромисс и взаимопонимание между Германией и ею в конечном счете все же возможны. Эта перспектива смогла

бы, например, в случае локального конфликта в Центральной Европе, не затрагивающего жизненные интересы Англии, оказать сдерживающее воздействие на возможные намерения правительства последней вмешаться в данный конфликт.

Все же было бы лучше, если бы наша вырисовывающаяся расстановка сил в настоящее время выглядела для внешнего мира по форме еще не вполне закрепленной. Однако в долгосрочной перспективе это никоим образом не меняет того факта, что образование двух противостоящих друг другу фронтов со временем будет поневоле становиться все более явным.

На вопрос, сможет ли быть тогда вообще еще найден германо-английский компромисс, на мой взгляд, следует ответить таким образом: если Англия с ее союзами окажется сильнее, чем Германия и ее друзья, она, по моему разумению, рано или поздно удар нанесет. Если, напротив, Германии удастся осуществить свою политику союзов так, что германская группировка будет сильнее или равноценна английской, Англия, возможно, все же попыталась бы еще достигнуть компромисса. Однако при застывших фронтах внезапный компромисс между ними при наличии весьма разноречивых интересов кажется мне невыполнимым.

Попытка достижения его могла бы быть предпринята только двумя противостоящими друг другу государствами, причем за счет своих партнеров по группировке. Следуя этому ходу мыслей, можно было бы, например, представить себе теоретически, что Англия, оказавшись перед лицом превосходящей группировки, вдруг предложила бы Германии далеко идущий компромисс. Такой поворот политики на 180 градусов довольно часто происходил в истории ранее, когда войны являлись личным делом монархов, а народы зачастую даже не знали, за что они сражаются. В нашем нынешнем, современном, политизированном мире он едва ли мыслим, а уж в странах демократии наверняка неосуществим. Германский же вклад в такой компромисс мог бы быть произведен только за счет наших друзей. Такого рода политика, на мой взгляд,

для Германии невозможна. Не говоря о других причинах, такая политика шатаний из стороны в сторону таила бы в себе чудовищный риск, а именно риск изоляции, ибо какую гарантию смогла бы получить Германия от Англии, что та будет действительно соблюдать такую вынужденную крайней необходимостью договоренность? Лично мне кажется, что такой гарантии вообще не существует.

Поэтому на вопрос, возможно ли еще германо-английское взаимопонимание, следует ответить: пока фронты еще не застыли, такое соглашение само по себе еще мыслимо. Однако, как видно из прилагаемого донесения и из данной записки, это дело весьма трудное, ибо Германия желает формировать свое будущее иначе, чем, по всей видимости, готова допустить нам Англия в случае совместной политики (см., в частности, прилагаемое письмо лорда Лондондерри).

Только энергичные действия английского премьер-министра в нашем духе и против вышеупомянутых крупных актов сопротивления, возможно, еще смогли бы повернуть ход событий. Можно было бы представить себе, что английский премьер-министр (если только он не поддастся психозу германской силы и германского стремления к могуществу, а принципиально верит в возможность германо-английской дружбы) все еще охотно будет искать такой широкий, трезвый компромисс, не ставя при этом под угрозу жизненные чисто английские интересы. Это тот самый тезис, который столь подчеркнуто отстаивает в последние месяцы в «Обсервер» Гарвин. Когда я недавно спросил Чемберлена, каково его мнение насчет этих последних статей Гарвина, в ответ он лишь произнес: «Слишком длинны, а потому я их не читаю».

Очищающее атмосферу в Европе воздействие могла бы оказать четкая английская уступка в желаемом нами духе по австро-чехословацкому вопросу. Но, насколько я могу судить по имевшемуся у меня до сих пор опыту, такой поворот невероятен, и полагаю, что в лучшем случае Англия однажды будет силой обстоятельств вынуждена терпимо отнестись к такому решению. Мое суждение, что официальными переговорами с Англией эта проблема

решена быть не может, подкрепляется тем фактом, что Чемберлен и в области внутренней и в области внешней политики увяз (вместе с Францией) в такой системе, которая делает принятие крупных решений бесконечно трудным.

Если же фронты однажды застынут, то тогда лишь аномальные перемещения центров власти или же события в Европе либо во всем мире (большевизация Франции, крах России, серьезные изменения у наших партнеров) смогут толкнуть политическое развитие в другом направлении. Но строить политику на таких возможностях нельзя. Поэтому, на мой взгляд, правильным является продолжать нашу внешнюю политику по избранной линии.

В заключение хотел бы обобщить мои взгляды в виде следующих ключевых тезисов:

1. Англия в своем вооружении отстает, поэтому делает ставку на выигрыш времени.

2. Она верит, что в гонке с Германией время работает на Англию. Использование своих превосходящих экономических возможностей для вооружения. Время для расширения своих союзов (например, с Америкой).

3. Визит Галифакса¹ следует поэтому рассматривать как разведывательный и перестраховочный маневр. Друзья Германии и Англии тоже во многом играют предуказанную им роль.

4. Англия и ее премьер-министр, как я полагаю, после визита Галифакса не видят представляющейся им возможной базы для договоренности с Германией. Они считают национал-социалистическую Германию способной на все что угодно, как и мы — англичан. Поэтому они боятся, как бы сильная Германия однажды не заставила их пойти на неприемлемые для них решения. Дабы воспрепятствовать этому, Англия на всякий случай в своих военных и полити-

¹ Эдуард Фредерик Линдлей Вуд Галифакс (1881—1959), барон Ирвин, граф — британский государственный деятель и дипломат. В 1938—1940 гг. — министр иностранных дел Великобритании, активный сторонник политики «умиротворения» Германии.

ческих мерах ориентируется на конфликт с Германией.

5. Выводы, которые нам надлежит сделать отсюда:

1) Во внешней политике — продолжение курса на взаимопонимание с Англией при соблюдении интересов наших друзей.

2) Упорное создание в условиях полной секретности, без какой-либо огласки, союзнической группировки держав против Англии, т. е. практически укрепление нашей дружбы с Италией и Японией. Далее, привлечение на нашу сторону всех тех государств, интересы которых прямо или косвенно согласуются с нашими. Тесное и конфиденциальное сотрудничество с этой целью дипломатов трех великих держав.

Только таким образом мы сможем противодействовать Англии, дойдет ли дело однажды до компромисса или же до конфликта. В этой дипломатической игре Англия будет противником твердым и резким.

6. Решение особого вопроса о том, должны ли в случае конфликта Германии в Центральной Европе вмешаться в него Франция, а тем самым Англия, зависит от обстоятельств и момента возникновения и окончания этого конфликта, а также от военных соображений, которые здесь рассмотрению не подлежат. Некоторые свои взгляды на сей счет я хотел бы доложить фюреру устно.

Таково мое восприятие положения, возникшее после тщательного изучения всех обстоятельств. Вот уже ряд лет я тружусь с целью установления дружбы с Англией, и для меня не было бы ничего более радостного, чем если бы она оказалась возможной. Когда я попросил фюрера послать меня в Лондон, мысль об удаче этого дела вызывала у меня скептицизм, но, принимая во внимание позицию Эдуарда VIII, казалось необходимым предпринять последнюю попытку. Сегодня я во взаимопонимание с Англией больше не верю. Англия не желает иметь у себя под боком сверхмощную Германию, которая представляла бы собою постоянную угрозу ее островам. Ради этого она будет воевать. Но от национал-социализма ждут гигантских свершений. Это осознал уже Болдуин, а Эдуарду VIII при-

шлось отречься от престола, ибо не было никакой уверенности, что при своей установке он будет соучаствовать в проведении враждебной Германии политики. Чемберлен поставил Ванситтарта, этого наиболее значительного и упорного нашего противника, на такой пост, который дает ему возможность играть решающую роль в дипломатической игре против Германии. Любой день, когда в дальнейшем (совершенно независимо от того, какие тактические интермедии взаимопонимания ни пытались бы с нами разыгрывать) наши политические соображения не определялись бы в принципе мыслью об Англии как о нашем наипаснейшем противнике, явился бы выигрышем для наших врагов.

Риббентрон

Непредубежденный читатель из этого донесения посла, по необходимости дающего общий обзор положения и содержащего всевозможные выводы отсюда, увидит, что, по тогдашним взглядам Риббентрона, осуществление некоторых требований Гитлера должно было натолкнуться на враждебность решившейся на борьбу Англии. Одновременно Риббентрон рассматривает и пути, которыми Гитлер все же мог бы еще прийти к компромиссу с Англией. Во всяком случае отсюда никак нельзя вывести, будто Риббентрон неправильно информировал Гитлера и утверждал, что «Британская империя уже миновала свою наивысшую точку и больше не возьмет, как прежде, оружие в руки. дабы не допустить нового урегулирования в Европе», как о том, к примеру, пишет господин фон Папен в своих уже цитированных воспоминаниях (с. 424).

ИМПЕРСКИЙ МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Назначение имперским министром иностранных дел явилось для меня совершенно неожиданным. 30 января 1938 г., когда я находился в Берлине на торжествах по случаю пятой годовщины взятия власти, Адольф Гитлер попросил меня задержаться на несколько дней. То была неделя так называемого кризиса из-за Бломберга¹. 4 февраля фюрер вызвал меня к себе и сообщил, что в рамках новых назначений на различные высокие государственные посты он хочет произвести замену министра иностранных дел. Прежний имперский министр иностранных дел фон Нейрат будет назначен президентом Тайного правительственного совета. Его место должен занять я.

При моем вступлении в должность Гитлер кратко обрисовал мне общее политическое положение. Он сказал, что формированием вермахта и занятием Рейнской области Германия создала себе новое положение. Она опять вошла в круг равноправных наций, и теперь самое время подойти к решению определенных проблем. Решить же их можно только при помощи сильного вермахта, хотя его ни в коем случае не следует пускать в ход, достаточно одного того, что он есть. «Страна, не являющаяся сильной также

¹ Военный министр генерал-фельдмаршал Вернер фон Бломберг, на бракосочетании которого в качестве свидетеля присутствовал сам Гитлер, оказался скомпрометированным своей женьитьбой на известной гестапо и полиции бывшей гамбургской проститутке. Возникший при активном участии Геринга и Гимmlера скандал вынудил Бломберга уйти в отставку и был использован Гитлером для реорганизации вооруженных сил, создании вермахта (главнокомандующим которого он стал) и учреждения штаба Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ).

и в военном отношении, вообще не может вести никакой внешней политики», — заявил он мне. Мы достаточно часто наблюдали это за последние годы. Теперь нашим стремлением должно стать выяснение отношений с нашими соседями. Он назвал мне четыре проблемы: Австрия и Судетская область, Мемель [Клайпеда] и Данциг с коридором. Моя задача — помочь ему в дипломатическом решении этих проблем.

В своей новой должности я с самого начала оказался перед лицом больших трудностей. Гитлер как рейхсканцлер и глава правительства решал особенно близкие его сердцу внешнеполитические дела единолично. В ряде случаев его личные указания касались даже мельчайших подробностей. Правда, я мог открыто высказывать свои взгляды, а также излагать их в докладах и памятных записках. От случая к случаю фюрер, прежде чем принять решение, требовал моего экспертного заключения. Однако по более серьезным поводам, особенно в периоды различных кризисов, он иногда даже сам составлял тексты для обмена нотами с иностранными государствами, а также непосредственно вел беседы с зарубежными дипломатами.

В его мозгу политические соображения сочетались с военными. Все нити сходились только к нему одному. Мне он давал указание по дипломатическому решению проблемы, военным — по военным приготовлениям, причем в большинстве случаев так, что одна сторона не знала о заданиях другой. Таким образом он желал обеспечить себе в момент кризиса выбор между двумя возможными решениями.

В первые годы мне часто удавалось добиваться осуществления своей точки зрения, но потом это стало труднее. Отстоять собственное мнение перед такой сильной личностью было нелегко. Правда, это довелось испытать на себе и всем другим сотрудникам Адольфа Гитлера. Если фюрер после предварительного обмена мнениями принял решение по какому-либо важному делу, то изменить что-либо в этом решении было не под силу никому из его сотрудников, даже Герингу, пользовавшемуся тогда громадным влиянием. Скорее можно было сдвинуть с

места Монблан, чем добиться от фюрера отказа от однажды принятого им решения.

Каждый раз, когда мои воззрения принципиально расходились с его собственными, я давал ему возможность расстаться со мной. Трижды я подавал прошения об отставке. Даже после того как мне своим честным словом пришлось заверить, что больше я направлять ему такие прошения не стану, мне еще четыре раза пришлось просить его отпустить меня в армию. Но он отказал мне и в этом.

К министерству иностранных дел и его чиновникам Гитлер относился с недоверием. Да и мне самому многие из министерских господ поначалу были совершенно неизвестны, но я не испытывал к ним никакого предубеждения и в течение многих лет старался сблизить свое министерство с фюрером.

С самого начала моей деятельности в качестве министра мне пришлось выдерживать весьма значительные и отчасти серьезные споры со многими правительственными и партийными органами — все они хотели вести свою самостоятельную внешнюю политику. Я был убежден в том, что если внешнюю политику определяет глава государства, то только одно министерство иностранных дел призвано при этом давать ему компетентные советы и регулярно информировать его.

Большинство трудностей возникало с министерством пропаганды, которое хотело вести ее и внутри страны, и за границей. Из-за того, что фюрер в начале войны своим указом возложил на меня ответственность за зарубежную пропаганду, но одновременно распорядился, чтобы при этом я пользовался аппаратом министерства пропаганды, мне пришлось вести многолетнюю борьбу с доктором Геббельсом. Фюрер очень часто принимал его сторону. К тому же отдел печати имперского правительства, который до 1933 г. входил в состав министерства иностранных дел, был отдан министерству пропаганды, что, на мой взгляд, было политико-организационной ошибкой. Пресса, вне всякого сомнения, является одним из важнейших внешнеполитических инструментов, и влияние на нее — дело министерства иностранных дел*.

Сильные трения существовали все эти годы с Партийной канцелярией, возглавлявшейся Борманом¹. Здесь дело касалось прежде всего вопросов о положении и роли церковей обеих конфессий, о работе Заграничной организации [НСДАП] и некоторых других. В церковном вопросе Борман занимал позицию совершенно бескомпромиссную. Она приводила к сильнейшей напряженности в отношениях с Ватиканом, а также активизировала против нас все церковные круги в протестантских странах, вызывала в области внешней политики весьма важный и невыгодный для нас ход развития, все более обострявшийся в годы войны. Все мои возражения, адресованные в Партийную канцелярию и даже самому Адольфу Гитлеру, ни к каким изменениям не приводили.

Весьма значительные трудности за границей, особенно в первые годы моей деятельности в качестве министра, создавала мне Заграничная организация НСДАП. Так было, например, в Южной Америке. Там и в других государствах сложилось впечатление, что Германия своими парадами, униформами, массовыми митингами и т.п. хочет внести национал-социализм в зарубежные страны. В результате понятие «пятая колонна», хотя по существу и без всяких оснований, было перенесено на эту организацию. Все это дало в руки Рузвельту гротескный пропагандистский аргу-

¹ Мартин Борман (1900–1945) — один из главных немецких военных преступников. Член нацистской партии с 1925 г. Пользовался исключительным доверием Гитлера. С мая 1941 г. (после полета Гесса в Англию) — заместитель фюрера по партии, рейхс-лейтер и начальник Партийной канцелярии. В апреле 1943 г. стал личным секретарем Гитлера, постоянно находился в его ставке «Волчье логово» в Восточной Пруссии, вел записи его «застольных бесед». После самоубийства Гитлера и безуспешной попытки сепаратных мирных переговоров с западными союзниками 1 мая 1945 г. исчез из Имперской канцелярии и предположительно погиб от артобстрела неподалеку от нее. О дальнейшей его судьбе имеются различные версии. Международным военным трибуналом в Нюрнберге был заочно приговорен к смертной казни. В апреле 1973 г. западноберлинский суд юридически признал его умершим.

мент, будто Германия хочет закрепиться в Южной Америке и оттуда вести действия против США.

Ввиду этих и подобных возникавших в разных странах трудностей я постоянно подчеркивал, что, несомненно, правильное объединение проживающих за рубежом немцев в рядах Заграничной организации ни в коей мере не соизмеримо с тем ущербом, который порождался самим характером ее поведения. Но она была любимым детищем Рудольфа Гесса, и мои прежние такие дружеские отношения с ним были очень омрачены разногласиями и трудностями сотрудничества с руководителем этой организации Боле. На практике мне пришлось несколько раз по указанию партии предпринимать демарши в отношении иностранных государств, чтобы «прикрыть» очередную выходку какого-либо члена этой организации, но это была лишняя нагрузка для нашей внешней политики.

В мировоззренческих вопросах (наряду с церковным особенно в еврейском вопросе) я как имперский министр иностранных дел вступал в неизбежные конфликты с рейхсфюрером СС [Гиммлером]. Вскоре весьма серьезные разногласия возникли и по вопросам разведывательной деятельности, поведения СД¹ (Служба безопасности) за границей, а позже — политики в оккупированных странах. Сначала отношения с Гиммлером у меня были хорошие, поскольку я поддерживал его идею создания элиты руководителей-фюреров. Но вследствие все более сильного вторжения его органов в область внешней политики между мною и Гиммлером возникла очень серьезная скрытая вражда. Я неоднократно пытался преодолеть противоречия, поскольку сотрудничество с ним было необходимо в интересах рейха. Его становившееся все более могущественным положение вело к тому, что он пытался добиться исключительного влияния на внешнюю политику. Примирение с Гиммлером так и не удалось; напротив, его поведение по отношению ко мне становилось лишь враждебнее.

¹ Аббревиатура от нем.: der Sicherheitsdienst (SD).

До окончательного личного разрыва моего мужа с Гиммлером дело дошло зимой 1941/42 г., когда рейхсфюрер СС попытался в длительной беседе привлечь его к созданию клики в собственных интересах. При этом возникла ситуация, которая дала моему мужу повод бросить реплику: «Гиммлер, я этого никогда не сделаю, я остаюсь лояльным фюреру!» Гиммлер как преемник фюрера считал моего мужа неприемлемым для себя по внешнеполитическим причинам.

Я хотел бы дать здесь предваряющее соответствующие события краткое описание тех трудностей, которые имелись у меня с Гиммлером. В первую очередь из-за его бескомпромиссности в вопросе о масонах и церквях, а также в результате того обращения с евреями, которое Гиммлер собственной персоной осуществлял во всей Европе, возникло дополнительное внешнеполитическое бремя, равнозначное по своей тяжести вражде какой-либо великой державы. Все предложения по изменению этой политики отклонялись Гитлером и все больше самим Гиммлером. В ходе войны появились новые причины для трений в таких оккупированных странах, как Франция, Дания, а позже Венгрия. В каждой из этих стран Гиммлер имел собственного высшего полицейского начальника; в большинстве случаев своего главнокомандующего назначал и вермахт. Когда представители министерства иностранных дел желали решить тот или иной вопрос политическими средствами, они достаточно часто сталкивались с крупными трудностями в тех инстанциях, которые подходили к этому вопросу только с полицейской или военной точки зрения, так как все эти органы через своих начальников докладывали Гитлеру и получали от него указания. Решение почти всегда принималось вопреки политическим предложениям представителя министерства иностранных дел.

Еще более роковое воздействие оказывали противоречия в области разведывательной службы. Кадры СД, действовавшие за границей зачастую без достаточного опыта разведывательной деятельности и занимавшиеся тайной слежкой за нашими послами, затрудняли работу глав наших

дипломатических миссий. В качестве примера достаточно привести тот факт, что на основании секретного донесения СД, доложенного непосредственно фюреру, я получил приказ немедленно отозвать глав трех наших миссий из Испании, Португалии и Швеции. Точно так же — под давлением Бормана — были заменены руководители миссий в Румынии, Греции и Болгарии. К тому же Гитлер часто назначал на дипломатические посты тех людей из своего окружения, которые просто уже не пользовались его доверием и которых он хотел поэтому убрать с глаз долой, например своего бывшего адъютанта Видемана: его перевели на должность генерального консула в США. Гиммлер непосредственно докладывал Гитлеру и свои внешнеполитические донесения, получаемые им от собственной разведывательной службы, а тот затем на основе неверной информации принимал спонтанные решения, даже не ставя меня в известность. Позже Кальтенбруннер¹ попытался устранить эти трудности, но достигнутая нами договоренность уже своего воздействия не оказала*.

В ходе войны влияние Гиммлера на внешнюю политику слишком часто приводило к гротескным ситуациям. Так, например, Гиммлер все еще продолжал поддерживать в Румынии Хорию Симу против Антонеску², когда Гитлер уже решил сделать ставку на маршала. Подобным же образом Гиммлер во время войны делал в оккупированных странах собственную политику. Это в особенности относится к его «Германскому руководящему центру», который через своих людей стремился закрепиться повсюду в оккупированных странах на основе якобы «германских» принципов, даже не советуясь с министерством иностранных дел. Сотрудник Гиммлера и его шеф-адъютант группенфюрер СС Вольф зачастую старался устранять эти вновь и вновь возникающие разногласия, причем первое время с

¹ Начальник Главного управления имперской безопасности (РСХА).

² Ион Антонеску (1882—1946) — диктатор Румынии с сентября 1940 по август 1944 г. В июне 1946 г. казнен по приговору Народного трибунала Румынии как военный преступник.

успехом. Но когда Вольф был назначен в Италию, положение стало резко усложняться.

Не говоря уже о таких беспорядках, в ходе войны стало просто манией, что видные лица начали самовольно подвизаться в области внешней политики. Отсюда для министерства иностранных дел возникла бессмысленная и невыносимая перегрузка.

Постоянные разногласия существовали с внешнеполитическим ведомством рейхсляйтера Розенберга¹ в Скандинавских странах и в Восточном пространстве. После 1941 г. министерство иностранных дел от деятельности во всем Восточном пространстве в конечном счете было отстранено; действовали так, будто России как внешнеполитической проблемы больше нет. Посланцы Розенберга вмешивались в функции министерства также в Финляндии, на Балканах и в Турции, что вызывало тяжелые контраверзы*.

Я счел уместным на Нюрнбергском процессе об этих вещах умолчать, но здесь пусть они будут упомянуты.

В феврале 1938 г., принимая на себя руководство министерством, я, несомненно, сделал ошибку, не потребовав четких полномочий с целью обеспечить приоритет министерства иностранных дел в ведении внешней политики и определить необходимые и непереносимые для того компетенции. Но при стиле работы Адольфа Гитлера я, вероятно, не достиг бы ничего и этим. Даже такое формальное разграничение функций не удержало бы его и впредь от следования своему охотно используемому старо-

¹ Альфред Розенберг (1893—1946). По происхождению — прибалтийский немец, свободно владел русским языком. Один из главных немецких военных преступников, с 1923 г. — шеф-редактор центрального органа НСДАП газеты «Фелькишер беобахтер» («Народный наблюдатель»). Один из главных идеологов германского фашизма. Руководитель внешнеполитического отдела нацистской партии. Влиятельный соперник Риббентропа в борьбе за руководство германской внешней политикой. С июля 1941 по апрель 1945 г. — имперский министр по делам оккупированных восточных территорий. Казнен (повешен) по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

австрийскому принципу «divide et impera»¹ и не помешало бы ему (чему способствовало его недоверие к чиновникам моего министерства) получать собственную информацию из-за границы или о загранице по различным официальным и многочисленным неофициальным каналам, по которым к нему попадало то или иное неконтролируемое и неверное сообщение.

* * *

Через несколько дней после моего вступления в должность министра первая из названных мне фюрером четырех подлежащих решению проблем перешла в острую стадию.

Будучи послом в Лондоне, я, естественно, занимался австрийским вопросом мало. С усилением мощи рейха в Австрии открыто прорвалось ее постоянно существовавшее стремление к более тесной связи с Германией, которому до сих пор препятствовало лишь возражение версальских стран-победительниц. Фюрер издавна испытывал к Австрии своего рода сердечное влечение. Политику по отношению к ней он проводил преимущественно сам, зачастую даже без участия министерства иностранных дел. Посланник в Вене фон Папен направлял свои донесения непосредственно Гитлеру.

Незадолго до 12 февраля 1938 г. фюрер сообщил мне, что встретится в Оберзальцберге с федеральным канцлером [Австрии] Шушником². При этом он сказал, что прежде всего надо оказать помощь национал-социалистам в Австрии. Многие из них сидели в тюрьмах и так называемых лагерях для задержанных лиц; это с годами превратилось в действительно серьезную проблему взаимоотношений Австрии и Германии. Я должен находиться в его распоряжении в Бергхофе для беседы с Шушником. О том, будто бы в этом разговоре Гитлер высказал мне свое желание во что бы то ни стало еще в течение 1938 г.

¹ «Разделяй и властвуй» (лат.).

² Курт Шушник (1897—1977) — австрийский политический деятель. В июле 1934 г. после убийства австрийского канцлера Дольфуса участниками фашистского путча стал канцлером.

обеспечить право на самоопределение для шести миллионов немцев, проживавших в Австрии, я впервые услышал лишь во время заседаний Международного военного трибунала в Нюрнберге. В действительности же Гитлер никогда не высказывал мне никаких намерений насчет осуществления такой программы в отношении Австрии к определенному сроку.

Во время переговоров в Оберзальцберге я как вновь назначенный министр, да к тому же по той теме, которую Гитлер считал исконно своей, вполне понятно, мог мало что сказать. Первый разговор с австрийским федеральным канцлером Адольф Гитлер провел один. Затем состоялась моя более продолжительная беседа с Шушнигом, с которым я тогда познакомился впервые. Она ограничилась лишь высказываниями общего характера, но прошла в весьма дружественной атмосфере. Я подчеркнул необходимость более тесного сплочения Австрии с рейхом и высказался в том духе, что все же все мы как-никак немцы, а немцев от немцев отделять нельзя. Шушниг подхватил эту мысль, заявив: «Обоим государствам самой судьбой предопределено быть вместе».

Ни о каком аншлюсе в нашей беседе речь не шла. Я мыслил себе решение австрийского вопроса в форме государственного договора с валютной и таможенной унией. Посредством такого договора я хотел прежде всего к взаимной выгоде устранить экономические различия обеих стран. Я думал и о словах, сказанных тогдашним английским министром иностранных дел Галифаксом в ноябре 1937 г. насчет более тесного сплочения Германии и Австрии, уже запланированного соглашением от 11 июля 1936 г.: английский народ никогда не поймет, «почему он должен вступить в войну из-за того, что два германских государства хотят действовать сообща».

Вся атмосфера на переговорах в Бергхофе была весьма доверительной, а все договоренности с Шушнигом достигались с взаимного согласия и исключали какое бы то ни было давление. Германские военные чины, которые часто упоминались впоследствии, присутствовали только на завтраке.

Всего через каких-то четыре недели — 8 марта 1938 г. — я отправился в Лондон, чтобы нанести там прощальные визиты как посол. Незадолго до того у меня состоялась беседа с Адольфом Гитлером, она касалась в первую очередь наших отношений с Англией. В этом разговоре фюрер высказал мысль, что дело с австрийским вопросом хорошо продвигается вперед в духе соглашения, достигнутого в Берхтесгадене. Тем больше я был поражен, когда в день своего прибытия в Лондон, 9 марта вечером, услышал транслировавшуюся по радио речь Шушнига в Инсбруке перед главами австрийских провинций и ведомств. Тон и содержание этой речи, вне всякого сомнения, противоречили принятым в Оберзальцберге соглашениям. Другая сторона явно настроила Шушнига на иной лад и оказала на него влияние; мы, несомненно, должны что-то предпринять, чтобы возникающая ситуация не превратилась в политическую катастрофу.

На следующий же день я имел продолжительную беседу об этом с лордом Галифаксом, которому тоже поступили сообщения из Австрии. При этом я высказал мысль, что теперь необходимо в какой-либо форме все же прийти к решению австрийского вопроса. Наилучшим его решением, отвечающим духу германо-английских стремлений, было бы дружественное единение. Я напомнил ему его собственное высказывание в 1937 г. Галифакс воспринял ход событий спокойно и уравновешенно и сказал мне, что я еще буду иметь случай поговорить об этом с английским премьер-министром Чемберленом.

На последовавшем затем завтраке, который Чемберлен дал по поводу моего прощального визита, премьер-министр заявил мне: его твердое желание — установить с Германией дружественные отношения. Я ответил, что был бы очень счастлив возможности сообщить фюреру об этом стремлении к взаимопониманию.

Вскоре после нашей беседы — еще во время завтрака — Чемберлен получил телеграмму английского консула в Вене, согласно которой германское правительство якобы предъявило там ультиматум. Вскоре пришла вторая телеграмма, в которой сообщалось о передвижениях герман-

ских войск. Затем Чемберлен и Галифакс пригласили меня в свои служебные апартаменты (завтрак проходил на Даунинг-стрит), чтобы обсудить со мной обе телеграммы. Черчилль в XV главе I тома своих мемуаров (немецкое издание 1949 г., с. 332) сообщает об этом завтраке. Он утверждает, будто мой муж и я намеренно затянули эту протокольную процедуру, чтобы оторвать премьер-министра от его дел и от телефона. Он приписывает Чемберлену следующие слова, сказанные моему мужу: «Я должен извиниться, но обязан заняться сейчас срочными делами...» Черчилль пишет далее, что «Чемберлен без дальнейших церемоний вышел из гостиной. Риббентропы все еще задерживались, но большинство из нас под разными предлогами отправились по домам. Надо полагать, и они наконец откланялись»¹.

Я до сих пор все еще хорошо помню этот завтрак. Во время него за столом возникло общее беспокойство, тогдашнего помощника министра иностранных дел Кадогана куда-то вызвали, началось оживленное хождение. Поначалу я не восприняла это как нечто необычное для политического протокола. Когда все встали из-за стола, миссис Чемберлен с большим шармом выполнила свой долг хозяйки дома и устроила так, что каждый из гостей смог несколько минут поговорить с нами, что и было целью этого прощального завтрака. Неожиданно ко мне с озабоченным лицом подошел мистер Чемберлен и сказал: «Бесконечно сожалею, что мне придется еще немного задержать господина фон Риббентропа, но произошли весьма серьезные события, делающие необходимым обмен мнениями с ним». Премьер-министр очень вежливо проводил меня до нашей автомашины, и я уехала одна, без мужа, довольно расстроенная и размышляя, что же такое могло произойти.

(Об этом обмене мнениями, последовавшем сразу после завтрака, в «*Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik*»

¹ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Т. I. М., 1994. С. 125.

(Serie D. Bd I. S. 255) опубликован отчет, существования которого Черчилль, давая свое не отвечающее истине описание событий, верно, не предполагал.)

Черчилль сообщает далее об этом завтраке, что на его прощальные слова: «Надеюсь, что Англия и Германия сохраняют свои дружественные отношения» — я ответила *huldvoll*¹: «Смотрите только не нарушайте их сами»². На самом же деле я ответила ему так: «В нашей германской дружбе вы можете быть уверены».

В то время как лорд Галифакс во время обсуждения у Чемберлена заявил, что происходящие события просто невыносимы, премьер-министр высказался успокоительно и спросил меня, не имею ли я каких-либо сообщений о событиях в Австрии. Мне пришлось ответить отрицательно и попытаться разъяснить ему, что, к сожалению, я ничего по этому поводу сказать не могу, пока не свяжусь с моим правительством, что и хочу сделать немедленно. Я попросил лорда Галифакса во второй половине дня посетить меня в посольстве. Но и во время беседы в посольстве во второй половине дня я еще не был в состоянии сообщить ему подробности событий в Австрии, ибо мне не удалось установить связь с Адольфом Гитлером и получить от него информацию. Поэтому я смог лишь констатировать лорду Галифаксу, что события в Австрии приняли совершенно иной оборот по сравнению с тем, как мыслилось все в беседе с Шушнигом в Оберзальцберге. Наш разговор был вполне дружественным; я нашел повод пригласить лорда Галифакса посетить Германию, и он это приглашение принял.

Только 13 марта я в результате продолжительного разговора с Герингом (который, само собой разумеется, прослушивался Лондоном) узнал подробности событий в Австрии.

Мне не представилось случая обсудить содержание этого разговора с английскими государственными деятелями: мои прощальные визиты были уже закончены. Через несколько часов я покинул Лондон, чтобы лететь сначала

¹ Кокетливо (нем.).

² Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Т. I. С. 125.

к Герингу в Каринхалль, а затем к Гитлеру в Вену. Здесь я узнал, что у него идея немедленного аншлюса возникла впервые во время поездки через Австрию, а особенно в связи с митингом в Линце.

* * *

Другим вопросом, требовавшим решения, но отнюдь не поставленным ни Адольфом Гитлером, ни министерством иностранных дел, а возникшим сам по себе, был вопрос о судетских немцах*. Представитель американского обвинения в Нюрнберге заключил свою обвинительную речь по этому вопросу утверждением, что с крахом Чехословакии подошла к своему концу одна из самых трагических глав в истории народов, а именно изнасилование и разрушение целостности чехословацкого народа.

Это утверждение позволяет осознать одну ошибку, сыгравшую роковую роль еще во времена переговоров в Версале. Чехословацкого народа как такового не было никогда — ни до, ни после 1918 г. Напротив, речь шла о многонациональном государстве с различными народными группами, к которым принадлежали кроме чехов немцы, венгры, поляки, русины, карпатские украинцы и словаки. Искусственное образование, каковым являлась Чехословакия, составленная в 1919 г. из столь гетерогенных элементов, с самого момента своего возникновения тяготело к распаду и могло сохраняться только в результате сильного давления чехов.

Это давление, разумеется, вызывало контрдавление, становившееся все более ощутимым, по мере того как усиливалась Германия и благодаря этому постоянно возрастала ее притягательная сила для приграничных немецких народных групп. По опыту своего пребывания послом в Лондоне я знаю, что в Англии тоже весьма ясно понимали суть судетского вопроса и были готовы поддерживать определенные стремления и требования руководителя судетских немцев Конрада Генлейна¹.

¹ Лидер прогермански настроенных судетских немцев, ставленник нацистской партии.

Угнетение немецкого меньшинства в Чехословакии отнюдь не было выдумкой Адольфа Гитлера. Оно началось уже в 1918 г. После взятия [нацистами] власти в 1933 г. оно, вне всякого сомнения, усилилось, а культурная жизнь немцев в Чехословакии все более урезывалась.

Вопросами национальных меньшинств во всех государствах, которые в договорном порядке обязывались защищать эти меньшинства, занималась специальная комиссия секретариата Лиги Наций в Женеве. Ежегодно публиковались, а затем передавались на хранение в библиотеку Лиги Наций отчеты об их положении. Доступ к этим материалам, которые я затребовал для защиты германской внешней политики в Нюрнберге, мне предоставлен не был.

Обвинение утверждало в Нюрнберге, что я нелегальным образом вызывал волнения и раздоры и тем самым сознательно содействовал возникновению судетского кризиса. В действительности же никаких шагов в этом направлении германской стороной не предпринималось. К контрмерам она перешла только тогда, когда чехословацкие власти начали произвольные аресты немцев. В любом случае стремления судетских немцев не дирижировались нами таким образом, чтобы отсюда должна была возникнуть серьезная проблема.

Партия судетских немцев, разумеется, стремилась к их все большей самостоятельности, а некоторые ее руководители хотели добиться полной автономии, если даже не прямого присоединения к рейху. Я со своей стороны неоднократно просил Конрада Генлейна при выражении им своих политических стремлений не предпринимать по отношению к Праге ничего такого, что могло бы поставить германскую внешнюю политику в затруднительное положение. Гитлер охарактеризовал мне проблему судетских немцев как одну из тех проблем, в решении которых дипломатическим путем я должен оказать ему помощь. В министерстве иностранных дел вопрос о проживающих на границах Германской империи народных группах нередко называли «зловещей проблемой», т. е. такой, которой министерство не владело настолько, насколько это

было желательно в интересах германской внешней политики.

В речи 20 февраля 1938 г. фюрер заявил протест против лишения национально-политических прав тех немцев, которые на государственно-правовом основании оказались отрезанными от рейха. Для великой державы, обладающей должным самосознанием, невыносимо, что на ее стороне есть такие фольксгеноссен¹, которых заставляют страдать за их симпатии к своему народу как единому целому. Под впечатлением этого заявления и последовавшего вскоре аншлюса Австрии судетско-немецкий политик Конрад Генлейн выступил с призывом к самороспуску немецких осколочных партий в Чехословакии, в результате успеха которого так называемая партия судетских немцев под руководством самого Генлейна стала влиятельной политической организацией немецкого населения Судет.

Развитие судетского вопроса приобрело характер кризиса из-за того, что, с одной стороны, судетские немцы отстаивали свои требования в Праге все более открыто и настойчиво, а с другой — чехи проявляли неуступчивость. Следствием этого явились как эксцессы чехословаков, так и аресты судетских немцев. Мне тогда часто приходилось беседовать с чешским посланником о стремлениях судетских немцев к автономии и рекомендовать ему широко идти навстречу этим стремлениям. Однако поведение не только пражского правительства, но и судетских немцев становилось все более упорным.

В мае и июне [1938 г.] в Чехословакии проводились общинные выборы. Пражское правительство попыталось демонстрацией своих средств государственной власти оказать влияние на ход выборов в округах с немецким населением. Дабы обосновать в глазах мировой общественности введение чрезвычайного положения, в Праге был вызван «кризис конца недели». С этой целью Прага распространила на весь мир утверждение, будто Германия произвела мобилизацию и предстоит вступление немецких

¹ По нацистской терминологии — соплеменники, сородичи (буквально: сотоварищи по народу).

войск. Когда же мы в Берлине соответствующим образом разъяснили правду, заявив, что с нашей стороны никаких военных мер не принималось, президент Чехословакии дал указание интерпретировать это как «отступление» Гитлера.

Из этого фюрер сделал такой вывод: как стало известно здесь, в Нюрнберге, он 28 мая 1938 г. приказал командованию вооруженных сил приступить к военным приготовлениям против Чехословакии. В самом же Судетенланде (немецкое название Судетской области. — *Перев.*) меры пражского правительства желаемого последним успеха не имели: партия судетских немцев во всех округах с немецким населением одержала на общинных выборах крупную победу. В начале июня судетские немцы передали Праге свои требования: они добивались самоуправления народных групп в рамках чехословацкого государства и установления равноправия между чехами и немцами. Переговоры оказались безуспешными, так как к уступке в отношении автономии и равноправия пражское правительство готово не было.

Летом 1938 г. положение обострилось. По этому поводу я говорил с английским послом в Германии сэром Невиллом Гендерсоном о развитии событий. Вероятно, его инициативе следует приписать то, что британское правительство направило в Прагу лорда Ренсимена с целью получить ясное представление о положении вещей.

Ренсимен пришел к убеждению, что пограничным округам, лежащим между Чехословакией и Германией, должно быть немедленно предоставлено полное право на самоопределение. Его попытка достигнуть компромисса между чехословацким правительством и партией судетских немцев потерпела неудачу из-за отрицательной позиции пражского кабинета.

Однако миссия лорда Ренсимена являлась, пожалуй, всего лишь следствием осознания англичанами того факта, что, пока не поздно, надо что-то сделать для сохранения мира, поскольку Британия по уровню своего вооружения к войне еще не готова. Это отчетливо видно из секретного донесения чешского посланника в Париже Стефана Осу-

кого министру иностранных дел Чехословакии д-ру Крофте от 5 августа 1938 г. о беседе с директором политического отдела французского министерства иностранных дел Рене Массигли¹. Согласно этому донесению, тогдашний британский министр авиации рассчитывал на то, что через шесть месяцев английская авиация будет в полном «порядке». По этой причине, говорилось в донесении, «в Англии придают такое важное значение выигрышу времени»².

Кризис достиг своей кульминационной точки, когда пражское правительство ввело в Судетской области осадное положение. Это побудило английского премьер-министра

¹ Текст донесения см. в приложении.

² На решения британского правительства различным образом воздействовали следующие факторы.

Офицер английской разведки и публицист Ян Колвин в своей книге «*Master Spy, the Incredible Story of Admiral Wilhelm Kanaris, who while Hitler's Chief of Intelligence, was a Secret ally of the British* (New York, 1952) пишет, в частности, что в середине августа 1938 г. Эвальд фон Кляйст-Шменцин по заданию (тогдашнего оппозиционного начальника генерального штаба сухопутных войск. — *Перев.*) генерал-полковника Бека прибыл в Лондон, где он между 17 и 24 августа имел беседы с лордом Ллойдом, сэром Робертом Ванситтартом и (в его загородной резиденции) Уинстоном Черчиллем. Целью этих контактов было побудить британское правительство проявлять нестоворчивость по судетскому вопросу. Он сообщил им также о «недостаточном уровне вооружения» вермахта, который осуществит свою программу вооружения только в 1943 г. По возвращении в Германию Кляйст-Шменцин передал [начальнику абвера] адмиралу Канарису личное послание Черчилля (р. 69 ff.).

В первые дни сентября 1938 г. в Лондон по поручению (назначенного после отставки Бека. — *Перев.*) начальника генерального штаба [генерал-полковника] Гальдера отправился подполковник Ганс Бём-Теттельбах. О своих политических действиях он позже сообщал (в частности, в дюссельдорфской газете «*Райнише пост*» от 10 июля 1948 г.): «Мое задание состояло в том, чтобы просить самый узкий круг руководящих деятелей английского министерства иностранных дел проявлять твердость в отношении требований Гитлера. Люди, давшие мне это задание, рассчитывали не на что иное, как на категорическое «нет» английского правительства».

В британской публикации документов «*Documents on British*

Чемберлена через посла Гендерсона связаться с имперским правительством. Таким образом, 15 сентября 1938 г. состоялся первый визит Чемберлена к фюреру в Оберзальцберг.

На беседе Гитлера и Чемберлена, которая проходила в весьма дружественной атмосфере, я не присутствовал. Фюрер сказал мне потом: Чемберлен совершенно открыто высказался за то, что требование судетских немцев о предостав-

Foreign Office Policy 1919-1939» под номером 775 воспроизводится телеграфное донесение английского посланника в Берне сэра Дж. Уорнера Форин офису от 5 сентября 1938 г., возникшее на основе беседы с комиссаром Лиги Наций по Данцигу Карлом Буркхардтом. К тому же на судебном процессе по так называемому делу Вильгельмштрассе (министерства иностранных дел. — *Перев.*) в Нюрнберге была представлена дневниковая запись Буркхардта, согласно которой тогдашний статс-секретарь [этого министерства] Вайцзеккер заявил ему следующее: «Англичане должны как можно скорее послать кого-нибудь, с кем можно говорить. Но не слишком высокопоставленную персону, не премьер-министра, не чересчур вежливого англичанина старой школы. Если придет Чемберлен, эти типы будут торжествовать, приговаривая: «Да этот англичанин совсем ручной, ведь он перед нами пресмыкался!» Чемберлен для этих людей слишком хорош. Вы должны послать энергичного военного, который, если надо, может накричать и стукнуть по столу стэком...» (Цит. по: *Holldack. Was wirklich geschah. München, 1949. S. 95.*)

Вайцзеккер упоминает данный разговор с комиссаром Лиги Наций Буркхардтом в своих «Воспоминаниях» (Мюнхен, 1950, С. 179) и сообщает о дальнейших подобных шагах, которые он предпринял в те дни, чтобы воздействовать на британское правительство. Вайцзеккер подчеркивает, что его собственная «постоянная работа» в министерстве иностранных дел являлась «внешнеполитической обструкцией» и что каждый предпринятый им в начале сентября, «разумеется за спиной государственного руководства», шаг был не только «рискованным и необычным», но и представлял собой «заговор с потенциальным противником», (Там же. С. 177–178.)

В верхней палате английского парламента лорд Ллойд в начале октября 1938 г. намеками говорил об адресованных тогда британскому правительству из Германии инициативах и заявил: министр иностранных дел Англии знал, «откуда шла информация, и из этого же источника был дан совет сделать совместное с Францией и Россией заявление о солидарности». (Цит. по: *J. Colvin. Master Spy. P. 81.*) — *Примеч. нем. изд.*

лении им права на самоопределение и свободу должно быть теперь в какой-либо форме выполнено. Результатом встречи явилось заверение Чемберлена, что он доведет желания германского правительства до сведения британского кабинета, а затем обмен мнениями будет продолжен.

Однако дело вперед не двигалось. Положение в Судетской области день ото дня становилось все тяжелее, и германо-чешский кризис грозил превратиться в серьезный европейский.

По инициативе Чемберлена состоялся его второй визит, который проходил 22 и 23 сентября 1938 г. в Годесберге. На этой встрече Адольф Гитлер сообщил английскому премьер-министру, что необходимо в любом случае прийти к решению вопроса, причем сделать это надо как можно скорее. Чемберлен высказал опасение, удастся ли в столь короткий срок убедить Прагу в необходимости решения проблемы судетских немцев, и это вызвало задержку в работе совещания. Гитлер сам продиктовал мне меморандум, который я передал Чемберлену. Затем меня посетил сэр Гораций Вильсон, друг Чемберлена, имевший большие заслуги в преодолении противоречий. Мне удалось добиться того, что вечером состоялась новая встреча Гитлера с главой английского правительства.

Холодная атмосфера этой второй беседы стала просто ледяной, когда во время нее поступило сообщение о чешской мобилизации. Теперь все оказалось на лезвии ножа, и как фюрер, так и Чемберлен желали поскорее закончить переговоры. Это произошло как раз в тот момент, когда переводчик уже намеревался зачитать предложения Гитлера насчет того, как следует решить судетско-немецкую проблему. Мне удалось отвлекающим разговором с фюрером, а также и с Чемберленом преодолеть мертвую точку, возникшую в переговорах. В конце концов диалог обоих государственных деятелей возобновился. Вновь возникла беседа, длившаяся несколько часов, и в конечном счете Чемберлен заявил о своей готовности передать британскому кабинету германский меморандум и посоветовать своим коллегам-министрам рекомендовать Праге этот меморандум принять. Предложения Адольфа

Гитлера предусматривали присоединение Судетской области с преобладающим немецким населением к рейху. Учитывая крайне напряженное положение, оно подлежало осуществлению в срок от десяти до четырнадцати дней, но в любом случае — до 1 октября.

Чемберлен отбыл. Проходил день за днем, а положение становилось все более невыносимым. Меня посетил сначала французский, а затем английский посол, заметив при этом, что они хотели бы сообщить благоприятное известие насчет решения вопроса о Судетах. Одновременно включилась и Италия. Муссолини передал через Геринга о своей готовности выступить в качестве посредника. Он заявил по этому поводу, что Италия выбрала свое место и теперь западные державы «видят перед собой не два государства, а противостоящий им блок».

Предварительные переговоры выявили прежде всего расхождения относительно размера территории, подлежащей присоединению к Германии. Как английский, так и французский посол подчеркивали серьезное намерение своих правительств содействовать решению данной проблемы. Так дело дошло до Мюнхенской конференции.

На переговорах в Мюнхене Муссолини выразил свое согласие с ходом мыслей фюрера. Английский премьер-министр высказал определенные оговорки; он полагал, что надо бы еще раз поговорить об этом с чехами. Но Даладье счел правильным, чтобы четыре великие державы, раз они уже вообще занялись данной проблемой, приняли и решение по ней.

Эта точка зрения одержала верх, и так был подписан Мюнхенский договор¹ в котором определялось, что Судетская область должна быть присоединена к Германии.

На следующий день после завершения мюнхенских переговоров Чемберлен посетил Гитлера на его приватной квартире и с глазу на глаз попросил подписать составленное им дополнительное соглашение к Мюнхенскому договору, которое он захватил с собой. Гитлер сразу же согласился и поставил под документом свою подпись.

¹ Так у автора.

В этом дополнительном соглашении между Англией и Германией обе стороны договаривались о том, что договор о военно-морских флотах должен оставаться прочным как символ решимости обоих наших народов никогда не воевать друг против друга. По всем вопросам важного значения в дальнейшем между обеими странами должны вестись консультации.

Это соглашение, несомненно, разрядило напряженную атмосферу в отношениях между Англией и Германией, и можно было надеяться, что они придут к всестороннему взаимопониманию¹.

Таков был, коротко говоря, ход событий. Фюрер и я были чрезвычайно рады найденному решению. Мюнхенское решение действительно явилось событием исключительного политического значения*. Обвиняемый совместно со мною Шахт, решительный противник национал-социализма, неоднократно повторял в Нюрнберге, что в Мюнхене Англия «преподнесла Германии Чехословакию в качестве подарка».

¹ Текст соглашения см. в приложении, с. 308. О возникновении данного германо-английского соглашения Чемберлен сообщает в своем дневнике: «Примерно около 1 часа утра, пока документы готовились к подписанию, я спросил Гитлера, не захочет ли он еще раз увидеться со мной для разговора. На это предложение он охотно откликнулся и попросил меня отправиться на его приватную квартиру в одном доходном доме, на других этажах которого проживали посторонние квартиросъемщики. У меня состоялась с ним весьма дружественная и приятная беседа: об Испании (где у него, как он, в частности, сказал, не было никаких территориальных притязаний), об экономических отношениях с Южной Европой и о разоружении. О колониях не заговаривал ни он, ни я. К концу беседы я вынул заявление, которое заранее подготовил, и спросил, не подпишет ли он его. Пока переводчик переводил текст на немецкий язык, Гитлер несколько раз воскликнул: «Да, да!», а под конец сказал: «Да, разумеется, я хочу подписать; когда мы должны сделать это?» Я ответил: «Сейчас!», и мы сразу же подошли к письменному столу и поставили свои подписи под двумя копиями, которые я захватил с собой». (Цит. по: K. Feiling. The Life of Neville Chamberlain. P. 376.) — *Примеч. нем. изд.*

На одном из допросов, которые вел мистер Киркпатрик, меня после ареста спросили, не был ли «фюрер очень огорчен» тем, что в Мюнхене удалось прийти к соглашению и тем самым он «не получил своей войны». Ведь в Мюнхене Гитлер пообещал: в следующий раз он «сбросит господина Чемберлена с лестницы вместе с его зонтиком». Здесь можно сказать только одно: во всем этом нет ни единого слова правды! Фюрер был Мюнхеном весьма удовлетворен, и я никогда не слышал от него даже намека на что-либо иное¹.

После отъезда Чемберлена Гитлер сразу же позвонил мне по телефону и радостно сообщил: премьер-министр еще раз побывал у него и он подписал дополнительное соглашение. Я поздравил фюрера с этим, ибо, таким образом, ситуация насчет Англии стала ясна. Во второй половине дня Гитлер на вокзале вторично выразил свою радость и удовлетворение Мюнхенским соглашением.

Все другие версии насчет моих и Адольфа Гитлера тогдашних воззрений являются вымыслом.

Велико же было наше разочарование, когда Чемберлен уже через три дня после мюнхенского заявления провозгласил в палате общин вооружение любой ценой². 7 декабря 1938 г. английский государственный секретарь по делам колоний даже счел правильным своим немотивированным

¹ В действительности отрицательно относились к мюнхенским событиям только те круги, которые в предшествовавшие недели воздействовали из Берлина на британское правительство в духе сопротивления германским действиям. Так, Эрих Кордт сообщает: «Надежды... на устранение Гитлера были созывом Мюнхенской конференции сведены на нет... Один из берлинских заговорщиков, передавая доверенному лицу в Лондоне последние сообщения, упавшим голосом заметил: «Это решение вопроса — хуже первого, но лучше любого другого»». (Цит. по: Erich Kordt. *Wahn und Wirklichkeit*. Stuttgart, 1948. S. 128 f.) — *Примеч. нем. изд.*

² О тогдашней политике Чемберлена Филлинг пишет следующее: «О том, что первопричиной поездки Чемберлена в Мюнхен было намерение выиграть время для подготовки к неизбежной войне, сказано и написано много! Он был бы действительно никуда не годным премьером, если бы не действовал в этом духе». (Цит. по: K. Feiling. *The Life... S. 359.*) — *Примеч. нем. изд.*

«нет» по вопросам колоний и подмандатных территорий обесценить мюнхенский документ и преградить имперскому правительству путь для переговоров в данной области*.

Одновременно английское правительство положило начало политике еще более тесной связи с Францией и даже в недвусмысленной форме призвало США присоединиться к коалиции против Германии. Вновь принятый курс британской политики был совершенно явно направлен на окружение Германии. Еще до включения остаточной Чехии (в виде германского протектората Богемия и Моравия. — *Перев.*) в Англии стал шириться военный психоз. В Лондоне систематически выискивали на европейском политическом горизонте любые возможности антигерманских союзов. Произошло то, что предсказывал Черчилль в 1937 г. По мнению Британии, Германия стала слишком сильна, и ее надо было снова разбить.

Однако что касается Франции, то в конце того же года казалось, что в вопросе германо-французского взаимопонимания сделан дальнейший шаг. В декабре 1938 г. я съездил в Париж и вместе с министром иностранных дел Боннэ подписал германо-французское заявление о ненападении, которое предполагало незаинтересованность Франции в своей системе восточных пактов. Заключение этого германо-французского соглашения я воспринял как высшую точку моих многолетних усилий по установлению взаимопонимания между нашими обеими странами.

* * *

Положение в Чехословакии после отделения Судетской области отнюдь не прояснилось и продолжало оставаться трудным. Другие проживающие в этом государстве национальности тоже стремились к автономии и, более того, к самостоятельности.

Д-р Тисо¹ уже 6 октября 1938 г. сформировал в

¹ Иозеф Тисо (1887—1947) — словацкий политический и государственный деятель. В октябре 1938 г. — глава независимого правительства Словакии. С октября 1939 до апреля 1943 г. — глава Словацкого государства. Казнен в 1947 г. по обвинению в сотрудничестве с нацистами.

Прессбурге [Братислава] автономное словацкое правительство, которое было признано пражским центральным правительством под непосредственным впечатлением Мюнхенского соглашения четырех держав. Вскоре автономное правительство, также признанное Прагой, было образовано и в Карпатской Украине.

В Мюнхенском соглашении содержалась статья, согласно которой целостность остаточной Чехословакии должна была гарантироваться лишь после решения вопроса о польском и венгерском национальных меньшинствах.

Хотя Польша непосредственно после Мюнхенского соглашения своим ультиматумом пражскому правительству сразу добилаь отделения требуемых ею областей, между Чехословакией и Венгрией насчет тех областей, на которые претендовал Будапешт, договоренности достигнуто не было. Тем самым предусмотренное для Чехословакии заявление о гарантии задерживалось. В действительности же оно не было сделано и впоследствии, когда Венский арбитраж принял решение об отделении от Чехословакии тех ее областей, которые прежде принадлежали Венгрии и были оторваны от последней на основании Трианонского договора¹.

Положение в остаточной Чехословакии становилось тогда трудным не в последнюю очередь и потому, что уцелевшее государственное образование лишилось своих экономически важных частей, а также и потому, что Словакия энергично стремилась полностью избавиться от уз своей политической принадлежности к Праге. Уже в феврале 1939 г. лидер словаков профессор Тука — без участия в этом германской стороны — обратился к Адольфу Гитлеру и во время состоявшейся по его просьбе беседы заявил, что дальнейшая совместная жизнь словаков и чехов в одном государстве невозможна как экономи-

¹ Насчет намечавшейся в Мюнхене, но так и не последовавшей гарантии Филлинг (ibid., p. 378) сообщает: «Чемберлен чувствовал себя совершенно несчастным из-за гарантии будущего чешского государства. Он отказывался признать ее в такой форме, которая вынуждала бы Англию действовать самостоятельно». — *Примеч. нем. изд.*

чески, так и морально. Тука сказал дословно следующее: «Я отдаю судьбу моего народа в ваши руки, мой фюрер; мой народ ожидает от вас своего полного освобождения».

Ведшиеся в последующие недели переговоры между Прагой и Братиславой протекали безрезультатно. 11 марта под влиянием Праги был назначен новый словацкий кабинет во главе с Сидором, встретивший неприятие и сопротивление у организованных в «Гвардию Глинки» словаков-националистов. Чехи бросили против демонстраций словаков, выступавших за автономию, пражские войска и моравскую полицию. Дело дошло до актов насилия и арестов.

Тем временем Тисо, являвшийся до тех пор премьер-министром и наиболее видным лидером словаков, вступил в контакт с германским имперским правительством. 13 марта он приехал в Берлин и был в моем присутствии принят Адольфом Гитлером для обмена мнениями. Моя тогдашняя адресованная Тисо реплика, что речь идет уже не о днях, а о часах, в течение которых Словакия должна принять решение, была вызвана поступившим во время беседы сообщением о перемещениях венгерских войск на словацкой границе и о предстоящем вступлении Венгрии в Карпатскую Украину, которое, как известно, последовало уже 14 марта. Необходимо было не допустить военного конфликта чехов и словаков с Венгрией. Когда Тисо вернулся в Братиславу, словацкий ландтаг в первой половине дня 14 марта провозгласил независимость Словакии. На следующий день, 15 марта, Тисо направил Гитлеру прошение взять Словацкое государство под свою защиту. Этот договор о защите был ратифицирован 23 марта.

Что же касается наших отношений с пражским правительством, то я со времени Мюнхена пытался придать связям с ним дружественный характер. В течение всех этих месяцев я неоднократно говорил с министром иностранных дел Хвалковским, и он (после того как в результате вступления Венгрии в Карпатскую Украину и провозглашения самостоятельности Словакии сложилось совершенно новое положение) через нашего поверенного в делах в Праге запрашивал меня, не пожелает ли фюрер предоста-

вить президенту Гахе¹ возможность встретиться с ним для личной беседы. Адольф Гитлер был согласен и заявил мне, что хочет взять это дело в свои руки. В этом духе у меня состоялся обмен телеграммами с Прагой, и я дал нашему поверенному в делах указание вести себя сдержанно. Президент Гаха получил ответ, что фюрер желает его принять.

Вплоть до этого момента министерству иностранных дел и мне о военных приготовлениях с нашей стороны ничего известно не было. Незадолго до прибытия президента Гахи я спросил Гитлера, следует ли подготовить государственный договор. Он заявил мне, что хочет «идти гораздо дальше».

Я посетил Гаху сразу же после его приезда в Берлин и услышал от него: он убежден в том, что судьба Чехословакии — в руках фюрера, и верит, что в его руках она надежна. Затем Гаха уже ночью был принят в Имперской канцелярии, и Адольф Гитлер объяснил ему, что намерен занять Богемию и Моравию. Я имел продолжительную беседу с министром иностранных дел Хвалковским, который, учитывая сложившийся ход событий, присоединился к нашей точке зрения. Кроме того, Гаха еще до подписания соглашения заручился по телефону согласием своего правительства. Какого-либо протеста с чешской стороны выражено не было, и Гаха дал указание встретить германскую армию дружественным образом. Вступление германских войск и оккупация произошли затем без всяких инцидентов.

На следующий день я вместе с Гитлером выехал в Прагу и здесь по его поручению огласил переданную мне прокламацию, в которой земли Богемия и Моравия объявлялись имперским протекторатом.

Непосредственно после этого государственного акта я

¹ Эмиль Гаха (1872—1945), чехословацкий государственный деятель, 30 ноября 1938 г. стал президентом расчлененной Чехословакии. 15 марта 1939 г. вместе с министром иностранных дел Я. Хвалковским подписал в Берлине акт о ликвидации независимости Чехословакии. Затем был назначен гитлеровцами президентом «протектората Богемия и Моравия».

имел в Пражском Граде длительную и серьезную беседу с Адольфом Гитлером. Я указал ему на то, что оккупация Богемии и Моравии неизбежно вызовет значительное противодействие в англо-французском лагере. Со времени этого пражского разговора я постоянно подчеркивал ему свое убеждение, что с дальнейшими территориальными изменениями Англия, вооружение и политика союзов которой форсируются всеми способами, без войны уже не примирится. Вплоть до того дня, когда война разразилась, я придерживался своей точки зрения, противоречившей мнению фюрера.

Необходимость оккупации Богемии и Моравии Адольф Гитлер объяснял мне прежде всего стратегическими причинами. Он цитировал бывшего французского министра авиации Пьера Кота, который назвал Чехословакию «авиа-маткой» против Германии, и приводил сообщения о том, что на чешские аэродромы прибыли русские летчики. Фюрер разъяснил мне, что не мог больше терпеть эту вражескую стрелу в теле Германии. С чехами можно хорошо уживаться, но необходимо, чтобы защиту этих областей Германия держала в своих руках. На мои возражения насчет возможной реакции в Англии Гитлер отвечал констатацией, что чешский вопрос для нее совершенно не важен, а для Германии имеет жизненное значение. Он не видит, почему этот факт должен мешать желаемому германо-английскому сотрудничеству. Англия владеет сотнями доминионов, протекторатов и колоний и должна понять, что такая жизненно важная для Германии проблема не может оставаться нерешенной. Я говорил фюреру тогда, что Англия рассматривает занятие Богемии и Моравии под углом зрения роста германской мощи и что у Чемберлена возникнут из-за этого трудности, но Гитлер упорствовал.

Первая английская реакция на пражские события, казалось, подтверждала его правоту: она могла рассматриваться с германской точки зрения как позитивная. Чемберлен заявил 15 марта в палате общин: с фактической стороны правильно, что никакого нарушения Мюнхенского соглашения здесь нет. Британское правительство боль-

ше не связано данным им Чехословакии обязательством, ибо «государство, границы которого мы намеревались гарантировать, развалилось изнутри и, таким образом, нашло свой конец». Эта позиция Чемберлена удовлетворяла нас. Однако в противоположность ей английский министр иностранных дел лорд Галифакс при нотификации Пражского соглашения германским послом фон Дирксеном априори занял позицию отрицательную.

Через два дня после своей речи в палате общин Чемберлен под влиянием оппозиции тоже отказался от первоначально выраженной спокойной и выжидательной позиции и полностью изменил свое поведение. Это нашло выражение в его известной речи в Бирмингеме.

Затем 18 марта британское и французское правительства заявили протест против «неправомерности германских действий», хотя еще три дня назад английский премьер-министр сам констатировал в палате общин, что никакого нарушения Мюнхенского соглашения не совершено! Имперское правительство протесты отклонило. Англия и Франция отозвали своих послов для доклада. Германское правительство ответило такими же шагами.

Решение фюрера от 14 марта оказало на наши отношения с западными державами, а особенно с Англией, именно то воздействие, которого я боялся и на которое указывал еще в Праге. Английским и французским протестами началась новая фаза развития европейской обстановки.

* * *

Одновременно шли и германо-польские переговоры. Разногласия и трения по вопросу о национальных меньшинствах существовали между Германией и Польшей еще с 1919 г. Даже державы-победительницы питали в Версале опасения насчет правильности принятого там начертания [германо-польской] границы. Тогдашний британский премьер-министр Ллойд Джордж в своем меморандуме от 25 марта 1919 г. предостерегал мирную конференцию, что не следует забирать из-под господства Германии большее число немцев, чем это совершенно необходимо. Сам Кле-

мансо¹ указывал тогдашнему польскому премьер-министру Падеревскому на бремя в виде различных национальных групп, которое ложится на Польшу в результате произвольного определения границы в Версале. Передача Польше германских областей главными версальскими державами с самого начала была поставлена в зависимость от соблюдения договора о защите национальных меньшинств. Польша 28 июня 1919 г. этот договор приняла, но в последующем нарушала его систематическими мерами по дегерманизации. Под постоянным давлением Польши находился и Данциг.

Это положение не изменилось и после заключения германо-польского соглашения 1934 г. Вновь и вновь оправдывались слова Пилсудского², что «из тысячелетней вражды польского народа к германству проистекают огромные трудности для проведения желаемой политики взаимопонимания». Следует напомнить и о том, что на предварительных переговорах о германо-польском заявлении от января 1934 г. немецкой стороной была сделана категорическая оговорка: запланированное соглашение никоим образом не включает в себя признания Германией своих границ; напротив, тем самым должна быть создана основа для решения всех проблем, а значит, и территориальных.

Надежды, возлагавшиеся германской стороной на подписание соглашения от 26 января 1934 г., не оправда-

¹ Жорж Бенжамен Клемансо (1841—1929) — политический и государственный деятель Франции. Поражение Франции в войне с Пруссией 1870—1871 гг. воспринял как величайшее национальное несчастье, под влиянием этого сложились его взгляды, которым он оставался верен до конца жизни и которые базировались на идее реванша, отмщения Германии. В решающие дни германского наступления весной 1918 г. проявил несгибаемую волю. Один из главных авторов Версальского мирного договора.

² Юзеф Пилсудский (1867—1935) — польский политический и государственный деятель. Во время первой мировой войны командовал польским легионом, сражавшимся на стороне Австро-Венгрии. В 1918 г. провозглашен начальником (диктатором) государства (до конца 1922 г.). В 1926 г. совершил военный переворот и установил в Польше «санационный» режим, до своей смерти оставался фактическим диктатором Польши.

лись. Влиятельные польские круги рассматривали его только как средство еще решительнее проводить политику дегерманизации. В сентябре 1934 г. Польша отказалась от сотрудничества с Лигой Наций в осуществлении договора о защите меньшинств. В ответ державы-гаранты Англия и Франция выразили лишь формальные возражения. Только в ноябре 1937 г. после длительных и неоднократно саботировавшихся Польшей переговоров удалось достигнуть совместного германо-польского заявления относительно договора о защите меньшинств. Но и связанные с ним ожидания тоже не сбылись.

Адольф Гитлер, желая окончательного выяснения отношений с Польшей, уже в октябре 1938 г. поручил мне вести с польским послом переговоры об урегулировании всех нерешенных вопросов между нею и Германией.

Я пригласил польского посла в Берхтесгаден, где у нас 24 октября 1938 г. состоялся первый обмен мнениями о Данциге и по всему комплексу коридора.

Воспроизводимое ниже описание бесед с польским послом Липским следует записям, которые мой муж продиктовал тогдашнему советнику-посланнику Хевелю.

После того как Липский высказал некоторые желания своего правительства относительно Карпатской Украины, на изучение которых мною было дано согласие, я перешел к обсуждению крупной общей проблемы, ради которой и пригласил его в Берхтесгаден. Я сказал при этом польскому послу, что хочу затронуть нижеследующие вопросы совершенно конфиденциально, считая их предназначенными только для министра иностранных дел Бека¹, для него самого и для меня, а потому прошу его информировать министра обо всем устно, иначе возникнет опасность, что информация просочится в прессу. Липский согласился.

Я заявил польскому послу, что пришло время урегулировать все вопросы, по которым между Германией и Польшей имеются трения, и тем самым увенчать начатое маршалом Пилсудским и фюрером дело установления вза-

¹ Юзеф Бек (1894—1944) — польский государственный и политический деятель, министр иностранных дел Польши в 1932—1939 гг.

имопонимания. Я привел в пример наши отношения с Италией. В данном отношении фюрер, тоже исходя из глубокого осознания необходимости полного урегулирования, навсегда отказался от Южного Тироля. Подобная договоренность желательна нам и с Польшей и самой Польше, она отвечала бы направлению нашей политики, имеющей целью установление добрых отношений со всеми соседями. В этой связи я упомянул возможность более четких соглашений и с Францией за счет германского отказа от Эльзас-Лотарингии. (Мы стремились тогда к германо-французскому пакту о ненападении, который и был заключен в декабре в Париже.)

Затем я схематично обрисовал свои мысли насчет того, как я представляю себе решение в общих чертах:

1. Вольный город Данциг возвращается в германский рейх. Данциг — город немецкий, он всегда был и навсегда останется немецким.

2. Через коридор прокладывается принадлежащая Германии экстерриториальная имперская автострада и экстерриториальная многоколейная железная дорога.

3. Польша тоже получает в Данцигской области экстерриториальное шоссе или автостраду и железную дорогу, а также свободный порт.

4. Польша получает гарантию сбыта своих товаров в Данцигской области.

5. Обе нации признают свои общие границы; при необходимости можно договориться о гарантии территорий.

6. Германо-польский договор пролонгируется на 25 лет.

7. Обе страны включают в договор пункт о взаимных консультациях.

Липский вел себя сдержанно и отвечал, что, разумеется, должен сначала доложить сказанное г-ну Беку, но дал понять, что Данциг никоим образом не является, как, к примеру, Саарская область, продуктом Версаля. Чтобы занять правильную позицию в данном вопросе, следует проследить историю возникновения и существования Данцига.

Я попросил польского посла не давать мне сейчас

ответа на мои инициативы, а лишь как можно скорее сообщить их г-ну Беку. Я указал Липскому на то, что и для фюрера тоже окончательный отказ от коридора является с внутрисполитической точки зрения делом нелегким, здесь надо мыслить понятиями многовековой истории. Однако Данциг испокон веков являлся немецким, таким он останется и впредь. В ходе беседы я пригласил министра иностранных дел встретиться; дата этой встречи еще подлежала определению.

17 ноября состоялась вторая беседа с польским послом, который тем временем побывал в Варшаве. Г-н Липский заявил мне, что проинформировал Бека о содержании нашей беседы в Берхтесгадене и теперь в состоянии сообщить мне позицию министра иностранных дел. Затем Липский зачитал по бумаге часть полученных им инструкций: министр придерживается того взгляда, что германо-польские отношения в общем и целом выдержали свое испытание. Во время чехословацкого кризиса выяснилось, что германо-польское соглашение построено на прочной основе. Бек считает, что польская политика при возвращении Судетской области оказалась полезной для Германии и значительно содействовала гладкому решению этого вопроса в германском духе. В эти критические дни польское правительство не вняло пению сирен с известной стороны. (Это было верно, ибо Польша имела по отношению к Чехословакии собственные притязания. Впрочем, проявить сдержанность Польшу побудила английская попытка привлечь к переговорам в Мюнхене Россию.)

Я ответил г-ну Липскому, что и на мой взгляд германо-польское соглашение показало себя непоколебимо крепким. Благодаря акции фюрера против Чехословакии Польша получила возможность приобрести область Заользя и удовлетворить ряд своих иных желаний по улучшению границы. Впрочем, вполне согласен с ним в том, что польская позиция тоже облегчила дело для Германии.

Затем Липский пустился в пространные рассуждения с целью доказать важность и значение Данцига для Польши в качестве вольного города. Согласиться на включение Данцига в рейх для министра иностранных дел трудно и

по внутривластным соображениям. Тем не менее Бек размышлял над тем, как навсегда покончить с трениями, которые, возможно, возникали бы в будущем между Германией и Польшей из-за Данцига. Он подумал, что можно было бы заменить установленный Лигой Наций статут Данцига германо-польским договором, в котором бы решались все связанные с этим городом вопросы. В качестве основы такого договора Бек мыслит такое положение, при котором Данциг признавался бы чисто германским городом со всеми вытекающими отсюда правами, но, с другой стороны, Польше и польскому меньшинству гарантировались все экономические права и при этом сохранялись характер Данцига как вольного города и таможенный союз с Польшей.

В ответ я сказал г-ну Липскому, что сожалею о занятой министром иностранных дел Бекком позиции. Пусть инициатива рассчитанного на века решения и впрямь принесет г-ну Беку внутривластное бремя, но при этом нельзя не признавать и того, что и фюреру нелегко будет отстаивать перед немецким народом гарантию польского коридора. В основе моей инициативы лежит намерение поставить германо-польские отношения на прочную базу и устранить все вообще мыслимые причины трений. У меня не было намерения вести малозначительный дипломатический разговор. Как Липский мог видеть из речей фюрера, тот постоянно рассматривает германо-польский вопрос исходя из высоких соображений. Совсем недавно я в его присутствии заявил представителям мировой прессы, что хорошие германо-польские отношения тоже лежат в фундаменте германской внешней политики.

Липский поблагодарил меня за мои высказывания и вернулся к предложению о двустороннем договоре относительно Данцига. Я заявил ему в заключение, что не могу занять сейчас определенную позицию, но предложение не кажется мне столь легко реализуемым, и со своей стороны спросил, как относится Бек к экстерриториальной автостраде и двухколейной железной дороге через коридор. Официальной позиции по этому вопросу Липский высказать не смог. Лично от себя он сказал, что

такое желание, пожалуй, не должно упасть на неблагоприятную почву и что, вероятно, в этом направлении могут найтись возможности решения.

После того как я кратко сказал еще и о недавно выпущенной почтовой марке, предназначенной для обращения в Данциге и определенным образом изображающей его как польский город, в заключение мною было заявлено следующее.

На мой взгляд, германские предложения по всему комплексу германо-польских отношений заслуживают серьезного обдумывания. Ведь обе стороны хотели создать нечто прочное и добиться действительной стабилизации. Само собой разумеется, достигнуть всего этого сразу нельзя. Если бы г-н Бек спокойно осмыслил наши инициативы, он, пожалуй, все-таки еще смог бы отнестись к ним позитивно.

Продолжение переговоров последовало во время визита польского министра иностранных дел Бека в Германию по моему приглашению в начале января 1939 г. 5 января состоялась продолжительная беседа Адольфа Гитлера с Беком в Берхтесгадене, а непосредственно после нее — и моя беседа с ним в Мюнхене. Результаты этих переговоров не особенно обнадеживали. Польский министр иностранных дел заявил мне, что проблема очень трудна, но он хочет воздействовать на членов своего правительства с целью найти решение. Таким образом, нить переговоров не была оборвана, и я получил от Бека приглашение посетить Варшаву; мой визит состоялся через несколько недель, 25 января 1939 г. Но и во время этой встречи в Варшаве переговоры по-настоящему вперед не продвинулись: Бек ограничился тем, что снова стал разъяснять мне имеющиеся у него трудности. Я еще раз указал на нетерпимое далее положение немецкой народной группы в Польше и на унижительное для Германии состояние коридора. Бек пообещал отнестись к вопросу о немецкой народности с пониманием и пожелал подвергнуть «дальнейшему анализу» другие темы.

Я сопровождала моего мужа в этой поездке в Варшаву. Бек принял его очень дружественно. Оба министра ино-

странных дел сразу же после нашего приезда обменялись речами, в которых констатировали окончательное установление добрососедских отношений обеих стран. Но кажется, что именно в те самые дни одержали верх возымевшие тяжелые последствия влияния иного характера. По мнению мужа, решающую роль здесь сыграли ориентирующий на Францию генеральный штаб и сам президент Польши. В этой связи интересным показалось то, что вскоре после нашего прибытия муж получил от своего референта по печати такую информацию: американский посол в Париже Буллит, личный друг Рузвельта, своим неоднократным вмешательством там добился нового отказа французского правительства от своей незаинтересованности в делах на Востоке.

На второй день нашего государственного визита в Варшаву Бек неожиданно принес свои извинения за то, что «из-за простуды» может произнести лишь краткую речь. Официальный обед прошел в вежливой, но похолодевшей атмосфере, и поездка моего мужа обернулась неудачей. На обратном пути он впервые сказал своим сотрудникам: «Теперь нам, если мы не хотим оказаться в полной изоляции, остается только один выход: договориться с Россией»¹.

В завершение нашей варшавской встречи я пригласил польского министра иностранных дел нанести официальный визит в Берлин. 21 марта я повторно передал это приглашение послу Липскому и при этом дал ему снова понять, что фюрер готов после урегулирования вопроса о

¹ То, что это сближение началось с германской стороны только под давлением обстоятельств, видно из мемуаров тогдашнего польского министра иностранных дел Бека, которые вышли в Швейцарии в 1952 г. под названием «Dernier Rapport. Эти весьма содержательные воспоминания по сей день повсюду обходятся молчанием.

Бек, в частности, пишет о визите Риббентропа в Варшаву в январе 1939 г. следующее: «...он (Риббентроп) в конечном счете пытался вовлечь нас в антирусскую комбинацию. В ответ ему было сказано, что мы (Польша) подходим к нашему пакту о ненападении с Россией весьма серьезно и считаем его прочным решением». (Указ. соч. С. 186.) — *Примеч. нем. изд.*

Данциге и об автостраде дать Польше гарантию ее границ. Я подчеркнул, что ни одно ранее существовавшее германское правительство такой гарантии предложить было не в состоянии¹. Но Бек поехал не в Берлин, а в Лондон...

Британское правительство предложило тогда 21 марта в Варшаве, а также в Париже и Москве, чтобы английское, французское, русское и польское правительства выступили с «официальной декларацией», в которой бы провозглашалось начало немедленных переговоров о совместных мерах сопротивления любой угрозе независимости какого-либо европейского государства. Сразу же после опубликования этого заявления подписавшие его державы приступили бы «к изучению любого предложения, которое потребовало бы такого изучения, а также к определению характера подлежащих принятию мер».

Английское предложение натолкнулось в Польше на сопротивление. Польское правительство никоим образом не было согласно с этим британским договором о консультациях, а потребовало от Англии конкретного обязательства в отношении Польши. Поэтому Чемберлен в ответ на запрос заявил 23 марта: «Пока я еще не в состоянии дать отчет о тех консультациях, которые состоялись с другими правительствами в результате недавних событий».

Тем временем Бек поручил польскому послу в Лондоне передать британскому правительству предложение об англо-польском пакте. Это предложение было представлено британскому министру иностранных дел 24 марта. Галифакс, вне всякого сомнения, дал польскому послу обещание англичан поддержать указанное предложение.

Полиция польского министра иностранных дел Бека понятна, только если принять во внимание английские обеща-

¹ В своих воспоминаниях Бек сообщает, в частности, и о беседе Риббентропа и Липского 21 марта: «Риббентроп говорил обо всех вопросах, выдвинутых германской стороной с 24 октября 1938 г.: о вопросе крупного польско-германского «компромисса», о вопросах антирусского сотрудничества, об угрозе возвращения Германией к политике Рапалло, о компенсации на Юге в обмен на отказ от Балтийского моря». (Там же. С. 188.) — *Примеч. нем. изд.*

ния, ибо еще в 1935 г. он сказал Лавалю в Женеве: «История научила нас: первое, что величайшая катастрофа, жертвой которой стала наша нация, была результатом совместной акции обеих стран (Германии и России) и, второе, что в этой отчаянной ситуации во всем мире не нашлось ни одной державы, которая оказала бы нам поддержку».

Даже если это обещание в тот день и не имело формы категорического заявления Англии о гарантии Польше, оно все же дало Беку повод поручить своему берлинскому послу Липскому по всей форме отклонить те германские предложения, по которым вот уже целые месяцы велись переговоры.

Если Чемберлен позднее заявлял в палате обшин, что гарантия Польше была дана Англией только 31 марта, после того как варшавское правительство уже 26 марта отвергло германские требования, то это утверждение однозначно опровергнуто документами, найденными осенью 1939 г. при взятии Варшавы. Среди них находилось донесение польского посла в Лондоне Рацынского польскому министру иностранных дел от 29 марта 1939 г., из которого, несомненно, явствует, что британское обещание поддержки было дано ему, по меньшей мере в устной форме, уже 24 марта.

Для меня явилось полной неожиданностью, когда 26 марта посол Липский вручил мне (что характерно, не допущенный в Нюрнберге в качестве документа защиты) меморандум польского правительства, в котором в бесцеремонной форме отклонялись германские предложения относительно возвращения Данцига и экстерриториальных транспортных путей через коридор. Липский придал ситуации еще более острый характер тем, что в ответ на мою возобновленную попытку разяснить необходимость возвращения Данцига в рейх заявил: «Любое дальнейшее преследование цели осуществления этих германских планов, а особенно касающихся возвращения Данцига рейху, означает войну с Польшей»¹.

¹ Запись этой беседы см. в приложении, с. 316.

Это заявление (если не сказать эта угроза) Липского, полностью противоречившее договору 1934 г., фюрер, когда я доложил ему о нем, воспринял спокойно. Однако он поручил мне сообщить польскому послу: если в заявлении говорится о войне, то решение, разумеется, найдено не будет.

6 апреля Бек заключил в Лондоне временное соглашение Польши, Англии и Франции относительно обязательств о взаимной помощи. Эта временная договоренность подлежала в дальнейшем (так говорилось в коммюнике) замене долгосрочным соглашением.

В ответ на польско-английские действия Германия 28 апреля 1939 г. своим меморандумом, который я вручил послу Липскому, расторгла германо-польское соглашение 1934 г. В меморандуме указывалось на то, что, заключая англо-польский договор, Польша связывает себя политическими обязательствами в отношении третьей державы и отвергает предложенное ей Германией урегулирование данцигского вопроса, а также отказывается от укрепления дружественных соседских отношений с последней. Англо-польский договор — вопиющее нарушение германо-польского заявления от 26.1.1934 г., которое Польша таким образом сама лишила силы. Пакт о взаимопомощи между Англией и Польшей — это не просто разрыв пакта о ненападении и договора о дружбе 1934 г., который исключал конфликт с применением силы между Германией и Польшей. Более того, теперь Польша в случае вооруженного столкновения между Англией и Германией даже была бы обязана напасть на нас!

Еще важнее было то, что англо-польский пакт резко противоречил составленному самим Чемберленом проекту дополнительного заявления к Мюнхенскому соглашению, который категорически предусматривал, что Англия и Германия не могут, что бы ни случилось, брать на себя никаких политических обязательств без предварительных консультаций друг с другом.

Политика Англии получила поддержку в виде послания, которое американский президент Рузвельт 14 апреля 1939 г. направил Адольфу Гитлеру и Муссолини и в

котором он требовал от Германии и Италии, но отнюдь не от западных держав заверения, что их вооруженные силы не нападут ни на территорию, ни на владения более чем тридцати поименно перечисленных европейских и неевропейских государств.

Отношения между Германией и США после жестокого разочарования в тех надеждах, которые немецкий народ связывал с 14 пунктами Вильсона, вскоре снова стали удовлетворительными. Это в особенности имело место при президенте Герберте Гувере¹, личное участливое отношение которого к голодающим массам Германии сразу после первой мировой войны у нас не было забыто*.

Однако вскоре после вступления Рузвельта на президентский пост в январе 1933 г. в этих отношениях произошло изменение. Первыми признаками его явилось то, что Америка полностью примкнула к неприемлемой для Германии французской точке зрения по вопросу о разоружении, а также направила послом в Берлин недружественно настроенного к нам мистера Уильяма Додда. После нескольких лет, в течение которых Рузвельт больше занимался внутренней политикой, он в 1937 г. интенсивно принялся за политику внешнюю, чтобы таким образом отвлечь американскую общественность от трудностей внутри страны.

В своей известной «карантинной речи» в Чикаго 5 октября 1937 г. Рузвельт в первую очередь выступил против Японии; точно так же он охарактеризовал как агрессора Италию за ее войну против Абиссинии [Эфиопии] и без всяких на то оснований обвинил и Германию. Примечательно, что при этом он тоталитарную Россию не упомянул.

В начале 1938 г. Рузвельт представил конгрессу огромную программу вооружения. Тем временем американская пресса развернула против Германии острую войну

¹ Герберт Кларк Гувер (1874—1964) — американский государственный и политический деятель, крупный промышленник. Был пайщиком ряда предприятий в России. Президент США в 1929—1933 гг. от республиканской партии. В 1938 г. посетил Германию и встречался с Гитлером. Приветствовал Мюнхенское соглашение.

под идеологическим знаком. Поэтому при вступлении на свой пост министра иностранных дел я обнаружил напряженное положение в отношениях между обеими странами и, несмотря на все трудности, прилагал силы для их улучшения.

После аншлюса Австрии и Мюнхенского соглашения позиция американского президента в отношении Германии стала еще более резкой. В середине ноября 1938 г. Рузвельт, одновременно отозвав американского посла из Берлина, заявил, что Соединенные Штаты возобновлять нормальные дипломатические отношения с Германией не намерены.

Воинственные происки тогдашних американских послов в Париже и Лондоне, пользовавшихся особым доверием Рузвельта, были разоблачены найденными в Варшаве, а затем и во Франции документами.

Этим американским влиянием, пожалуй, объясняется двойственная позиция британского правительства в тот имевший решающее значение период. В США действовали крупные и могущественные силы, которые издавна стремились к войне против Германии.

О позиции Рузвельта сообщал своему правительству в Варшаву весьма наглядные и показательные подробности такой, разумеется стоящий вне подозрений, свидетель, как польский посол в Вашингтоне граф Ежи Потоцкий. Из его сообщений ясно видно, что приготовления президента Рузвельта к предстоящему участию США в войне далеко продвинулись уже весной 1939 г. Они дают представление о решении Рузвельта не участвовать в будущей войне с самого начала, а завершить ее.

Посол США в Париже У. Буллит¹ с которым Потоцкий беседовал в Вашингтоне перед отъездом того во Францию, на вопрос польского посла, будут ли Соединенные Штаты участвовать в войне против Германии, ответил: «Вне всякого сомнения, да, но только после того как

¹ Уильям Кристиан Буллит (1891—1967) — американский государственный и политический деятель, дипломат. Член делегации США на Парижской конференции 1919 г. Посол США в Москве (1933—1936). Посол США в Париже (1936—1941).

Франция и Англия нанесут удар первыми». Заслуживает внимания, что сам граф Потоцкий не обнаружил тогда отправной точки такого хода развития, ибо «Германия предположительно первой на Англию и Францию не нападёт».

Во второй найденной нами телеграмме Потоцкий сообщает о целом чемодане «инструкций», который Буллит захватил с собой в Париж, чтобы воздействовать на Кэ д'Орсе. Об этих «директивах» Потоцкий смог сообщить, в частности, что, по мнению Рузвельта, «Франция и Англия должны положить конец всякой политике компромисса с тоталитарными государствами».

В феврале 1939 г. польский посол в Париже Лукасевич дополнительно сообщает: «Соединенные Штаты располагают различными и чрезвычайно эффективными средствами принуждения в отношении Англии», которые должны быть пущены в ход, чтобы ослабить какие-либо имеющиеся в Англии тенденции к компромиссу. При этом Буллит категорически заявил Лукасевичу, что «позиция Вашингтона определяется прежде всего реальными интересами Соединенных Штатов, а не идеологическими проблемами».

Донесения Потоцкого и Лукасевича в качестве доказательств, опровергающих предъявленное мне в Нюрнберге обвинение в «преступлении против мира», к рассмотрению судом допущены не были¹.

Обнаруженные в Варшаве материалы подтверждают, далее, что в конце марта 1939 г. Англия первоначально предложила польскому правительству принять участие в конференции, которая должна была обсудить, а затем и осуществить определенные меры безопасности по отношению к агрессору. Но Польша не ожидала от реализации этого предложения достаточной безопасности для себя. В нем поляки совершенно верно усматривали, что если сама Польша станет объектом нападения, помощь со стороны такого объединения союзников пришла бы слишком поздно. Поэтому варшавское правительство, как уже упоми-

¹ Текст донесений см. в приложении, с. 309–315.

налось, предложило заключение двустороннего договора. До тех пор Англия постоянно демонстрировала свою незаинтересованность в восточноевропейских вопросах. В своей речи в палате общин 3 апреля 1939 г. Чемберлен весьма четко подчеркнул изменение английской внешней политики, произошедшее в результате согласия предоставить Польше гарантии. Чемберлен заявил:

«Это представляет собой новый момент, я хотел бы сказать, новую эпоху, в проведении нашей внешней политики... Такое сильное отклонение в данном отношении от нашей традиционной идеи... действительно является столь важной вехой в британской политике, что, я считаю, с уверенностью могу сказать: это решение составит целую главу в книгах по истории, если однажды настанет время их писать».

Если британское правительство столь демонстративно отошло от своей прежней политики и решилось пойти на риск бланкетной гарантии Польше, то для этого Англия должна была иметь какие-то совершенно особые гарантии для самой себя. Я утверждаю (и не только бумаги Потоцкого указывают на то): эти особые гарантии для Англии заключались в обещании Рузвельта, что Соединенные Штаты примут участие в будущей войне, если Англия и Франция выступят первыми.

Сама по себе, без предлога, который был бы понят английским народом, Англия войну против Германии начать не могла. Такой причиной, могущей послужить оправданием для объявления войны Германии, было, несомненно, выполнение носящего характер обязательства обещания Польше в случае нападения на нее оказать ей помощь. На первый план выдвигались честь Англии и сохранение этой чести.

Поворот в британской политике был столь значителен, что Англия ставить ее в зависимость от неясной позиции Польши не могла. Поэтому британское правительство, вне всякого сомнения, проявило готовность к желаемому Польшей союзу лишь после того, как польский

министр иностранных дел сделал обзывающее заявление о том, что Польша окажет германским требованиям вооруженное сопротивление.

Это польское заявление послужило предпосылкой для предоставления гарантии Англией, которая со своей стороны опять же опиралась на США. Но польское «нет» в ответ на требования Германии стало следствием британского карт-бланша Польше.

Из этой взаимосвязи ясно видно, что в конечном счете польское «нет» было вызвано политикой американского президента Рузвельта и тем самым привело к европейскому конфликту¹.

* * *

Особенно интересно констатировать, что статья 1-я британо-польского пакта о взаимопомощи при осуществленном 18 сентября 1939 г. русском вступлении в Польшу применена не была. Помощник английского го-

¹ Содержательное, подтверждающее высказывания Риббентропа описание рузвельтовской предвоенной политики опубликовал профессор Джорджтаунского университета Чарлз Коллэн Тэизилл в работе «Back Door to War» (Chicago, 1952). Американский военный министр Форрестал после ретроспективного разговора с послом Кеннеди 27 декабря 1945 г. записал в своем дневнике (The Forrestal Diaries. New York, 1951. P. 121):

«Сегодня играл в гольф с Джо Кеннеди (посол Рузвельта в Лондоне в предвоенные годы). Я расспрашивал Кеннеди о его беседах с Рузвельтом и Чемберленом в 1938 г. Он сказал об этом следующее. Положение Чемберлена в 1938 г. было таково, что Англия не имела ничего для того, чтобы отважиться на войну с Гитлером. Точка зрения Кеннеди: Гитлер поборол бы Россию, не вступая позже в конфликт с Англией, если бы Буллит (тогда — посол в Париже) вновь и вновь не внушал президенту, что немцев следует проучить в истории с Польшей. Ни французы, ни британцы не сделали бы Польшу причиной для войны, не будь это постоянным стремлением Вашингтона... Чемберлен, сказал он, заявил, что именно Вашингтон и всемирное еврейство заставили Англию вступить в войну... Рассматривая события ретроспективно, приходишь к выводу: у Кеннеди, несомненно, имелись основания для убеждения в том, что можно было отвлечь Гитлера, направив его наступление на Россию...» — *Примеч. нем. изд.*

сударственного секретаря Остин Батлер обосновал это 19 октября 1939 г. следующим заявлением: «Во время переговоров, приведших к подписанию соглашения, польское правительство и правительство его величества договорились, что соглашение это должно давать гарантию только на случай нападения со стороны Германии». Этот важный факт показывает, что защита Польши не была действительной причиной английского заявления о гарантии.

Англия, несмотря на то что Данциг и коридор вопреки сформулированному в 14 пунктах Вильсона праву народов на самоопределение были противоправно отделены от Германии, а также на то что крупные специалисты по международному праву и влиятельные английские государственные деятели провозгласили неизбежным пересмотр этого несправедливого решения, заключила с Польшей явно направленный против Германии военный союз. Британское правительство сделало это, хотя Чемберлен и Гитлер в Мюнхенском заявлении взяли на себя обязательство никогда больше не допустить германо-английской войны и хотя оно знало, что германское правительство вот уже несколько месяцев ведет с польским правительством переговоры о разумном и исключительно благоприятном для Польши решении проблемы Данцига и коридора.

Не подлежит никакому сомнению, что вопрос о Данциге и о коридоре затрагивал жизненные интересы Германии, а отнюдь не такие же интересы Англии. Проведем следующую параллель. Допустим, Англия ведет спор с Ирландией за коммуникации и британское правительство предлагает ирландскому великодушное решение. В ответ на это Ирландия обращается к германскому правительству и заключает с ним союз против Англии. Разве не была бы Германия в таком случае по справедливости обвинена во вмешательстве в их дела и в разжигании войны?

Точно так же обстояло дело и в польском вопросе. Откуда же взяла себе Англия это право в Восточной Европе? Об обычном праве здесь речь идти не может, ибо Англия еще никогда в своей истории не давала ни одному государству Восточной Европы автоматической гарантии.

Следствием явилось то, что Польша уже больше не желала никакого соглашения с Германией, а стала еще резче действовать против германского меньшинства¹.

Таким образом, весна 1939 г. проходила под знаком усиливающегося обострения положения в Европе. Влиятельные польские политики уже в мае 1939 г. говорили о предстоящем марше на Берлин. Стремления Англии привлечь как можно больше государств к участию в гарантии и тем самым создать кольцо вокруг Германии становились все более широкими. Франция встала на сторону Англии. Политика создания обоими государствами коалиции против Германии была в середине апреля дополнена британо-французским заявлением о предоставлении гарантий Румынии и Греции, а в мае 1939 г. — англо-франко-турецким договором. Были начаты переговоры с Москвой, чтобы побудить и Советский Союз вступить в военный союз против Германии*. Эта английская политика окружения наполняла меня растущей тревогой. Тревога эта — Бисмарк назвал ее *cauchemar des coalitions*² — стоила мне бессонных ночей.

Учитывая такой ход развития, мы 22 мая 1939 г. заключили германо-итальянский пакт о дружбе и союзе. Кроме того, я уже после неудачи поездки в Варшаву советовал фюреру завязать переговоры с Россией, чтобы не допустить окончательного окружения Германии.

¹ Бек признает это в своих воспоминаниях. (S.206.) — *Примеч. нем. изд.*

² Кошмар коалиций (*фр.*).

МОСКВА

Искать компромисса с Россией было моей сокровенной идеей: я отстаивал ее перед фюрером потому, что, с одной стороны, хотел облегчить проведение германской внешней политики по отношению к Западу, а с другой — обеспечить для Германии русский нейтралитет на случай германо-польского конфликта.

С марта 1939 г. я считал, что в речи Сталина (доклад на XVIII съезде ВКП(б). — *Перев.*) мною услышано его желание улучшить советско-германские отношения. Он сказал, что Россия не намерена «таскать каштаны из огня» для капиталистических держав.

То, что американская политика тогда желала бы видеть войну России против Германии, явствует из донесения Потоцкого от 21.11.1938 г.¹ Доверенный человек президента Рузвельта посол Булит высказывал при этом такое мнение: «Желанием демократических государств было бы, чтобы там, на Востоке, дело дошло до военного конфликта между Германской империей и Россией... Только тогда демократические государства атаковали бы Германию и заставили ее капитулировать».

Я ознакомил фюрера с этой речью Сталина и настоятельно просил его дать мне полномочия для требующихся шагов, дабы установить, действительно ли за нею скрывается серьезное желание Сталина. Сначала Адольф Гитлер занял выжидательную позицию и колебался. Но когда находившиеся на точке замерзания переговоры о заключении германо-советского торгового договора возобновились, я все-таки предпринял в Москве зондаж насчет того, нет ли возможности преодоления политических разногласий и урегулирования вопросов, существующих между

¹ См. приложение, с. 309—312.

Берлином и Москвой. Переговоры о торговом договоре, которые очень умело вел посланник Шнурре, за сравнительно короткий период продвинулись вперед.

Взаимные дипломатические беседы становились все более содержательными. В конечном счете я дипломатическим путем подготовил заключение пакта о ненападении между Германией и Россией. В ответ на телеграмму Адольфа Гитлера Сталин пригласил полномочного представителя Германии в Москву.

В качестве добавления к этому весьма лаконичному изложению моим мужем предыстории германо-русского пакта приведу здесь некоторые выдержки из служебных документов министерства иностранных дел¹. Из них видно, насколько велики были трудности, которые пришлось преодолевать моему мужу, и не в последнюю очередь со стороны Гитлера. Так, еще 20 июня 1939 г. Гитлер заявлял, что «германское правительство в возобновлении экономических переговоров с Россией в настоящее время не заинтересовано»². Важным пунктом переговоров [о пакте] явилась беседа, которую мой муж 2 августа 1939 г. имел с советником советского посольства Астаховым³ и содержание которой он по телеграфу подробно сообщил германскому послу в Москве:

«Вчера вечером я принял в министерстве русского поверенного в делах, который до сих пор занимался другими вопросами. Моей целью было продолжить с ним известные вам беседы, которые еще раньше с моего согласия велись с Астаховым сотрудниками министерства иностранных дел. Я начал с беседы о переговорах насчет заключения торгового договора, которые в настоящий момент, к нашей радости, успешно развиваются, и охарак-

¹ Цит. по: Die Beziehungen zwischen Deutschland und Sowjetunion 1939 bis 1941. Herausgegeben von Dr. Alfred Seidl. Tübingen, 1949. S. 43.

² Записи советника-посланника Хевеля. С. 43. — *Примеч. нем. изд.*

³ Георгий Александрович Астахов (1897—1942) — советский дипломат. В 1937—1939 гг. — советник, поверенный в делах СССР в Германии.

теризовал такое торговое соглашение как хороший этап на пути к нормализации германо-русских отношений, если она является желательной. Как известно, тон нашей прессы по отношению к России за последние более чем полгода стал существенно иным. Я считаю, что, если у русской стороны наличествует такое же желание, новое урегулирование наших отношений является возможным при соблюдении двух предпосылок:

а) невмешательство во внутренние дела другого государства (г-н Астахов считает это вполне возможным);

б) отказ от политики, направленной против наших жизненных интересов. На это Астахов окончательного ответа дать не смог, но высказался в том смысле, что его правительство имеет желание вести с Германией политику взаимопонимания.

Я продолжал: наша политика прямолинейна и определена на длительный срок, нам спешить некуда*. Наша готовность в отношении Москвы налицо, дело, следовательно, за тем, какой путь желают ее правители. Если Москва займет позицию против нас, мы знали бы, что нам делать и как нам действовать; в противном же случае на всем протяжении от Балтийского моря до Черного не было бы ни одной проблемы, которую нельзя было бы решить между нами. Я сказал, что на Балтийском море места хватит для нас обоих и что русские интересы здесь никоим образом с нашими не сталкиваются. Что касается Польши, то мы за дальнейшим развитием событий здесь следим внимательно и с ледяным спокойствием. В случае польской провокации мы разделаемся с Польшей в недельный срок. В этой связи я сделал намек, что о судьбе Польши мы можем с Россией договориться. Германо-японские отношения я охарактеризовал как хорошие и дружественные, они являются прочными. Однако насчет русско-японских отношений у меня свои взгляды (под этим я подразумевал *modus vivendi* между обеими странами на длительный срок).

Весь разговор я провел в непринужденном тоне и в заключение дал поверенному в делах еще раз понять, что мы в большой политике не проводим такую же тактику,

как демократические державы. Мы привыкли стоять на солидной почве, нам нет нужды обращать внимание на колеблющееся общественное мнение, и мы не желаем никаких сенсаций. Если же такие разговоры, как наш, не будут столь конфиденциальными, как они того требуют, от их продолжения придется отказаться. Мы не поднимаем вокруг этого никакого шума: выбор, как уже сказано, остается за Москвой. Если наши соображения вызывают там интерес, пусть г-н Молотов снова возобновит контакт с графом Шуленбургом.

Дополнение для графа Шуленбурга¹.

Я вел разговор, не выказывая никакой спешки. Поверенный в делах, казавшийся заинтересованным, со своей стороны неоднократно пытался конкретизировать разговор; в ответ на это я дал ему понять, что не готов ни к какой конкретизации до тех пор, пока нам не будет официально сообщено желание советского правительства приступить к формированию новых отношений. Если Астахов получит инструкции в этом духе, с нашей стороны будет проявлен интерес к быстрой конкретизации. Сообщаю вам это исключительно для вашей личной информации.

Риббентроп»

Дальнейшим шагом в подготовке переговоров послужила телеграмма моего мужа германскому послу в Москве от

¹ Вернер фон дер Шуленбург — граф, профессиональный «карьерный» дипломат старой школы. В 1939—1941 гг. — посол Германии в СССР. Участвовал в подготовке и заключении германо-советского пакта от 23 августа 1939 г. и договора о дружбе от 28 сентября 1939 г. Понимал опасность и гибельность для немецкого народа войны против СССР, а потому выступал за нормализацию и укрепление германо-советских отношений и не доверял Гитлеру. Во время второй мировой войны примкнул к верхушечной антигитлеровской оппозиции и участвовал в заговоре 20 июля 1944 г. Был готов по заданию заговорщиков (как единственный из них, лично знавший Сталина) перейти линию фронта для прямых переговоров с ним о выходе Германии из войны. В случае успеха заговора должен был занять пост министра иностранных дел Германии. После провала заговора казнен.

14.8.1939 г. В ней с принципиальной точки зрения рассматривается проблема германо-советского взаимопонимания¹.

«Прошу Вас посетить г-на Молотова и сообщить ему следующее:

1. Противоречие мировоззрений национал-социалистической Германии и СССР было в последние годы единственной причиной, по которой Германия и СССР противостояли друг другу в двух отдельных и борющихся между собой лагерях. Ход развития в недавнее время, как кажется, показывает, что различные мировоззрения не исключают разумных отношений между обоими государствами и восстановления их нового хорошего сотрудничества. Тем самым можно было бы закончить период внешнеполитической враждебности и открыть путь к новому будущему обоих государств.

2. Реальных противоречий интересов Германии и СССР не имеется, жизненные пространства Германии и СССР хотя и соприкасаются, но в своих естественных потребностях не пересекаются. Тем самым какая-либо причина агрессивной тенденции одного государства против другого априори отсутствует. Германия никаких агрессивных намерений против СССР не имеет. Имперское правительство придерживается взгляда, что в пространстве между Балтийским морем и Черным морем нет такого вопроса, который не мог бы быть урегулирован к полному удовлетворению обеих стран. К ним принадлежат такие вопросы, как Балтийское море, Прибалтика, Польша, вопросы Юго-Востока [Европы] и т.д. Более того, политическое сотрудничество обеих стран могло бы быть лишь полезным. Это относится как к германской, так и к советской экономике, которые во всех направлениях дополняют друг друга.

3. Не подлежит никакому сомнению, что германо-советская политика достигла ныне своего исторического поворотного пункта. Подлежащие принятию в ближайшее время в Берлине и Москве политические решения будут

¹ A. Seidl. Op. cit. S. 56.

иметь определяющее значение для многих поколений в деле формирования отношений между немецким народом и народами СССР. От них будет зависеть, скрестят ли однажды оба народа снова и без всякой заставляющей их это сделать причины свое оружие или же придут к дружественным отношениям. Обоим государствам всегда было хорошо, когда они являлись друзьями, и плохо, когда они были врагами.

4. В результате ряда лет идеологической вражды Германия и СССР сегодня действительно испытывают друг к другу недоверие. Еще предстоит убрать много накопившегося мусора. Но можно констатировать, что и за это время естественная симпатия немцев ко всему истинно русскому никогда не исчезала. На этом можно вновь строить политику обоих государств.

5. Имперское правительство и советское правительство должны на основании всего имеющегося опыта считаться с тем, что капиталистические западные демократии являются непримиримыми врагами как национал-социалистической Германии, так и СССР. Сегодня они пытаются заключением военного союза натравить СССР на Германию. В 1914 г. эта политика возымела для России плохие последствия. Повелительные интересы обеих стран состоят в том, чтобы не допустить на вечные времена растерзания Германии и СССР западными демократиями.

6. Вызванное английской политикой обострение германо-польских отношений, а также английское подстрекательство к войне и связанные с этим стремления к созданию соответствующего союза требуют быстрого выяснения германо-советских отношений. Иначе события могут без германского участия принять такой оборот, что лишат оба правительства возможности вновь установить германо-советскую дружбу и при необходимости совместно выяснить также территориальные вопросы Восточной Европы. Поэтому руководствам обеих стран не следовало бы пускать дело на самотек: было бы роковым, если бы из-за взаимного незнания взглядов и намерений оба народа окончательно разошлись в разные стороны. У советского правительства, как нам было сообщено, тоже

имеется желание выяснить германо-советские отношения. Но поскольку, как свидетельствует имеющийся опыт, это выяснение по обычному дипломатическому каналу займет много времени, г-н имперский министр иностранных дел фон Риббентроп готов прибыть в Москву с кратким визитом, чтобы от имени фюрера изложить г-ну Сталину взгляды фюрера. Только такой непосредственный обмен мнениями может, как считает г-н фон Р[иббентроп], изменить положение, и при этом не исключается возможность заложить фундамент окончательного урегулирования германо-советских отношений.

Дополнение: прошу не передавать эти инструкции г-ну Молотову в письменном виде, а лишь зачитать ему дословно. Я придаю значение тому, чтобы вышеуказанное было как можно точнее доложено г-ну Сталину, и уполномочиваю Вас в данном случае по моему поручению просить г-на Молотова о предоставлении Вам аудиенции у г-на Сталина, чтобы Вы смогли сделать ему это важное сообщение также и лично. Наряду с обменом мнениями с Молотовым предпосылкой моего визита явилась бы подробная беседа со Сталиным.

Риббентроп»

Предварительные переговоры завершились 21 августа письмом Сталина Гитлеру такого содержания.

«21 августа 1939 г.

Рейхсканцлеру Германии господину А. Гитлеру

Благодарю за письмо.

Надеюсь, что германо-советское соглашение о ненападении создаст поворот к серьезному улучшению политических отношений между нашими странами.

Народы наших стран нуждаются в мирных отношениях между собою. Согласие германского правительства на заключение пакта ненападения создает базу для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство поручило мне сообщить Вам,

что оно согласно на приезд в Москву г. Риббентропа 23 августа.

*И. Сталин*¹.

Сначала я предложил послать в Москву не меня, а другого полномочного представителя — я подумал прежде всего о Геринге. Принимая во внимание мою деятельность в качестве посла в Англии, мои японские связи и всю мою внешнюю политику, я считал, что для миссии в Москву буду выглядеть деятелем слишком антикоммунистическим. Но фюрер настоял на том, чтобы в Москву отправился именно я, сказав, что это дело я «понимаю лучше других».

При своем отъезде я о якобы уже принятом фюрером решении напасть на Польшу ничего не знал, а также не верил в то, что он уже тогда принял его окончательно. Естественно, ставшие тем временем напряженными отношения с Польшей выдвинулись в те дни на первый план, и Адольф Гитлер уже в начале августа высказывал [итальянскому министру иностранных дел] графу Чиано желание при всех условиях решить проблему Данцига и коридора².

Когда я отправлялся в Москву, ни о каких военных шагах с нашей стороны речь не шла и я придерживался взгляда, что Гитлер, хотя и желает оказать сильное давление на Польшу, в конечном счете хочет разрешить эту проблему дипломатическим путем. У меня была надежда на то, что после опубликования германо-советского пакта о ненападении Англия в большей мере дистанцируется от Польши и окажется более склонной вступить в переговоры с нами.

* * *

В самолете я прежде всего вместе с [юридическим советником] Гаусом набросал проект предусмотренного

¹ Русский текст цит. по: Год кризиса. 1938—1939. М., 1990. Т. 2. С. 303.

² Об этой беседе с графом Чиано см. с. 291.

пакта о ненападении. Во время обсуждения в Кремле это оказалось полезным, поскольку русские никакого текста его заранее не подготовили.

Со смешанным чувством ступил я в первый раз на московскую землю. Многие годы мы враждебно противостояли Советскому Союзу и вели друг с другом крайне острую мировоззренческую борьбу. Никто из нас никаких надежных знаний о Советском Союзе и его руководящих лицах не имел. Дипломатические сообщения из Москвы были бесцветны. А Сталин в особенности казался нам своего рода мистической личностью.

Я хорошо осознавал особую ответственность за возложенную на меня миссию, тем более что это я сам предложил фюреру предпринять попытку договориться со Сталиным. Возможен ли вообще длительный компромисс взаимных интересов?

В то же самое время английская и французская военные миссии еще вели в Москве переговоры с Кремлем о предполагаемом военном пакте. Я должен сделать все от меня зависящее, чтобы договориться с Россией. Вот какие мысли руководили мной, когда наш самолет приближался к Москве¹.

23 августа во второй половине дня, между 4 и 5 часами, мы в самолете фюрера прибыли в московский аэропорт, над которым рядом с флагом Советского Союза развевался флаг рейха. Мы были встречены нашим послом

¹ В этой связи заслуживает внимания сообщение тогдашнего статс-секретаря [министерства иностранных дел] Эрнста фон Вайцзеккера в его «Воспоминаниях» (S. 235): «...я дал согласие на то, чтобы снова, как и в сентябре 1938 г., тайно начали свою акцию братья Кордт в Лондоне. Они намекнули нашим английским друзьям, что Гитлер намеревается обойти их в Москве. В качестве ответа они получили такое же конфиденциальное заверение, что этого не случится: британское правительство никогда не даст Гитлеру шанса опередить его. Это звучало успокаивающе». Кордт дополнительно сообщает в своей книге «Nicht aus den Akten» (S. 323): «К нашему ужасу, в противоположность сообщениям Ван-ситтарта договоренность между Гитлером и Сталиным возникла». — *Примеч. нем. изд.*

графом фон дер Шуленбургом и русским послом (в действительности первым заместителем наркома иностранных дел СССР. — *Перев.*) Потемкиным. Обойдя строй почетного караула советских военно-воздушных сил, который произвел на нас хорошее впечатление своим внешним видом и выправкой, мы в сопровождении русского полковника направились в здание бывшего австрийского посольства, в котором я жил в течение всего пребывания в Москве.

Сначала у меня состоялась в германском посольстве беседа с нашим послом графом Шуленбургом. Туда мне сообщили, что сегодня в 6 часов меня ожидают в Кремле. Кто именно будет вести переговоры со мной — Молотов или сам Сталин, — сообщено не было. «Какие странные эти московские нравы!» — подумал я про себя. Незадолго до назначенного срока за нами заехал широкоплечий русский полковник (как я слышал, это был начальник личной охраны Сталина!), и вскоре мы уже въезжали в Кремль. По дороге Шуленбург обращал мое внимание на некоторые исторические здания. Затем мы остановились у небольшого подъезда и нас провели вверх по короткой, похожей на башенную лестнице. Когда мы поднялись, один из сотрудников ввел нас в продолговатый кабинет, в конце которого нас стоял ожидал Сталин, рядом с ним стоял Молотов. Шуленбург даже не смог удержать возглас удивления: хотя он находился в Советском Союзе вот уже несколько лет, со Сталиным он еще не говорил никогда.

После краткого официального приветствия мы вчетвером — Сталин, Молотов, граф Шуленбург и я — уселись за стол. Кроме нас присутствовал наш переводчик — советник посольства Хильгер, прекрасный знаток русской жизни, и молодой светловолосый русский переводчик Павлов, который явно пользовался особым доверием Сталина.

В начале беседы я высказал желание Германии поставить германо-советские отношения на новую основу и прийти к компромиссу наших интересов во всех областях; мы хотим договориться с Россией на самый долгий срок. При этом я сослался на речь Сталина весной [1939 г.], в

которой он, по нашему мнению, высказал подобные мысли. Сталин обратился к Молотову и спросил, не хочет ли тот для начала ответить мне. Но Молотов попросил Сталина сделать это самому, так как только он призван сделать это.

Затем заговорил Сталин. Кратко, точно, без лишних слов. То, что он говорил, было ясно и недвусмысленно и показывало, как мне казалось, желание компромисса и взаимопонимания с Германией. Сталин использовал характерное выражение: хотя мы многие годы поливали друг друга бочками навозной жижи, это еще не причина для того, чтобы мы не смогли снова поладить друг с другом. Свою речь 10 марта 1939 г. он произнес сознательно, чтобы намекнуть о своем желании взаимопонимания с Германией. Как видно, у нас это поняли правильно. Ответ Сталина был столь позитивен, что после первой принципиальной беседы, в ходе которой мы конкретизировали взаимную готовность к заключению пакта о ненападении, мы сразу же смогли договориться о материальной стороне разграничения наших обоюдных интересов и особенно по вопросу о германо-польском кризисе. На переговорах царилла благоприятная атмосфера, хотя русские известны как дипломаты упорные. Были разграничены сферы интересов в странах, лежащих между Германией и Советским Союзом. Финляндия, большая часть Прибалтийских государств, а также Бессарабия были объявлены принадлежащими к советской сфере. На случай возникновения германо-польского конфликта, который в создавшемся положении казался неисключенным, была согласована «демаркационная линия».

Уже в ходе первой части переговоров Сталин заявил, что желает установления определенных сфер интересов. Под «сферой интересов», как известно, понимается, что заинтересованное государство ведет с правительствами принадлежащих к этой сфере стран касающиеся только его самого переговоры, а другое государство заявляет о своей категорической незаинтересованности. При этом Сталин пообещал, что внутреннюю структуру этих государств он затрагивать не хочет. На сталинское требование сфер интересов я, имея в виду Польшу, ответил: поляки

становятся все агрессивнее и было бы хорошо на тот случай, если они доведут дело до войны, определить разделительную линию, чтобы германские и русские интересы не столкнулись. Эта демаркационная линия была установлена по течению рек Висла, Сан и Буг. При этом я заверил Сталина, что с германской стороны будет предпринято все, чтобы урегулировать вопрос с Польшей дипломатическо-мирным путем.

Соглашения, касающиеся других стран, само собой разумеется, не могут содержаться в договорах, предназначенных для общественности, а потому для этого прибегают к договорам секретным. Секретный договор (имеется в виду дополнительный протокол. — *Перев.*) был заключен и еще по одной причине: германо-русское соглашение нарушало соглашение между Россией и Польшей, а также договор между Францией и Россией 1936 г., предусматривавшие консультации при заключении ими договоров с другими государствами.

Твердость советской дипломатии проявилась в вопросе о Прибалтийских странах, а особенно о порте Либау (Лиепая. — *Перев.*), на который русские претендовали как на сферу своих интересов. Хотя я и имел неограниченные полномочия для заключения договора, я считал правильным, учитывая значение русских требований, запросить Адольфа Гитлера. Поэтому переговоры были на время прерваны и возобновились в 10 часов вечера, после того как я получил согласие фюрера. Теперь больше никаких трудностей не имелось, и пакт о ненападении, а также секретный дополнительный протокол к нему были парафированы и уже около полуночи подписаны.

Затем в том же самом помещении (это был служебный кабинет Молотова) был сервирован небольшой ужин на четыре персоны. В самом начале его произошло неожиданное событие: Сталин встал и произнес короткий тост, в котором сказал об Адольфе Гитлере как о человеке, которого он всегда чрезвычайно почитал. В подчеркнутых дружеских словах Сталин выразил надежду, что подписанные сейчас договоры кладут начало новой фазе германо-советских отношений. Молотов тоже встал и тоже выска-

зался подобным образом. Я ответил нашим русским хозяевам в таких же дружеских выражениях. Таким образом, за немногие часы моего пребывания в Москве было достигнуто такое соглашение, о котором я при своем отъезде из Берлина и помыслить не мог и которое наполняло меня теперь величайшими надеждами насчет будущего развития германо-советских отношений.

Сталин с первого же момента нашей встречи произвел на меня сильное впечатление: человек необычайного масштаба. Его трезвая, почти сухая, но столь четкая манера выражаться и твердый, но при этом и великодушный стиль ведения переговоров показывали, что свою фамилию он носит по праву. Ход моих переговоров и бесед со Сталиным дал мне ясное представление о силе и власти этого человека, одно мановение руки которого становилось приказом для самой отдаленной деревни, затерянной где-нибудь в необъятных просторах России, — человека, который сумел сплотить двухсотмиллионное население своей империи сильнее, чем какой-либо царь прежде.

Заслуживающим упоминания кажется мне небольшой, но характерный эпизод, произошедший в конце этого вечера. Я спросил Сталина, может ли сопровождавший меня личный фотограф фюрера сделать несколько снимков. Сталин согласился, и это был первый случай, когда он разрешил фотографировать в Кремле иностранцу. Когда же Сталин и мы, гости, были сняты с бокалами крымского шампанского в руках, Сталин запротестовал: публикации такого снимка он не желает! По моему требованию фоторепортер вынул пленку из аппарата и передал ее Сталину, но тот отдал ее обратно, заметив при этом: он доверяет нам, что снимок опубликован не будет. Эпизод этот незначителен, но характерен для широкой натуры наших хозяев и для той атмосферы, в которой закончился мол первый визит в Москву.

Когда я на следующее утро из окна моей квартиры поглядел через улицу, один из сопровождавших меня обратил мое внимание на нескольких человек, выглядывавших из окна расположенного напротив большого жилого дома — здания английского или французского по-

союльства. То были члены английской и французской военных миссий, которые вот уже длительное время вели в Москве переговоры об англо-франко-советском военном союзе.

В процессе наших бесед я, разумеется, спросил Сталина об этих военных миссиях. Он ответил: «С ними вежливо распрощаются». Так оно и произошло. Тем не менее я полагаю, что контакты между западными военными и Москвой после их отъезда все же сохранились. Другой вопрос, заданный мною Сталину, касался того, как совместить наш пакт с русско-французским договором 1936 г. На это Сталин лаконично ответил: «Русские интересы важнее всех других».

24 августа, вылетая вместе с нашей делегацией домой, я был убежден, что желание Сталина и Молотова прийти к взаимопониманию с Германией в тот момент было искренним. Когда я докладывал Адольфу Гитлеру о московских переговорах, у меня сложилось впечатление, что и он, безусловно, воспринимал этот компромисс с Россией всерьез.

Соглашение рассматривалось нами как прочный компромисс на самый длительный срок. Пакт с Россией, вне всякого сомнения, был исключительным успехом не только с реально-политической точки зрения, но и наверняка должен был найти одобрение у немецкого народа. Несмотря на многолетние идеологические схватки национал-социализма и большевизма, о значении дружественной России для германской политики забывать было нельзя. Отказ от бисмарковской политики в отношении России положил начало тому окружению Германии, которое привело к первой мировой войне. В ситуации 1939 г. восстановление исторических² отношений с Россией было по реальным причинам перворазрядным политическим актом обеспечения нашей безопасности*.

Я лично как человек, докладывавший фюреру об этом компромиссе с Советским Союзом, надеялся, в частности, на следующее:

1. Постепенная ликвидация наипаснейшей конфликтной ситуации, которая могла угрожать миру в Европе,

путем дипломатического преодоления мировоззренческих противоречий между национал-социализмом и большевизмом.

2. Создание действительно дружественных германо-советских отношений на фундаменте германской внешней политики в духе Бисмарка.

3. Использование в тогдашней особой ситуации августа 1939 г. всех возможностей дипломатического решения проблемы Данцига и коридора в духе предложений Адольфа Гитлера.

24 августа я вместе с нашей делегацией вылетел в Германию. Предусматривалось, что я прямо из Москвы должен лететь в Берхтесгаден, чтобы доложить фюреру в его резиденции Бергхоф. Я думал предложить ему созвать европейскую конференцию для урегулирования польского вопроса. Неожиданно наш самолет радиограммой повернули на Берлин, куда Гитлер вылетел в тот же день. Из соображений безопасности нам пришлось сделать большой крюк над Балтийским морем.

Иоахим фон Риббентроп на партийном съезде. 1936 год.

Жена Риббентропа с дочерью.

Переговоры с Молотовым в Берлине.

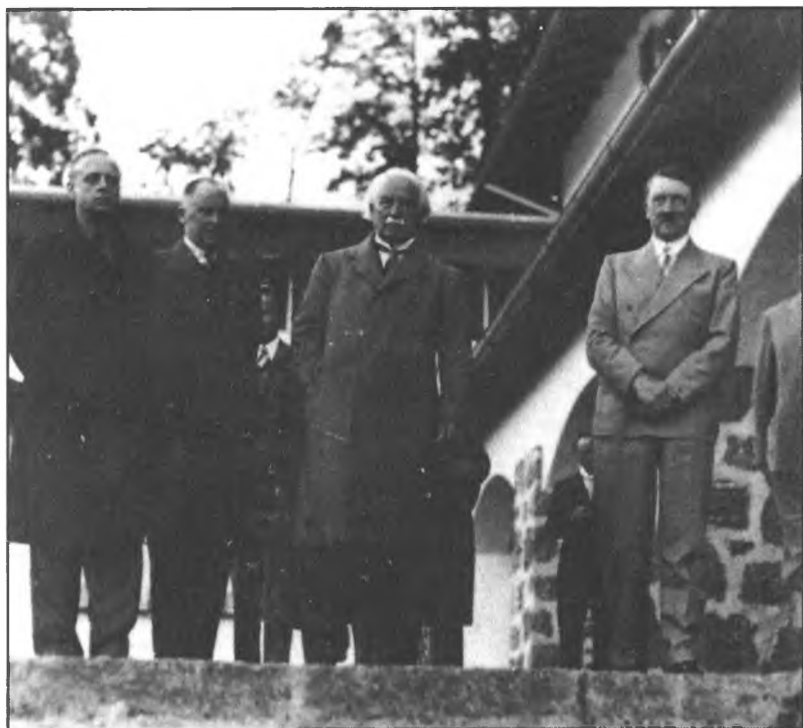
И. фон Риббентроп в день своего 45-летия. 30 апреля, 1938 год.

Рейхсминистр Иоахим фон Риббетрон. 1938 год.

Риббентроп, Чемберлен и Гитлер во время переговоров в Мюнхене. Сентябрь, 1938 год.

Гитлер и Риббентроп встречаются с Дэвидом Ллойд Джорджем.

Гитлер и Риббентроп (в центре) вместе радуются заключению «Пакта о ненападении» между Россией и Германией. Август, 1939 год.

Разговор с фюрером накануне нападения на Польшу. 1939 год.

Муссолини подписывает Мюнхенский договор.

Визит в Рим. 27 мая, 1939 год.

Риббентроп со своими японским и итальянским коллегами после подписания «Антикоминтерновского пакта».

Гитлер и Риббентроп прибыли в Мюнхен.

Беседа с Геббельсом.

И. фон Риббентроп со своими сотрудниками.

Приговор Нюрнбергского трибунала приведен в исполнение. 1946 год.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

Ситуация, которую я нашел по возвращении, была гораздо серьезнее, чем при моем отлете: польское давление на Данциг и на заселенные немцами районы коридора еще более усилилось, к этому добавились и пограничные инциденты. В день моего прибытия в Берлин кризис достиг своей первой кульминационной точки. Только теперь я узнал, что за время моего отсутствия Адольф Гитлер имел в Оберзальцберге весьма серьезную беседу с британским послом Гендерсоном, передавшим ему письмо английского премьер-министра. В нем говорилось, что военный конфликт между Германией и Польшей активизировал бы действия со стороны Англии. В своем разговоре с Гендерсоном, а вслед за тем в письме Чемберлену от 23 августа Гитлер заявил, что твердо намерен решить вопрос о Данциге и коридоре и дальнейшие польские провокации терпеть не будет. В английских военных мерах он вынужден усматривать акт угрозы рейху, и в этом случае ему придется объявить немедленную мобилизацию германских вооруженных сил. Ситуация полностью зашла в тупик, фюрер прибыл в Берлин.

Утром после моего возвращения из Москвы, т.е. в первой половине драматического 25 августа, я обсудил с фюрером письмо Чемберлена и предложил ему еще раз предпринять попытку в отношении Англии. Вскоре после этого разговора я узнал, что с нашей стороны уже начаты военные меры. Правда, в тот момент Гитлер еще не рассчитывал, что Англия вмешается и начнет из-за Польши войну. Вскоре после полудня я получил через одного чиновника министерства иностранных дел сообщение о ратификации англо-польского договора, который был заключен еще 6 апреля, однако без придания ему офици-

альной формы. Я поспешил с этим сообщением в Имперскую канцелярию, чтобы побудить фюрера остановить уже принятые военные меры. Я вошел к нему со словами, что ратификация англо-польского договора о гарантиях означает, если он выступит против Польши, «войну с Англией» и поэтому «приказ о выступлении войск должен быть немедленно приостановлен».

Фюрер воспринял возбужденно доложенное мною сообщение без возражений; он и сам производил впечатление человека, пораженного этим известием. По недолгом размышлении он информировал меня о том, что итальянский посол в первой половине дня сообщил ему: военный конфликт с Польшей Италия не будет считать ситуацией, обязывающей ее к выполнению своих союзнических обязательств¹.

Гитлер был убежден в том, что итальянская позиция уже сообщена Римом Лондону и привела к ратификации англо-польского пакта. Он приказал немедленно вызвать своего военного адъютанта полковника Шмундта, но его нигде разыскать не удалось. Вместо него вскоре явился генерал-полковник Кейтель. Фюрер спросил его, возможно ли остановить военные меры. Кейтель подтвердил. Фюрер дал Кейтелю соответствующий приказ. При этом Гитлер указал, что только что у него побывал я с сообщением о ратификации англо-польского договора, а потому ему необходимо «время для переговоров».

Адольф Гитлер, несомненно, воспринял это решение как определенный ущерб престижу армии и, казалось, считал меня ответственным за это, что выразилось в открыто проявленном им недовольстве мною. Этой психологической ситуацией я объяснял себе тот факт, что в бли-

¹ Заслуживает внимания в этой связи письмо, посланное итальянским министром графом Гранди 1 сентября 1939 г. британскому премьер-министру Чемберлену: «Я хотел бы сказать Вам, сколь счастлив я сегодня ввиду принятых моей страной решений. Будет сохранено все, за что я боролся в течение семи лет моей лондонской миссии и в последние недели в Риме, имевшие такое важное значение». (Цит. по: K. Feiling. *The Life of Neville Chamberlain*. P. 422.) — *Примеч. нем. изд.*

жайшие дни меня не привлекали ни к какому обсуждению обстановки, а также и то, что фюрер взял решение польского вопроса исключительно в свои руки. Только 28 августа я был снова привлечен к переговорам с послом Гендерсоном.

Еще 25 августа фюрер сделал британскому послу заявление, что после урегулирования германо-польского вопроса он готов на заключение с Англией пакта о взаимной помощи — предложение, которое, по мнению Гендерсона, как он пишет в своей книге «Failure of a Mission» (с. 259), «заслуживало рассмотрения». В личном самолете Адольфа Гитлера посол отправился в Лондон для непосредственного обмена мнениями со своим правительством; с 26 до 28 августа британский кабинет обсуждал устное заявление фюрера.

28 августа в 17 часов Гендерсон вылетел обратно в Берлин и привез с собой выработанный британским правительством меморандум. Тем самым началась решающая фаза кризиса. За три часа до вылета Гендерсона в Берлин, в 14 часов, английское правительство по телеграфу запросило Варшаву, уполномочивает ли его польское правительство сообщить германскому правительству, что Польша готова немедленно вступить в прямые переговоры с Германией.

Переданный Гитлеру меморандум британского правительства содержит соответствующую констатацию: «Правительство Его Величества уже получило окончательное заверение польского правительства, что последнее готово на этой основе вступить в обсуждение данного вопроса». В качестве основы указывалась непосредственная предпосылка, что жизненно важные интересы Польши должны быть обеспечены, а подлежащее заключению германо-польское соглашение — гарантировано в международно-правовом отношении.

В опубликованной после начала войны британским правительством «Голубой книге» бросается в глаза отсутствие этого упомянутого выше заверения польского правительства. Поскольку запрос был сделан в 14 часов, а Гендерсон вылетел из Лондона в 17 часов, оно должно

было поступить в Лондон именно в этот промежуток времени. До сих пор сохраняемый в тайне дословный текст ответа польского правительства имеет решающее значение для оценки дальнейшего развития событий.

Британский премьер-министр Чемберлен торжественно заявил 1 сентября, что «все соответствующие документы доступны общественности». Но, несмотря на данное заявление, именно эти важные документы отсутствуют. Этот бросающийся в глаза факт можно объяснить только тем, что польское правительство ясного «да» как раз и не сказало, т.е. такого «да», которое и практически тоже означает н е м е д л е н н ы е переговоры, а не то пресловутое «да» дипломатов, которое представляет собой лишь замаскированную перифразу «нет». Польская позиция 30 и 31 августа 1939 г. оправдывает предположение, что Польша вопреки утверждению британского меморандума от 28 августа за действительное начало н е м е д л е н н ы х прямых переговоров не высказалась.

Моя защита на Нюрнбергском процессе ходатайствовала о предоставлении британским правительством ответной ноты Польши от 28 августа. Однако суд это ходатайство не удовлетворил!

Еще поздним вечером 28 августа, в 22 час. 30 мин., посол Гендерсон передал меморандум британского правительства Адольфу Гитлеру. Обращало на себя внимание, что в этом документе предложение о заключении германо-английского пакта о взаимопомощи затрагивалось совершенно бегло. С другой стороны, примечательно, что британское правительство было согласно с Гитлером в том, что и оно тоже видело одну из главных опасностей возникшей между Германией и Польшей ситуации в сообщениях об обращении с меньшинствами. В третьем абзаце меморандума английское правительство указывало на то, что все зависит от способа решения существующих между Германией и Польшей спорных вопросов, а также от метода, который будет применен.

Британское правительство подчеркивало, что, на его взгляд, для успеха переговоров, которые должны предшествовать договоренности, необходимо заранее твердо уста-

новить: подлежащее заключению соглашение должно быть гарантировано другими державами. Оно заявляло, что, по его мнению, в качестве следующего шага между германским и польским правительствами должны быть начаты прямые переговоры, отвечающие вышеназванным принципам. Британское правительство надеется, говорилось в меморандуме, что германское правительство со своей стороны тоже будет готово согласиться на такую процедуру.

В ходе беседы между Гитлером и Гендерсоном, во время которой был передан меморандум, я напомнил, что Чемберлен в свое время сказал мне: его «самое горячее желание» — достигнуть взаимопонимания с Германией. Эта моя реплика способствовала ослаблению напряженной атмосферы, и в конце концов фюрер сказал, что изучит ноту.

Во второй половине следующего дня (29 августа) Гендерсона попросили прибыть к 18 час. 45 мин. в Имперскую канцелярию. Британский посол вел себя во время этого обсуждения весьма резко и даже позволил себе ударить кулаком по столу. Такое поведение чуть было не побудило фюрера, как он позже рассказывал Гессу, немедленно прекратить всякое обсуждение, но мне удалось вовремя вмешаться и, «переведя разговор на другую тему, охладить вспыхнувшие страсти, не допустить срыва переговоров. В конце концов Гитлер передал Гендерсону свой ответ в письменной форме. Из этого ответа вытекало, что германское имперское правительство:

1) несмотря на свою скептическую оценку перспектив таких прямых переговоров с польским правительством, желает согласиться на предложение английского правительства;

2) принимает предложенное посредничество британского правительства в вопросе о направлении в Берлин наделенного соответствующими полномочиями представителя польского правительства и рассчитывает на его прибытие в среду 30 августа;

3) во всех своих предложениях никогда не имело намерения затрагивать жизненно важные интересы Польши или ставить под вопрос существование независимого Польского государства;

4) готово немедленно выработать предложения для приемлемого решения и (если удастся, сделать это еще до сообщения о направлении польского представителя) предоставить их в распоряжение британского правительства.

Этим заявлением Адольф Гитлер недвусмысленно принял британское предложение немедленных, прямых и равноправных переговоров с Польшей. И здесь возникает судьбоносный для оценки дальнейшего хода развития вопрос: когда и в какой форме правительство Англии выполнило взятый им же самим на себя долг сообщить это предложение польскому правительству?

Посол Гендерсон передал своему правительству германский ответ еще вечером 29 августа по телеграфу. Донесение его, как видно из английской «Голубой книги», поступило в Лондон в 0 час. 15 мин. Первой непосредственной реакцией английского правительства была направленная в Берлин телеграмма следующего содержания: ожидать прибытия польского представителя для начала переговоров ранее чем через 24 часа «неразумно». Гендерсон 30 августа сообщил лорду Галифаксу по телеграфу о передаче по назначению этой поступившей ему телеграммы. При этом он процитировал замечание Гитлера, что от Варшавы до Берлина можно долететь за полтора часа. В качестве собственного комментария Гендерсон добавил в своей телеграмме: сам он за то, «чтобы польское правительство в последний час все же проглотило пилюлю этой попытки, дабы установить непосредственные отношения с Гитлером, пусть даже ради одного того, чтобы убедить весь мир, что оно со своей стороны готово принести жертву для сохранения мира...».

Этой инициативе своего берлинского посла — в любом случае не отвергать наотрез предложение Гитлера — британское правительство не последовало. Оно не передало немедленно ответную ноту Германии польскому правительству и тем самым сознательно замедлило вручение ему германского приглашения к переговорам. Хотя оно незамедлительно и проинформировало британского посла в Варшаве сэра Кеннарда, но притом дало ему указание не

сообщать польскому правительству ответа Гитлера до получения им новых инструкций из Лондона¹.

Само это указание британского правительства своему послу в Варшаве в английской «Голубой книге» не содержится и до сих пор остается неизвестным. Попытка моей защиты в Нюрнберге и в данном случае получить от британского правительства отсутствующий документ успеха не имела.

Огромнейший исторический интерес представляет выяснение вопроса о том, какая взаимосвязь существует между инструкциями британского правительства своему послу в Варшаве и тем фактом, что в течение того же 30 августа было принято, хотя еще и не объявлено, решение провести в Польше всеобщую мобилизацию. Момент этой мобилизации, о которой нам в тот же день было конфиденциально сообщено, имеет для общей оценки кризиса крупнейшее значение. Она резко противоречит мнимому заверению Польши о ее готовности к прямым переговорам с Германией.

История, к которой в такой торжественной форме апеллировал премьер-министр Чемберлен в своей речи в палате общин 1 сентября 1939 г., решит вопрос, не само ли британское правительство своим проявленным в Берлине негативным отношением к германскому желанию вести переговоры и задержкой передачи данного предложения Варшаве в этот критический момент грубо нарушило взятые на себя в виде «добрых услуг» международные обязательства. Более того, оно явно обдумывало, как найти укрытие в зарослях затяжных тактических процедур. Особенно отчетливо это проявилось в телеграмме, которую Галифакс направил вечером в 18 час. 50 мин. 30 августа послу Гендерсону (она содержится в британской «Голубой книге»).

¹ Посол сэр Г. Кеннард — министру иностранных дел виконту Галифаксу, Варшава, 30.8.1939 г. (Britisches «Blaubuch». S. 182): «...я, разумеется, не стану высказывать польскому правительству своего мнения, а также не буду сообщать ему ответ господина Гитлера до тех пор, пока не получу инструкций о том, что, как я надеюсь, должно немедленно произойти». — *Примеч. нем. изд.*

В ней Гендерсону дается указание предложить германскому правительству через польское посольство сначала пригласить Варшаву обсудить «инициативу проведения переговоров», хотя германское имперское правительство уже с 28 августа имело британо-польское обещание немедленной готовности к переговорам и ответило на него предложением их конкретной даты!

В предвечерние часы 30 августа британское правительство, как кажется, уже подготовило свою ноту германскому правительству. Оно дословно сообщило содержание этого ответа своему послу в Варшаве и только теперь поручило ему ознакомить польское правительство с текстом германской ноты. Одновременно из данной телеграммы видно, что британское правительство продолжает следовать своей тактике затягивания, советуя польскому правительству «без промедления» быть «при определенных условиях» готовым к прямым переговорам. Но совет этот дан не с целью, скажем, быстрого урегулирования кризиса, а — как многозначительно говорится в той же телеграмме — «с учетом внутреннего положения в Германии и мирового общественного мнения!» Однако под ссылкой на «внутреннее положение в Германии», согласно показаниям свидетеля Гизевиуса на Нюрнбергском процессе, можно подразумевать только наличие крупного заговора, участники которого в сотрудничестве с Англией намеревались свергнуть германское правительство¹.

Нота британского правительства, содержащая ответ на заявление Адольфа Гитлера от предыдущего дня (29.8), поступила в английское посольство в Берлине 30 августа между 20 и 23 часами. Посол Гендерсон договорился со мной о встрече в 23 часа. Учитывая позднее поступление ноты, беседа смогла состояться только в полночь. В меморандуме, который Гендерсон захватил с собой и передал

¹ Показания Ганса-Бернда Гизевиуса см.: Nürnberger Prozeßprotokolle, Bd XII. Nachmittagssitzung vom 24.4.1946 und Sitzungen vom 25. und 26.4.1946 (S. 185—330). См. также примеч. на с. 209.

мне, британское правительство отступало от своей позиции, занятой им двумя днями ранее (28.8). Тогда оно потребовало «немедленных прямых переговоров» в качестве «логичного следующего шага; теперь же лондонский кабинет поддерживал предложение о проведении германо-польских переговоров хотя и «со всей срочностью», но «не сегодня же». При этом британское правительство явно желало германо-польской дискуссии уже не о предмете самого спора, а о «способе установления контакта и о подготовке обсуждения».

При передаче мне британской ноты посол Гендерсон в соответствии со своими инструкциями сообщил, что его правительство не в состоянии рекомендовать польскому правительству согласиться с предложенной германским правительством процедурой переговоров. Оно рекомендует вести их нормальным дипломатическим путем, т.е. начать передачей своих предложений польскому послу и тем самым дать ему возможность с согласия своего правительства приступить к подготовке прямых германо-польских переговоров. В случае же если бы германское правительство направило эти предложения также и британскому правительству и последнее пришло бы к мнению, что эти предложения представляют собой разумную основу для урегулирования подлежащих обсуждению проблем, оно употребило бы свое влияние в Варшаве в духе их решения.

Я со своей стороны указал Гендерсону на то, что, согласно поступившим к нам конфиденциальным сообщениям, в течение этого дня уже было принято решение о польской всеобщей мобилизации. Я обратил, далее, его внимание на тот факт, что германская сторона тщетно ожидала прибытия польского представителя, а потому вопрос эвентуального предложения больше не может сохранять свою актуальность. Но дабы предпринять еще одну попытку решения, я зачитал и подробно пояснил послу подготовленные германские предложения, которые Адольф Гитлер лично продиктовал и передал мне с точными указаниями.

В своей упоминавшейся речи в палате общин 1

сентября Чемберлен утверждает, что эти предложения я зачитал послу at top speed (с предельной быстротой), но на самом деле все было совсем не так¹. Утверждение Чемберлена выглядит тем более странным, потому что, как документально явствует из помещенного в «Голубой книге» отчета Гендерсона об этой беседе, британский посол совершенно правильно понял все основные пункты германских предложений и сообщил их своему правительству. В своих воспоминаниях «Failure of a Mission» (p. 273) Гендерсон сообщает на сей счет, что он сам сразу после беседы с польским послом Липским в 2 часа утра назвал в качестве главных пунктов германских предложений аншлюс Данцига к рейху и проведение народного голосования на территории коридора. Гендерсон замечает по этому поводу, что он охарактеризовал их как не слишком неприемлемые и порекомендовал Липскому, чтобы его правительство предложило немедленную встречу маршала Рыдз-Смиглы с Герингом.

Подробно сообщив Гендерсону германские предложения, я в немалой степени превысил данное мне поручение, ибо, поскольку он согласился посетить меня в тот момент, когда установленный германским правительством срок прибытия польского представителя уже истек, я должен был услышать от него какие-либо сообщения и лишь «кратко изложить содержание» предназначенных для этого представителя предложений, а не передавать их текст.

Давая мне это поручение, Адольф Гитлер подробно разъяснять его не стал. У меня сложилось такое впечатление, что он еще надеялся на возможность уступки со стороны Англии только тогда, когда Лондон будет убежден в его решимости в случае необходимости действовать военными средствами и поймет, что положение смертельно серьезно. Фюрер, вне всякого сомнения, хотел дать это

¹ «Риббентроп зачитал Гендерсону предложения на немецком языке, однако вопреки неоднократным позднейшим утверждениям без какой-либо спешки, а, наоборот, давая при этом пояснения по некоторым пунктам». — Paul Schmidt. Statist auf diplomatischer Bühne, S. 459. — *Примеч. нем. изд.*

понять англичанам. Беседа велась Гендерсоном невежливо, а мною — холодно¹.

Вернувшись по окончании беседы в Имперскую канцелярию, я доложил фюреру, что Гендерсон был очень озабочен и мое убеждение, что английская гарантия Польше вступит в силу, еще более усилилось. Я рекомендовал дополнительно передать Гендерсону сообщенные ему мною устно германские предложения также и в письменном виде. Гитлер это предложение отклонил, но сделал так, что 31 августа в первой половине дня текст их через Геринга и Далеруса² все же попал в руки британского посла. В этот день Гитлер еще раз ожидал вмешательства Англии или появления наделенного необходимыми полномочиями польского представителя и, наконец, вечером 31 августа еще приказал передать германские предложения по радио. Немедленный ответ варшавского радио звучал открытой провокацией.

Английская «Голубая книга» указывает на то, что британское правительство имело в руках сообщение Гендерсона 31 августа в 9 час. 30 мин. Поскольку английский посол уже в 2 часа ночи проинформировал польского посла Липского, никак нельзя предположить, что он уведомил собственное правительство о содержании и результате беседы со мной лишь в столь поздний момент. Оказалось также, что «Дейли телеграф» утром 31 августа поместила сообщение о ночном заседании английского кабинета, на котором обсуждались германские предложения. Заслуживает внимания то, что этот выпуск крупной лондонской газеты был изъят и заменен другим, в котором данной заметки уже не имелось³.

В любом случае фактом остается то, что германские

¹ Текст германских предложений см. в приложении, с. 318–321.

² Шведский промышленник, выступавший посредником Геринга и Гитлера.

³ См. показания министра-директора [министерства пропаганды] Ганса Фриче на Нюрнбергском процессе 28.6.1946 г. Утреннее заседание. — *Sitzungsprotokolle. Bd XVII. S. 214.* — *Примеч. нем. изд.*

предложения были известны как в Лондоне, так и в Варшаве в первой половине дня 31 августа. Фактом является и то, что лондонское правительство на протяжении всего этого решающего дня больше не предприняло никаких серьезных попыток преодолеть возникший кризис. Между тем Англия своим вмешательством могла бы ликвидировать его еще и 31 августа. Для этого надо было всего лишь, чтобы Варшава уполномочила своего посла Липского принять для передачи польскому правительству германские предложения. Но именно этого и не произошло.

Показания шведа Далеруса на Нюрнбергском процессе тоже подтверждают, что лондонское правительство уже 31 августа ни на какой серьезный шаг больше готово не было, хотя знало, что альтернатива означает войну. О переговорах Далеруса Гитлер тогда сказал мне, что через этот канал он хочет поддерживать с англичанами контакт, чтобы посмотреть, не наметится ли здесь какая-нибудь новая возможность. Он, как известно, любил оперировать сразу в нескольких направлениях, а отсюда понятна и его попытка, принимая во внимание судьбоносное значение этого дела, позондировать также и неофициальным образом, нет ли какой-нибудь возможности достигнуть договоренности. Однако Гитлер не питал большого доверия к Далерусу, которого привел к нему Геринг. К сожалению, и переговоры Далеруса тоже никакого результата не дали. Я бы только порадовался их успеху. Однако здесь следует сказать: если бы англичане хотели согласиться на компромисс, они сказали бы об этом или Гендерсону, или Далерусу (но вероятнее все же — своему берлинскому послу), и тогда договоренность была бы достигнута.

Когда же из этой интермедии извлекают версию, будто Геринг в данном случае действовал как-то вразрез со мной и вопреки мне, то такое непонимание позиции фюрера, а также тогдашнего политического положения кажется просто гротескным любому посвященному лицу. Вне всякого сомнения, Геринг тоже желал мирного решения, но именно акция Далеруса показала, что англичане не хотели идти на уступки и ему.

Вечером 31 августа в 18 час. 30 мин. польский посол Липский имел разговор со мной. Он заявил, что польское правительство — «за предложение британского правительства»; официальный ответ германское правительство получит «вскоре». На вручение ему германских предложений, а тем более на какие-либо фактические переговоры или же только обсуждение Липский полномочий не имел, и он категорически подчеркнул это в беседе со мной.

В тот же день польский министр иностранных дел устно заверил британского посла в Варшаве Кеннарда, что польский посол в Берлине не был уполномочен получить германские предложения (британская «Голубая книга», док. 96).

Таково было на деле польское стремление к переговорам спустя более трех дней после данного Польшей, по утверждению британского правительства, твердого согласия вступить в немедленные переговоры с Германией.

В своей речи в парламенте 1 сентября премьер-министр Чемберлен вопреки истине утверждал, будто польским посольством вечером 31 августа мне было «сообщено вновь о польской готовности к переговорам», а в ответ на это германские войска «без лишних слов» на рассвете 1 сентября перешли польские границы. В действительности оба события отделены друг от друга официальным обнародованием германских 16 пунктов всеми радиостанциями Германской империи вечером 31 августа в 21 час 15 мин.¹

Опубликованием своих предложений германское правительство еще раз дало Польше возможность согласиться на обещанные переговоры. События еще могли быть скорректированы, если бы польское правительство подхватило брошенный ему мяч и по радио выразило свое положительное отношение. Действительно, варшавская радиостан-

¹ Несколько днями позже Чемберлен ретроспективно записал в свой дневник следующие примечательные слова: «Я думаю, что Гитлер серьезно стремился к соглашению с нами и что он столь же серьезно выработал предложения, прозвучавшие по радио». (Дневниковая запись от 10.9.1939 г. Цит. по: K. Feiling. The Life... P. 417.) — *Примеч. нем. изд.*

ция ответила еще 31 августа в 23 часа. Но этот ответ (в британской «Голубой книге» он отсутствует) говорил лишь о германском «бесстыдном предложении» и с возмущением отвергал переговоры. Германия, цинично подчеркивалось в нем, напрасно ожидала посланца Польши. Ответ варшавского правительства содержится в его военных распоряжениях.

Эта польская позиция становится понятной лишь в том случае, если принять во внимание два факта, которые стали очевидны только во время Нюрнбергского процесса.

1. Британское правительство не только не сделало в Варшаве ничего имеющего важное значение для решения германо-польской проблемы, но даже назвало возможный визит польского министра иностранных дел Бека в Берлин «нежелательным». Это говорит о явной боязни, что в результате обмена мнениями с Адольфом Гитлером Бек мог еще пойти на мирное урегулирование.

2. Посол Липский, явно информированный о планах германских оппозиционных кругов, придерживался мнения, что, «как только начнется война, в Германии произойдет путч», «Адольф Гитлер будет устранен» и «польская армия самое позднее через 6 недель окажется в Берлине»¹.

Высказывание Липского сегодня понятно, ибо, по показаниям Гизевиуса в Нюрнберге, группа немецких заговорщиков (к которой принадлежали, в частности, министры, начальник генерального штаба, генералы, высшие чиновники) заклинала в эти дни Англию не поддаваться германским желаниям, а «остаться твердой», ибо тогда возникнет война, армия откажется повиноваться Гитлеру и Англия сможет вместе с ней ликвидировать национал-социализм и убрать Гитлера.

2 сентября Муссолини предпринял еще одну попытку разрешения кризиса. Он предложил провести международную конференцию, которая должна была собраться 5 сентября с целью «подвергнуть пересмотру положения Версальского договора как причину постоянного рас-

¹ См. показания Далеруса на Нюрнбергском процессе. Утреннее заседание 19 марта 1946 г.— Sitzungsprotokolle. Bd IX. S. 521. — *Примеч. нем. изд.*

стройства европейской жизни». Дуче дал понять, что может осуществить созыв этой конференции, только «если армии останутся на месте».

Мы приняли это предложение, а когда на него положительно ответила и Франция, 2 сентября несколько часов дело выглядело так, словно мир в Европе все еще мог быть спасен. Только британское правительство через лорда Галифакса во второй половине дня 2 сентября отклонило в палате лордов это последнее предложение о мире¹.

Тексты английского и французского объявлений войны были пересланы в министерство иностранных дел в первой половине дня 3 сентября. Когда фюрер получил их, он не промолвил ни слова. По моему разумению, он этого ожидал.

* * *

Моя роль в польском кризисе, который я здесь обрисовал, настолько однозначна, что ни один человек в мире, взявший на себя труд изучить факты, не может обвинить меня в разжигании войны. Мне нечего утаивать от истории, и я знаю, что сделал все, для того чтобы в те критические дни действовать в духе компромисса и найти мирное решение. Я стремился также не оставить у фюрера никакого сомнения насчет того, на какой риск он шел. Отдавая второй приказ на выступление войск, реша-

¹ О том, что британское правительство видело в предложении Муссолини точно так же, как и в переговорах с Далерусом, только «осложнение» для себя, говорится в дневниковой записи Чемберлена от 10 сентября 1939 г.: «Последние приступы затянувшейся агонии, предшествовавшие действительному объявлению войны, были настолько невыносимы, насколько это вообще возможно. Мы были заинтересованы в том, чтобы дать событиям принять еще более острый характер, но тут имелись три осложнения: секретные переговоры, которые через нейтрального посредника велись с Герингом и Гитлером; предложение Муссолини о созыве конференции; стремление французов оттянуть объявление войны как можно дольше, до тех пор, пока они не эвакуируют своих женщин и детей и не от мобилизуют свои армии. Поэтому мы не могли почти ничего сказать об этом общественности» (K. Feiling. The Life...). — *Примеч. нем. изд.*

ющее значение для которого предположительно имели военные донесения о польской всеобщей мобилизации, Гитлер, верно, и сам больше уже не верил в то, что Англия останется в стороне.

Само собой разумеется, в дни кризиса я с целью поддержать политику фюрера занимал в отношении своего министерства и дипломатического корпуса вполне однозначную позицию, ибо в этом был единственный шанс заставить противника пойти на компромисс. При неуверенной или двойственной позиции министра иностранных дел в этой ситуации добиться от противной стороны готовности к миру было ни в коем случае нельзя.

То, что в противоположность судетскому вопросу при подобном же состоянии проблемы Данцига и коридора к мирному решению прийти не удалось, объяснялось, с одной стороны, тем, что Англия решила на войну, ибо не желала дальнейшего усиления Германии, а с другой — тем, что Гитлер не чурался войны в случае, если его разумные предложения не примут.

Был сделан последний шаг по тому пути развития, который начался с заключения британо-польского союза: Англия знала, что Польша использует этот союз с нею, чтобы еще безудержнее выступить против германского населения, проживающего в ее границах. Только в результате соединения английской политики окружения с польским шовинизмом проблема Данцига и коридора оказалась начиненной тем динамитом, который однажды неизбежно должен был взорвать мир в Европе.

Сегодня уже нет никаких сомнений, что Англия в оба последних дня августа имела возможность одним лишь кивком головы в Варшаве ликвидировать кризис, а тем самым устранить опасность войны. То, что британское правительство этого сознательно не сделало, показывает: Англия действительно решила на войну.

Однако тогда мы еще не знали, что в Лондоне делали ставку на упомянутую группу заговорщиков из числа самых влиятельных немецких военных и политиков и таким образом надеялись легко одержать победу над Германией. А потому эти заговорщические круги внесли

в возникновение войны решающий вклад. Они сорвали в последний момент все наши усилия прийти к мирному решению и, вероятно, сыграли главную роль в английском решении начать войну¹.

¹ В документальном издании «Das Urteil im Wilhelmstraßenprozeß». Schwabisch-Gmund, 1950 («Приговор по делу Вильгельмштрассе») на с. 18 воспроизведено письмо бывшего советника посольства Теодора Кордта от 29 июля 1947 г. бывшему британскому министру иностранных дел лорду Галифаксу, истинность которого подтверждена последним под присягой. В нем о деятельности братьев Кордт говорится следующее: «В течение 1938 и 1939 гг. я находился в тесном, иногда ежедневном контакте с первым дипломатическим советником правительства его величества лордом Робертом Ванситтартом. Мой брат неоднократно лично приезжал в Лондон, несмотря на угрозу для его безопасности, чтобы лично информировать Ванситтарта о возникшей на небе международной политики германской угрозе. Сэр Роберт заверял меня, что эти сообщения он немедленно передает Вам (лорду Галифаксу): они касались, к примеру, планов Гитлера насчет соглашения с Советским Союзом, переговоров о союзе между Гитлером и Муссолини, а также совета германского движения Сопротивления... оказать давление... на Муссолини...

Тогдашний руководитель центральноевропейского сектора британской секретной службы капитан С. П. Бест сообщает о той информации, которая в те дни поступала британскому кабинету: «В период начала войны наша «Интеллидженс сервис» имела надежную информацию о том, что Гитлеру противостояла оппозиция в лице многих людей, занимавших высшие должности в его вермахте и его ведомствах... По нашим информациям, это оппозиционное движение приняло такие масштабы, которые даже могли привести к восстанию и свержению нацистов». (Цит. по: «Der Monat». Juli 1951. S. 103.) Бывший южноафриканский министр обороны Пайроу тоже сообщает о «вдохновляемом германскими изменниками подстрекательстве к войне со стороны шовинистов в Лондоне», а также о том, что, «в случае если война между Англией и Германией разразится, следует рассчитывать на восстание против Гитлера». (Цит. по: «Frankfurter Allgemeine Zeitung». 5.4.1952.) Премьер-министр Чемберлен записал 10 сентября 1939 г., т. е. через несколько дней после начала войны, следующие размышления в свой дневник: «То, на что я надеюсь, — это не военная победа (я весьма сомневаюсь, возможна ли она), а развал германского внутреннего фронта». (Цит. по: K. Feiling. The Life... P. 419.) — *Примеч. нем. изд.*

То, что из-за проблемы Данцига и коридора разразилась германо-английская война, — это трагедия Европы. Я уверен, что Адольф Гитлер считал решение этой проблемы в нашем духе в конечном счете отвечающим и английским интересам. Он всегда боялся, что пробудившийся Восток однажды развернет всю свою могучую силу. Именно поэтому он не в последнюю очередь стремился урегулировать германо-польские отношения, чтобы приобрести лучшие стратегические позиции для обороны.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

В конце сентября 1939 г. — еще в последние дни польской кампании — я во второй раз вылетел в Москву для урегулирования вопросов, возникших в результате советского вступления в Польшу. Я нашел у Сталина и Молотова ярко выраженный дружеский, почти сердечный прием. Во время этого визита большой линией на карте были установлены известные границы между будущим генерал-губернаторством и Советским Союзом. Одновременно было обсуждено далеко идущее торговое соглашение и подписан договор о дружбе¹.

Упорство русских в достижении дипломатических целей вновь дало себя знать, когда Сталин и Молотов, даже идя на отказ от некоторых областей (Люблин) в противоположность заключенному в августе соглашению, стали притязать на включение в советскую сферу интересов Литвы. Поскольку в этом вопросе русские были весьма настойчивы, я из Кремля по телефону поставил о том в известность фюрера. Некоторое время спустя он сам позвонил мне и заявил — явно не с легким сердцем, — что согласен включить Литву в сферу советских интересов. При этом он добавил: «Я хотел бы установить совсем тесные отношения». Когда я сообщил Сталину эту реплику, тот лаконично произнес: «Гитлер свой гешефт понимает».

По возвращении Гитлер сказал мне, что в литовском вопросе «он хотел доказать русским, что с самого начала желал делать все для компромисса с восточным соседом и установить настоящие отношения взаимного доверия». Я и сегодня не сомневаюсь, что это высказывание было тогда

¹ Германно-советский договор о границе и дружбе был подписан 28 сентября 1939 г.

искренним и что Адольф Гитлер в тот момент рассчитывал на долгосрочное взаимопонимание. Несмотря на бросавшийся в глаза интерес русских к Литве, Гитлер оценивал тогда русские намерения в отношении Германии как вполне отвечающие заключенным договорам. В своем докладе после возвращения из Москвы я старался его в этом мнении укрепить.

Как и во время моего первого визита, переговоры с русской стороны преимущественно вел сам Сталин, а частично Молотов. Мне вспомнились два высказывания Сталина.

Когда я после подписания договора о дружбе сказал Сталину, что, по моему убеждению, немцы и русские больше никогда не должны скрестить оружие, Сталин с минуту подумал, а потом ответил буквально следующее: «Пожалуй, это все-таки должно было быть так!» Я попросил переводившего советника посольства Хильгера еще раз перевести мне эти слова, настолько необычной показалась мне эта формулировка. Осталось у меня в памяти от наших бесед во время этого второго визита и еще одно высказывание Сталина. Когда я стал зондировать возможность более тесного союза благодаря договору о дружбе, имея в виду регулярный союз для будущих сражений против западных держав, Сталин ответил мне: «Я никогда не допущу ослабления Германии!»

Над этими двумя высказываниями Сталина мне впоследствии приходилось часто задумываться. Что он, собственно, хотел этим сказать? Резкие критики Советского Союза (в их числе и бывший английский посол в Берлине сэр Невилл Гендерсон) утверждали: Сталин заключил пакт с Германией только для того, чтобы подтолкнуть фюрера к нападению на Польшу, хорошо зная, что Англия и Франция выступят на ее стороне. После предположительной победы Германии над Польшей Россия, во-первых, вернет себе важные потерянные в последней войне области, а во-вторых, будет спокойно глядеть, как Германия, воюя с западными державами, исчерпает все свои силы, чтобы затем в подходящий момент бросить

всю мощь Красной Армии на дальнейшую большевизацию Европы.

Насколько оправданна эта оценка тогдашних намерений Сталина, я не знаю. Во всяком случае оба его высказывания поддаются различным интерпретациям. Первая из них показывает, что мое высказывание «больше никогда не должно быть войны между немцами и русскими» было воспринято Сталиным гораздо холоднее, чем я ожидал. Владела ли им в тот момент никогда не покидавшая его мысль о перенесении большевистской революции в Германию и Европу, а тем самым, значит, и мысль о возможности в будущем германо-русского столкновения? Или же он чувствовал себя, как человек исторического масштаба, слишком великим, чтобы в момент заключения договора о дружбе ответить мне обычной дипломатической общей фразой? Думал ли он при этом о невозможности преодолеть противоположность обоих мировоззрений (как это впоследствии воспринимал фюрер), и считал ли он, что по этой причине столкновение раньше или позже будет неизбежным?

В связи с первым высказыванием Сталина второе приобретает еще большее значение. Оно недвусмысленно выдавало осознание Советским Союзом своей военной силы и намерение выступить в случае неудачного для Германии хода войны. Это высказывание, которое я в точности запомнил, было преподнесено Сталиным в такой спонтанной форме, что оно наверняка отвечало его тогдашнему внутреннему убеждению. Меня особенно поразила прозвучавшая в словах Сталина огромная уверенность насчет боеспособности Красной Армии.

Лично я склоняюсь к тому, что договоренность с Германией Сталин рассматривал прежде всего как особенно выгодную для себя сделку, каковой она на самом деле и была. Далее, он мог быть убежден в том, что в случае войны между Германией и западными державами Россия ничего потерять не может. Вероятно, он верил в возможность тянувшейся годами окопной войны, как это имело место в 1914–1918 гг. Если же война затянется и позиции Германии ослабнут, рейх в еще большей степени окажется

в экономической и продовольственной областях зависимым от русской помощи. Если Германия войну проиграет, Красной Армии предоставится удобный случай проникнуть в Центральную Европу. Если же война окончится «вничью», все ведущие ее стороны в любом случае будут ослаблены, а Россия наверняка не останется в убытке. Каковы действительно были мысли Сталина, верно, никто никогда не узнает. Но ход их мог быть примерно таким. Быстрая победа Германии на Западе наверняка явилась для Сталина ошеломляющей неожиданностью. Еще во время нашего продвижения во Франции в советской политике стала ощущаться новая тенденция, а тем самым начался тот трагический ход событий, который привел к началу германо-русской войны в июне 1941 г.

В отличие от моего первого приезда в Москву на сей раз состоялось несколько торжественных мероприятий. Мы получили ряд блестящих приглашений. В Большом театре в честь немецкой делегации дали «Лебединое озеро» Чайковского. Мы сидели в большой центральной ложе и восхищались отличным музыкальным исполнением и неповторимой прелестью русского балета. Я часто слышал о том, что нынешнее оперное и балетное искусство в России не уступает существовавшему в царские времена. Прима-балерина, приехавшая ради нас из Ленинграда, танцевала великолепно. (Мне вспомнилось время четвертьвековой давности — еще перед первой мировой войной, когда я в доме моих нью-йоркских друзей увидел незабываемую Анну Павлову и восхищался этой необыкновенной женщиной.) Я хотел было лично поблагодарить балерину, но граф Шуленбург отсоветовал: это могут воспринять с неудовольствием. Я послал ей цветы, надеясь, что в Кремле это не вызовет неприятных последствий.

Сталин дал в нашу честь большой банкет, на который были приглашены все члены Политбюро. Поднимаясь с нашей делегацией по огромной лестнице бывшего царского дворца, где проходил прием, я, к своему удивлению, увидел большую картину, на которой был изображен царь Александр II со своими крестьянами после отмены крепо-

стного права. Наряду с другими впечатлениями мне показалось это знаком того, что в сталинской Москве намечалась эволюция тезиса о мировой революции в более консервативном направлении. Фильм «Петр Первый», который как раз шел тогда на московских экранах, тоже мог истолковываться в этом направлении.

Члены Политбюро, которые нас ожидали и о которых у нас говорилось так много фантастического, меня приятно обескуражили; во всяком случае я и мои сотрудники провели с ними вечер в весьма гармоничной обстановке. Данцигский гауляйтер, сопровождавший меня в этой поездке, во время обратного полета даже сказал: порой он чувствовал себя просто «среди своих старых партайгенос-сен».

Во время банкета, по русскому обычаю, произносилось множество речей и тостов за каждого присутствующего вплоть до секретарей. Больше остальных говорил Молотов, которого Сталин (я сидел рядом с ним) подбивал на все новые и новые речи. Подавали великолепные блюда, а на столе стояла отличавшаяся особенной крепостью коричневая водка. Этот напиток был таким крепким, что от него дух захватывало. Но на Сталина коричневая водка словно не действовала. Когда по этому случаю я высказал ему свое восхищение превосходством русских глоток над немецкими, Сталин рассмеялся и, подмигнув, выдал мне «тайну»: сам он пил на банкете только крымское вино, но оно имело такой же цвет, как и эта дьявольская водка.

В течение всего вечера я не раз дружески беседовал с членами Политбюро, которые подходили, чтобы чокнуться со мной. Особенно запомнились мне маршал Ворошилов и министр транспорта Каганович. О нем и о его еврейском клане у нас часто говорили в Германии. Его причисляли к крупнейшим закулисным лицам интернационального еврейства. Мой разговор с г-ном Кагановичем был очень коротким, но все мои наблюдения как в этот вечер, так и вообще во время обоих моих посещений Москвы подтвердили мое убеждение: ни о какой акции, руководимой интернациональным еврейством и согласо-

ванной между Москвой, Парижем, Лондоном и Нью-Йорком, всерьез говорить не приходилось. В московском Политбюро, этом абсолютно всеильном органе для всей России, кроме Кагановича, не было ни одного еврея. И среди высших советских функционеров я обнаружил их очень мало. По моим собственным наблюдениям, а также на основе исследований, которые я приказал провести по данному вопросу, могу сказать: никаких перекрестных связей между московскими и подобными еврейскими кругами в западных столицах не имелось. Возможно, связи с этими городами и странами поддерживались через коминтерновский центр, и наверняка в нем тоже сидели евреи. Но тезис, будто какой-то интернациональный межгосударственный еврейский центр планомерно действовал с целью большевизации всего мира, я считаю несостоятельным.

После возвращения из Москвы я часто говорил с Адольфом Гитлером именно по этому вопросу, и у меня сложилось впечатление, что он, по крайней мере в 1939 и 1940 гг., приближался к пониманию моих взглядов. Однако он был весьма неустойчив в выражении своего мнения, и я не знаю, играли ли у него роль и в какой именно степени тактические соображения. В любом случае я питал тогда большие надежды на то, чтобы путем политического взаимопонимания с Россией привести фюрера к эволюционному мышлению в вопросах мировоззрения и тем самым также к повороту в его отношении к еврейству. Я был убежден, что внешнюю политику нельзя проводить, руководствуясь идеологической точкой зрения. В дальнейшем ходе войны фюрер все сильнее возвращался к мысли о действительности интернационального еврейского заговора против Германии. Об этом еще будет сказано в другом месте.

Поскольку у моего мужа не было возможности изложить свои воспоминания в полном виде, обобщенное описание германской внешней политики первых лет войны в них отсутствует. Ниже воспроизводятся лишь частично сохранившиеся его отдельные записи.

До войны и во время нее определяющими для герман-

ской внешней политики в отношении нейтральных стран Западной Европы являлись следующие соображения.

Между Германией и Данией с 1926 г. существовал договор о компромиссе и арбитраже. Правда, при оккупации Дании 9 апреля 1940 г. речь шла не о мирном урегулировании какого-либо спорного вопроса, а о продиктованной стратегическими соображениями немедленной военной мере, причиной которой служило распознанное намерение британского военного руководства. В случае с Данией Германия лишь упредила запланированное Англией нападение на Норвегию, которое несло с собой опасность в дальнейшем военных действий против Дании.

Параллелью германской мере могут служить действия Англии против Исландии, а также США — против Гренландии в 1940—1941 гг.¹ Судя по их заявлениям, оба этих государства хотели предвосхитить якобы грозившую опасность захвата Исландии и Гренландии другими державами. Однако следует иметь в виду, что никакой германской опасности для Исландии и Гренландии в эти годы не имелось. Зато весной 1940 г., бесспорно, возникла опасность захвата Дании и Норвегии с английской стороны. Фактом является то, что ни Англия, ни США об оккупации Исландии и Гренландии с Данией не договаривались, а тем более в Международный суд не обращались.

Мы же, напротив, смогли непосредственно после вручения германского меморандума от 9 апреля 1940 г. достигнуть соглашения с датским правительством Стаунинга. Имперское правительство согласилось не затрагивать территориальную целостность Дании и ее политическую независимость. Поэтому датские войска воздержались от какого-либо сопротивления. Германское заверение соблюдалось до самого конца войны.

В отношении Норвегии ситуация была такова. В

¹ 22 мая 1941 г., впервые с начала войны, германская подводная лодка торпедировала американский фрегат «Робин Мур». 27 мая в речи по радио Рузвельт объявил о серии мер в «битве за Атлантику», включавших оккупацию Гренландии в целях недопущения установления нацистского контроля над пунктами, которые могут быть использованы для нападения на США.

начале войны, 2 сентября 1939 г., Германия гарантировала неприкосновенность и суверенитет Норвегии, но категорически заявила, что это заверение дается лишь с оговоркой, что Норвегия со своей стороны будет соблюдать по отношению к рейху прочный нейтралитет и не допустит его нарушения какой-либо третьей державой. Оговорка эта имела тем большее значение потому, что норвежское правительство отклонило тогда заключение предложенного нами пакта о ненападении. Секретным соглашением с Англией оно затем еще до 9 апреля 1940 г. нарушило взятое на себя обязательство соблюдать нейтралитет.

Письмом штаба Верховного главнокомандования вермахта [ОКБ] от 3 апреля 1940 г., врученным мне только 7 апреля, я был поставлен в известность об уже заблаговременно подготовленной им и теперь подлежащей осуществлению оккупации Дании и Норвегии¹.

Адольф Гитлер сообщил мне, что у него имеются надежные документы, согласно которым Англия в скором

¹ Письмо имело следующий текст:

«Берлин. 3 апреля 1940 г.

Господину имперскому министру иностранных дел. Глубокоуважаемый господин фон Риббентроп! По приказу фюрера штабом Верховного главнокомандования вермахта заблаговременно подготовлена оккупация Дании и Норвегии. Поэтому в распоряжении штаба Верховного главнокомандования вермахта имелось достаточно времени заняться всеми вопросами, которые следует урегулировать при проведении этой операции. Время же, которым располагаете для политической подготовки данной акции Вы, гораздо короче. Поэтому полагаю, что действую в Ваших интересах, передавая в приложении не только пожелания вермахта, которые должны быть выполнены правительствами Осло, Копенгагена и Стокгольма по чисто военным причинам, но и присовокупляя к ним ряд пожеланий, которые хотя и затрагивают вермахт лишь косвенным образом, но имеют величайшее значение для выполнения им своей задачи. Смею просить Вас для обеспечения полной согласованности действий как можно скорее установить личный контакт с предназначенными для Осло и Копенгагена германскими уполномоченными и командующими войсками. Общее руководство военной операцией находится в

времени займет Норвегию. Чтобы упредить англичан, он принял решение 9 апреля направить германские войска в Данию и Норвегию. Мне было поручено меморандумами, которые надлежало передать ранним утром 9 апреля, разъяснить датскому и норвежскому правительствам необходимость военной акции: только упреждение Германией может помешать Англии превратить Скандинавию в арену военных действий. На составление нот, для которых фюрер передал мне различные материалы, и для передачи их в Копенгаген и Осло в моем распоряжении имелось всего 36 часов.

Документы, которые показал мне Гитлер, а также другие материалы, попавшие в руки германских войск во время акций по оккупации, совершенно, вне всякого сомнения доказывали, что он был тогда прав и англичане действительно в те дни намеревались нанести удар по Норвегии*.

При вступлении в Нидерланды, Бельгию и Люксембург министерству иностранных дел тоже только непосредственно перед началом военных операций поручались передача меморандумов правительствам этих стран и вручение соответствующего материала.

От имени германского имперского правительства я сообщил правительствам Бельгии и Голландии о непосред-

руках генерала пехоты фон Фалькенхорста, командующего ХХI группой. Под его началом оккупацией Дании руководит ХХХI Высшее командование особого назначения, командующий — генерал авиации Каупиш.

Следуя категорическому указанию фюрера, смею просить Вас, далее, крайне ограничить круг лиц, участвующих в этих приготовлениях. За исключением министерства иностранных дел и штаба Верховного главнокомандования вермахта, другие высшие имперские власти и органы в принципе не задействованы. Требуемая информация будет предоставлена высшим имперским органам только в день самой оккупации по указанию штаба Верховного главнокомандования вермахта.

Хайль Гитлер!
Весьма преданный Вам Кейтель». —
Примеч. нем. изд.

ственно предстоящем нападении Англии и Франции на Германию через бельгийскую и голландскую территории. Я довел до их сведения, что Бельгия и Голландия не выполнили те условия, при которых Германия в начале войны была бы обязана признавать их нейтралитет. Действительно, генеральные штабы этих стран уже задолго до германского вступления приняли в согласии с Англией и Францией ряд мер военного характера.

Правительству Люксембурга мне пришлось сообщить, что наступление Англии и Франции, решение о котором принято по согласованию с Бельгией и Нидерландами, включило бы и область люксембургского государства. Поэтому имперское правительство вынуждено распространить начатые операции и на территорию Люксембурга. Я указал на то, что летом 1939 г. ведшиеся между участвующими в конфликте державами переговоры о нейтрализации Люксембурга были внезапно прерваны Францией, заметив, что этот привлечший к себе тогда внимание инцидент теперь нашел свое объяснение.

Для составления меморандумов мне были Гитлером и ОКБ сообщены ставшие им известными на ту пору факты, которые я в данных документах привел в краткой форме. Во время французской кампании и непосредственно после нее на железнодорожной станции французского города Ла-Шарите и в некоторых других местах были захвачены секретные документы французского генерального штаба. Они подтвердили (причем материалы эти принадлежат тем самым странам, которые выдвинули против меня обвинение в Нюрнберге) все пункты тезисов моих меморандумов от 10 мая 1940 г. и выставили на свет сокровенные тайны англо-французской политики и ведения войны. Эти документы (важнейшие из них были потом опубликованы) доказывают, что план англо-французского наступления через бельгийскую и голландскую территории на Рурскую область являлся прочной составной частью стратегии западных держав и что военные приготовления для его осуществления с началом войны предпринимались прямо на месте*.

После провала англо-французской операции в Скан-

динавии союзники приступили к практическому проведению этих планов в жизнь. С данной целью их генеральными штабами были заключены соглашения между высшими командными органами Франции и Англии, с одной стороны, и Бельгии и Голландии — с другой. В наши руки попали и выработанные на основе этих соглашений приказы для всех войсковых частей, разосланные им для ориентировки. Особенно характерен для уже составленных планов сосредоточения и развертывания бельгийско-французско-английских армий приказ, согласно которому определенные дороги и коммуникации не должны были предназначаться для эвакуации, поскольку они резервируются «для британской армии». Соответственно район сосредоточения и развертывания английской армии был определен генеральными штабами со всеми подробностями, что было доведено до сведения бельгийских местных властей для проведения необходимых организационных мер. Нет ни малейшего сомнения в том, что как Бельгия, так и Голландия сами однозначно нарушили принцип нейтралитета еще до того, как германские войска вступили на их территорию.

* * *

Уже вскоре после победы на Западе я весьма настойчиво предлагал фюреру установить взаимопонимание с Францией. Адольф Гитлер пошел на это, и уже осенью 1940 г. состоялась его встреча с маршалом Петеном в Монтуаре. В ходе этой исторической беседы фюрер не оставил у французского маршала никаких сомнений в том, что он желает окончательного взаимопонимания и сотрудничества с Францией. Гитлер сказал мне тогда, что, если Франция будет честно действовать совместно с нами, с нею будет заключен благоприятный для нее мир. К сожалению, маршал Петен уклончиво сослался на свой кабинет министров и на сделанные ему авансы явно не отреагировал. Поэтому беседа была прервана раньше желаемого срока.

Этот мирный германский шаг, предпринятый в Монтуаре, и его искренность имели особое значение уже хотя бы по одному тому, что из-за отсутствия такого взаимопо-

нимания, на которое нами делался расчет, мы попали в сложное положение с Испанией. Испания притязала на определенные французские колониальные владения. Гитлер с этими территориальными претензиями не соглашался, ибо надеялся на широкое и окончательное взаимопонимание с Францией. Это возымело далеко идущие последствия для германо-испанских отношений и для всего дальнейшего хода войны.

Почетное обращение с побежденным маршалом Петеном в Монтуаре резко контрастирует с тем обращением, которому подверглось побежденное германское правительство со стороны Нюрнбергского суда, в котором участвовала и Франция*.

Здесь я должен указать на тот примирительный жест, который фюрер сделал по моей инициативе в отношении гения Наполеона, тем самым воздав должное храбрости побежденной Франции. В начале декабря 1940 г. тело столь горячо любимого сына императора — герцога Рейхштатского — было перевезено в Париж и его гробница установлена рядом с гробницей великого корсиканца в Доме инвалидов. Присутствие на церемонии германского посла и оказанные при этом воинские почести засвидетельствовали ту дань уважения, которую Адольф Гитлер отдал Франции.

Сам же маршал Петен в последнюю минуту участвовать в церемонии отказался. Мои сотрудники, особенно посол Абец, приложили в этом деле немало усилий, и я был рад, что Адольф Гитлер, несмотря на некоторое разочарование, вызванное Монтуаром, так охотно согласился с моим предложением. Отказ Петена следовало объяснить тем, что ему внушили, будто фюрер пригласил его в Париж для того, чтобы, как только маршал прибудет в оккупированную зону Франции, сразу же арестовать. Гитлер справедливо был возмущен этим лживым слухом.

Столь же неблагоприятным обстоятельством явилось то, что маршал Петен в том же письме, в котором он благодарил за оказанную французскому солдату честь, сообщил об отставке правительства, сформированного им совместно с германской оккупационной властью. Однако

в последующие годы я неоднократно вновь предпринимал попытки достигнуть окончательного взаимопонимания с Францией и с этой целью направил в Виши посланником фон Ренте-Финка. Но все усилия ничего не дали из-за позиции французского правительства.

В течение всех лет войны министерство иностранных дел и германское посольство в Париже принципиально выступали за политику компромисса с Францией и за мягкий характер оккупации. Примеров этому несть числа, они содержатся и в документах, находящихся сейчас во французских руках. Наши усилия шли так далеко, что имя посла Абеца, считавшегося ярко выраженным другом французов, и его французенки-жены, поддерживавшей усилия мужа, в присутствии Гитлера просто нельзя было произносить без риска навлечь немилость фюрера на этого дипломата за слишком дружественное отношение к ним. Мне даже приходилось на несколько месяцев отзывать Абеца из Парижа, когда против него в Германии поднималась чересчур высокая волна недовольства. Компетенцией Абеца было исключительно ведение дипломатических переговоров с правительством Виши. К управлению оккупированной частью Франции в военной и гражданской областях он никакого касательства не имел и никакой ответственности за происходившее в них не нес. Данное мною Абецу при его назначении задание являлось весьма широким, но впоследствии было ограничено фюрером: в качестве посла он сохранял лишь дипломатические функции и имел некоторое право голоса в вопросах прессы и пропаганды, а также в области культуры и экономики. Вопреки действовавшим положениям, согласно которым высокий чиновник министерства иностранных дел не имел права быть женатым на иностранке и был обязан в таком случае уйти со своего зарубежного поста, Абец по моему распоряжению продолжал оставаться в Париже со своей женой-французенкой.

Особая проблема возникла во Франции из-за того, что северные департаменты были присоединены к военной сфере главнокомандующего германскими войсками в Бельгии. Это рассматривалось французами как политическая

мера. Я неоднократно, в частности в одной памятной записке, высказывал свое мнение по этой проблеме и настаивал на том, что ни в коем случае нельзя создавать даже видимость каких-либо германских притязаний на эти северные департаменты, учитывая предстоящее заключение мирного договора, а также установление в будущем взаимопонимания с Англией. Тем не менее в процессе создания имперских комиссариатов [в оккупированных странах] эти департаменты еще в 1944 г. были оставлены в административном отношении за Бельгией.

Когда в 1943 г. Франции грозила инфляция, я направил туда посланника Хеммена, чтобы не допустить ее. Добиться этого от фюрера было трудно, так как он придерживался взгляда, что французам живется гораздо лучше, чем немцам. Хеммену поручалось финансовыми мерами достигнуть того, чтобы французское хозяйство функционировало исправно. Для этого прежде всего было необходимо прекратить неразбериху со многими германскими органами, которые стремились каждый сам по себе выжать из Франции как можно больше средств для ведущейся Германией войны. Такая мера отвечала как интересам французской экономики, субстанция которой должна была оставаться незатронутой, так и интересам ведения войны Германией. При выполнении этой трудной задачи Хеммен действовал весьма энергично, и его письма в комиссию по перемирию так же откровенны, как и обращения в германские органы. Только так он мог добиться поставленной цели.

В рамках Франко-германского комитета¹ в годы войны предпринимались все новые и новые попытки установления взаимопонимания с крупными французскими деятелями. Так, например, французский посол Скапини, председатель Союза слепых — жертв войны, был направлен правительством Виши в Германию и получил там вместе со своей организацией дипломатический статус, чтобы осуществлять центральное руководство в вопросе о французских военнопленных.

¹ См. о нем с. 110. — *Примеч. нем. изд.*

Для французского отношения к нашей политике характерна реплика, брошенная мне послом де Бриноном в день монтуарской встречи: «Мы войну не проиграли. Мы просто не желали сражаться, и достигнуть взаимопонимания, которое витает перед вашим умственным взором, очень трудно». Подобным образом мыслили и все так называемые коллаборационисты. От них я однажды получил документ, который называл оставление Эльзас-Лотарингии во владении Франции предварительным условием германо-французского взаимопонимания. А ведь это было во время крупных германских триумфов!

Когда позже Лаваль снова стал премьер-министром, мне не раз приходилось вступаться за него в Берлине, ибо Гиммлер утверждал, что имеет против него большой компрометирующий материал, и хотел свалить его.

В политике по отношению к Франции я в течение всех военных лет, насколько это было в моих силах, пытался осуществить принцип, отвечающий моим личным воззрениям: нельзя требовать от дорожащего своей честью француза того, чего нельзя требовать от дорожащего своей честью немца.

* * *

Летом 1940 г. в результате военного краха Франции и Нидерландов, а также скованности Англии военными действиями в Европе положение этих держав в Восточной Азии было поколеблено. Соответствующие выводы из изменившегося положения вскоре сделала Япония.

Уже 26 июня 1940 г. японский министр иностранных дел Арита заявил: задача Японии — создать новый порядок в Восточной Азии. Арита указал на географическое, историческое, расовое и экономическое родство восточноазиатских стран с областями южной части Тихого океана и охарактеризовал объединение всех этих областей под японским руководством как естественный вывод из этого факта. Кабинет принца Коноэ воспринял эту концепцию «Великоазиатского пространства», главными столпами которого служат Япония, Манчжоу-Го и Китай и в

которое должны быть включены также территории южной части Тихого океана — Французский Индокитай и Голландская Индия [Индонезия].

Тем временем Адольф Гитлер после поражения Франции снова предложил мир Англии, которая осталась в военном одиночестве. Отказ Черчилля от принятия этого предложения следует не в последнюю очередь отнести за счет тех заявлений, которые адресовал Лондону Рузвельт. Из этих, а также и других действий американского президента Гитлер должен был сделать вывод, что правительство США намерено в подходящий момент вступить в войну против нас. Параллельно шли зримые намерения Англии и определенных французских кругов открытием все новых и новых театров войны расширить ее и заставить Германию распылить свои вооруженные силы. Эта решимость противной стороны бескомпромиссно вести войну до конца стала определяющей нашу политику в отношении не только Италии, но и Японии.

Даже если бы удалось предвидеть во всем объеме военную, а также и внутривосточную слабость Италии и самостоятельные действия Японии, нам в нашем положении не оставалось ничего иного, как идти вместе с Римом и Токио. Не сделай мы этого, Япония и Италия, вне всякого сомнения, уже вскоре перешли бы на сторону наших врагов, как они сделали это в первую мировую войну.

22 июля 1940 г., т. е. в тот день, когда Адольф Гитлер тщетно направил Англии свое предложение о мире, японским министром иностранных дел стал Мацуока. В его лице к рулю власти пришел государственный деятель, отстаивавший идею тесного сплочения Японии с державами оси. При его содействии — хотя и не без трудностей — возникшая в результате присоединения Японии к Антикоминтерновскому пакту комбинация Берлин—Рим—Токио пришла к заключению Пакта трех держав, который был подписан 27 сентября 1940 г. в Берлине.

В этом договоре взаимно признавалось главенство Германии и Италии в создании нового порядка в Европе и главенство Японии в создании нового порядка в «Ве-

ликоазиатском пространстве». Одновременно Тройственный пакт представлял собой оборонительный союз на тот случай, если одна из трех заключивших данный договор стран подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая не втянута в европейскую войну или в китайско-японский конфликт. Однако независимо от этого соглашения сохранялся «политический статус, который существует в настоящее время между заключившими настоящий договор сторонами и Советской Россией». В оборонительном характере данного соглашения сомневаться не приходится, хотя Тройственный пакт в противоположность Анτικοминтерновскому пакту, естественно, представлял собой ярко выраженный союз политический, военный и экономический.

Для нас главной целью Пакта трех держав было не допустить вступления в войну все более враждебно противостоявших нам Соединенных Штатов Америки. Но наши связи с Токио были и оставались нежестко закрепленными. Ни тогда, ни позже никакого военного сотрудничества Германии с Японией не существовало, и начальник американского генерального штаба Маршалл, к сожалению, весьма прав, утверждая, что Япония в дальнейшем ходе войны «действовала вполне самостоятельно, а не в соответствии с совместно разработанным стратегическим планом».

Уже с момента подписания Тройственного пакта как в Италии, так и в Японии действовали влиятельные силы, стремившиеся выхолостить автоматизм действия этого договора.

* * *

После нежелательного нападения Муссолини на Грецию, воспрепятствовать которому Адольф Гитлер не смог, решающее значение для нас приобрел вопрос о позиции Югославии.

Вот уже много лет мы вели в отношении Югославии политику дружбы и сотрудничества. Она оставалась небезуспешной в течение почти четырехлетнего пребывания на посту премьер-министра Стоядиновича, который од-

новременно являлся и министром иностранных дел. В 1939 г. он был свергнут. Место премьер-министра занял Цветкович. Французский посланник в Белграде назвал его «одним из лучших друзей Франции среди всех ушедших в отставку членов правительства». И все же поначалу казалось, что дружественные отношения между Германией и Югославией будут существовать и впредь. Это нашло свое выражение в посещении Берлина югославским принцем-регентом Павлом весной 1939 г. Но вскоре растущее влияние стали приобретать крупные контрсилы, особенно из старосербских военных кругов, ориентированных на Запад. Они желали возврата к прежней югославской внешней политике враждебности к Германии. Их стремления совпадали с планами Англии и Франции создать на Балканах фронт против Германии, в котором Югославии, естественно, предназначалась роль краеугольного камня. Первые контакты между Францией и Югославией установились еще до начала второй мировой войны. В дальнейшем совместные совещания представителей их генеральных штабов и политические переговоры были продолжены.

Мы довольно точно были информированы об этой позиции Югославии. Стремлением же германской внешней политики было ни в коем случае не допустить возникновения на Балканах новых осложнений. Поэтому я прилагал все усилия, чтобы привести Югославию к участию в Пакте трех держав, а тем самым — к политике держав оси. Этим нашим стремлениям со всей решительностью противодействовала английская политика, в чем ее поддерживали и США. Специальный уполномоченный президента Рузвельта полковник Доновен зимой 1940/41 г. появился в Белграде, чтобы воздействовать на югославское правительство во враждебном нам духе.

Несмотря на все попытки вмешательства со стороны Запада, мне все-таки удалось побудить Югославию присоединиться к Пакту трех держав. При этом Германия и Италия согласились на далеко идущие уступки. Официальное вступление Югославии в Тройственный пакт произошло 24 марта 1941 г. в Вене. Фюрер сказал мне тогда,

имея в виду проявленную югославскими министрами позицию, что церемония присоединения показалась ему «похожей на погребение».

Сразу же по возвращении из Вены югославский премьер-министр Цветкович и его министр иностранных дел Маркович, подписавшие акт о присоединении, были арестованы, правительство свергнуто, а их властные полномочия переданы королю Петру II. Юный король поручил армейскому генералу Симовичу, главе заговорщиков, сформировать новое правительство. Все югославские вооруженные силы были приведены в состояние повышенной боевой готовности.

Одновременно с сообщениями об этом инсценированном Великобританией и поддержанном Москвой путче пришли вести о предстоящем вторжении Англии в Грецию. О преследуемых в данном случае намерениях мы уже были информированы из захваченных нами во время французской кампании документов французского генерального штаба.

Дабы не допустить создания нового Балканского фронта, сыгравшего столь большую роль в первой мировой войне, фюрер решил осуществить захват как Греции, так и Югославии и 27 марта 1941 г. приказал начать соответствующую подготовку военных мер.

В Нюрнберге меня обвинили в том, что я направил ноту Югославии об уважении ее границ в тот момент, когда германские армии уже получили приказ о наступлении или уже начали его. Это не так. Гарантия границ была дана непосредственно в связи с подписанием Пакта трех держав югославскому правительству Цветковича и являлась абсолютно искренней. Само собой разумеется, путчистскому правительству Симовича, назначение которого после свержения союзного нам правительства Цветковича было равнозначно объявлению войны Германии, я никаких гарантий границ не давал.

В том, какую позицию Москва заняла в отношении белградских событий, уже тогда обозначился тот разрыв между Германией и Россией, который придал войне новый оборот.

РАЗРЫВ С РОССИЕЙ*

Осенью 1939 г. советское правительство перешло к оккупации Прибалтийских государств. Именно в тот момент, когда я во второй раз прибыл в Москву, я видел, как прибалтийские министры с побледневшими лицами покидали Кремль. Незадолго до того Сталин сообщил им, что его войска вступят в их страны.

В день подписания нашего договора о границе и дружбе Советский Союз заключил с Эстонией, затем 5 октября 1939 г. — с Латвией, а 10 октября — с Литвой договоры о военной взаимопомощи. СССР оговорил для себя право создавать в этих странах базы для военно-морского флота и береговой артиллерии, а также размещать на их территории аэродромы для своей военной авиации и, наконец, содержать гарнизоны своих сухопутных войск и военно-воздушных сил.

Несколько недель спустя Россия в результате зимней войны с Финляндией осуществила новые территориальные приобретения. Во время этой войны симпатии очень многих немцев, в том числе и Гитлера, были на стороне финнов. По-человечески это было понятно. Я тоже, помня о нашем братстве по оружию в первой мировой войне, сочувствовал финнам в их борьбе. Но все-таки я старался, чтобы из этого спонтанного чувства, учитывая наши отношения с Советским Союзом, не возникли многие трудности для германской внешней политики.

В середине июня 1940 г. вся Литва, в том числе и ее входившая в сферу германских интересов часть, была без всякого предварительного уведомления имперского правительства занята Советским Союзом. Вскоре то же самое произошло и с Латвией и Эстонией. И наконец, 3, 5 и 6 августа 1940 г. Эстония, Латвия и Литва решением

Верховного Совета СССР были включены в состав Советского Союза в качестве союзных республик. Экономические соглашения Германии с этими государствами, которые, согласно итогам московских переговоров, не должны были понести никакого ущерба, были советским правительством ликвидированы в одностороннем порядке.

К концу французской кампании, 23 июня 1940 г., в Берлин поступила телеграмма нашего посла в Москве: Советский Союз намерен в ближайшие дни оккупировать румынскую провинцию Бессарабию, а нас собирается только известить о том. Одновременно до фюрера дошел вопль румынского короля о помощи: тот просил у него совета в связи с предъявленным ему русскими ультиматумом. Адольф Гитлер был тогда поражен быстрым русским наступлением без предварительной консультации с нами. Но, выполняя принятые нами в Москве обязательства, он порекомендовал румынскому королю не сопротивляться оккупации. Румынское правительство согласилось на требование Советского Союза, попросив лишь дать ему достаточный срок для эвакуации этой большой области. Тогда Советский Союз предъявил новый ультиматум и, не дожидаясь срока его истечения, начал захват Буковины и прилегающей к ней на Дунае Бессарабии. То, что при этом подлежала оккупации преимущественно населенная немцами Северная Буковина, исконная земля австрийской короны, особенно ошеломило Гитлера. Он воспринял этот шаг Сталина как признак русского натиска на Запад.

Ранней осенью 1940 г. фюрер получил сообщение об усиливающейся концентрации советско-русских войск вдоль границы Восточной Пруссии, в Польше и в Бессарабии. Согласно этому сообщению, только перед Восточной Пруссией были сосредоточены 22 советские дивизии, затем крупные группировки войск в восточной части Польши, а также 30 русских корпусов в Бессарабии. После окончания французской кампании Гитлер в первый раз сообщил мне о таких симптомах необычного развертывания вооруженных сил против все еще дружественного

государства. Я старался успокоить фюрера. Больше он к этому вопросу не возвращался и лишь сказал, чтобы я бдительно следил за такими вещами.

В конце августа 1940 г. меня посетил генерал-фельдмаршал Кейтель для разговора по русскому вопросу. Фюрер говорил с ним о возможной угрозе со стороны Советского Союза. Я пообещал Кейтелю, который имел насчет конфликта с Россией опасения военного характера, что предприму у фюрера все возможное, дабы сохранить с нашей стороны хорошие отношения с Россией.

Некоторое время спустя я опять имел беседу по русскому вопросу с Адольфом Гитлером, она состоялась в новом, специально построенном для фюрера корпусе [Коричневого дома] в Мюнхене. Он был очень возбужден. Поступили новые сведения о передвижениях войск на русской стороне. Фюрер упомянул также сообщения о русских намерениях на Балканах. Одновременно у него имелись и донесения об усилившейся деятельности коммунистических агентов на германских предприятиях. Он впервые очень резко высказался насчет предполагаемого им намерения Советского Союза. Он взвешивал и такую возможность, что Сталин вообще заключил пакт с нами исходя из предположения о длительной войне на Западе, чтобы продиктовать нам сначала экономические, а затем и политические условия.

По моему мнению, Адольф Гитлер находился тогда уже долгое время под влиянием определенных кругов, также и внутри партии, утверждавших, что последствиями русско-германского пакта о дружбе могут быть только ущерб и опасность для Германии. Определенное антирусское влияние оказывали на него и военные, которые в связи с финской войной считали, что мы по военно-стратегическим причинам не имели права жертвовать Финляндией. Гитлер привык почти демонстративно говорить в своем кругу о «храбрых финнах». Поскольку Советы в вопросе о Финляндии использовали свое право, позиция фюрера являлась во внешнеполитическом отношении явно неудобной. С другой стороны, Россия в своем давлении на Румынию, вне всякого сомнения, выходила за рамки своего права.

Крупная концентрация советских войск в Бессарабии вызвала у Адольфа Гитлера серьезные опасения и с точки зрения дальнейшего ведения войны против Англии: мы ни при каких обстоятельствах не могли отказаться от жизненно важной для нас румынской нефти. Продвинулся здесь Россия дальше, и мы оказались бы в дальнейшем ведении войны зависящими от доброй воли Сталина.

Такие перспективы, естественно, должны были пробуждать у Гитлера недоверие к русской политике. Во время одной нашей беседы в Мюнхене он высказал мне, что со своей стороны обдумывает военные меры, ибо не хочет быть застигнутым Востоком врасплох.

Я со всей серьезностью заявлял тогда фюреру, что, по моему убеждению, ожидать нападения со стороны Сталина нельзя. Я предостерегал фюрера от каких-либо превентивных действий против России. Я вспоминал слова Бисмарка о превентивной войне, при которой «Господь Бог не дает заглядывать в чужие карты», фюрер вновь высказал подозрение насчет возможности еврейского влияния на Сталина в Москве и, несмотря на все мои возражения, выражал решимость принять хотя бы военные меры предосторожности. Он был явно озабочен и очень взвинчен. В ответ на его категорическое желание мне пришлось пообещать ему ничего никому не говорить об этом.

В последующем я сосредоточил все свои усилия и силы на прояснении и интенсификации наших отношений с Россией. Прежде всего я хотел устроить встречу Сталина и Гитлера. План сорвался, потому что Сталин, как думал фюрер, не мог выехать из России, а Гитлер — из Германии. Поэтому я написал Сталину подробное письмо, в котором обрисовал общее положение — так, как мы воспринимали его после окончания французского похода, — и пригласил министра иностранных дел Молотова в Берлин*.

В этом письме моего мужа Сталину от 13 октября 1940 г., в частности, говорилось¹:

«Более года назад по Вашему и фюрера желанию

¹ А. Seidl. Op. cit. S. 229 ff.

отношение Германии к Советской России было пересмотрено и поставлено на новую базу. Думаю, что решение о достижении взаимопонимания между обеими нашими странами, которое возникло в результате осознания того, что жизненные пространства наших народов хотя и соприкасаются, но не должны взаимопересекаться, и которое привело затем к разграничению сфер обоюдных интересов и к германо-советским пактам о ненападении и дружбе, оказалось для обеих стран полезным. Последовательное дальнейшее проведение этой политики добрососедства и еще большее углубление политического и экономического сотрудничества принесет в будущем еще более благодатные результаты для обоих великих народов — таково мое убеждение. Во всяком случае Германия к этому готова и полна решимости пойти на то.

При такой поставленной цели, как мне кажется, особое значение приобретает непосредственный контакт между ответственными лицами обеих стран...¹ Подводя итог, хотел бы сказать, что, на взгляд фюрера, историческая задача четырех держав — Советского Союза, Италии, Японии и Германии — урегулировать свою политику на длительную перспективу и разграничением их интересов в соответствии с эпохальными масштабами направить будущее развитие своих народов по правильным путям.

Дабы разъяснить и в конкретной форме обсудить такие решающие для будущего наших народов вопросы, мы приветствовали бы, если бы господин Молотов пожелал в ближайшее время посетить Берлин. Смею от имени имперского правительства передать самое сердечное приглашение. После моего двукратного визита в Москву видеть однажды господина Молотова в Берлине было бы для меня лично особенной радостью. Его визит дал бы фюреру возможность лично изложить господину Молотову свои мысли о будущем формировании отношений между нашими обеими странами.

По возвращении господин Молотов сможет наиболее полным образом доложить Вам о целях и намерениях

¹ Сокращение в немецком оригинале.

фюрера. Если при этом, как я полагаю, возникнет возможность дальнейшего расширения совместной политики в духе моих вышеприведенных высказываний — для меня будет радостью затем вновь посетить Москву, чтобы продолжить обмен мнениями с Вами, глубокоуважаемый господин Сталин, и совместно побеседовать — возможно, вместе с представителями Японии и Италии — об основах нашей политики, что могло бы возыметь для всех нас лишь практическую пользу»*.

В коротком ответе Сталина сделанное Молотову предложение принималось. От этого визита я ждал очень многого. У меня было намерение предложить советскому министру иностранных дел вступление России в заключенный тем временем Пакт трех держав, чтобы таким образом укрепить и углубить несколько поколебленные германо-русские отношения доверия. К сожалению, получилось по-другому.

Визит Молотова в Берлин не стоял под счастливой звездой, как я того желал. Молотов весьма энергично потребовал свободу рук для советского правительства в Финляндии. Гитлер же перед беседой не обрисовал мне подробнее свою позицию в финляндском вопросе. В этом вопросе Молотов опирался на свое право [по секретному дополнительному протоколу]. Но фюрер не хотел отдавать Финляндию; при этом он, вероятно, считал, что не может отказаться от финского никеля. Дело дошло до весьма упорных дискуссий, в заключение которых Гитлер просил Молотова в этом вопросе пойти ему навстречу.

Мой муж пытался преодолеть возникшие трудности следующими ссылками (см. служебные записи бесед фюрера с председателем Совета Народных Комиссаров Молотовым в Берлине 13 ноября 1940 г.¹):

«Имперский министр иностранных дел, обобщая, указывает на то, что

во-первых, фюрер заявил, что Финляндия останется в сфере интересов России, а Германия туда никаких войск посылать не будет;

¹ A. Seidl. Op. cit. S. 272.

во-вторых, Германия не имеет ничего общего с демонстративными действиями против России, а употребит все свое влияние в противоположном направлении и,

в-третьих, решающее значение эпохального характера имеет сотрудничество между обеими странами, которое в прошлом уже приносило большие выгоды России, а в будущем даст ей такие, по сравнению с которыми обсуждаемые сегодня вопросы покажутся совершенно незначительными. Собственно говоря, нет никаких причин вообще делать из финского вопроса какую-то проблему. Пожалуй, речь здесь идет просто о каком-то недоразумении. В остальном же Россия своим миром с Финляндией добилась осуществления всех своих стратегических желаний. Демонстрации в побежденной стране не являются чем-то совершенно ненормальным, и если, скажем, проход германских войск якобы вызывает у финского населения определенную реакцию, то она исчезнет вместе с окончанием этой акции. Если смотреть на вещи реально, никаких расхождений между Германией и Россией не имеется».

Молотов больше не настаивал, а перешел к вопросу о Балканах, выразив русское недовольство гарантией, данной Германией Румынии. Молотов спросил, не направлена ли она против России: Ответ Гитлера был таков: поскольку Советский Союз никогда намерения напасть на Румынию не имел, эта гарантия тоже никогда не была направлена против него. (После Венского арбитража и нашей данной Румынии гарантии я послал в Москву длинную телеграмму, в которой объяснил необходимость этих действий для предотвращения венгеро-румынской войны и решительно подчеркнул, что эта гарантия по всему положению дел никоим образом не затрагивает германо-советских дружеских отношений.)

Молотов поставил вопрос, согласны ли мы с тем, чтобы Россия дала такую же гарантию Болгарии. На вопрос Гитлера, а просила ли Болгария такую гарантию, как это имело место в нашем случае со стороны Румынии, Молотов ответил уклончиво. Гитлер же не захотел связывать себя согласием и заявил, что сначала должен обсудить болгарский вопрос со своим союзником Муссолини.

Таким образом, беседа пошла по не очень-то удовлетворяющему пути и закончилась без всяких решений. От этих бесед с Молотовым у Гитлера окончательно сложилось впечатление о серьезном русском стремлении на Запад.

Несмотря на такой ход наших бесед с Молотовым, я все же добился, что советско-русский министр иностранных дел смог снова повести переговоры об эвентуальном вступлении России в Пакт трех держав. Адольф Гитлер был согласен со мной, что в такой взаимосвязи он готов рассмотреть возможные русские требования. В тот же день состоялся ужин в советском посольстве. Он был прерван первым серьезным налетом английской авиации на Берлин, и я воспользовался этим, чтобы пригласить Молотова в мое бомбоубежище на Вильгельмштрассе, где мы просидели вместе довольно долго. Но и эта беседа оказалась не очень-то плодотворной, так как русский министр иностранных дел был беседой с фюрером не удовлетворен. То, что Молотов в ходе наших переговоров бросил реплику насчет русской заинтересованности в выходе из Балтийского моря в Северное, лишь подчеркнуло ощущавшееся Гитлером русское стремление на Запад.

Официальная запись заключительной беседы имперского министра иностранных дел фон Риббентропа с председателем Совета Народных Комиссаров В. М. Молотовым в Берлине 13 ноября 1940 г. воспроизведена в кн.: A. Seidl Op. cit. S. 278 ff.

О высказанной Молотову концепции хода развития в будущем в предшествующей записи от 12 ноября 1940 г. говорится следующее¹:

«По причине той позиции, которую Россия, Германия, Италия и Япония занимают в мире, ударная сила их территориальной экспансии нормальным образом, при проведении умной политики, должна была бы быть нацелена в южном направлении. Япония уже пошла по пути на Юг и делала бы это веками, дабы консолидировать приобретенное на Юге пространство. Германия определи-

¹ A. Seidl Op. cit. S. 245 ff.

ла бы сферы своих интересов вместе с Россией и после установления нового порядка в Западной Европе тоже предприняла свою территориальную экспансию в южном направлении, т.е. в Центральной Африке, в районе бывших германских колоний. Экспансия Италии равным образом будет направлена на Юг, на африканскую часть Средиземного моря, т.е. на Северную и Восточную Африку. Он, имперский министр иностранных дел, задает себе вопрос, не найдет ли Россия, если подходить к этому с эпохальной точки зрения, свой естественный и столь важный для нее выход в Мировой океан тоже в южном направлении».

Молотов в детальное рассмотрение этой идеи входить не стал, но в своем ответе упомянул вопросы, касающиеся Турции, Болгарии, Румынии и Финляндии.

В итоге Молотов пообещал мне поговорить о русском вступлении в Пакт трех держав со Сталиным. Одновременно я дал Молотову согласие еще раз обсудить с фюрером весь комплекс германо-русских отношений, чтобы найти выход из сложившихся трудностей.

Так как Молотов уже на следующий день должен был возвращаться, никакой возможности продолжить беседы не имелось. Визит закончился охлаждением отношений, и Адольф Гитлер своих соображений мне больше не высказывал. Его сдержанность в русском вопросе бросалась в глаза. Кое-какие признаки говорили за то, что к этому делу приложили свою руку те влиятельные силы, которые стремились к принятию решения против России.

После отъезда Молотова переговоры о проекте присоединения Советского Союза к Пакту трех держав были возобновлены по дипломатическим каналам через германское посольство в Москве. Советское правительство дало нам понять, что такую возможность оно полностью исключать не хочет, но выдвинуло кроме требования свободы рук в Финляндии также и требование примата, т.е. гарантий с определенными военными правами, в Болгарии и пожелало, кроме того, создания своих военных баз на турецких проливах [Босфор и Дарданеллы].

Об этих русских желаниях и условиях у меня в

декабре 1940 г. состоялся подробный обмен мнениями с Адольфом Гитлером. Я самым настойчивым образом рекомендовал ему пойти навстречу Советскому Союзу и на согласие с ним примерно на требуемой Сталиным основе. Балканские вопросы должны быть выяснены (также и с Италией). Надо предпринять попытку сделать из Пакта трех держав пакт четырех с участием России. Если нам это удастся, мы приобретем благоприятную позицию: при такой расстановке сил США остались бы нейтральными, а Англия оказалась бы изолированной и испытывающей угрозу на Ближнем Востоке. Благодаря такой сильной системе союзов — во всяком случае не без нее — можно было бы еще добиться быстрого окончания войны с Англией дипломатическим путем. Новое предложение мира Англии, для которого мы тогда получили бы свободу рук, было бы в таком случае более перспективным, чем после Дюнкерка. Однако для этого надо пойти на жертвы в пользу России.

После этого обмена мнениями мне казалось, что Гитлер стал в финском вопросе, пожалуй, более уступчивым, чем прежде. Но русское требование насчет Болгарии он считал (из-за позиции царя Бориса, который никогда на это не пойдет) невыполнимым. Адольф Гитлер заявил, что установление советского военного влияния на Болгарию означало бы автоматическое установление русского влияния на Балканы в целом, а особенно на Румынию с ее нефтяными областями. Создание русских военных баз на Дарданеллах он считал невозможным, потому что Муссолини вряд ли согласится на это. Но тогда в ответ на мои настойчивые представления он еще абсолютно отрицательной позиции не занял. Более того, в заключение нашей долгой беседы, проходившей в бомбоубежище Имперской канцелярии, он сказал насчет компромисса с русскими обнадеживающие слова: «Риббентроп, мы уже многое сделали сообща; вероятно, мы справимся и с этим делом».

Я постарался прозондировать итальянцев насчет морских проливов — как и предполагалось, здесь можно было констатировать совершенно отрицательную позицию. Относительно Болгарии фюрер, вне всякого сомнения,

был прав. Царь Борис был для идеи «русской гарантии» совершенно недоступен, как я в этом убедился в связи с визитом в Болгарию. Таким образом, дело затягивалось и вперед не двигалось. Граф Шуленбург неоднократно сообщал из Москвы, что без решающих уступок заключения пакта четырех не добиться.

В течение зимы и весны 1941 г. при всех моих докладах по русскому вопросу Адольф Гитлер постоянно занимал все более отрицательную позицию. Сильно сбивали его с толку и весьма настойчивые требования Москвы в вопросах торговли, и мне стоило большого труда и даже потребовало многих споров, чтобы в январе 1941 г. довести дело до подписания германо-советского торгового договора. Другая сторона сильно настраивала фюрера против этого договора. У меня уже тогда было такое чувство, что в своей русской политике я одинок.

В эти месяцы я все чаще указывал фюреру на политику Бисмарка в отношении России и не упускал ни одной попытки, чтобы все-таки добиться окончательного германо-русского союза. Думаю, что, несмотря на все, мне все же удалось бы сделать это, если бы между Россией и Германией не существовало противоречия в мировоззрении, при наличии которого никакой внешней политики вести было нельзя. Прежде всего из-за идеологических взглядов, а также русской политической позиции, военных приготовлений и требований Москвы у Адольфа Гитлера все больше вырисовывалась картина чудовищной коммунистической опасности для Германии. Мои аргументы против этого действовали все меньше и меньше.

Вызывали беспокойство у Гитлера, кроме того, и сообщения об англо-советских беседах, о визите в Москву сэра Стаффорда Криппса¹ и его переговорах в Кремле. Информация об англо-русских отношениях предвещала нам нерадостный ход событий.

¹ Ричард Стаффорд Криппс (1889—1952) — английский политический деятель, лейборист, сторонник укрепления коллективной безопасности с участием СССР. В 1931—1950 гг. — член палаты общин. В мае 1940—январе 1942 г. — британский посол в СССР. В 1942—1950 гг. занимал различные министерские посты.

Тем не менее я не верю, что Гитлер уже тогда окончательно решил выступить против Советского Союза. Утверждения маршала Антонеску, что во время его визитов в Германию фюрер зимой и весной 1941 г. уже пришел к намерению напасть на Россию, в любом случае неверны. Я присутствовал на этих переговорах и ничего подобного не слышал. Протоколы бесед, вероятно, сохранились и находятся сейчас в руках союзников. Хотя фюрер и говорил тогда о мерах предосторожности, о намерении нападения он не сказал ни слова. Только во время третьего визита Антонеску, в июне 1941 г., он заговорил о предстоящем выступлении.

Так как по военным вопросам меня никогда не информировали, о различных касающихся Советского Союза военных приказах я узнал только на Нюрнбергском процессе. О существовании твердого намерения напасть на Россию я впервые узнал только после югославской кампании, начавшейся 6 апреля 1941 г.¹

Я находился в Вене, когда мне позвонил фюрер и попросил срочно прибыть в его специальный поезд, стоявший где-то поблизости. Там он открыл мне, что принял окончательное решение о нападении на Советский Союз. По его словам, все имеющиеся у него военные донесения говорят о том, что Советский Союз предпринимает крупные приготовления на всем фронте от Балтийского моря до Черного. Он, мол, не хочет подвергнуться внезапности, раз уже осознал грозящую опасность. Пакт, который Москва заключила с сербским путчистским правительством Симоича, — это ярко выраженный афронт Германии и явный отход от германо-советского договора о дружбе. Во время этой беседы я порекомендовал фюреру принять посла графа

¹ Уже 18 декабря 1940 г. Гитлер дал директиву № 21 о немедленной подготовке нападения на СССР, имевшую кодовое наименование «Операция Барбаросса». Разумеется, Риббентроп по своему положению в нацистской верхушке и по своей должности не мог не знать о ней. В данном случае, как и в общем и целом, он стремится снять с себя на Нюрнбергском процессе политическую и уголовную ответственность за участие в подготовке и осуществлении нападения на СССР.

Шуленбурга, что и было сделано 28 апреля в Вене. Сам я желал во что бы то ни стало дипломатического выяснения вопросов с Москвой. Но Гитлер теперь отклонял любой подобный шаг и запретил мне говорить с кем-либо об этом деле: все дипломаты, вместе взятые, не смогут изменить ставшей ему известной русской позиции, но они могут лишиться его при наступлении важнейшего тактического момента внезапности. Фюрер просил меня занять для внешнего мира более четкую позицию в его духе. Он сказал, что однажды Запад поймет, почему он отклонил советские требования и выступил против Востока.

* * *

Политические соображения, которые привели Адольфа Гитлера к решению напасть на Советский Союз, были, по его тогдашним словам и адресованным мне позднее высказываниям, таковы.

Как известно, Гитлер еще примерно с 1938 г. был убежден в том, что Англия и Америка вступят в войну против нас, как только достаточно вооружатся. Он боялся, что обе державы заключат союз с Россией и тогда Германия однажды подвергнется нападению одновременно и с Востока, и с Запада, как это уже произошло в 1914 г. В течение 1941 г. эти опасения снова овладели им, он считал возможным, что Россия на основе своих возобновленных переговоров с Англией нападет на нас одновременно с англо-американским наступлением. Одновременное использование общего потенциала Америки и России казалось ему ужасной опасностью для Германии. Большую тревогу у фюрера вызывала и возможность в дальнейшем ходе войны оказаться зажатым в восточно-западные клещи, быть втянутым в пожирающую и людей, и технику гигантскую войну на два фронта. Он надеялся обеспечить себе возможность свободно дышать на Востоке вплоть до того момента, пока не вступит в действие англо-американский потенциал на Западе.

Таково было важнейшее соображение Адольфа Гитлера, которое он разъяснил мне после начала русской войны в 1941 г. Он решился на нападение в надежде в течение

нескольких месяцев устранить Советский Союз. Ошибка его в оценке потенциала России и помощи Америки стала роковой. Вполне уверен он и сам не был, ибо категорически сказал мне тогда: «Мы не знаем, какая сила стоит за теми дверями, которые мы собираемся распахнуть на Востоке».

Зимой 1940/41 г. вся Европа, за исключением Испании, которая на наши предложения ответила отказом¹, а также немногих нейтральных государств, таких, как Швейцария и Швеция, полностью находилась под влиянием стран оси. Англия, несмотря на свое поражение на континенте, как и прежде, идти на мир не желала. Единственным театром военных действий, на котором Англия боролась в 1941 г., была Северная Африка, причем и там с переменным успехом как ввиду ненадежных коммуникаций, так и потому, что Италия оказалась весьма слабым нашим союзником.

Япония, хотя и была к началу войны с Россией нашим союзником по оборонительному Союзу трех держав, никоим образом надежным союзником не являлась. Все поступавшие оттуда известия говорили о том, что влиятельные японские круги стремились Пакт трех держав выхолостить и изыскивали различные возможности для того, чтобы превратить функционирование или нефункционирование этого пакта в объект торга с США. За нашей

¹ Бывший статс-секретарь фон Вайцеккер заявил на так называемом процессе Вильгельмштрассе в качестве свидетеля по собственному делу на утреннем заседании 9 июня 1948 г. о своей роли в недели, предшествовавшие конференции в Андее, в частности, следующее: «Безопасности ради я тогда вместе с Канарисом снова прибег к одному экстравагантному методу. Чтобы подтолкнуть испанцев на войну, Гитлер послал в Испанию адмирала Канариса, ибо было известно, что тот имел там хорошие старые связи. Я договорился с Канарисом, что вместо этого он скажет испанцам все начистоту и ясно обрисует им ту верную катастрофу, в которую они неизбежно и беспощадно попадут в случае вступления в войну». На вопрос своего защитника, считает ли он, что этот совет способствовал отказу Испании, Вайцеккер ответил: «Этого я не знаю, но я слышал «да». — *Примеч. нем. изд.*

спиной в апреле 1941 г. японский министр иностранных дел Мацуока¹ заключил с Россией пакт о ненападении.

Решающим для Адольфа Гитлера являлся в конечном счете тот факт, что позиция США, которые еще до войны политически были против Германии, тем временем стала ярко выражено враждебной. Хотя Гитлер с начала войны по моей просьбе строжайше запретил любые нападки нашей прессы на США, никакого действия на ведущуюся там антигерманскую травлю это не оказало. Не была достигнута и главная цель Пакта трех держав: ссылкой на опасность войны на два фронта в случае вмешательства США в Европе подкрепить позиции американских изоляционистов. Фюрер вместе со мной был убежден в том, что, если Англия не заключит мира, мы должны считать, что рано или поздно США против нас в войну вступят. Любой случайный или преднамеренный инцидент типа потопления «Лузитании» в первой мировой войне при столь лихорадочно обрабатываемом общественном мнении мог не сегодня-завтра привести США в состояние войны.

В этом случае — таково было неоднократно выраженное мнение Адольфа Гитлера — при ставшей в 1940—1941 гг. явной русской позиции дело могло прийти к тому, что Германия только с весьма слабой Италией и, по всей вероятности, даже стоящей в стороне Японией, с распыленными по всей Европе силами вынуждена была бы одна выдержать невероятный натиск трех сильнейших великих держав — Англии, США и России. Нет никакого сомнения в том, что именно тревога Адольфа Гитлера по поводу такой возможности и привела его к решению напасть на Россию. Конечно, значительную роль сыграло при этом уже упомянутое представление о тесной антигерманской связи еврейства Востока и Запада. Какие бы убедительные аргументы я ни приводил Гитлеру, они не могли поколебать его убеждения в этом вопросе.

¹ Ёсую Мацуока (1880—1946) — японский политический деятель, дипломат. В 1940—1941 гг. — министр иностранных дел Японии. Вел переговоры о заключении Тройственного пакта с Германией и Италией, подписанного 27 сентября 1940 г., договора с СССР о нейтралитете, подписанного 13 апреля 1941 г.

Повторяю: для предотвращения опасности нападения на Германию с двух сторон Гитлер видел один-единственный выход: разделаться с Советским Союзом. Он напал на Россию прежде всего для того, чтобы самому не оказаться зажатым одновременно с Запада и Востока, как это все же случилось потом. В совместном нападении трех великих держав Адольф Гитлер видел проигрыш войны*.

* * *

До визита Молотова в Берлин Гитлер, несомненно, еще питал надежду добиться прочной договоренности с Россией. Требования Молотова, вероятно, породили у него этот поворот.

Отныне он во все более резком свете рассматривал любые военные меры, принимаемые Россией. Я, как уже упоминалось, не был информирован об этом детально, но позже слышал, что в первую очередь были констатированы следующие советские меры: укрепление новой западной границы, устройство аэродромов вблизи нее, мощная концентрация войск, гигантский рост военного производства, ориентация на военную экономику. Незадолго до того как разразилась война, у Советов имелось 158 дивизий, а к началу польской кампании их было всего 65. Причем речь шла, как сообщалось при этом фюреру, якобы только о моторизованных и танковых соединениях. Весной 1941 г. уже имели место значительные нарушения границы со стороны России. Интересны в этом отношении показания трех русских офицеров, которые позже попали в наш плен. Они собственными ушами слышали речь, которую Сталин произнес в Кремле в мае 1941 г. Он совершенно открыто сказал тогда, что будущие цели Советского Союза отныне могут быть достигнуты только силой оружия. Красная Армия к этому готова.

Политические действия, которые советское правительство предпринимало в то время против нас вопреки германо-русскому договору, были, если их кратко перечислять, следующие.

Советский посол в Берлине Деканозов официально заявил 17 января 1941 г. в нашем министерстве иностран-

ных дел с вручением соответствующего документа: советское правительство считает своим долгом «предостеречь, что появление каких-либо иностранных войск на территории Болгарии и в зоне обоих морских проливов будет считаться нарушением интересов безопасности СССР».

В ответ на это я велел заявить советскому послу, в частности, следующее:

«1. Имперское правительство не располагает никакими сведениями, согласно которым Англия намеревается занять морские проливы. Имперское правительство не верит также в то, что Турция потерпит вступление на свою территорию английских вооруженных сил. Однако имперское правительство информировано о том, что Англия имеет намерение и уже приступила к тому, чтобы высадиться на территории Греции.

2. Фюрер вторично указал председателю Молотову во время визита последнего в Берлин в ноябре 1940 г. на то, что Германия всеми военными средствами воспрепятствует любой попытке Англии закрепиться в Греции.

Неизменным стремлением имперского правительства является ни в коем случае не допустить никакого закрепления английских вооруженных сил на греческой территории, которое означало бы угрозу жизненным интересам Германии на Балканах. Поэтому оно в настоящее время осуществляет определенную концентрацию войск на Балканах, имеющую своей исключительной задачей недопущение любой английской высадки на греческой территории.

3. Германия не имеет намерения захватить морские проливы. Она будет уважать суверенитет турецкой территории даже в том случае, если Турция со своей стороны займет враждебную позицию в отношении германских войск. Но с другой стороны, при проводимых, скажем, против Греции военных операциях германская армия пройдет через болгарскую территорию. Имперское правительство, само собой разумеется, не имеет намерения каким-либо образом нарушить советско-русские интересы безопасности, и при проходе германских войск через Болгарию это ни в коем случае не должно было бы иметь места.

4. Германия осуществляет для возможно подлежащей проведению акции против действий Англии в Греции концентрацию своих войск на Балканах в таком масштабе, который заранее позволит ей пресечь в зародыше любую английскую попытку создать фронт в этом районе. Имперское правительство полагает, что тем самым оно служит и советским интересам, которым противоречило бы закрепление Англии в данном районе.

5. Имперское правительство, как оно дало это осознать и в связи с берлинским визитом председателя Молотова, проявляет понимание советских интересов в вопросе о морских проливах и готово в надлежащий момент выступить за пересмотр их установленного в Монтрё статуса¹. Со своей стороны Германия в вопросе о морских проливах собственных политических интересов не имеет и после проведения ею операций на Балканах свои войска оттуда выведет».

Когда затем в начале марта 1941 г. ввиду создавшегося из-за Греции положения был осуществлен ввод германских войск на территорию Болгарии, Молотов заявил, что наш шаг является «вызывающим сожаление», означает «нарушение интересов безопасности СССР» и что германское правительство «не может рассчитывать на поддержку его действий в Болгарии со стороны СССР». Аналогичное резкое заявление было направлено и болгарскому правительству, а затем опубликовано в печати. Все это происходило несмотря на то, что я еще 27 февраля поручил нашему посольству в Москве разъяснить, что, как только английская опасность в Греции минует, за этим автоматически последует вывод германских войск из Болгарии.

В ответ на это советское правительство 5 апреля 1941 г. заключило договор о дружбе с югославским путчистским правительством Симовича. Это явилось осо-

¹ Конвенция Монтрё (Конвенция о режиме проливов) была подписана 20 июля 1936 г. В ней признается, что режим проливов устанавливается с целью обеспечения свободы судоходства «в рамках безопасности Турции и безопасности в Черном море прибрежных государств».

бенно недружественным актом против Германии, ибо это путчистское правительство всего за два дня до того заняло место дружественного по отношению к нам прежнего правительства.

Все это происходило в противоречии с советским заявлением от 28 сентября 1939 г., в котором говорилось, что Россия желает оказать Германии свою моральную поддержку, в случае если обоюдные усилия по установлению мира не приведут к цели. Это относилось к тем областям, которые по договору не входили в русскую сферу интересов.

Уже сами по себе тесные отношения, которые советское правительство еще летом 1940 г. через британского посла в Москве сэра Стаффорда Криппса установило с Лондоном, означали разрыв с нашими соглашениями. Черчилль тогда будто бы сказал, что не пройдет и полтора лет, как Россия выступит против Германии. Происходило также сближение Соединенных Штатов с Россией, так что Рузвельт «на основе новейшей информации» смог намекнуть: вскоре произойдет вступление России в войну против Германии.

Для враждебной позиции советского правительства, проявлявшейся в этом ходе политических событий, есть только два объяснения: или влияние и уступки Америки и Англии побудили Россию к новой ориентации, или же это было имевшееся у Сталина с самого начала намерение вообще не соблюдать заключенный с нами договор. Последнее объяснение отвечало взглядам Адольфа Гитлера, в то время как сам я считал и продолжаю считать правильным и сейчас объяснением поворота в русской политике первое. Мое мнение таково: столкновения с Россией можно было избежать, однако для этого требовались уступки с нашей стороны.

Огромная мощь и развертывание силы Советского Союза логично выдвигают вопрос: был ли Адольф Гитлер с его восприятием событий прав перед историей? Или же тот путь, к которому стремился я, был в долгосрочном плане все же возможным?

Когда позже через одного своего посредника в Сток-

гольме я дал русским понять, что фюрер, учитывая имеющиеся у нас материалы об агрессивных намерениях России, относится к возможным дальнейшим соглашениям с Москвой весьма скептически, русские в ответ дали мне тоже понять, что вопрос о вине им, собственно говоря, довольно безразличен. Выяснение вопроса «что было раньше — курица или яйцо, — отвечали они, — затея типично немецкая».

Начало военных действий против Советской России 22 июня 1941 г. было концом начатой по моему предложению в 1939 г. политики компромисса между обеими империями на самый длительный срок.

* * *

Когда германо-русская война уже разразилась, мне казалось важным сделать и во внешнеполитическом отношении все для того, чтобы сокрушить этого нового крупного противника. При этом я думал прежде всего о роли Японии. Однако ее выступлению против России препятствовал заключенный в Москве японским министром иностранных дел Мацуокой при его возвращении на родину из Берлина советско-японский пакт о ненападении от 13 апреля 1941 г. Мацуока сообщил мне еще тогда в Берлине, что он предложил в Москве русским пакт о ненападении, но Молотов в ответ выдвинул предложение насчет соглашения о нейтралитете. В любом случае по возвращении в Москву он прежде всего должен вернуться к вопросу о пакте о ненападении. Мацуока спросил меня, должен ли он эти вопросы сильно углублять или же в конечном счете подойти к ним поверхностно. На это я ответил, что, на мой взгляд, уместно лишь формальное, не идущее вглубь рассмотрение этих пунктов, а также сообщил японскому министру иностранных дел, что наши отношения с Россией хотя и корректны, но не очень дружественны. Я проинформировал Мацуоку и о тех условиях, которые поставил Молотов, и сообщил ему, что фюрер на них не пошел, ибо придерживается точки зрения, что Германия не сможет длительное время одобрять подобную русскую политику.

В беседе с Мацуокой Гитлер высказал свое мнение, заявив, что Англия в борьбе против нас надеется, во-первых, на американскую помощь, а во-вторых, — на Россию. В последующие дни я еще раз категорически заявил Мацуоке, что Германия бдительно следит за Советским Союзом и — Мацуока должен при всех обстоятельствах знать об этом — она подготовлена ко всем эвентуальным возможностям. Во время моего заключительного разговора с японским министром иностранных дел я еще раз упомянул о его предстоящей беседе в Москве. Я снова высказал ему мою точку зрения, что, учитывая общее положение дел, лучше всего было бы не слишком углублять переговоры с русскими. Я не знаю, как будет дальше развиваться ситуация. Не ясно, продолжит ли Сталин свою нынешнюю недружественную по отношению к Германии политику или же нет. В любом случае я хочу обратить внимание Мацуоки на то, что конфликт с Россией все же находится в сфере возможного. Так или иначе, но по возвращении в Японию он не может сообщить своему императору, что такой ход развития исключен.

Несмотря на это четкое указание на возникшую германо-советскую напряженность, Мацуока все же заключил тогда свой договор с Кремлем.

До германо-русской войны я думал прежде всего о том, что Япония возьмет Сингапур и тем самым нанесет Англии решающий удар. После же начала этой войны, летом 1941 г., я попытался склонить Японию к вступлению в войну против России и побудить ее отказаться от своих намерений в отношении Сингапура. Мне также казалось важным, что Япония таким образом определилась бы и не начала военные действия, скажем, против американских Филиппин, ибо это могло бы еще до разгрома России навлечь на нас нового противника в лице США.

Фюрер отверг это мое мнение и серьезно упрекнул меня за одну посланную в данной связи телеграмму в Токио. Он заявил мне, что надеется справиться с Россией один и что было бы лучше, если Япония атакует британ-

ские владения. Я обратил его внимание на связанные с этим опасности возможного распыления сил держав Тройственного пакта. В конечном счете японцы не сделали ни того, чего желал Гитлер, ни того, чего хотел я: они просто взяли и без нашего ведома напали на Пёрл-Харбор. Думаю, этого решения добился японский военно-морской флот, имевший большое влияние. Тем самым в результате действий одного из наших союзников произошло именно то, чего, учитывая положение на Востоке, мы, безусловно, хотели избежать: возникла германо-американская война.

Позже, когда исход битвы за Москву в военном отношении решили сибирские дивизии, мне часто приходилось вспоминать о моих тщетных шагах в отношении Токио с целью концентрации сил против одного противника, а именно русского. Раздробление сил держав Тройственного пакта вскоре отчетливо дало себя знать — оно способствовало тому, что войну проиграла не только Германия, но и Япония.

В июле 1942 г., когда наши войска подходили к Кавказу, я через посла Осиму снова указал Токио, что теперь наступил тот момент, когда Япония должна напасть на Россию, если она чувствует себя достаточно сильной для этого. В любом случае Японии больше никогда не представлялось столь благоприятной возможности устранить русского колосса как потенциальную опасность для себя в Восточной Азии. Но и этот шаг не возымел никакого действия на Токио, и к концу войны Японии пришлось пережить то, что она сама подверглась нападению России.

* * *

Здесь я хотел бы сказать несколько слов о Пёрл-Харборе. Когда Япония (вместо того чтобы напасть на Россию, как хотел я, или на Англию, как желал фюрер) напала на США, я оценил это событие с весьма смешанными чувствами, поскольку с самого начала хотел избежать втягивания в войну Соединенных Штатов. Но японцы и тогда, и потом делали то, что сами считали для себя нужным. Когда это начало становиться для нас все более

чувствительным, я не раз просил фюрера, а особенно Геринга дать мне самолет дальнего радиуса действия, чтобы я смог слетать в Токио. Я считал срочно необходимым определить вместе с японским правительством общую политику. Но из-за того, что один такой самолет упал над Сиамом, я не получил ни согласия, ни самолета. Тогда я стал просить отправить меня в Японию на подводной лодке, но и это предложение было отклонено.

Лишь только первые известия о Пёрл-Харборе поступили к нам (для меня это явилось полной неожиданностью), первой моей мыслью было: никакие договоры не обязывают нас тоже вступить в войну против США. Заведующий правовым отделом министерства иностранных дел посол Гаус, с которым я переговаривал об этом, считал, что так вести себя нельзя, ибо тогда Пакт трех держав окажется «политически мертв». Тем не менее я затем совершенно твердо изложил фюреру свою позицию с договорно-правовой точки зрения: мы не несем никакого обязательства объявлять войну США. Согласно тексту Тройственного пакта, мы обязаны оказать помощь Японии только в том случае, если бы она подверглась нападению третьей державы. Гитлер ответил мне тогда следующими аргументами: «Ведь американцы уже стреляют в нас, а следовательно, мы уже находимся в состоянии войны с ними. Мы должны сделать теперь отсюда выводы, иначе Япония никогда не простит нам этого. И очень скоро, вероятно, даже немедленно наша война с Америкой все равно начнется, ибо это с самого начала было целью Рузвельта».

Действительно, сегодня уже нет никакого сомнения в том, что Гитлер не был не прав в этой оценке намерений Рузвельта. Однако внутренние взаимосвязи, приведшие к такому развитию событий, будут осознаны и поняты лишь постепенно¹. Как известно, еще в ноябре 1938 г. доверенный человек президента Рузвельта посол Буллит многозна-

¹ Известный республиканец сенатор Тафт буквально заявил в начале лета 1941 г., что целью Рузвельта является, «не спрашивая народ, все больше и больше толкать ход развития к войне». («New York Times». 28. V. 1941.) — *Примеч. нем. изд.*

чительно говорил польскому послу Потоцкому: желание Рузвельта, чтобы «дело дошло до военного столкновения между Германией и Россией» и чтобы «затем демократические страны атаквали Германию и заставили ее капитулировать». Если сегодня кем-то задается вопрос, почему мы «пошли с Японией, а не с США», то такая ложная постановка вопроса людьми непосвященными еще может восприниматься как всеобщий психоз проигранной войны. Однако, когда этот вопрос задается определенными лицами министерства иностранных дел и командования вермахта, которые знают все взаимосвязи, это мне совершенно не понятно.

При абсолютной враждебности президента Рузвельта непосредственную германскую дипломатическую деятельность в Вашингтоне следовало считать бесперспективной*. В свое время я предлагал послать в Вашингтон Шахта. Но Гитлер, учитывая положение дел, счел бесцельным и это. Поэтому мы могли стремиться только к нейтрализации американцев Японией. Мы надеялись, что нам удастся удержать Соединенные Штаты от вступления в войну в Европе лишь их латентным опасением войны на два фронта. Адольф Гитлер ожидал усиления позиций Японии в Восточной Азии в результате овладения находящимися там британскими военными базами. Это должно было бы подчеркнуть функцию Японии как угрозы США и оказать усиленное воздействие в направлении желаемой нами нейтрализации Америки. Но ошеломившее нас нападение Японии на Пёрл-Харбор свело эту политику к нулю.

Впрочем, агрессивные намерения Рузвельта в отношении Германии дали ясно осознать и последнее американское предложение Японии, которым он надеялся побудить Токио к разрыву с Тройственным пактом. На самом деле движущей силой здесь были не мы, а американцы. Мы не преследовали никакой иной цели, кроме как удержать США от вступления в войну:

Эта политика требовала от германской стороны непомерной сдержанности. Хотя нам было совершенно ясно, что англо-французское объявление войны 3 сентября 1939 г. последовало под давлением Рузвельта, мы не ответили ни на

одну из тех бесчисленных провокаций, которые я воскрешаю в своей памяти, лишь кратко обозначая их суть: огромного масштаба поставки военной техники и материалов в Англию; эффективное участие американских летчиков в действиях английской авиации; передача Англии 50 миноносцев; занятие Исландии; закрытие германских консульств в США и, наконец, пресловутый приказ Рузвельта американским кораблям открывать огонь по немецким подводным лодкам, в результате чего положение командиров наших субмарин стало крайне тяжелым. Тем не менее германская сдержанность, в правильности которой мне постоянно удавалось убеждать фюрера, оставалась неизменной.

Даже тогда, когда американские корабли нападали на немецкие подводные лодки и [командующий германским ВМФ] гросс-адмирал Редер неоднократно делал по этому поводу представления фюреру, я считал своей задачей не допустить никакого изменения германской политики в отношении США, тем более что у Германии не было никаких интересов, расходящихся с интересами Америки. Дабы избежать конфликта, все провокации оставались нами без ответа.

Учитывая ясно распознаваемую и к тому времени доказанную политику Рузвельта, нацеленную на фактическое, а также формальное вступление США в войну, германская внешняя политика в то время не могла делать по отношению к Японии и Америке ничего иного, как:

1) заботиться о том, чтобы Америка вступила в войну как можно позже (что мы и делали), и

2) следить за тем, чтобы, когда американское вступление в войну станет фактом, Япония определенно оказалась на нашей стороне. Японское нападение на Пёрл-Харбор по крайней мере избавило нас от одной из крупных забот, а именно: произойдет ли это на самом деле¹.

¹ Тогдашний военный министр США Генри Л. Стимсон записал 15 ноября 1941 г. в своем дневнике: главная проблема в том, «как нам сманеврировать таким образом, чтобы первый выстрел сделали они (японцы), но это не явилось бы слишком большой опасностью для нас самих». (Цит. по: Ch. Tansill. Op. cit. P. 648.) — *Примеч. нем. изд.*

После начала войны против России министерство иностранных дел от всех вопросов, касающихся Советского Союза, было отстранено. Весь Советский Союз с самого начала рассматривался Адольфом Гитлером как более не существующий. Когда я захотел передать здание советского посольства в Берлине под охрану, мне было отказано, и по указанию фюрера оно было предоставлено в распоряжение министерства по делам восточных территорий. В процессе похода на Восток планы Гитлера шли все дальше и дальше. Если прежде его занимала мысль только об объединении всех живущих в одном и том же пространстве немцев, то теперь его размышления этим уже не ограничивались. Теперь он думал не только о пространстве для расселения немцев на Востоке, но и о взрывающем все прежние пространственные понятия развитии военной техники, особенно авиации, и о связанной с этим в целях безопасности охране более крупных территорий. Я же, напротив, и устно, и письменно заявлял фюреру, что в территориальных вопросах мы должны «вести себя осмотрительно» и нам не следует предпринимать ничего, что сделало бы впоследствии невозможным заключение разумного мира.

В конечном счете Гитлер желал своего рода разделения нашей внешней политики на восточную и западную, чтобы такие страны, как Финляндия, Турция, а также страны Ближнего Востока и некоторые другие больше министерством иностранных дел не курировались. Только мое решительное заступничество за единство германской внешней политики смогло не допустить такого распоряжения. В конце концов мне своей памятной запиской удалось добиться (в противоположность требованиям министерства по делам восточных территорий, которое претендовало на то, чтобы вести сношения с другими странами непосредственно самому, без министерства иностранных дел), чтобы дипломатические отношения и по восточным вопросам были оставлены в компетенции моего министерства. Но это ровным счетом ничего не изменило в том факте, что из всей сферы Советского Союза мы были исключены. Не знаю, что и кто тогда постоянно

настраивал Гитлера против меня лично и против министерства иностранных дел. Но фактом остается то, что после начала войны против России он говорил [начальнику Имперской канцелярии] имперскому министру Ламмерсу: на Востоке сейчас идет война, а во время войны у министерства иностранных дел, собственно, никакой функции нет, она появляется вновь только при заключении мира. Это высказывание целиком показывает отношение Гитлера к министерству иностранных дел как правительственному органу: он отвергал его, он даже, пожалуй, ненавидел его, и я, к сожалению, не сумел тут что-либо изменить. О том, какие трудности это приносило мне порой, нечего и говорить.

Потеря министерством иностранных дел всего руководства восточной политикой неблагоприятно сказывалась в деловом отношении. В Восточном пространстве имела политика министерства по делам восточных областей, которая, однако, не являлась единой: существовала и политика вермахта, и гиммлеровская политика, а также политика министерства пропаганды и т. п. и т. д. Таким образом, в итоге здесь вообще никакой политики не делалось.

(У Обвинения здесь, в Нюрнберге, свои собственные методы: так, донесения нашего связного при одной группе армий, д-ра Пфлайдерера, в которых тот в весьма критическом тоне информировал нас насчет административного управления на Востоке и которые побудили меня предпринять новые серьезные попытки включиться в дела там, представлены обвинением как уличающие министерство иностранных дел и меня лично документы.)

Я был вынужден ограничиваться эпизодическим вмешательством — например в вопрос об опознавательных знаках для русских военнопленных. Случайно я услышал о плане выжигать с этой целью русским военнопленным на руке клеймо с номером; это было, разумеется, совершенно недопустимо не только с точки зрения международной политики. По моему докладу фюрер не разрешил применения этой меры. В другой раз, когда речь зашла об открытии церквей в оккупированных областях, я имел

только тот «успех», что в результате моего вмешательства Гитлер (как это уже имело место в 1938 г.) захотел забрать у министерства иностранных дел и дипломатические отношения с Ватиканом.

В этой связи интересна следующая запись моего мужа о г-не фон Папене. Мой муж пишет:

«В своей памятной записке Папен предложил новую церковную политику в Восточной Европе. Я доложил эту записку фюреру, но он ее отклонил. Папен всегда был патриотом и как таковой вновь предоставил себя в распоряжение правительства после 30 июня 1934 г., хотя национал-социалистом никогда не являлся. За свой католицизм Папен подвергался резким нападкам со стороны партии, а особенно Гиммлера, и, если бы я не распростер над ним охранительную длань, у него возникли бы серьезные трудности из-за его деятельности в духе «Католической акции». Сам же я в церковном вопросе, хотя бы уже по одним только внешнеполитическим причинам, занимал позицию позитивную и примирительную.

В свое время Папен по моему предложению был послан фюрером в Анкару. Его задание гласило: удержать Турцию от вступления в войну. Это задание он выполнил вопреки английской политике расширения войны. По возвращении из Анкары он по моей инициативе получил от фюрера Рыцарский крест к Кресту за военные заслуги и был очень счастлив.

В конце 1939 г. Папен предложил мне в качестве посредника для заключения мира одного голландского дипломата, некоего Виссера из Анкары. Я сообщил об этом фюреру со своим ходатайством и неоднократно обменивался с Папеном телеграммами для уточнения подробностей. Но фюрер повел себя по отношению ко мне отрицательно, ибо незадолго до того я убедил его, чтобы в речи, произнесенной им в рейхстаге в октябре 1939 г., еще раз протянуть Западу руку мира, а это привело только к тому, что она была отвергнута¹.

¹ Тэнзилл (Р. 561) сообщает о попытке посредничества, принятой 11 октября 1939 г. видным американским бизнесменом У. Р. Дэвисом, который, вернувшись из Берлина, направил

Затем Папен вернулся в Берлин, чтобы доложить непосредственно фюреру предложение Виссера, но успеха не имел».

Такова запись моего мужа насчет Франца фон Папена.

Весной 1942 г. между Адольфом Гитлером и мной возникла серьезная размолвка. Внешний повод для нашего конфликта был сначала совсем незначителен. В связи с представлением к награждению военными знаками отличия ряда сотрудников министерства иностранных дел, которые заслужили их, рискуя собственной жизнью, я просил права направить их наградные листы [начальнику штаба Верховного главнокомандования вермахта (ОКБ)] фельдмаршалу Кейтелю. Итак, речь снова шла о вопросе компетенции, на сей раз весьма второстепенном. Но обсуждение его становилось все более возбужденным с обеих сторон и вскоре распространилось и на другие проблемы; под конец оно затронуло наши противоположные взгляды по еврейскому вопросу, а также и прочим вопросам мировоззрения. Это переполнило чашу моего терпения: я в возбуждении потребовал своей отставки и получил на нее согласие.

Адольф Гитлер пришел при этом в такое сильное возбуждение, в каком я его еще никогда не видел. Когда я вознамерился выйти из кабинета, он в резких выражениях бросил мне упрек, что, постоянно противореча ему, я совершаю преступление, ибо этим подрываю его здоровье. Он выкрикнул это тяжкое обвинение с таким ожесточением, что оно глубоко потрясло меня и заставило в тот момент опасаться, как бы с ним не случилось какого-нибудь припадка. Я стал искать слова, которые могли бы его успокоить. Фюрер попросил меня больше никогда не требовать моей отставки, и я дал ему честное слово, что во время войны этого требования не повторю.

Рузвельту письменный доклад. В нем он на основании своих бесед в германской столице (он повидал и Геринга) подчеркивал готовность Гитлера пойти на мир. Согласия на свой устный доклад в Белом доме, о чем он просил, Дэвис не получил, хотя в середине сентября был недвусмысленно уполномочен Рузвельтом на эту поездку и на ведение политических бесед в Берлине. — *Примеч. нем. изд.*

В те дни Гитлер находился под сильным впечатлением катастрофы первого отступления в России; на него продолжал действовать и полет Гесса со всеми его последствиями. Если так будет продолжаться и дальше, во всем мире может возникнуть впечатление, что внутри германского имперского правительства имеются тяжелейшие разногласия. Но я никоим образом не мог отвечать за такой серьезный урон ведению войны Германией. Мне никогда не забыть этой сцены, и я сказал тогда своим сотрудникам, что подам в отставку в тот самый день, как будет заключен мир. Конечно, что касается формы, в какой я выразил свою точку зрения, я зашел слишком далеко: например, возразил фюреру резким движением руки, но Гитлер стал вести себя столь диктаторски, что просто не выносил больше никакого противоречия себе. Тем не менее я не переставал высказывать ему свое мнение и постоянно пытался отстаивать собственные взгляды. Насчет памятных записок, которые я ему направлял, он однажды сказал: «Я их читаю, а выводы из них делаю сам».

Однако никаких конспиративных действий я против Адольфа Гитлера никогда не предпринимал и в деловых вопросах был всегда с ним лоялен, оставшись верным ему лично до конца.

* * *

Обширной памятной запиской зимой 1941/42 г. я попытался убедить Гитлера в необходимости созыва европейской конференции, на которой следовало констатировать и гарантировать самостоятельность и целостность государств Европы. В окончательном заключении мира с Францией, Бельгией, Голландией, Норвегией, Балканскими государствами и восстановленной Польшей я видел первую предпосылку, вероятно, все же возможного позже взаимопонимания с Англией. Контраргумент Гитлера против окончательного урегулирования состоял прежде всего в указании на еще существующее состояние войны, во время которого вопросы захваченных нами областей могли рассматриваться лишь с военной и стратегической точек зрения, а германским войскам приходилось не только

поддерживать внутренний порядок в этих областях, но и защищать их от нападений извне. Другим последствием этой установки Адольфа Гитлера было также то, что министерство иностранных дел в ходе развития военных событий в Европе политически все больше и больше от него отстранялось. Это в конечном счете относилось не только к захваченным областям, но и к союзническим государствам.

Я только понаслышке случайно узнал о планах фюрера по созданию «Германского рейха» («Germanisches Reich») с Германией в качестве его ядра и федеративным объединением других германских государств. Со мной он об этом не говорил; беседовал ли он о том с Гиммлером, я не знаю, но остается фактом, что органы последнего оказывали на европейскую политику Германии влияние в таком всевозрастающем масштабе, что Гитлер, к примеру, принимал высших чинов СС и полицейских начальников оккупированных областей, не приглашая меня, и что на приемах определенных германских деятелей присутствовал только Гиммлер.

Судить о том, насколько сильно верил Гитлер в реализуемость такой политики германизации, трудно. Причиной того, что он держал меня в стороне от этих замыслов, как можно предполагать, являлось то, что я постоянно высказывал ему свои соображения насчет ограничения германских притязаний в Европе. Имея в виду в будущем установление взаимопонимания с другими державами, прежде всего с Англией, я считал абсолютно необходимым никаких юридически предreshающих изменений подобного рода не производить.

Часто высказываемое сегодня утверждение, будто было возможно превратить такие государства, как Франция, Бельгия, Дания, Норвегия, Сербия, Греция, Польша, и захваченные нами области России в политические факторы нашего ведения войны или даже в наших союзников, — просто утопия. Национальная динамика этих государств была слишком сильна и чересчур ограничена традициями, а их вера в германскую победу с самого начала — слишком мала. В качестве примера можно привести Францию. Хотя

французы решительно отклонили сделанное Черчиллем после Дюнкерка предложение о государственной унии Франции с Англией, но и нам тоже нашей великодушной политикой в духе Монтуара не удалось привлечь Францию на свою сторону! То, что касается Франции, относилось в большей или меньшей степени и ко всем другим оккупированным нами государствам. Подобный опыт имелся у нас повсюду. Разумеется, если бы в том или ином случае действовали половчее, мы смогли бы достигнуть большего и в экономическом отношении. Однако сама мысль, что эти страны дали бы решающим образом использовать себя для победы Германии, вне всякого сомнения, совершенно ложна.

Напротив, мы убедились в том, насколько трудно побудить друзей и союзников пойти на по-настоящему серьезные военные усилия. Это относилось в первую очередь к Италии, ведение войны которой постоянно саботировалось влиятельными кругами этой страны. В Венгрии же постоянно думали о сепаратном мире, а в Румынии нам создавали все новые и новые трудности. К тому же в Будапеште и Бухаресте желали в самый разгар мировой войны вести свою приватную войну из-за Трансильвании. Венгерские сепаратные стремления зашли так далеко, что Гитлер в 1944 г. был серьезно озабочен тыловыми коммуникациями своей армии, защищавшей Венгрию, и поэтому хотел оккупировать ее. Он говорил мне тогда, что в случае отказа Хорти¹ окажется вынужденным передать общественности все материалы о двойной игре венгерского премьер-министра Каллаи, которую тот ведет от имени Хорти. В конце концов германские войска смогли с согласия Хорти вступить в Венгрию. Но это отнюдь не положило конец политическим стремлениям Будапешта. Когда русские приблизились к Венгрии, Хорти вел с ними переговоры, а в это же самое время германские войска ожесточенно сражались против них. В конце концов Адольфу Гитлеру не осталось ничего иного,

¹ Надьбеньян Миклош Хорти (1868—1957) — фашистский диктатор Венгрии в 1920—1944 гг. 19 марта 1944 г. с его согласия немецкие войска оккупировали Венгрию.

как начать действовать. Он осадил будапештскую крепость, а Хорти заявил о своем желании поставить себя под защиту фюрера и был доставлен в один небольшой замок в Верхней Баварии. Сын Хорти был арестован, ибо стала очевидной его измена. Мне пришлось сообщить Хорти это весьма неприятное известие. Фюрер постоянно верил в личную враждебность к нему Хорти и часто называл его великим интриганом, который, в частности, пытался вызвать разногласия между ним и Муссолини. Словакия тяготела к России, а в Финляндии давали себя знать такие же стремления к сепаратному миру, как и в Будапеште. Испания бросила нас на произвол судьбы в один из важных моментов войны...¹ Но если столь велики были трудности с нашими друзьями, то как же мы могли привлечь на нашу сторону побежденных врагов, чтобы они сражались за германскую победу?!

* * *

Несмотря на первоначальные крупные военные успехи на Востоке, с осени 1941 г. я уже никак не мог отделаться от чувства глубокого опасения за дальнейший ход событий.

Когда после Пёрл-Харбора — полностью вопреки моему совету — было объявлено состояние войны с США, я сказал Адольфу Гитлеру дословно следующее: «У нас остался теперь еще один год, чтобы отрезать Россию от американского подвоза через Мурманск и Персидский залив, а Япония должна за это время захватить Владивосток. Если же это не удастся и американский военный потенциал соединится с русским людским потенциалом, война вступит в такую стадию, в которой выиграть ее будет очень трудно». Фюрер воспринял мои слова молча.

После вызванной погодными условиями катастрофы зимой 1941/42 г., в результате которой наша армия, как известно, застряла перед Москвой и весь Восточный фронт зашатался, я по случаю новогоднего поздравления на рубеже 1941—1942 гг. впервые заговорил с фюрером о возможности заключения мира с Россией. На это Гитлер

¹ Сокращение сделано в нем. изд.

ответил мне всего лишь, что такой мир он не считает возможным, на Востоке речь может идти только о несомненном решении хода войны в нашу пользу.

В течение 1942 г. нам удалось пробиться до Волги, но затем начались тяжелые бои в Сталинграде.

На Севере мы прочно закрепились под Москвой и у Ленинграда, то же самое имело место на Кавказе — мы и здесь не продвигались вперед. Хотя мы и находились на Волге, но дальше тут дело не шло. Фронт на Дону, удерживавшийся нашими менее опытными в военном отношении союзниками, уже тогда представлялся мне крайне угрожаемым. В течение всего 1942 г. я не раз пытался узнать более подробно о военных планах Адольфа Гитлера. Но он был очень замкнут, и из него ничего нельзя было выжать, кроме того, что он хочет отрезать русских от подвоза нефти с Кавказа и затем нанести удар вдоль Волги на север.

В начале ноября 1942 г. произошла высадка англо-американских войск в Северной Африке. В тот момент я как раз находился в Берлине. В первых же сообщениях меня поразили тот тоннаж, который был использован для высадки. Говорилось о четырех миллионах тонн. Стало ясно, сколь необычайно серьезна операция такого масштаба и что мы, по всей вероятности, основательно ошиблись в оценке того тоннажа, которым располагал противник. Гитлер позже признался мне в этом. Учитывая весьма неустойчивую картину возникшего еще ранее положения на Африканском театре войны, я боялся самого худшего для средиземноморской позиции держав оси. Связавшись с фюрером, я, поскольку Муссолини не мог покинуть страну, пригласил графа Чиано на немедленную встречу в Мюнхен. Сам же вылетел в Бамберг, где пересел в возвращавшийся с Востока специальный поезд фюрера.

Во время последовавшей беседы я кратко доложил следующее.

Англо-американская высадка — дело серьезное. Она показывает, что мы основательно ошиблись в оценке вражеского тоннажа, а тем самым и в возможностях нашего ведения подводной войны. Если изгнать англо-

американцев из Африки (что, учитывая наш опыт в отношении транспортных средств в Средиземном море, кажется весьма сомнительным) нам не удастся, она вместе с армией оси будет для нас потеряна. Средиземное море окажется в руках врагов, а и без того слабая Италия попадет в тяжелейшее положение. Я придерживаюсь взгляда, что фюреру необходимо совершенно решающим образом облегчить ведение нами войны, а потому прошу его немедленно предоставить мне полномочия для установления через советского посла в Стокгольме мадам Коллонтай контакта со Сталиным с целью заключения мира — причем, раз того уже не миновать, со сдачей большей части завоеванных на Востоке областей.

Едва я заговорил о сдаче захваченных восточных областей, как фюрер тут же отреагировал на это самым бурным образом. Лицо его налилось кровью, он вскочил, перебил меня и с неслыханной резкостью заявил, что желает разговаривать со мной исключительно об Африке, и ни о чем ином! Форма, в какой все это было сказано, не позволила мне в тот момент повторить свое предложение. Вероятно, имея дело с Адольфом Гитлером, мне тактически надо было действовать как-то иначе. Но я был настолько озабочен, что пошел к своей цели напрямик.

Моя сопротивляемость таким сценам весной 1942 г. значительно ослабла. Тогда, а также и позже я постоянно был вынужден думать, что люди, пережившие такую ситуацию, какую довелось пережить мне с Адольфом Гитлером той весной, при любых обстоятельствах должны с ним расстаться. После столь серьезного разрыва личных отношений ни о каком успешном сотрудничестве речи больше быть не может.

Теперь мне оставалось только обсудить еще некоторые детали предстоящего визита Чиано, а затем фюрер резко прекратил разговор.

В последующие дни мне тоже не представилось никакой возможности еще раз заговорить с ним о моем плане установления контакта со Сталиным. В это время — до сталинградской катастрофы — мы еще имели несравнимо более благоприятную позицию для переговоров с Моск-

вой, чем вскоре после того. Через восемь дней началось русское наступление, произошел крах войск наших союзников на Дону, а затем последовала катастрофа 6-й армии в Сталинграде, так что пока ни о каких переговорах с Россией и думать не приходилось, особенно в том духе, который отвечал точке зрения Гитлера.

В те тяжелые дни после окончания боев за Сталинград у меня состоялся весьма примечательный разговор с Адольфом Гитлером. Он говорил — в присущей ему манере — о Сталине с большим восхищением. Он сказал: на этом примере снова видно, какое значение может иметь один человек для целой нации. Любой другой народ после сокрушительных ударов, полученных в 1941—1942 гг., вне всякого сомнения, оказался бы сломленным. Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твердости этого человека, негибаемая воля и героизм которого призвали и привели народ к продолжению сопротивления. Сталин — это именно тот крупный противник, которого он имеет как в мировоззренческом, так и в военном отношении. Если тот когда-нибудь попадет в его руки, он окажет ему все свое уважение и предоставит самый прекрасный замок во всей Германии. Но на свободу, добавил Гитлер, он такого противника уже никогда не выпустит. Создание Красной Армии — грандиозное дело, а сам Сталин, без сомнения, — историческая личность совершенно огромного масштаба.

Пользуясь этим случаем, а также в более поздней памятной записке я снова предложил немедленно провести мирный зондаж в отношении Москвы. Участь этой памятной записки, которую я передал через посла Хевеля, оказалась бесславной. Хевель сказал мне: фюрер и слышать не желает об этом и отбросил ее прочь. В дальнейшем я еще несколько раз заговаривал об этом с самим Гитлером. Он отвечал мне: сначала он должен снова добиться решающего военного успеха, а уж тогда посмотрим, что нам делать дальше. Его точка зрения и тогда, и позже была такова: наш зондаж в поисках мира является признаком слабости.

Но я все же установил через своего связного Клейста

косвенный контакт с мадам Коллонтай в Стокгольме. Однако без его одобрения Гитлером я ничего решительного сделать не мог.

После измены правительства Бадольо¹ в сентябре 1943 г. я предпринял новый весьма энергичный маневр. На этот раз Гитлер занял позицию уже не столь отрицательную. Он вместе со мной подошел к карте и сам показал на ней демаркационную линию, на которой можно было бы договориться с русскими. Когда же я попросил полномочий, он решил отложить этот вопрос до утра и еще поразмыслить. Однако на следующий день опять ничего не произошло. Фюрер сказал мне, он должен это дело еще раз поглубже продумать. Я испытал большое разочарование. Я чувствовал, что здесь действуют те силы, которые постоянно снова и снова укрепляют Гитлера в его несгибаемой позиции противодействия договоренности со Сталиным.

Когда Муссолини после своего освобождения² был доставлен в ставку фюрера [«Волчье логово»], Гитлер, совершенно неожиданно для меня заявил ему: он хочет договориться с Россией. На мою высказанную затем просьбу дать мне соответствующее указание я, однако, снова никакого определенного ответа не получил. А на следующий день Гитлер опять запретил мне установление любого контакта с Россией. Он явно заметил, насколько сильно я удручен этим, ибо вскоре посетил меня в моей ставке и как бы мимоходом вдруг сказал: «Знаете ли, Риббентроп, если я сегодня и договорюсь с Россией, то завтра снова схвачусь с ней, иначе я не могу!» Я в полной растерянности ответил: «Так никакой внешней политики вести нельзя, ведь тогда всякое доверие к нам будет потеряно». Сознание своего бессилия и невозможности что-либо изменить привело меня в ужас перед будущим.

¹ Пьетро Граццано Монферрато Бадольо (1871–1956) – итальянский военный и государственный деятель, маршал (1926). Участвовал в государственном перевороте 25 июля 1943 г., приведшем к падению фашистской диктатуры Муссолини.

² Диверсионной группой во главе с эсэсовским головорезом Отто Скорцени.

30 августа 1944 г. я снова передал фюреру памятную записку с просьбой уполномочить меня немедленно предпринять зондаж во всех направлениях с целью заключения мира.

Свою памятную записку я начал словами: «Задача дипломатии — заботиться о том, чтобы народ не героически погиб, а продолжал существовать. Любой путь, ведущий к этой цели, оправдан, а неиспользование его может быть охарактеризовано лишь как достойное проклятия преступление». Эти слова были не чем иным, как цитатой из «Майн кампф», которую я сознательно поставил в самом начале своей памятной записки, чтобы напомнить Адольфу Гитлеру его же собственными словами о задаче любой дипломатии. Я хотел, с одной стороны, обратить внимание на то, что мы уже собрались героически погибнуть, а с другой — на то, что он сам же считал: дипломатия обязана попытаться не допустить этого. Но и эта памятная записка успеха не возымела, а полномочий, которые я просил, мне так и не было дано.

Через некоторое время ко мне поступила от Клейста информация, что русские тоже выразили желание вступить в контакт с нами. Я передал это сообщение фюреру и наконец-то получил от него разрешение распространить мой зондаж на Стокгольм. Правда, я несколько сомневался в истинности этого сообщения и испытывал такое чувство, что здесь, скорее, желаемое принималось за действительное. Но я хотел прежде всего иметь полномочия от Гитлера. Однако русский представитель действительно так и не появился.

Здесь следовало бы упомянуть и о том, что (после того как Гитлер неизменно отказывался начать с русским послом в Стокгольме прямые переговоры о мире) моя жена осенью 1944 г. написала фюреру письмо, в котором она как «разведенная» жена, которую он может в любой момент дезавуировать, выражала готовность вступить в контакт с мадам Коллонтай, чтобы таким образом, возможно, получить отправные точки для суждения о том, имеются ли вообще какие-либо возможности для серьезного разговора с Россией о мире. Однако Гитлер эту

инициативу отверг, заметив при этом: намерение разведать позицию русских на сей счет означало бы не что иное, как желание «схватить рукой докрасна раскаленную печку, дабы убедиться, что она горяча».

В январе 1945 г. я решил предпринять последний натиск в этом направлении. Я сказал фюреру: я готов вместе со своей семьей полететь в Москву, чтобы априори убедить Сталина в честности наших намерений; таким образом, я и моя семья послужим своего рода залогом в его руках. На это Гитлер ответил: «Риббентроп, не устраивайте мне никаких историй вроде Гесса!»

Такова трагическая глава моих попыток прийти к миру с Россией, чтобы затем получить возможность закончить войну компромиссом с Западом.

* * *

Надо упомянуть здесь и об одной сцене, относящейся к последним неделям. Однажды (это было вскоре после крупных воздушных налетов на Дрезден) мне позвонил по телефону посол Хевель: фюрер по одному сделанному ему предложению хочет в качестве репрессии за каждого убитого в Дрездене расстрелять одного военнопленного. Вермахт, а также партийное руководство высказались против, но фюрер настаивал на этом, поскольку злодеяние в Дрездене, где погибли десятки тысяч женщин и детей, было слишком ужасающим. Однако фюрер пожелал предварительно переговорить со мной насчет Женевской конвенции. Я попросил срочной аудиенции. Гитлер ожидал меня в саду Имперской канцелярии. Я сказал ему, что внесенное предложение ни в коем случае осуществлено быть не может, указал на его тяжелые последствия и дал фюреру ясно понять, что ни в каком отступлении от Женевской конвенции я участия не приму. Фюрер находился в весьма возбужденном состоянии, он резко оборвал меня, однако распорядился приказ не отдавать. Беседа была очень краткой; хотя Гитлер ничего окончательного мне и не сказал, я знал, что такого приказа он не отдаст. Вскоре посол Хевель зашел ко мне и сообщил: фюрер был намерен, несмотря на наличие противоположных точек

зрения вермахта и партии, все же такой приказ отдать и только мое вмешательство удержало его от этого.

* * *

Адольф Гитлер считал борьбу на Востоке борьбой народов за обладание жизненным пространством. Усиливающаяся суровость этой борьбы за достижение великих целей, которые он поставил перед собой, делала его все более несгибаемым. Предложения о компромиссе вызывали у него в последние годы взрывы возмущения. Чудовищные перегрузка и ответственность подорвали его здоровье (он жил на инъекциях витаминов и гормонов и ходил с согнутой спиной). Но твердость его характера превратилась в упрямство, а спокойный разговор с ним на политические темы стал попросту невозможен. Он видел все только с военной точки зрения, он уже не верил ни в какие возможности компромисса. Кто же из нас был прав: он или я? Кто может ответить сегодня на этот вопрос? Во всяком случае любой проведенный мной в годы войны зондаж — через Швейцарию, через Стокгольм, а под конец и через одно доверенное лицо в Мадриде (причем не только после появления формулы безоговорочной капитуляции) — показывал, что ни с Англией, ни с Америкой серьезно говорить о мире было невозможно.

Трагической судьбой Германии всегда являлось то, что она должна была сдерживать натиск Востока своей собственной кровью. Так было со времен битвы на Каталонских полях¹, затем во времена войн с турками, которых привела в Европу Франция, и вплоть до нынешней мировой войны, в которой западные державы своим выступлением против Германии открыли путь в Европу Востоку.

Адольф Гитлер до самого конца был убежден, что великая трагедия этой войны состояла в том, что в столкновении двух миров — Востока и Запада — Запад ударил в спину именно тому народу, который вел эту борьбу ради Европы и всего культурного мира.

¹ Равнина в Шампани, где в 451 г. предводитель гуннов Аттила был разбит римским полководцем Аэцием.

Он не хотел поверить в поражение и становился в своих мерах все более крутым. Он был почти фанатически убежден в неисчерпаемых способностях немецкого солдата воевать и немецкого рабочего — трудиться.

Он неоднократно говорил мне: наше особое оружие — сначала подводные лодки, затем самолеты-снаряды и ракеты «Фау»¹, а также новые самолеты — несмотря ни на что, обеспечит нам победу. Он верил в это даже всего за шесть недель до горького конца.

Гитлер так и не расстался с убеждением, что победа еще может прийти, пока держится фронт. Он вновь и вновь говорил о «грядущем повороте». Вероятно, он ясно осознал, что иначе остается только капитуляция. Он считал, что конец национал-социализма означает большевизацию Германии.

¹ От первой буквы нем. слова die Vergeltungswaffe — «оружие возмездия».

НЮРНБЕРГСКИЕ ЗАПИСИ

Причины краха

Трагизм того, что мы войну проиграли, усугубляется тем, что мы могли ее выиграть.

Первой причиной проигрыша войны несомненно была неожиданно большая сила сопротивления Красной Армии под сильным руководством Сталина, а также использование американских поставок вооружения.

Существенной причиной поражения Германии была, далее, все сильнее проявлявшая себя в ходе войны вражеская авиация, которая в конце войны оказалась в состоянии разрушить европейские производственные объекты, после чего мы потеряли свое превосходство в воздухе.

К этому присовокупились военная несостоятельность Италии, превосходство вражеской противолодочной обороны, трудности в организации сухопутных войск и сыгравшее роковую роль взаимопереплетение компетенций в отдельных командных органах. Без сомнения, сюда следует отнести также и, пожалуй, одну из ошибок нашей правительственной системы, состоявшую в том, что никогда не удавалось осуществить обмен мнениями в кругу имперского кабинета под председательством фюрера. Таким образом, решения принимались мозгом одного человека, зачастую без заслушивания мнения другой стороны.

В качестве особенно важной причины проигрыша войны должна быть названа и внутренняя оппозиция, которая все острее возникала в высшем гражданском и военном руководстве по мере возрастания тяжести ведения войны. Сюда относятся и такие важные факторы, как, к примеру, начальник военной разведывательной службы (имеется в виду начальник абвера адмирал Канарис. —

Перев.), а также начальник генерального штаба (уволенные Гитлером в отставку генерал-полковники Гальдер и Гудериан. — *Перев.*), министры, высокопоставленные государственные чиновники, генералы¹ и т. п.

Эта количественно даже и небольшая оппозиция оказывала столь роковое по своим последствиям воздействие потому, что отдельные ее приверженцы принадлежали к высшему руководству и занимали в рейхе ключевые позиции.

* * *

Еще всего за неделю до смерти фюрера я имел беседу с ним, в которой он охарактеризовал проблему люфтваффе как военную причину нашего поражения. Он, по его словам, вновь и вновь говорил об этом с Герингом, но Геринг никакой не специалист в технике, да и слишком мало разбирался в типах самолетов. Когда, например, было объявлено об американском четырехмоторном бомбардировщике [«Летающая крепость»], Геринг сказал ему: это именно тот тип самолета, который он так желал видеть на вооружении у врага, ибо его легче всего уничтожить. Он целыми часами спорил с Герингом о типах самолетов и высказывал ему свои совершенно расходившиеся с геринговскими взгляды, но тот со всей силой своей крупной личности отстаивал собственные убеждения, которым он, фюрер, как неспециалист, не мог противопоставить соот-

¹ По заявлению защитника бывшего начальника генерального штаба сухопутных сил Гальдера адвоката д-ра Мартина Хорна, «поведение Гальдера в 1938 г. в любом случае являлось полной государственной изменой». — Цит. по: Dr. M. Horn. Halder-Schuld oder Tragik. München, 1948. S. 37.

Э. фон Шлабрендорф (участник антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г. — *Перев.*) в своей книге «Офицеры против Гитлера» (Цюрих, 1946. С. 32) пишет о плане Гитлера после французской кампании летом 1940 г. напасть на Англию: «Не допустить этого успеха Гитлера при всех обстоятельствах и любыми средствами, пусть даже ценой тяжкого поражения третьего рейха, было нашей самой неотложной задачей». В появившемся в 1951 г. новом варианте этой книги данная фраза отсутствует. — *Примеч. нем. изд.*

ветствующие доводы. Начиная с 1940 г. люфтваффе, по его мнению, больше серьезно не развивалась. Министерство авиации обюрократилось. Производство и типы выпускаемых самолетов определялись отнюдь не техническими и хозяйственными знаниями, и в результате развитие застопорилось.

Сам я на следующий день после имевшего тяжелые последствия воздушного налета на Гамбург в июле 1943 г. сказал фюреру: мы либо приведем «люфтваффе в порядок», либо войну проиграем. Но, к сожалению, в порядок люфтваффе так приведена и не была.

К еврейскому вопросу

С первого же момента моей принадлежности к НСДАП я пытался добиться пересмотра ее антисемитских принципов или по крайней мере эволюционного развития в еврейском вопросе посредством *numerus clausus*¹. Я верил тогда в возможность осуществления моих ожиданий на возрастание терпимости к евреям.

Совершенно несомненно, что еврейская проблема существовала в Германии еще до 1933 г. Евреи приобрели значительное влияние во многих областях общественной жизни германской нации. Они занимали видное положение почти повсюду: в немецкой культуре, прессе, кино, театре, а особенно, разумеется, в экономической и финансовой жизни. Один известный франкфуртский еврей, многолетний друг нашей семьи, часто говорил мне тогда с большой тревогой об этом. Сам он считал, что поведение определенных немецких или иммигрировавших евреев рано или поздно приведет к крупным конфликтам.

После обнародования в сентябре 1935 г. [антисемитских] нюрнбергских законов я долго и подробно беседовал с фюрером по еврейскому вопросу. Я настойчиво обращал внимание Адольфа Гитлера (который после заключения германо-английского соглашения о флотах питал ко мне большое доверие) на отрицательные внешнеполитические

¹ Процентная норма (*лат.*).

последствия этих законов. Из его высказываний и сообщений у меня тогда сложилось впечатление, что в результате только что произведенного законодательного урегулирования процесс этот завершен и евреи — хотя и в значительно ограниченной мере — сохранят у нас вполне приличные возможности жизни и материальное положение. Дальнейшая позиция Гитлера, а также партийного руководства в общем и целом не казалась мне до 1936 г., т.е. до моего отъезда в Лондон, неблагоприятной для спокойного развития тенденции к толерантности.

По возвращении в Берлин в качестве министра иностранных дел в 1938 г. я обнаружил полностью изменившуюся ситуацию. Нюрнбергские законы вызвали сильную реакцию у еврейства во всех странах мира, особенно в США, и последствием этого стали острейшие нападки на национал-социалистическую Германию прежде всего в иностранной печати. Это в свою очередь побудило фюрера занять в еврейском вопросе гораздо более жесткую позицию. Так возник *circulus vitiosus*¹!

В связи с убийством советника нашего посольства в Париже фон Рата евреем Грюншпаном в ноябре 1938 г. произошли известные эксцессы против евреев². Как только я узнал о них, я сразу же отправился в Оберзальцберг. Я заявил Гитлеру, сколь серьезное воздействие такие незаконные антисемитские меры могут оказать на собственный народ, а также указал на неизбежные тяжелые политические последствия этих эксцессов. Во время беседы он со всей серьезностью сказал мне, что не всегда можно определять ход событий так, как хотелось бы, и что все будет снова введено в упорядоченные формы. У меня сложилось впечатление, что Гитлер и сам был ошеломлен масштабом этих событий и вызванной ими реакцией.

В течение зимы 1938/39 г. я несколько раз, однако безуспешно, говорил с фюрером о необходимости полного восстановления того положения, которое существовало до

¹ Порочный круг (*лат.*).

² Проведенные в организованном порядке по всей Германии «стихийные» погромы еврейских магазинов и синагог 9 ноября 1938 г. получили название «Хрустальная ночь».

указанных эксцессов. Затем я представил ему план организации добровольного выезда евреев за границу с разрешением им вывезти часть своего имущества. Многие евреи тогда эмигрировали, хотя другие страны, особенно США, создали немецким евреям огромные трудности при иммиграции.

С началом войны противостояние национал-социалистической Германии и интернационального еврейства стало принимать в пропаганде обеих сторон все более острые формы. Установка Адольфа Гитлера сделалась еще более бескомпромиссной, и говорить с ним по еврейскому вопросу становилось все труднее. Несмотря на это, я в годы войны неоднократно указывал на большие внешнеполитические проигрыши от антиеврейской политики. Не только США, но и правительства ряда нейтральных стран в своей пропаганде тоже создавали нам серьезные трудности из-за еврейского вопроса. Источником этих трудностей в большинстве случаев являлся англо-американский мир. Я постоянно разъяснял Гитлеру, что эта без надобности возникающая вражда мирового еврейства равнозначна вражде еще одной дополнительной великой державы.

Адольф Гитлер, напротив, все более приходил к убеждению, что мировое еврейство систематически готовило войну против Германии и в конечном счете ответственно за ее развязывание.

Он считал, что только англо-американское еврейство сорвало единение с Англией, к которому он стремился. Перед войной и после начала войны с Россией он придерживался мнения, что за коммунистической угрозой на Востоке тоже стоит интернациональное еврейство и что именно оно привело Сталина к намерению путем комбинарованного нападения с Востока и Запада победить и большевизировать Германию.

Тем не менее я неоднократно излагал Адольфу Гитлеру противоположные взгляды по вопросу о еврейском влиянии. Вторая мировая война, по моему убеждению, разразилась потому, что Англия заняла враждебную позицию в отношении германских притязаний. Конечно, еврейское влияние вполне могло играть при

этом способствующую возникновению войны роль, но первичную причину войны следовало искать не здесь. Она, напротив, объяснялась тревогой английских империалистов за сохранение европейского баланса. Во время этих бесед я ссылался на два примера: на времена Наполеона, когда евреи в Англии еще не имели никакого сколько-нибудь значительного влияния (Ротшильды заняли свое высокое положение только после Ватерлоо), а англичане тем не менее с ожесточением воевали против французского императора; позже кайзер Вильгельм II, хотя он и являлся другом немецких евреев, был провозглашен врагом Англии.

Но переубедить Адольфа Гитлера было невозможно, и он постоянно повторял мне, что в этом вопросе я ничего не смыслю. Он был и оставался убежденным в том, что война исходит от еврейства Англии, Франции и прежде всего США и что американское еврейство, почти безраздельно владея американской прессой, систематически готовило войну и подстрекало Рузвельта занимать враждебную Германии позицию и проводить соответствующую политику. Мои предложения по изменению нашего курса в политике по отношению к евреям отбрасывались.

После победы над Польшей и Францией Гитлер передал вопросы обращения с евреями в оккупированной Европе в ведение Гимmlера. О его акции по переселению сначала немецких евреев, а потом и евреев из всех захваченных областей на Восток я получил информацию лишь позже, да и то неполную. Лагерь в Терезиенштадте¹ например, еще в 1944 г. подвергся инспектированию Международным Красным Крестом. Поскольку инспекция проводилась при содействии министерства иностранных дел, я получил о ней отчет, из которого следовало, что существующие там условия были признаны удовлетворительными. Более подробных сведений (особенно о других лагерях) я не получал, поскольку, как уже сказано, эти вопросы были по приказу фюрера объявлены компетенцией исключительно рейхсфюрера СС. Под предлогом, что

¹ Чешский город Терезин.

это внутренние административные дела, министерство иностранных дел было категорически лишено права вмешиваться во все, касавшееся евреев.

Когда я в 1943 г. в моей памятной записке представил фюреру несколько предложений по изменению политики в еврейском и церковном вопросах, он заявил мне, что придерживается во всем этом совершенно противоположных взглядов. Даже последовавшая затем сравнительно спокойная беседа по этим вопросам ни к какому позитивному результату не привела. Гитлер сказал мне тогда: «Во внешней политике вы понимаете, а вот в еврейском вопросе — ровным счетом ничего; в этом деле лучше всего разбирается Геббельс. Министерство же иностранных дел на это неспособно, да и не для того оно существует». Тем не менее я привел все аргументы, которые могли показать, насколько сильно наше положение в ставшей гораздо тяжелее войне могло бы быть облегчено в результате мира в области мировоззрения. Ответ Гитлера гласил: «Это полная недооценка проблемы и наивное о ней представление. Эта война — война мировоззрений между еврейско-большевистским и националистическим мирами, и борьба эта дипломатическими средствами выиграна быть не может. Решающее слово здесь принадлежит оружию».

В той мере, в какой министерство иностранных дел вообще занималось еврейским вопросом, оно решительно действовало в направлении его радикализации. Во многих случаях оно действительно добивалось компромиссных решений. От самого Гитлера министерство иностранных дел получало по еврейскому вопросу указаний мало. Они ограничивались в общем и целом дипломатическими представлениями, долженствующими побудить правительства дружественных стран уделять еврейскому вопросу больше внимания и убрать всех евреев с влиятельных постов. Но и тут возникали разногласия с нашими союзниками. Так, однажды фюрер передал мне, что в занятой итальянцами части Франции раскрыта крупная еврейская шпионско-диверсионная организация. Я получил задание сделать Муссолини серьезное представление по этому поводу. В

процессе нашей дипломатической работы с нейтральными государствами становилось все более заметно, что там дает себя знать сильно направленное против нас еврейское влияние.

В 1944 г. высказывания Гитлера все больше концентрировались на столкновениях с еврейством. В конце концов им овладел тупой фанатизм. Но вплоть до 22 апреля 1945 г., когда я в последний раз видел его в Имперской канцелярии, он лишь одним-единственным словом обмолвился о массовом убийстве евреев. Поэтому я и по сей день не могу поверить в то, что именно он распорядился об умерщвлении евреев, а предполагаю, что Гиммлер поставил его перед свершившимися фактами.

Добровольная ответственность

В Нюрнберге мой муж за несколько недель до начала процесса направил Обвинению письмо, в котором, в частности, говорится:

«...Как я полагаю, процесс проводится с целью, в частности, установить вину Германии за эту войну. Думаю, что вопрос, какие причины, основания и события привели к возникновению войны, в настоящее время и при нынешних условиях едва ли может быть окончательно решен какой-либо инстанцией. Речь так или иначе шла бы о приговоре, вынесенном судом, который состоит из представителей бывших враждебных Германии держав. Будь этот суд даже преисполнен самым честным стремлением судить объективно, непредвзято и справедливо, приговор его в конечном счете все равно явится субъективным. Ожидать чего-либо иного кажется мне нелогичным и почти выходящим за пределы человеческих возможностей.

Далее, я спрашиваю себя, может ли такой трибунал, согласно действующему международному праву — как с точки зрения своей компетенции, так и характера судопроизводства, — претендовать на ту правовую основу,

которая необходима для того, чтобы судить прежде суверенное правительство, несущее ответственность только перед собственным народом. Не найдется, пожалуй, и никакого закона для вынесения такого приговора, который в соответствии с правовыми понятиями имел бы и обратную силу.

Будь Адольф Гитлер сегодня жив, он взял бы на себя всю ответственность за последствия этой войны и не позволил бы, чтобы эту ответственность разделил с ним кто-либо из его приверженцев. Но Адольф Гитлер мертв. Таким образом, теперь должна быть установлена ответственность других лиц. Если очевидная потребность в определении ответственности должна быть удовлетворена путем добровольного принятия ее на себя мною и, вероятно, также и другими сотрудниками фюрера и тем самым можно будет избежать намеченных судебных процессов против других немцев, я как бывший министр иностранных дел Адольфа Гитлера готов сделать такой шаг и добровольно взять на себя всю ответственность за действия всех арестованных немцев, женщин и мужчин, представляющих наш режим.

Я готов к этому, желая быть полезным примирению и будущей дружбе между американским, английским, французским и русским народами, с одной стороны, и немецким — с другой. Ибо эти процессы, вместо того чтобы служить примирению, как я полагаю, вносят лишь новую ненависть между народами...»

* * *

В начале предъявления документов по делу Риббентропа на Нюрнбергском процессе (вечернее заседание 26 марта 1946 г.) мой муж через своего защитника сделал следующее заявление:

Как имперский министр иностранных дел, я был обязан проводить в жизнь внешнеполитические директивы и указания Адольфа Гитлера. За предпринятые при этом лично мною внешнеполитические действия я несу полную ответственность.

«Свидетели» и «документы»

Приводимые ниже записи, мой муж делал не для публикации, а только для ориентировки своих защитников. Но я все же считаю нужным привести их здесь, ибо они, с одной стороны, характеризуют атмосферу Нюрнбергского процесса, а с другой — заслуживают внимания, учитывая различные публикации послевоенного времени.

Как я слышал, господина фон Вайцеккер [статс-секретарь министерства иностранных дел] и д-р Эрих Кордт ныне высказываются таким образом, будто они часто выступали моими оппонентами при проведении мною внешней политики фюрера. По этому поводу я констатирую: как г-н фон Вайцеккер, так и д-р Кордт бесчисленное множество раз, постоянно, вновь и вновь выражали мне свою преданность и удовлетворение происходившими событиями. Вряд ли кто еще более сердечным образом поздравлял меня при внешнеполитических успехах, чем они оба.

В результате кадровых перестановок я перевел Вайцеккера в Ватикан, ибо в Берлине мне нужен был такой статс-секретарь, который мог бы лучше вести переговоры с партией. Еще до своего отбытия в Рим г-н Вайцеккер сердечно поздравил меня с моим 50-летием. Даже если он действительно был принципиально не согласен с германской внешней политикой, то ни в одной беседе он мне этого своего несогласия никогда не высказывал. Если же он говорил это другим за моей спиной, то это свидетельствует об особенностях его характера и дает возможность соответственно считать, что его нынешние показания объясняются приспособленчеством. Надо принять во внимание и то, что Вайцеккер был информирован о внешнеполитических событиях лишь частично, а о том, что происходило между мной и Адольфом Гитлером, вообще никакой информации не имел. Правда, я делал все для того, чтобы приблизить Вайцеккера к фюреру, но тот его допускать к себе не желал, и тут я ничего поделать не мог.

Если же сегодня Вайцзеккер утверждает, будто это именно я не допускал его к фюреру, то он совершенно точно знает, что это извращение фактов.

С Кордтом я о крупных проблемах политики почти никогда не говорил. Он занимался только текущими делами. И он тоже никогда не давал почувствовать мне своей какой-либо оппозиционности к нашей внешней политике. Начиная с 1934 г. он постоянно находился при мне и годами всм сердцем воспринимал наши успехи. Я относился к нему не без симпатии, хотя временами он казался мне несколько скрытным. Из-за его перегрузки делами я часто давал ему продолжительный отпуск, а позже направил на заграничную работу в Восточную Азию. Эта мера не имела к политике никакого отношения: должность Кордта никогда не была столь важна, чтобы я вел с ним политические беседы принципиального характера.

Если сегодня эти господа подвизаются в качестве «свидетелей» против меня, то с человеческой точки зрения это печально. Годами сотрудничая со мной, они показывали совершенно иное лицо. Но в обстановке сегодняшнего психоза возможна ведь любая смена взглядов¹, и при бесхарактерности многих, слишком многих людей меня это уже не удивляет. Уверен, что Обвинение при некотором нажиме сможет получить почти от каждого сотрудника министерства иностранных дел любые показания против меня, какие только оно захочет. Констатация печальная, но верная.

* * *

Переводчик Шмидт, нынешний коронный свидетель наших противников, когда я пришел в министерство иностранных дел, уже принадлежал к числу высокопоставленных чиновников и служил в отделе переводов. Я приблизил его к себе позже, когда искал переводчика для

¹ То обстоятельство, что Вайцзеккер, как и Кордт, фактически вел политическую деятельность в движении Сопротивления (это выяснилось во время более поздних процессов и из их собственных книг), Риббентропу при написании его заметок известно не было. — *Примеч. нем. изд.*

фюрера. До этого я переводил (очевидно, с английского и французского. — *Перев.*) Адольфу Гитлеру сам, но потом фюрер больше не пожелал этого. Шмидт стал первоначально привлекаться для обслуживания некоторых иностранных визитеров, а затем все больше использовался фюрером и мной. Я позаботился о том, чтобы с согласия фюрера он был причислен к высшим чиновникам министерства. Само собой разумеется, его незаурядный талант укрепил его положение при фюрере, но шанс сделаться известным личным переводчиком Адольфа Гитлера дал ему я.

Позже (думаю, это было в 1940 или 1941 г.) я назначил Шмидта наряду с его переводческой работой начальником министерской канцелярии. Как таковой он занимался отнюдь не политической, а регистраторской деятельностью. О политике или политическом планировании я со Шмидтом никогда никаких разговоров не вел; не делал этого и фюрер. Обо всем этом он мог быть информирован только косвенно. Для нас он был и оставался переводчиком, а в остальном — руководителем моего берлинского министерского бюро, чтобы держать там документы в порядке, когда я (как это обычно имело место в течение всей войны) находился в моей полевой ставке.

Шмидт вел себя тогда по отношению ко мне вполне лояльно. Никакой критики режима, нашей внешней политики или учреждений третьего рейха из его уст я ни разу не слышал. Наоборот, у меня сложилось впечатление, что Шмидт был настроен по отношению ко всему этому вполне позитивно и в своей роли пользующегося международной известностью переводчика фюрера чувствовал себя прекрасно. Фюрер оказывал ему явное предпочтение.

Если Шмидт в зачитанной здесь перед судьями памятной записке утверждает, что «с самого начала намерением национал-социалистической внешней политики было господствовать в Европе», то это не только неправда: в силу своего должностного положения он даже не мог судить об этом. Когда теперь Шмидт используется союзническим Обвинением (сэр Максвэлл Файф) в качестве

коронного свидетеля против немцев, то это для меня еще одно разочарование в человеке.

* * *

Посол Гаус¹ многие годы был моим ближайшим сотрудником. Он работал у меня еще при тогдашнем министре иностранных дел фон Нейрате. Я считал его тогда умным, опытным, а прежде всего порядочным человеком и рассчитывал, что именно он в тогдашних, порой довольно трудных условиях может быть полезен мне в отношениях с некоторыми господами из министерства.

Став министром, я сделал Гауса своим близким сотрудником. Я предложил тогда фюреру принять его в партию, хотя его жена была наполовину еврейка, а затем добивался, чтобы ему за его верное сотрудничество был пожалован золотой партийный значок. Правда, фюрер на это не пошел, но подарил Гаусу свою фотографию с весьма сердечной надписью. Гаус со слезами на глазах благодарил меня, и это, казалось, говорило о том, как он тронут. Он сказал мне тогда: «Господин министр, благодарю вас — вот уже более 25 лет я прослужил в министерстве, и это первая награда, которую я получил!» Я еще в 1944 г. полностью прикрывал Гауса и его жену от всех нападков со стороны партии, которая неоднократно обращалась ко мне с требованием удалить его из министерства, и раз навсегда прекратил эти нападки, дав ему такую характеристику, какую заслуживает только близкий и самый лучший сотрудник. Эта характеристика должна находиться в его личном деле, хранящемся в Партийной канцелярии.

С Гаусом я обсуждал все вопросы большой политики. Каждая моя памятная записка фюреру обязательно просматривалась Гаусом, зачастую я устно обсуждал ее с ним, прежде чем продиктовать на машинку. Не было такой важной входящей или исходящей телеграммы, ни одной инструкции важного значения нашим зарубежным пред-

¹ Был юридическим советником Риббентропа при заключении 23 августа 1939 г. германо-советского договора о ненападении и подписании секретного дополнительного протокола к нему.

ставителям, которую Гаус не видел бы, не обговаривал со мной, а часто и сам формулировал. Как до, так и во время войны Гаус принимал в качестве моего ближайшего сотрудника участие во всех внешнеполитических акциях и содействовал их проведению. В принципе, я консультировался с ним даже раньше, чем со статс-секретарем. Когда по моему предложению фюрер дал ему ранг посла, я причислил его к старейшим послам министерства.

Гаусу известно о тех серьезных разногласиях, которые возникали у меня с Адольфом Гитлером в течение ряда лет. Он почти единственный хорошо знает, как я порой почти в отчаянии возвращался от Гитлера, поскольку все мои попытки добиться изменения политики в еврейском и церковном вопросах оставались безуспешными, а мои попытки во время войны побудить фюрера пойти на мирный зондаж тоже не имели никакого успеха. Только с одним Гаусом говорил я о таких расхождениях, в которые ни в коем случае нельзя было втягивать более широкие круги; разумеется, внешне я должен был из государственных соображений демонстрировать иную позицию.

В 1942 г. я после серьезного спора с фюрером, вернувшись к себе, обрисовал Гаусу всю ситуацию. В ответ Гаус сказал мне, что сейчас, во время войны, уход министра иностранных дел в отставку — это катастрофа, которую я никоим образом не имею права устроить фюреру и стране.

То, что сегодня Гаус занимает столь жалкую позицию¹, о которой сообщили мне мои защитники после своей беседы с ним и которая полностью служит интересам Обвинения, — это самое печальное из всех моих печальных переживаний. Если он скажет правду, это будет лучше и для германского дела, и для него самого.

¹ На так называемом процессе по делу Вильгельмштрассе (1948 г.) было доказано, что посол Гаус занял такую позицию перед нюрнбергским Обвинением ввиду угрозы его депортации в Советский Союз. — *Примеч. нем. изд.*

Гендерсон и Чиано

В соответствии с моим представлением о государственных интересах я никогда не позволял того, чтобы во внешний мир проникал даже малейший намек на внутренние разногласия, дабы не поставить этим под угрозу желательные дипломатические решения. Это давало противнику возможность легко навесить на меня ярлык министра иностранных дел «жесткого курса» или даже приверженца «партии войны». Эта понятная с английской точки зрения пропаганда, к сожалению, оказывала свое воздействие и на те германские круги (думаю, даже на д-ра Геббельса¹), которые из личных соображений охотно распространяли утверждение, будто я желал войны против Англии, потому что «в Лондоне со мной плохо обращались».

Во главе тех, кто оперирует такими фантастическими измышлениями личного характера насчет исторических фактов, стоит бывший британский посол в Берлине сэр Невилл Гендерсон со своей книгой «Провал одной миссии» («Failure of a Mission»), появившейся еще во время войны и уже тогда оказавшей немалое пропагандистское воздействие.

Хочу остановиться здесь на наиболее злостных извращениях и лживых утверждениях этой книги, ибо версия

¹ Йозеф Пауль Геббельс (1897–1945) — доктор философии, один из главных немецких военных преступников, член НСДАП с 1922 г. С 1933 г. — имперский министр народного просвещения и пропаганды. Принадлежал к числу главных идеологов нацизма. Циничный мастер лживой пропаганды и провокаций. В 1943 г. провозгласил «тотальную войну» против Советского Союза и других стран антигитлеровской коалиции. Был приближенным Гитлера. Опасный соперник Риббентропа в борьбе за доверие и расположение фюрера, а также за руководство германской внешней политикой (особенно в области зарубежной пропаганды). По завещанию Гитлера предназначался на пост рейхсканцлера. Попытался избежать безоговорочной капитуляции Германии. После провала этих попыток 1 мая 1945 г., находясь в занятом Советской Армией Берлине, покончил жизнь в Имперской канцелярии самоубийством вместе с женой Магдой, предварительно умертвив ядом своих шестерых малолетних детей.

Гендерсона служит ныне одним из краеугольных камней тезиса о вине Германии за войну. Гендерсон утверждает, будто я проводил «свокорыстную политику» и давал фюреру во время польского кризиса «роковые советы». Под «роковыми советами» Гендерсон подразумевает то, что я якобы сказал фюреру: Англия на защиту Польши не выступит. Это главный тезис книги; тем самым он хочет доказать вину Гитлера, мою вину и вину Германии за войну.

Истина же противоположна, и она стала в данном случае очевидна для всего мира даже в результате Нюрнбергского процесса. Мне достаточно сослаться на документ ТС 75 (см. с. 123–131) о приостановке выступления германской армии 25 августа 1939 г. и указать на мои попытки оказать в те дни влияние на Гендерсона в духе примирительной позиции его правительства.

Примечательно, что нюрнбергское Обвинение отклонило распространенный на весь мир тезис Гендерсона о моем якобы ошибочном совете Гитлеру и в так называемом письме Трибунала, наоборот, утверждает: я знал о том, что Англия будет сражаться, и тем не менее ничего не сделал для ликвидации кризиса в августе 1939 г., что опять же давно документально опровергнуто.

Следует упомянуть и о другом утверждении Гендерсона, из которого особенно видны его клеветнические намерения. Гендерсон заявляет, будто я в 1937 г., будучи тогда германским послом в Лондоне, «интриговал» против посылки имперского министра иностранных дел фон Нейрата в качестве представителя германского правительства на коронацию [Георга VI]. На самом же деле все было наоборот. Именно я особенно энергично выступал за посылку фон Нейрата на эту церемонию в интересах улучшения германо-английских отношений. Это сам Гитлер был против; только по моему настоянию он решил послать на коронацию в качестве своего специального представителя фельдмаршала Бломберга. Итальянцы же ввиду своих разногласий с Англией по испанскому вопросу послать представителя своего короля вообще отказались.

В качестве моей никогда не имевшей места «интриги» против г-на фон Нейрата Гендерсон указывает на то, что я будто бы опасался, что тот «вскроет» провал моей деятельности в качестве посла в Лондоне. Это утверждение в устах дипломата звучит почти по-детски. Моя миссия в Лондоне не могла привести к успеху, потому что британская политика, как это сегодня ясно каждому, была направлена против Германии. Если бы я рекомендовал Адольфу Гитлеру, учитывая интересы Англии, отказаться от усиления Германии, вот тогда бы я был в Лондоне *persona gratissima*¹, вот тогда бы мистер Гендерсон сам приветствовал бы меня вытянутой вверх рукой и стал моим другом. Но я представлял в Лондоне сильную Германию, желающую быть с Англией на равных, и потому против меня велась не только политическая, но и персональная борьба при помощи высосанных из пальца баек. С точки зрения английской пропаганды тезис о вине Германии за войну, может быть, логичен и понятен, но печально, когда это подкрепляют своей болтовней сами немцы.

Особенно нагло и бессмысленно гендерсоновское утверждение, будто неудача моей лондонской миссии уже гораздо раньше побудила фюрера отозвать меня, как только найдется подходящее для меня место! Гитлер якобы назначил меня министром иностранных дел только потому, что в Берлине я смогу «причинить меньше вреда», чем в Лондоне! Такие утверждения не свидетельствуют о большом понимании сути дела. Осознание усиления Германии было в Англии непопулярным, и ни один дипломат в мире при тогдашних условиях не смог бы сделать его популярным у англичан. Если бы фюрер тогда действительно отвергал мои внешнеполитические оценки, ему наверняка не пришло бы в голову сделать меня министром иностранных дел. А когда Гендерсон заодно заявляет, что никто не сделал больше для ускорения начала войны, чем я, то тут можно констатировать только одно — его собственное донесение лорду Галифаксу, опубликованное

¹ Особо желательная персона (*лат.*).

в английской «Голубой книге», так же ясно опровергает это утверждение, как и показания свидетелей на Нюрнбергском процессе. По Гендерсону, я назвал польскому послу те условия, которые Гитлер великодушно хотел предоставить Польше, «диктаторскими условиями». В действительности же мы в течение всей зимы с ангельским терпением вели переговоры с Польшей и сообщение посла Липского (когда Польша в конце марта 1939 г. была уже уверена в английской гарантии), что дальнейшее продолжение обсуждения данцигской проблемы означает войну, явилось для нас совершенно неожиданным. В описании этого хода развития особенно отчетливо видна вся неискренность книги Гендерсона.

25 августа 1939 г. в 19 часов Гендерсон в телеграмме виконту Галифаксу сообщал:

«Господин Гитлер упомянул, в частности, следующие пункты:... он не заинтересован в том, чтобы побудить Великобританию нарушить данное Польше слово; он не желает показать себя упрямым в соглашении с Польшей; для того, чтобы прийти к договоренности с нею, достаточно одного лишь жеста со стороны Англии, дающего понять, что Польша не должна демонстрировать свою несговорчивость. После того как я попрощался с г-ном фон Риббентропом, он прислал в посольство д-ра Шмидта с текстом устного решения и одновременно с сообщением самого г-на фон Риббентропа, в котором говорилось, что г-н Гитлер желает соглашения с Англией, и в котором он настоятельно просил меня убедить правительство Его Величества отнестись к этому предложению весьма серьезно».

Почему же именно эту телеграмму Гендерсон не упоминает в своей книге? Ответ на этот вопрос один: отсюда было бы видно мое желание достигнуть с Англией мирного решения, а это как раз и не укладывается в рамки его тенденциозной книги.

Ошеломляет та наглость, с какой Гендерсон утверждает, что он не понял предложений фюрера от 30 августа 1939 г., когда я в одиннадцатом часу ночи зачитал ему их по телефону. Сегодня твердо установлено, что основные пункты этих предложений он уже через два часа после

нашего телефонного разговора в точности передал по телеграфу в Лондон и не позднее утра 31 августа они уже имелись в Варшаве.

Неверно и утверждение Гендерсона, что Гитлер 31 августа не желал никаких прямых переговоров с Польшей. Если бы польский посол во второй половине того дня был бы уполномочен принять наши предложения, Гитлер, несомненно, поручил бы мне повести о них переговоры с Липским и кризис был бы ликвидирован.

Я нашел в книге Гендерсона лишь одно искреннее признание: посол твердо заявляет, что он писал ее «предвзято». Это верно применительно к каждому его слову!

По-человечески в пользу Гендерсона можно сказать только одно: он был тяжелобольным человеком. Я постоянно старался вести с ним переговоры по-деловому и порядочно, но это оказалось чрезвычайно трудным. Гендерсон по всему своему характеру чувствовал себя орудием классической английской политики и был готов, какова бы ни была причина, брать себе на душу любую неправду, если верил, что служит этим на пользу своей стране.

Книга Гендерсона — явно выраженная пропагандистская писанина, цель которой — продемонстрировать всему миру единоличную вину Германии за вторую мировую войну; по той же линии идут и принижение моей личности и сравнение меня с графом Берхтольдом.

Верным в книге Гендерсона является лишь одно замечание, которое мыслится им в ироническом духе, но затрагивает суть дела: когда Гитлер предстанет пред судом Всевышнего, он в свое оправдание скажет, что Европа была бы избавлена от ужасов войны, прими Польша тогда его разумные и великодушные условия. Так оно и есть на самом деле: Польша, несомненно, согласилась бы на возвращение Данцига рейху и на автостраду через коридор, не дай британское правительство ей своей гарантии.

Эта гендерсоновская книга, все важные утверждения которой тысячекратно опровергнуты, получила на Нюрнбергском процессе свой номер в качестве «документа» и была представлена Международному военному трибуналу как документальное доказательство.

Точно так же в качестве доказательства моего участия в заговоре с целью подготовки агрессивной войны был привлечен как документ PS 2989 дневник бывшего итальянского министра иностранных дел графа Чиано.

Оригинал этого дневника, несмотря на неоднократные ходатайства моего защитника, в Нюрнберге представлен не был. Я точно знаю, что имеется по меньшей мере два дневника Чиано — один из них я еще в 1943 г. видел у фюрера. В этом дневнике запись, согласно которой я будто бы 12 августа 1939 г. сказал Чиано в Берхтесгадене: «Мы хотим войны», определенно не содержалась. В этом варианте дневника, напротив, имелись якобы сделанные мною весьма презрительные замечания по адресу Японии. Уже тогда против Чиано велось следствие по делу о его измене Муссолини, и он использовал свой дневник в целях шантажа. Чиано сообщил фюреру, что одна копия дневника находится у его друга, испанского посла в Риме, и будет немедленно передана общественности, если с ним, Чиано, что-нибудь случится.

Один из дневников Чиано, несомненно, фальсифицирован. С какой именно рукописи сняты представленные в Нюрнберге копии, установить было невозможно. Нет уверенности и в том, что книга, с которой сняты фотокопии, в самом деле написана самим Чиано, так как доказана только правильность перевода, а не подлинность дневника. И если представленные фотокопии действительно сняты с записей Чиано, то из них следует, что он вел дневник не непрерывно, а делал записи задним числом, т. е. до некоторой степени сам фальсифицировал их. Так, под датами 3 и 4 декабря 1941 г. внесены записи о событиях, произошедших 8 декабря 1941 г. При помощи этого дневника в Нюрнберге собирались доказать, что я имел намерение и желание развязать войну с Польшей.

Весь дневник предположительно в различной мере был задним числом переработан самим Чиано, дабы создать себе крупное «мирное алиби», контрастирующее с моей и фюрера «жаждой войны». В первый вариант он эти строки, само собой разумеется, еще не внес, ибо тогда ему

было важно создать себе залог на тот случай, если с ним при той политически неясной роли, которую он играл ряд лет, что-либо произойдет в собственной стране. Чиано, вне всякого сомнения, постоянно сохранял контакт с вражеской стороной.

Чиано был не только завистлив и тщеславен, но и коварен и ненадежен. С правдой у него были нелады. Это затрудняло не только личное, но и служебное общение с ним. Та манера, с которой он в июле 1943 г. предал в фашистском совете своего собственного тестя Муссолини, характеризует его особенно гадко. Дуче говорил мне позже, что никто и никогда (причем много лет) не обманывал его так, как Чиано, и что тот виновен в коррумпировании фашистской партии, а тем самым и в ее расколе.

В представленном в Нюрнберге варианте так называемых дневников графа Чиано совершенно неверно описаны прежде всего события при нашей встрече в Берхтесгадене 12 и 13 августа 1939 г. После конфликта, возникшего в результате так называемого спора данцигских таможенников, я получил от фюрера задание в предварительном порядке проинформировать Чиано о всей серьезности ситуации с Польшей. Я должен был сказать итальянскому министру иностранных дел, что фюрер больше не намерен постоянно терпеть польские провокации и Польша должна окончательно определить свою позицию.

Компромисс с Россией тогда — 12 августа 1939 г. — уже был в пределах возможного. Возглавляемая Муссолини Италия с ее тогда сильными международными позициями как надежного союзника Германии, дружба с Японией и компромисс с Россией — таковы были те предпосылки, которые казались в то время отнюдь не исключенными, но еще толкали Польшу к столу переговоров с целью мирного решения. Главным при этом являлось то, что Англия, вне всякого сомнения, сознавала решимость фюрера прийти к выяснению отношений с Польшей.

При общеизвестной индискретности итальянских придворных и правительственных кругов наши интересы, бе-

зусловно, требовали, чтобы граф Чиано был убежден в решимости фюрера и соответствующим образом сообщил о ней Муссолини. Впечатление о нерешительности фюрера в польском вопросе немедленно пришло бы через Рим в Лондон, а оттуда — в Варшаву и сделало бы заранее невозможным любое дипломатическое решение. Такова была причина весьма четкой инструкции, полученной мной от фюрера: ни в коем случае не вызывать у Чиано сомнения в решимости фюрера. Но я никогда не говорил Чиано: «Мы хотим войны». Заслуживает внимания, что это выражение упоминается только во введении к представленному в Нюрнберге варианту дневника Чиано. Таким образом, то, что эта фраза внесена в него впоследствии, не вызывает никакого сомнения; возможно, она даже и не принадлежит самому Чиано.

Я до сих пор хорошо помню, что именно я тогда сказал Чиано: с фюрера хватит польских провокаций! Польша должна понять, что Данциг должен вернуться в рейх. Требования фюрера умеренны, но положение обостряется тем, что Польша хочет создать в Данциге свершившиеся факты. Поэтому фюрер полон решимости так или иначе польский вопрос решить. Моим заданием было разъяснить Чиано, прежде чем он отправится на беседу к фюреру, что положение серьезно. Факт последующей беседы оспаривался самим фюрером. По его поручению я попросил Чиано еще и отказаться от коммюнике, а также вполне определенно высказал ему свою точку зрения: я надеюсь на дипломатическое решение именно потому, что фюрер столь решителен.

Сообщениями фюрера Чиано, разумеется, обрадован не был. Но он не смог ничего возразить, кроме как заметить, что Италия к возможному конфликту в военном отношении не подготовлена. Однако для меня было неприятно, что мне пришлось поставить перед Чиано требование о том, чтобы Италия новой крупной акцией доказала свою дружбу. Муссолини уже дважды (один раз при аншлюсе Австрии, а другой — при решении судетского вопроса) стоял на нашей стороне. Теперь я должен просить Италию сделать это в третий раз.

Чиано утверждает, будто у меня была «совесть нечиста», ибо я слишком часто «лгал» насчет германских намерений в отношении Польши и якобы не мог толком сказать, «что же все-таки собираюсь делать». Никакой нечистой совести у меня вовсе не было, ибо насчет Польши я ни разу не лгал, а просто всегда с полной убежденностью говорил о желании Германии мирно решить польский вопрос. Впрочем, граф Чиано — о чем он умалчивает — с марта 1939 г. был полностью в курсе насчет обострения германо-польских отношений, и ему также не оставались неизвестны вражеские заявления о *casus belli*¹ в случае свершившихся фактов в Данциге.

Мне вспоминается характерный эпизод на вокзале при отъезде Чиано. Он пригласил меня поохотиться на уток в Албании. Я сказал ему у поезда, что охотно приму его приглашение осенью. В ответ Чиано: «А удастся ли это? После услышанного мною от фюрера, думаю, осенью стрельба будет иная!» На это я с убежденностью ответил шуткой: «Если все пойдет так, как хочу я, мы все-таки будем стрелять в наших уток!»

Пропагандистская книга английского посла сэра Невилла Гендерсона и фальсифицированный дневник графа Чиано фигурировали на процессе в Нюрнбергском военном трибунале в качестве «документов». Они наверняка никого не убедили, но являлись «доказательствами» против меня...

Мой муж не догадывался, какие еще легенды кроме политической клеветы Гендерсона и Чиано будут пущены в ход в последующие годы против него, чтобы посредством политической диффамации подкрепить тезис, будто он «поддакивал» Гитлеру и являлся «подстрекателем к войне». Неустанно действующая пропаганда с целью в лице Риббентропа дискредитировать германскую внешнюю политику распустила о нем самые невероятные слухи: о «пожалованном» по собственному ходатайству Железном кресте I степени, об «оплаченном» усыновлении, о 82 личных телефонах в лондонском

¹ Предлог, повод для войны (лат.).

здании посольства за счет «использования посольских зданий в личных целях» (например, замка Фашль), о «крышах из листовой меди» при реконструкции министерского здания на Вильгельмштрассе, о мнимой деятельности в качестве «поэта» и «певца». Этот перечень клеветнических измышлений далеко не полон.

Когда одна иллюстрированная газета отказалась опровергнуть особенно гротескные утверждения насчет моего мужа, я в марте 1953 г. попыталась добиться публикации опровержения через суд. В октябре 1953 г. земельный суд Мюнхена вынес решение, что эти утверждения «не затрагивают» его родственников и, согласно баварскому закону о печати, «не представляют никакого «значительного интереса» для их опровержения»!

«Суд» и «приговор»

В нескольких скупых записях мой муж в последние дни своей жизни высказал мнение о Нюрнбергском суде и о вынесенном ему смертном приговоре.

В качестве причин, по которым Нюрнбергский процесс не является убедительным ни в юридическом, ни в политическом отношении, назову следующие.

1. Суд состоял только из представителей держав-победительниц, односторонне заинтересованных в осуждении обвиняемых. Они были судьями в своем собственном деле, что противоречит любому представлению о праве.

2. Суд осудил обвиняемых на основании Устава, созданного пост фактум. Тем самым был нарушен другой фундаментальный принцип права: нет наказания без закона.

3. Утверждение о так называемом заговоре в результате слушания дела было опровергнуто как ложное. Тем не менее приговоры выносились и по этому пункту тоже.

4. Несомненно доказано, что если действия Германии в Польше являлись агрессивной войной, то Советский Союз был участником этой агрессивной войны. Но если Россия была соучастницей агрессии, тогда ни один рус-

ский судья не имел права выносить приговор за это мнимое правонарушение, которое совместно совершило его собственное государство. Тем самым состав суда и с исторической точки зрения будет считаться недопустимым. Не говоря о сути проблемы «агрессивная война», предъявлением доказательств здесь, в Нюрнберге, тоже доказано, что причины того хода развития, который привел к войне, лежали гораздо глубже, а именно коренились в Версале.

5. Защите германской внешней политики на процессе не было дано честного шанса. Подготовленное нами ходатайство о предъявлении нами доказательств удовлетворено не было. Мне не было разрешено дать изложение имеющей решающее значение предыстории войны. Из 300 подготовленных Защитой документов 150 были отклонены без достаточного обоснования. Свидетели, affidavits утверждались только после заслушивания их Обвинением, а по большей части полностью отклонялись. К примеру, показания какого-нибудь жандарма или частного лица при какой-либо правительственной комиссии в качестве доказательства допускались, но переписка между Гитлером и Чемберленом, донесения послов и дипломатические протоколы и т.п. в качестве таковых отклонялись. Германские и иностранные архивы в распоряжение защиты не предоставлялись. Прокуратура разыскивала и односторонне преподносила только компрометирующие документы, а оправдательные сознательно замалчивала. На перекрестных допросах прибегали к всяким трюкам, к использованию «ошеломляющих документов», а честной возможности для высказывания своей позиции не предоставлялось.

6. За совершенные злодеяния осужденные здесь обвиняемые ответственности не несут. Те, кто их совершал или несет за них ответственность, мертвы. Это в первую очередь относится к убийствам евреев, в отношении которых на процессе выяснилось, что они совершались в полной тайне и обвиняемым о них известно не было. Между тем другой стороной в отношении немцев, особенно на Востоке, совершались злодеяния, ничем не уступа-

ющие убийству евреев. Судьям, государствами которых совершались или допускались такие зверства (к тому же после войны), не дано права выносить приговоры немцам.

7. Каждый немец, осужденный как жертва политической юстиции, станет препятствием на пути столь настоятельно необходимого примирения между немецким и западными народами. Выгоду от этого получают Советы, поскольку эти процессы не без основания считаются в первую очередь делом, в котором заинтересованы американцы.

По поводу утверждений, которые, в частности, выдвинуты в Нюрнбергском приговоре против моего мужа, он записал, в частности, следующие исправления:

а) В приговоре утверждается, что в своей памятной записке от 2.1.1938 г. (ТС 75) я предложил меры для того, чтобы удержать Англию и Францию от вмешательства в европейскую войну, целью которой является изменение status quo на Востоке. О войне в Восточной Европе я ничего не говорил.

б) Суд утверждает, что при моем назначении на пост министра иностранных дел Гитлер упомянул о возможности решения территориальной проблемы посредством какого-то «окончательного столкновения» или урегулирования «военным путем». Это не может быть доказано никаким документом или каким-либо свидетельским показанием.

в) Суд утверждает, что в австрийском вопросе я после телефонного разговора с Герингом имел разговор с английским правительством, и отсюда делает вывод о моем «двуличии». Это утверждение также неверно, ибо после телефонного разговора с Герингом я никаких разговоров в Лондоне не вел.

г) Суд утверждает, что в период с 25 до 30 августа 1939 г. я вел с английским правительством переговоры, из которых ясно видно, что я хотел побудить Англию нарушить слово, данное ею Польше. Документы же и свидетельские показания доказывают, что это неверно. Независимо от этого возникает вопрос: что же здесь наказуемого?

д) Суд цитирует протокол совещания от 6 июня 1944 г., которое, как показал Геринг, вообще не имело места.

е) Суд упоминает историю с убийством одного французского генерала, явившимся репрессией за убийство одного немецкого генерала при аналогичных обстоятельствах. Суд хорошо знает, что я высказал Гитлеру свое несогласие с этим намерением, подключил к данному вопросу правовой отдел министерства иностранных дел и во всяком случае выступал за соблюдение Женевской конвенции.

ж) Не соответствует истине и утверждение суда, что я несу ответственность за совершенные во Франции и Дании действия, противоречащие международному праву. Относительно событий в Дании достаточно подробно высказался свидетель Бест в своем affidavitе. Эти и другие документы судом во внимание приняты не были.

з) Равным образом вымышленным является утверждение, будто я играл важную роль в «окончательном решении» (это понятие я услышал впервые в Нюрнберге) еврейской проблемы. Как раз наоборот. Несколько свидетелей дали по этому вопросу подробные показания. Эти документы тоже не были приняты судом во внимание.

* * *

Я всегда выступал за Женевскую конвенцию, я добился снятия кандалов с английских военнопленных, не допустил того, чтобы русским пленным выжигали на теле клеймо, решительно вмешался против планировавшегося расстрела 10000 вражеских военнопленных, преимущественно летчиков, после воздушного налета [англо-американской авиации] на Дрезден. Благодаря этому мы перед концом войны все-таки избежали катастрофы среди военнопленных. Я, как и всегда, придерживался взгляда, что проблема летчиков, осуществляющих террористические бомбежки, должна решаться в рамках Женевской конвенции¹. Гитлер

¹ Имеются в виду Женевские конвенции (Красного Креста) 1864, 1906 и 1929 гг. «Об улучшении участи бальных и раненых в действующих армиях». Согласно этим конвенциям, военнослужащие должны пользоваться гуманным отношением и покровительством воюющей стороны, во власти которой они окажутся как военнопленные.

длительное время обдумывал отказ от нее в качестве контрмеры за бомбардировку германских городов.

Я всегда стремился добиться от Гитлера, чтобы еврейский вопрос решался в духе эволюции, т. е. выступал за его решение посредством изменения законодательства о евреях в направлении его смягчения. Пожалуй, не было в партии никого другого, кто тратил бы ради этого столько нервной энергии в устных беседах с Адольфом Гитлером, а также и на памятные записки. Общечеловеческие принципы и моя внутренняя позиция позволяли мне считать это само собой разумеющимся.

Во время войны я вновь и вновь выступал за начало мирных переговоров, и не моя вина, что усилия эти остались безрезультатными.

* * *

Были на скамье подсудимых и такие люди, которые меня изобличали. Я многое мог бы сказать на сей счет, но не хочу этого делать, ибо для меня дело Германии стояло и стоит превыше всего; взаимные нападки могут в таком положении принести немецкому народу только вред.

* * *

Прошедший год был для меня тяжелым — не в последнюю очередь из-за разногласий с адвокатами, которым я во время обсуждения вопросов моей защиты снова и снова должен был разъяснять, что перед лицом вражеского суда не могу выступать против Адольфа Гитлера.

Я часто думал: было бы куда лучше, если бы фюрер в конце апреля 1945 г., как я и умолял его, послал бы за мной «Шторьх» в Науэн и я смог бы принять участие в завершающей битве за Берлин. Тогда я был бы избавлен от плена и от многого другого. Но сейчас, бросая взгляд назад, я счастлив, что здесь, на процессе (насколько это позволяли состояние моего здоровья и установления суда), смог выступить за дело германского народа. Хотя меня неоднократно лишали слова и не приняли половины моих доказательств, это, несмотря на приговор, в конечном счете все-таки было полезно для будущего.

Несмотря на то что на процессе и были выяснены некоторые моменты, показывающие мою истинную роль, суд ничего этого во внимание не принял, ибо иначе вся картина доказываемой им германской вины оказалась бы разрушенной.

Заключительные замечания

В нюрнбергском обвинительном заключении вновь утверждалось, что Адольф Гитлер стремился к мировому господству. Я же вопреки этому могу засвидетельствовать перед всем миром, что фюрер никогда мне такой мысли не высказывал. Напротив, всеми его мыслями с самого начала владел судьбоносный для Запада вопрос: удастся ли национальным государствам Европы в процессе огромного социального переворота нашего времени с успехом выстоять перед лицом надвигающегося с Востока большевизма и перед его тотальным притязанием на власть? Адольф Гитлер был убежден в том, что решение этого вопроса зависит исключительно от Германии.

Более чем несправедливо и бессмысленно стремление победителей сегодня заставлять немецкий народ расплачиваться за то, что они считают должным инкриминировать его прежнему руководству. Не следует забывать, что национал-социализм пришел к власти потому, что после первой мировой войны Германии не дали никакого шанса, а политически и экономически толкали ее в пропасть. Вторая мировая война возникла не в последнюю очередь потому, что и Адольф Гитлер тоже не смог обеспечить политической и экономической основы существования рейха путем дружественных соглашений с окружающим миром. Он годами пытался посредством союза с Англией создать противовес Востоку. Ради осуществления этой политической концепции германская внешняя политика (это доказывают, в частности, соглашение о военно-морских флотах 1935 г. и отказ от Эльзас-Лотарингии)

была готова пойти на жертвы. Но привлечь на свою сторону Англию ей не удалось, поскольку та видела в усилении Германии не разумную корректировку Версаля и обеспечение безопасности от Востока, а лишь угрозу *balance of power*.

Целых двадцать лет своей жизни я трудился ради взаимопонимания между Германией, Англией и Францией, а позже боролся за германо-английский союз. Я до последнего часа прилагал все усилия, чтобы не допустить возникновения войны. Но Англия, проникнувшись решением помешать дальнейшему усилению Германии, заключила союз с Польшей. Это сделало мирное германо-польское единение невозможным.

То, что германо-английское взаимопонимание не возникло и что вспыхнула война из-за вопроса, решение которого в общем и целом отвечало европейским, т. е. также и английским, интересам, — это трагедия Европы.

Начиная с зимы 1940/41 г. действия Адольфа Гитлера определялись тревогой перед грозящей Германии опасностью войны на два фронта против крупнейших мировых держав. Отразить эту опасность в политической области являлось целью Тройственного пакта, который должен был удержать США от вступления в войну и привести интересы Советского Союза в результате его вступления в этот пакт в согласие с интересами других входящих в данный пакт государств. Направленные на это попытки германской дипломатии сорвались из-за позиции США и из-за русских требований, которые фюрер счел невыполнимыми для Германии и неприемлемыми для Европы. Мою собственную концепцию, которая шла в другом направлении и была призвана дипломатическими средствами побудить Англию к миру, мне осуществить не удавалось. После того как чудовищная мощь Востока стала очевидной, Адольф Гитлер заявил мне: Запад однажды поймет, почему он, фюрер, отверг русские требования и принял решение напасть на Восток. Он был убежден в неизбежности именно такого хода развития, который никакая дипломатия изменить не в силах.

На мои предложения завязать с Советским Союзом мирные переговоры он отвечал: Сталин — его крупный противник; в этой мировоззренческой борьбе против коммунизма компромиссов быть не может. То, что в этой борьбе с Востоком Запад парализует ему руки, Гитлер, по его собственным словам, воспринимал как трагедию этой войны. Отход от национал-социализма, изменение определенных принципов, за что выступал я, а также ограничение рейха территорией меньшего размера, по мнению Гитлера, означали раньше или позже распад Германии. Таково было его убеждение, и этим, а также занимаемой Англией позицией и идеологической враждебностью окружающего мира объяснялся вынужденный характер германской внешней политики. Последнее слово здесь скажет история.

* * *

Уже вскоре после первой мировой войны историографии пришлось констатировать, что утверждение о вине Германии за эту войну сохранять далее невозможно. Точно так же справедливое историческое исследование не может оспаривать того факта, что истинные причины и обоснования второй мировой войны следует искать отнюдь не в воинственности или агрессивности немецкого народа и его руководства. После первой мировой войны тоже находились благоразумные англосаксонские и американские государственные деятели, правильно осознававшие проблемы существования немецкого народа во всем их значении для западного мира, но они не смогли одержать верх. Сегодня этот имеющий важное значение для установления вины за развязывание войны вопрос снова выдвинулся - в живой действительности на первый план и опять ждет своего ответа в будущем.

Мир должен научиться на опыте прошлого! Немецкий народ разбит и зажат в узком пространстве. Но не вызовет ли такое тяжелое, ужасающее давление в конце концов контрдавление? Действительно ли победители не хотят вновь сделать те же ошибки? Не следует ли им на этот

раз быть поумнее и вскрыть корни экономических, а тем самым и политических трудностей в центральноевропейском пространстве и предоставить Германии шанс? Довольная своей жизнью Германия – самая надежная гарантия мира. Пусть правительства государств-победителей на сей раз изберут правильный путь к правильной цели.

ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПИСЕМ

Аннелиз фон Риббентроп
5 октября 1946 г.

...То, что приговор несостоятелен, знает каждый. Но я был однажды министром иностранных дел Адольфа Гитлера, и политика требует осудить меня за это. Судьбе было угодно, чтобы мой коронный свидетель Адольф Гитлер оказался мертв. Если бы он мог дать показания, приговор развалился бы. Но я должен теперь примириться с судьбой ближайших приверженцев столь могучей, но, несомненно, демонической личности...¹

Многое из того, что произошло, было вынужденным. Когда Адольф Гитлер осознал, что его первоначальная идея создания мощного рейха всех немцев, опирающегося на союз с Англией, неосуществима, он попытался построить и обезопасить этот рейх собственной военной силой. Это породило в конечном счете целый мир его врагов. Я тоже хотел сильной Германии, но надеялся, что этого можно будет достигнуть постепенно, путем дипломатических решений, становящихся возможными благодаря растущей мощи рейха. Мог ли я добиваться этого сильнее? Не думаю. Не думаю, что можно было достигнуть этого более настойчивыми усилиями, чем предпринимал я.

Я не пожелал говорить перед этим судом о тех тяжелых конфликтах, которые возникали у меня с Адольфом Гитлером. Немецкий народ тогда справедливо сказал бы: «Что же это за человек? Ведь он был министром иностранных дел Адольфа Гитлера, а теперь по эгоисти-

¹ Здесь и далее сокращения в тексте писем и документов произведены немецким издателем.

ческим причинам выступает против него перед иностранным судом». Ты должна понять это, как ни тяжело это для нас обоих и для наших детей. Но без уважения со стороны всех порядочных немцев и прежде всего без уважения к себе самому я больше не мог бы и не хотел бы жить на свете...

А потому я верю, что... Адольф Гитлер войдет в историю прежде всего как человек, который пробудил нации Европы на борьбу с опасностью, грозящей с Востока!.. Последнее слово об этом скажет история.

Аннелиз фон Риббентроп
6 октября 1946 г.

Твоя мать сказала мне однажды: она надеется, что я — Талейран... Ты знаешь, что такая игра не шла на пользу никому, кроме, может быть, Гимmlера. Мысль, что я виновен в смерти даже одного немецкого солдата ради подобных целей, была бы мне невыносима. После того как противники (неважно, кто именно) решили принять только нашу безоговорочную капитуляцию, каждый такой шаг мог привести только к краху. Взять на себя такую ответственность было сверх моих сил человеческих. Таким образом, сегодня я принадлежу к числу тех, кого размолотили жернова мировой истории...

Аннелиз фон Риббентроп
8 октября 1946 г.

Ужасный психоз, который принес с собой этот крах, заставляет сегодня зашататься многих. Но я всегда думаю о том, что то дружеское отношение, которое мы проявляли в прошедшие годы к людям, ничего не значит в сравнении с тем, что кто-то делает для нас сегодня. Это невероятно больше, чем мы смогли сделать добра им, ибо мы-то ничем не рисковали, а те люди, которые и ныне стоят за нас, рискуют очень многим. Это скоро изменится, но сейчас это так.

Рудольфу фон Риббентропу
14 октября 1946 г.

Мой дорогой Рудольф, я пройду свой последний путь несломленным, сознавая, что я как немецкий патриот сделал все, на что был способен. Я — насколько Адольфу Гитлеру можно было давать внешнеполитические советы — всегда действовал по своему продиктованному долгом разумению. Я всегда думал только о благе Германии и ради этого трудился день и ночь. Однажды эта истина станет снова ясна.

Прощание с вами будет для меня очень тяжким, но оно неизбежно, и мы не имеем права жаловаться на свою судьбу. Держитесь крепко друг за друга в радости и в горе и верьте: я всегда с вами и хочу, чтобы вы всегда чувствовали мою любовь. Обнимаю тебя, мой дорогой сын.

Аннелиз фон Риббентроп
15 октября 1946 г.

...Я хотел помочь Адольфу Гитлеру создать сильную цветущую Германию. Но фюрер и его народ потерпели поражение. Погибли миллионы. Рейх разрушен, а наш народ повержен наземь. А потому разве это неправильно, что и я тоже должен погибнуть — отнюдь не из-за нюрнбергского приговора, вынесенного иностранными судьями, а во имя более высокой справедливости?

Я сохраняю полное самообладание и смело пойду навстречу тому, что будет, как я и обязан сделать это перед лицом прошлого моей семьи и как германский министр иностранных дел.

Ты, моя любимая жена, должна теперь отдать все твое храброе сердце и всю любовь, которую ты питала ко мне, целиком и полностью нашим детям. Я знаю, что могу вполне на тебя положиться. Ты должна знать, что это — мое последнее утешение, которое я унесу с собой.

Я пройду свой путь гордо, несломленным, с твердой верой в вечную жизнь.

Я снова беру твое дорогое лицо в мои руки и снова глубоко гляжу в твои глаза со всей той бесконечной любовью, которую только способен испытывать человек к другому человеку.

Прощай... Я говорю тебе: до свидания в ином мире. Да поможет тебе Бог.

* * *

Боже, защити Германию! Мое последнее желание, чтобы Германия сохранила свое единство и чтобы Восток и Запад договорились об этом между собой.

Стенографическая запись от 16 октября 1946 г.

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

I. Миссия лорда Ренсимаена с британской точки зрения

Донесение чехословацкого посланника в Париже
Осуского о смысле и цели миссии Ренсимаена в Прагу от
5 августа 1938 г.¹

Посольство Чехословацкой Республики в Париже
По вопросу: смысл и цель миссии лорда Ренсимаена
в Прагу

Париж, 5 августа 1938 г.

Секретно

Господин министр Массигли считает направление лорда Ренсимаена в Прагу благим делом. Антони Иден в беседе с послом Корбэном (французский посол в Лондоне) сказал, что по здравом размышлении посылка лорда Ренсимаена в Прагу — хороший шаг, ибо он якобы будет в большей мере, чем прежде, ангажировать Англию в Центральной Европе. Как утверждает Массигли, англичане знают, что война будет, и всеми средствами стараются ее не допустить. Он полностью признает, что посылка лорда Ренсимаена в Прагу с целью ликвидации конфликта сама по себе таит опасность для Чехословакии. Ведь якобы в интересах выигрыша времени лорд Ренсимен может предложить нечто такое, что могло бы оказаться невероятно вредным для Чехословакии.

К этой оценке Массигли я прилагаю дальнейшую информацию, которая чрезвычайно многозначительна. На недавно состоявшейся в Лондоне Международной конференции по зерновому хозяйству англичане, доми-

¹ Dokumente der Deutschen Politik. Bd 6/I. S. 394.

нионы, Америка и Франция провели собственные раздельные заседания. Французский делегат говорил с министрами Эллиотом (британский министр здравоохранения) и Моррисоном (британский министр сельского хозяйства), а также с выдающимся специалистом в этой области сэром Артуром Стритом, который прежде подвизался в министерстве сельского хозяйства, а ныне получил руководящий пост в министерстве авиации. Речи, само поведение и переговоры английских делегатов произвели на французского делегата положительное впечатление, дающее основание полагать, что англичане заинтересованы в организации снабжения пшеницей не ради предотвращения конфликта, а для того, чтобы решить этот конфликт в свою пользу. Министры Эллиот и Моррисон будто бы оба убеждены в эвентуальности конфликта.

Сэр Артур Стрит сказал, что за шесть месяцев он наведет в авиации порядок. Вот почему в Англии придают такое важное значение выигрышу времени.

Тем самым я связываю настоящую информацию с посылкой лорда Ренсима в Прагу, ибо, как я уже сказал, вопрос выигрыша времени играет в его направлении в Прагу важную, если не решающую, роль...

Г-ну д-ру Камиллю Крофте,
министру иностранных дел в Праге

II. Совместное заявление британского премьер-министра и германского фюрера и рейхсканцлера от 30 сентября 1938 г.¹

Проведя сегодня еще одно совещание, мы пришли к выводу, что вопрос германо-английских отношений имеет наипервейшее значение для обеих наших стран и для Европы.

Мы рассматриваем подписанное вчера вечером соглашение и германо-английское соглашение о флотах как

¹ Schulthes's Europäischer Geschichtskalender. 79. Bd 1938. S. 168.

символ желания наших народов никогда больше не вести войны друг против друга. Мы твердо намерены решать и другие вопросы, касающиеся наших обеих стран, методом консультации, а также прилагать и впредь усилия для устранения причин каких-либо разногласий между сторонами, дабы таким образом содействовать обеспечению мира в Европе.

Мюнхен, 30 сентября 1938 г.

Адольф Гитлер

Невилл Чемберлен

III. Политика президента Рузвельта

1. Донесение польского посла в Вашингтоне графа Ежи Потоцкого от 21 ноября 1938 г.¹

Посольство

Республики Польша

в Вашингтоне

Вашингтон, 21.11.1938 г.

По вопросу: беседа с послом (США) Буллитом

Господину министру иностранных дел

Позавчера я имел продолжительную беседу в Вашингтоне с послом Буллитом, находящимся здесь в отпуске.

Поскольку Буллит постоянно информирует президента Рузвельта о международном положении в Европе, а прежде всего в России, его сообщения воспринимаются президентом Рузвельтом и государственным департаментом с большим вниманием...

В ходе беседы Буллит выразил в общем и целом свой огромный пессимизм. Он сказал, что весной 1939 г., несомненно, снова возникнет весьма напряженная обстановка, усиленная к тому же постоянными вспышками возможности войны и угрозами со стороны Германии, а также опасность неопределенной ситуации в Европе. Он

¹ Polnische Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Ersle Folge. Berlin, 1940.

согласился со мной, что центр тяжести европейского вопроса переместился с Запада на Восток, поскольку капитуляция демократических государств в Мюнхене явно показала их слабость перед лицом Германского рейха.

О Германии и канцлере Гитлере он высказался с крайней резкостью и огромной ненавистью. Говорил, что только силой, в конечном счете войной можно положить в будущем конец сумасбродной экспансии Германии.

На мой вопрос, как представляет он себе эту будущую войну, Буллит ответил, что прежде всего Соединенные Штаты, Франция и Англия должны крепко вооружиться, чтобы суметь противодействовать германской мощи.

Только тогда, сказал Буллит далее, если назреет момент, можно будет перейти к конечному решению. Я спросил его, каким образом должно произойти столкновение, поскольку Германия предположительно первой на Англию и Францию не нападет. Я просто не вижу никакой зацепки для осуществления всей этой комбинации.

На это Буллит ответил, что для полного вооружения демократическим странам абсолютно необходимо еще два года. В этот промежуток времени Германия, как можно предположить, приступит к дальнейшему осуществлению своей экспансии в восточном направлении. Желанием демократических государств было бы, чтобы там, на Востоке, дело дошло до военного конфликта Германского рейха и России. Поскольку потенциал Советского Союза до сих пор еще неизвестен, может случиться так, что Германия слишком удалится от своей базы и окажется обреченной на затяжную и ослабляющую ее войну. Только тогда, по мнению Буллита, демократические государства атаковали бы Германию и заставили ее капитулировать.

На мой вопрос, примут ли Соединенные Штаты участие в такой войне, он ответил: «Вне всякого сомнения, да, но только после того как Англия и Франция нанесут удар первыми». Настроение в Соединенных Штатах, как он сказал, в отношении нацизма и гитлеризма настолько напряженное, что уже сегодня среди американцев царит

психоз, похожий на тот, какой имел место перед объявлением Америкой войны Германии в 1917 г. ...

Ежи Потоцкий

Посол Польской Республики

2. Донесение польского посла в Вашингтоне графа Ежи Потоцкого от 16 января 1939 г.¹

Посольство

Республики Польша
в Вашингтоне

16 января 1939 г.
Секретно!

По вопросу: беседа с послом Буллитом
Господину министру иностранных дел в
Варшаве

Позавчера у меня состоялась продолжительная беседа с послом Буллитом в нашем посольстве, где он встретился со мной. Буллит уезжает 21-го числа сего месяца в Париж после почти трехмесячного отсутствия там. Он едет с целым «чемоданом» инструкций, записей бесед и директив, полученных от президента Рузвельта и сенаторов — членов комиссии по иностранным делам.

Из беседы с Буллитом я вынес впечатление, что он получил от президента Рузвельта совершенно точное определение той позиции, которую Соединенным Штатам следует занять в нынешнем европейском кризисе. Он должен ознакомить с этими материалами Кэ д'Орсе, а также использовать их в своих беседах с европейскими государственными деятелями. Содержание этих директив, которые Буллит изложил мне во время получасовой беседы, таково.

1. Оживление внешней политики под руководством президента Рузвельта, который резко и недвусмысленно осуждает тоталитарные государства. 2. Военные приготовления Соединенных Штатов к войне на море, на суше и в воздухе, которые проводятся ускоренными темпами и

¹ Polnische Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges...

уже поглотили колоссальную сумму в 1250000000 долларов. 3. Решительное намерение президента положить конец любой компромиссной политике Англии и Франции в отношении тоталитарных государств. Они больше не должны пускаться с этими тоталитарными государствами ни в какую дискуссию, имеющую целью какие-либо территориальные изменения. 4. Моральное заверение в том, что Соединенные Штаты расстанутся с политикой изоляционизма и готовы в случае войны активно выступить на стороне Англии и Франции. Америка готова предоставить в их распоряжение все свои финансовые средства и сырьевые ресурсы...

Ежи Потоцкий

Посол Польской Республики

3. Донесение польского посла в Париже Юлия Лукасевича от февраля 1939 г.¹

Политическое донесение № IV/4

Посольство

Республики Польша

Париж, ... февраля 1939 г.

Совершенно секретно!

Господину министру иностранных дел в
Варшаве

Неделю назад в Париж после трехмесячного проведенного в Америке отпуска вернулся посол Соединенных Штатов У. Буллит. За время после его возвращения я имел с ним две продолжительные беседы, позволяющие мне, господин министр, проинформировать Вас о его касающихся европейской ситуации взглядах, а также дать Вам обзор политики Вашингтона.

1. Такой внешней политики, стремлением которой является непосредственно участвовать в развитии отношений в Европе, у Соединенных Штатов нет. Такая внешняя политика и не была бы возможна, ибо она не получила

¹ Ibidem.

бы поддержки общественного мнения, которое своей изоляционистской позиции на сей счет не изменило. Тем не менее наблюдается исключительно усилившийся интерес американского народа к положению в Европе. В сравнении с ним даже отступают на задний план и пользуются меньшим, чем прежде, вниманием внутренние дела. Международная ситуация считается официальными кругами чрезвычайно серьезной и рассматривается с точки зрения опасности вооруженного конфликта. Влиятельные силы полагают, что если между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией и Италией — с другой, дело дойдет до войны, в которой Англия и Франция могли бы потерпеть поражение, немцы стали бы представлять опасность реальным интересам Соединенных Штатов на Американском континенте. По этой причине можно заранее предвидеть участие Соединенных Штатов в войне на стороне Франции и Англии, но, естественно, только спустя некоторое время после возникновения вооруженного конфликта. Посол Буллит выразился так: «Если война разразится, мы наверняка не примем в ней участия с самого начала, но мы ее закончим».

По мнению посла Буллита, вышеназванная установка влиятельных вашингтонских кругов лишена каких-либо идеологических элементов и вытекает исключительно из необходимости защиты реальных интересов Соединенных Штатов, которые в случае франко-английского поражения серьезно и непосредственно окажутся под угрозой со стороны как Тихого, так и Атлантического океанов одновременно.

Посол Буллит констатировал: слух, будто президент Рузвельт сказал, что граница Соединенных Штатов проходит по Рейну, ложен. Но зато посол высказал убеждение в том, что президент определенно заявил: он продаст Франции самолеты, так как французская армия стоит на первой линии обороны Соединенных Штатов. Это полностью отвечает его, Буллита, взглядам.

2. Итальянские притязания в отношении Франции абсолютно безосновательны и не имеют никаких аргументов, хотя бы частично их оправдывающих. Так что Фран-

ция не может и не имеет права даже для видимости идти на уступки. Уступки со стороны Франции означали бы подрыв ее престижа в Африке. Поэтому любой эвентуальный компромисс за счет французских интересов следует исключить.

Теоретически существует опасение, что Англия могла бы, пожалуй, в момент какого-либо обострения напряженности вместе с Берлином попытаться навязать Франции несовместимый с интересами последней компромисс. Однако в этом случае Франция может рассчитывать на энергичную поддержку Вашингтона. Соединенные Штаты располагают различными и чрезвычайно эффективными средствами принуждения в отношении Англии. Достаточно лишь пригрозить их применением, чтобы удержать Англию от компромисса за счет Франции.

Надо принимать в расчет, что престиж Англии в глазах американского общественного мнения из-за событий на Дальнем Востоке, а также в результате Мюнхенской конференции сильно упал. С другой стороны, американскому общественному мнению ясно, сколь заинтересована Англия сегодня в своем сотрудничестве с Соединенными Штатами и в их поддержке.

При таких условиях можно предположить, что Гитлер и Муссолини ради итальянских претензий к Франции на открытый конфликт с нею и Англией не пойдут.

Слабой стороной Соединенных Штатов является, конечно, то, что они, хотя и определили уже сегодня свою позицию в возможном конфликте, не могут, однако, принять активное участие в позитивном решении европейских проблем, так как этого им не позволило бы изоляционистски настроенное американское общественное мнение.

3. Отношение авторитетных американских кругов к Италии и Германии отрицательно главным образом потому, что США придерживаются точки зрения, что новые успехи оси Рим—Берлин, подрывающие престиж и авторитет Франции и Англии, как имеющих колонии стран, почти непосредственно угрожают интересам Соединенных Штатов. Таким образом, внешняя политика Вашингтона

тоже будет противодействовать развитию ситуации в данном направлении.

Соединенные Штаты обладают в своих отношениях с Германией и Италией такими средствами принуждения, которые сейчас весьма серьезно анализируются и учитываются. Эти преимущественно экономические средства носят такой характер, что могут быть применены без малейшего опасения насчет внутривнутриполитического сопротивления. Они, несомненно, являются достаточно эффективными и чувствительными как для Рима, так и для Берлина. Посол Буллит придерживается того мнения, что Соединенные Штаты способны своим давлением, с одной стороны, на Италию и Германию, а с другой — на Англию в значительной мере предотвратить возникновение вооруженного конфликта или же не допустить развития европейской ситуации в нежелательном для США направлении.

На мое замечание, что при нынешнем положении вещей не ясно, готовы ли Соединенные Штаты сражаться с Германией и Италией за французские колонии или же против определенных систем и идеологий, посол Буллит категорически ответил: позиция Вашингтона определяется прежде всего реальными интересами Соединенных Штатов, а не идеологическими проблемами.

Должен присовокупить, что, как кажется, посол Буллит уверен в том, что Франция окажет итальянским притязаниям решительное сопротивление, и в качестве вывода отсюда исключает такое возможное посредничество как с английской, так и германо-английской стороны, целью которого служит компромисс за счет Франции.

Хотел бы пока воздержаться от формулирования своего собственного мнения насчет высказываний посла Буллита. Буду стараться сначала получить от него дополнительные разъяснения. Но одно кажется мне несомненным: политика президента Рузвельта в ближайшее время будет направлена на то, чтобы поддержать сопротивление Франции, уменьшить германо-итальянское давление на нее и ослабить тенденцию Англии к компромиссу.

Ю. Лукасевич

Посол Республики Польша

IV. Беседа имперского министра иностранных дел с польским послом 26 марта 1939г.¹

Запись

Я принял польского посла Липского сегодня в 12 час. 30 мин.

Посол Липский передал мне прилагаемый меморандум польского правительства, который я прочел в его присутствии.

Ознакомившись с содержанием меморандума, я заявил послу Липскому, что, по моему личному мнению, польская позиция не может послужить базой для решения германо-польской проблемы. Единственным возможным решением этой проблемы должно явиться воссоединение Данцига с Германской империей, а также установление экстерриториальной автомобильной и железнодорожной связи между рейхом и Восточной Пруссией. Липский заявил, что его неприятный долг — указать на то, что любое дальнейшее преследование цели осуществления этих германских планов, а особенно касающихся возвращения Данцига рейху, означает войну с Польшей.

Я указал послу Липскому на имеющиеся у меня сообщения о сосредоточении и стягивании к границе польских войск и предостерег его от возможных последствий. Польская позиция кажется мне странным ответом на мое недавнее предложение об окончательном мирном решении германо-польских отношений. Если все будет идти в том же направлении и далее, вскоре может возникнуть серьезная ситуация. Могу сообщить послу Липскому, что, к примеру, нарушение суверенитета Данцига польскими войсками будет рассматриваться Германией так же, как нарушение имперских границ.

Посол Липский энергично отрицал какие-либо военные намерения Польши в отношении Данцига. Пред-

¹ Weißbuch des Auswärtigen Amtes «Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges».

принятая Польшей передислокация войсковых соединений представляет собой лишь меры предосторожности.

Затем я задал Липскому вопрос, не пожелает ли польское правительство, как только ситуация станет несколько более спокойной, вновь рассмотреть германское предложение, чтобы на выдвинутой нами базе воссоединения Данцига и установления экстерриториальной связи по железной дороге и автостраде все же прийти к решению указанной проблемы. На этот вопрос посол Липский ответил уклончиво, вновь ссылаясь на врученный мне меморандум.

Я заявил послу Липскому, что прежде всего должен доложить об этом фюреру. Для меня особенно важно не допустить возникновения у фюрера такого впечатления, что Польша просто не желает вести дальнейшие переговоры.

Посол Липский все же попросил меня, чтобы и германская сторона тоже снова изучила эти вопросы в любом направлении, и спросил меня, нет ли все-таки какой-либо перспективы прийти, может быть, к решению на основе польского понимания проблемы. Он добавил, что министр иностранных дел Бек в соответствии с нашей инициативой охотно посетил бы Берлин, но ему кажется целесообразным предварительно подготовить эти вопросы дипломатическим путем.

В заключение нашей беседы я не оставил у посла Липского никаких сомнений на тот счет, что польские предложения, на мой взгляд, не могут быть сочтены фюрером удовлетворительными. Только однозначное возвращение Данцига, экстерриториальная связь с Восточной Пруссией, 25-летний пакт о ненападении с гарантией границ, а также сотрудничество по словацкому вопросу в форме принятой на себя соседними государствами защиты этой области могли бы с германской точки зрения привести к окончательному урегулированию.

фон Риббентроп

V. Германские предложения от августа 1939 г.¹

Предложение об урегулировании проблемы Данцига и коридора, а также вопроса о немецком меньшинстве в Польше.

Состояние отношений между Германским рейхом и Польшей в настоящее время таково, что любой последующий инцидент может привести к столкновению выдвинутых на позиции по обе стороны границы вооруженных сил обеих стран. Любое мирное решение должно быть таким, чтобы причинно обусловившие это состояние события не смогли повториться при первом же очередном случае и чтобы не только Восток Европы, но и другие ее области не оказались в таком же напряженном состоянии. Причины этого хода развития заключаются в следующем.

1. В том противоречащем здравому смыслу начертании границ, которое было установлено по Версальскому диктату.

2. В недопустимом обращении с [немецким] меньшинством в отделенных [от Германии] областях.

Имперское правительство Германии исходит в данных предложениях из идеи найти такое окончательное решение, которое навсегда ликвидировало бы нетерпимую ситуацию с установлением границ, обеспечило бы обеим частям [Германии] их жизненно важные транспортные связи, устранило бы — насколько это возможно — проблему меньшинства, а в тех случаях, когда полностью гарантировать права этого меньшинства невозможно, сделало бы его судьбу достаточно выносимой.

Имперское правительство Германии убеждено, что при этом совершенно необходимо установить и в полном объеме возместить тот экономический и физический ущерб, который был причинен начиная с 1918 г. Оно считает это равнообязательным для обеих стран.

Из этих соображений вытекают следующие практические предложения.

¹ Weißbuch des Auswärtigen Amtes 1939, Nr. 2. «Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges».

1. Вольный город Данциг на основании своего чисто германского характера, а также единодушного желания его населения немедленно возвращается в Германский рейх.

2. Область так называемого коридора, пролегающая до линии Мариенвердер—Грауденц—Кульм—Бромберг¹ (все эти города включительно), а затем западнее доходящая примерно до Шёнланке, решит вопрос о своей принадлежности к Германии или Польше самостоятельно.

3. С этой целью данная область проведет плебисцит. Право голоса имеют все немцы, проживавшие в ней на 1 января 1918 г., а также все проживавшие или родившиеся там в этот день поляки, кашубы² и пр. Изгнанные из этой области немцы возвращаются туда с целью участия в голосовании.

Для обеспечения объективности плебисцита, а также для гарантии необходимой обширной подготовки эта область, подобно Саарской области, будет подчинена подлежащей немедленному созданию Международной комиссии, в которую войдут четыре великих державы: Италия, Советский Союз, Франция и Англия. Комиссия обладает на территории данной области суверенными правами. С указанной целью эта область в согласованный кратчайший срок должна быть очищена от польских войск, польской полиции и польских властей.

4. Из этой области исключается польский порт Гдинген [Гдыня], который в принципе является польским суверенным районом, поскольку он территориально ограничен польскими населенными пунктами.

Точные границы этого польского портового города будут совместно определены Германией и Польшей и в случае необходимости установлены международным третейским судом.

5. С целью обеспечения времени, необходимого для обширной работы по проведению в жизнь справедливого

¹ Ныне города Грауденц, Хелмно, Быдгощ в Польской Республике.

² Одна из западнославянских народностей, родственная мазурам и полякам.

плебисцита, это народное голосование следует устроить не ранее чем по истечении 12 месяцев.

6. Дабы в течение данного периода гарантировать Германии ее связь с Восточной Пруссией, а Польше — ее выход к морю, будут определены шоссейные и железные дороги, делающие возможным неограниченное транзитное сообщение. С этой целью должны взиматься только те пошлины, которые необходимы для сохранения транспортных путей или для осуществления перевозок.

7. Государственная принадлежность данной области решается простым большинством поданных голосов.

8. Дабы после проведенного плебисцита (каким бы ни был его результат) гарантировать безопасность свободной транспортной связи Германии со своей провинцией Данциг—Восточная Пруссия, а Польше — ее связь с [Балтийским] морем, в случае если данная область отойдет Польше, Германии должна быть предоставлена экстерриториальная транспортная зона примерно в направлении Бютов—Данциг или Диршау для постройки имперской автострады, а также четырехколейной железной дороги. Строительство этой шоссейной, а также железной дорог будет проводиться таким образом, чтобы оно не затрагивало польских коммуникаций, т.е. чтобы они шли над или под ними. Ширина этой зоны будет определена с точностью до одного километра, а сама она объявлена находящейся под германским суверенитетом.

В случае если плебисцит закончится в пользу Германии, Польша получает для своего свободного и неограниченного транспортного сообщения со своим портом Гдингом равные права такой же автомобильной и железнодорожной связи, какие положены Германии.

9. В случае возвращения коридора Германскому рейху последний заявляет о своей готовности произвести обмен населением с Польшей в таком объеме, в каком коридор пригоден для этого.

10. Какие-либо желаемые Польшей особые права в Данцигском порту должны послужить предметом паритетных переговоров о предоставлении Германии таких же прав на порт Гдинген.

11. Дабы избавить эту область от всякого чувства угрозы для обеих сторон, Данциг и Гдинген сохраняют свой характер исключительно торговых городов, т. е. не имеющих никаких военных сооружений и укреплений...

13. Поскольку имперское правительство имеет заявить самые резкие жалобы на польское обращение с меньшинствами, а польское правительство со своей стороны полагает возможным тоже предъявить свои жалобы на Германию, обе стороны соглашаются в том, что эти жалобы должны быть переданы Международной следственной комиссии, имеющей своей задачей изучить все жалобы, касающиеся экономического и физического ущерба, а также прочих террористических актов.

Германия и Польша берут на себя обязательство возместить весь причиненный меньшинствам с 1918 г. экономический и прочий ущерб, или же отменить все конфискации, или же выплатить полностью компенсацию за все таковые и прочие вторжения в хозяйственную жизнь.

14. Дабы избавить оставшихся в Польше немцев, а также оставшихся в Германии поляков от чувства международного бесправия и прежде всего обеспечить, чтобы они не использовались для действия или не привлекались к исполнению обязанностей, несовместимых с их национальными чувствами, Германия и Польша согласны обеспечить права обоих меньшинств самыми широкими и обязательными соглашениями, гарантирующими этим меньшинствам сохранение, свободное развитие и деятельность их народности, а особенно считаемых ими для себя необходимыми организаций. Обе стороны обязуются не привлекать принадлежащих к меньшинствам лиц к несению военной службы.

15. В случае достижения соглашения на основе этих предложений Германия и Польша заявляют о своей готовности объявить и провести немедленную демобилизацию своих вооруженных сил.

16. Дальнейшие меры, необходимые для ускорения вышеуказанного соглашения, будут совместно согласованы между Германией и Польшей.

VI. Affidavit от 15 октября 1946 г.

Международный военный трибунал

Бюро Генерального секретаря

Дорогой сэръ, в приложении Вы найдете копию affidavit Риббентропа с поправками, внесенными Риббентропом.

Вас, возможно, заинтересует то, что этот affidavit представлен и закончен накануне казни.

С уважением
Джон Э. Рэй,
полковник, Генеральный секретарь

Впервые я встретился с Осимой летом 1935 г. В это время Осима являлся японским военным атташе в Берлине. Позже мы встречались чаще, при этом в первую очередь обсуждались вопросы германо-японских отношений. Когда в октябре 1938 г. Осима был назначен послом в Германии, я являлся министром иностранных дел. В ноябре 1939 г. он покинул свой пост и вернулся на родину. В феврале 1941 г. возвратился в Германию в качестве посла.

I. Антикоминтерновский пакт

Первоначально Антикоминтерновский пакт являлся пактом идеологическим. Мы, немцы, не желали терпеть распространения коммунизма. Разумеется, при этом имелся еще и политический момент, направленный против России. Он в большей или меньшей мере служил закулисной причиной пакта. То, что этот пакт был направлен против демократических стран мира, неверно. Наоборот, после заключения его я очень старался побудить Англию вступить в него, но успеха не имел. У меня никогда не было такого впечатления, что Япония сможет использовать этот пакт для действий против Китая или южной части Тихого океана.

II. Китайский инцидент

Когда в 1937 г. произошел китайский инцидент, я находился в Лондоне и не следил за ним слишком пристально. Позже я неоднократно пытался закончить этот спор. Я несколько раз предлагал японцам договориться с Китаем. С этой целью я установил контакт с китайским послом в Берлине. Припоминаю также, что не раз говорил с Осимой о том, что необходимо предпринять попытку заключить с Китаем мир. Желания Осимы тоже шли в этом направлении.

III. Германо-итальянский военный союз

Осима никоим образом не содействовал созданию германо-итальянского военного альянса в 1939 г.

IV. Отставка Осимы

Осима ушел со своего поста позднее 1939 г., после того как был подписан германо-русский пакт о ненападении. Официально никакой особой причины своего поступка он мне так и не привел.

V. Пакт трех держав

Могу с абсолютной определенностью заявить, что мы заключили Тройственный пакт с намерением отстранить Америку от войны. Одновременно я хотел бы обратить внимание на то, что мы всегда придавали значение дружбе с Японией. Мы хотели, чтобы и Россия тоже присоединилась к пакту, но успеха в этом не имели.

VI. Германо-английская война

В начале 1941 г., толкая Осиму к тому, чтобы Япония как можно скорее вступила в войну против Великобритании, я постоянно стремился избегать втягивания в войну Америки. Это была лишь дипломатическая беседа, а отнюдь не планирование. Право планировать такие вещи в Германии имел только фюрер. Сам я ничего планировать не мог. Осима как посол мог это в еще меньшей степени.

Не могу себе представить, будто Осима в феврале

1941 г. сказал мне, что план нападения на Сингапур будет готов до конца мая 1941 г. Во-первых, Осима едва ли мог знать это. Но даже если бы Осима это и знал, он вполне определенно не сказал бы мне об этом, ибо японцы о таких вещах никогда не сообщали. Если же о таких делах говорилось, то делалось это из пропагандистских потребностей, но Осима к этому никогда не прибегал.

VII. Германо-русская война

Когда разразилась германо-русская война, я попытался побудить Японию выступить против России. Я сказал Осиме, что самым целесообразным было бы, если бы Япония напала на Советскую Россию. Судя по позиции Осимы и японского правительства, у меня сложилось впечатление, что Япония сделала все невозможное, чтобы остаться в стороне от конфликта с Советской Россией и любым образом избежать столкновения с нею.

VIII. Пёрл-Харбор

Ни я, ни Осима каких-либо предварительных сведений о японском нападении на Пёрл-Харбор не имели. Это явилось полной неожиданностью для всех нас. Мы узнали об этом по радио. У меня было такое впечатление, что и для него это явилось полной неожиданностью, и он сам сказал мне об этом. По дипломатическим причинам мы должны были выразить свою радость, вызванную этим событием. Это чувство не было искренним. На решение Гитлера объявить войну Америке Осима никакого влияния не оказал. Гитлер считал, что действительное состояние войны между Соединенными Штатами и Германией существовало со времени Navy-Day-Rede¹ президента Рузвельта — речи, в которой он дал военно-морскому флоту приказ «стрелять по видимому объекту» (приказ об открытии огня).

IX. Ведение подводной войны

В связи с переброской (transfer) двух подводных лодок из Германии в Японию в 1943 г. никакой програм-

¹ Речь по случаю Дня военно-морского флота.

мы совместных операций обеими странами принято не было. Осима никогда не обсуждал вопроса об убийстве членов потерпевших кораблекрушение команд и не подписывал никаких приказов об этом. Поскольку такие дела не входят в компетенцию дипломатии, никаких дискуссий по этому вопросу между нами не велось.

Х. Отношения между Германией и Японией

Отношения между Германией и Японией никогда не были тесными. Япония находилась очень далеко, и мы никогда действительно не имели сведений о том, что там происходит. Насколько мне было известно об отношениях между германскими и японскими вооруженными силами во время войны, не думаю, что сотрудничество между ними существовало и было практически возможно. И когда генерал Маршалл говорит, что никакого практического сотрудничества между Германией и Японией не имелось, то это в точности отвечает истине.

XI. Замечания (Miscellaneous)

Между Осимой и мной никакого соглашения о разделе военной добычи никогда не имелось. Такие дела полностью находятся вне дипломатической сферы, а потому нами никогда не обсуждались.

Мне вменяется в вину, будто Япония и Германия вместе с Италией планировали установление мирового господства. Такая претензия столь же смешна, как и лжива, ибо о чем-либо подобном три державы не мечтали даже во сне.

Иоахим фон Риббентроп

Показание дано под присягой и собственноручно подписано вышеозначенным Риббентропом Иоахимом фон в присутствии нижеподписавшегося офицера в Нюрнберге, Германия.

15 октября 1946 г.

Роберт Б. Стэннес,

капитан пехоты, о-1784783

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Антикоминтерновский пакт

25 ноября 1936 г.

Правительство Германской империи и имперское правительство Японии, сознавая, что целью Коммунистического Интернационала (так называемого Коминтерна) является подрывная деятельность и насилие всеми имеющимися в его распоряжении средствами по отношению к ныне существующим государствам, будучи убеждены в том, что терпимое отношение к вмешательству Коммунистического Интернационала во внутренние дела наций не только угрожает их спокойствию, общественному благосостоянию и социальному строю, но представляет собой также угрозу миру во всем мире, и выражая свое намерение сотрудничать в области обороны против коммунистической подрывной деятельности, заключили нижеследующее соглашение.

Статья I

Высокие договаривающиеся стороны обязуются взаимно информировать друг друга о деятельности Коммунистического Интернационала, консультироваться по вопросу о принятии необходимых оборонительных мер и поддерживать тесное сотрудничество в деле осуществления этих мер.

Статья II

Высокие договаривающиеся стороны обязуются совместно рекомендовать любому третьему государству,

внутренней безопасности которого угрожает подрывная работа Коммунистического Интернационала, принять оборонительные меры в духе данного соглашения или присоединиться к нему.

Статья III

Настоящее соглашение составлено на немецком и японском языках, причем оба текста являются аутентичными. Настоящее соглашение заключено на пять лет и вступает в силу со дня его подписания. Обе договаривающиеся стороны своевременно, до истечения срока действия настоящего соглашения, должны достигнуть взаимопонимания относительно характера их дальнейшего сотрудничества.

Дополнительный протокол к пакту

При подписании соглашения против Коммунистического Интернационала полномочные представители договорились о нижеследующем:

а) соответствующие власти обеих высоких договаривающихся сторон будут поддерживать тесное сотрудничество в деле обмена информацией о деятельности Коммунистического Интернационала, а также по поводу принятия разъяснительных и оборонительных мер в связи с деятельностью Коммунистического Интернационала;

б) соответствующие власти обеих высоких договаривающихся сторон будут принимать в рамках ныне действующего законодательства строгие меры против лиц, прямо или косвенно внутри страны или за границей стоящих на службе Коммунистического Интернационала или содействующих его подрывной деятельности;

в) в целях облегчения указанного в пункте «а» сотрудничества между компетентными органами обеих высоких договаривающихся сторон будет учреждена постоянная комиссия, в которой будут изучаться и обсуждаться дальнейшие оборонительные меры, необходимые для предотвращения подрывной деятельности Коммунистического Интернационала...

Из секретного дополнительного соглашения к пакту

Статья I

В случае если одна из высоких договаривающихся сторон подвергнется неспровоцированному нападению со стороны Союза Советских Социалистических Республик или ей будет угрожать подобное неспровоцированное нападение, другая высокая договаривающаяся сторона обязуется не предпринимать каких-либо мер, которые могли бы способствовать облегчению положения Союза Советских Социалистических Республик.

В случае возникновения указанной выше ситуации высокие договаривающиеся стороны должны немедленно обсудить меры, необходимые для защиты их общих интересов.

Статья II

Высокие договаривающиеся стороны на период действия настоящего соглашения обязуются без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения.

Статья III

Настоящее соглашение составлено на немецком и японском языках, причем оба экземпляра имеют одинаковую силу. Оно вступает в силу одновременно с соглашением против Коммунистического Интернационала и имеет одинаковый с ним срок действия.

И. фон Риббентроп

К. Мусякодзи

Накануне. 1931-1939. М., 1991. С. 105-106.

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом

23 августа 1939 г.

Правительство СССР и

Правительство Германии,

руководимые желанием укрепления дела мира между

СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

Статья I

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II

В случае если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI

Настоящий договор заключается сроком на десять лет, с тем что, поскольку одна из Договаривающихся Сторон

не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII

Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках, в Москве 23 августа 1939 года.

По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов

За Правительство
Германии
И. Риббентроп

Договор ратифицирован Верховным Советом СССР и рейхстагом Германии 31 августа 1939 г.

Обмен ратификационными грамотами произведен 24 сентября 1939 г. в Берлине.

АВП СССР, ф. За — Германия, д. 243.

Известия. 1939. 24 августа. Цит. по:

Год кризиса. 1938—1939. Документы
и материалы. Т. 2. М. 1990. С. 319—321.

Секретный дополнительный протокол
к договору о ненападении между Германией
и Советским Союзом

[23 августа 1939 г.]

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств

(Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 года

По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов

За Правительство
Германии
И. Риббентроп

Печат. по сохранившейся машинописной копии: АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 77, л. 1-2. Цит. по: Год кризиса. 1938—1939. Документы и материалы. Т. 2. М., 1990. С, 321.

**К заключению германо-советского договора
о дружбе и границе между СССР и Германией**
28 сентября 1939 года

А.

В течение 27—28 сентября в Москве происходили переговоры между Председателем Совнаркома СССР и

Наркоминделом В. М. Молотовым и Министром Иностранных Дел Германии г. фон Риббентропом по вопросу о заключении германо-советского договора о дружбе и границе между СССР и Германией.

В переговорах принимали участие И. В. Сталин и советский полпред в Германии Шкварцев, а со стороны Германии — германский посол в СССР г. Шуленбург.

Переговоры закончились подписанием германо-советского договора о дружбе и границе между СССР и Германией и заявления правительств СССР и Германии, а также обменом письмами между В. М. Молотовым и г. фон Риббентропом по экономическим вопросам. Ниже приводятся соответствующие документы.

Б.

Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией, заключенный в Москве

28 сентября 1939 года

Правительство СССР и Германское Правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям. С этой целью они пришли к соглашению в следующем:

Статья I

Правительство СССР и Германское Правительство устанавливают в качестве границы между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства линию, которая нанесена на прилагаемую при сем карту и более подробно будет описана в дополнительном протоколе.

Статья II

Обе Стороны признают установленную в статье I границу обоюдных государственных интересов окончатель-

ной и устранят всякое вмешательство третьих держав в это решение.

Статья III

Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье I линии производит Германское Правительство, на территории восточнее этой линии — Правительство СССР.

Статья IV

Правительство СССР и Германское Правительство рассматривают вышеприведенное переустройство как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами.

Статья V

Этот договор подлежит ратификации. Обмен ратификационными грамотами должен произойти возможно скорее в Берлине.

Договор вступает в силу с момента его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках.

Москва, 28 сентября 1939 года.

По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов

За Правительство
Германии
И. Риббентроп

В.

Заявление Советского и Германского правительств

28 сентября 1939 года

После того как Германское Правительство и Правительство СССР подписанным сегодня договором окончательно урегулировали вопросы, возникшие в результате распада Польского государства, и тем самым создали прочный фундамент для длительного мира в Восточной

Европе, они в обоюдном согласии выражают мнение, что ликвидация настоящей войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой стороны, отвечала бы интересам всех народов. Поэтому оба Правительства направят свои общие усилия в случае нужды в согласии с другими дружественными державами, чтобы возможно скорее достигнуть этой цели. Если, однако, эти усилия обоих Правительств останутся безуспешными, то таким образом будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны Правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах.

По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов

За Германское Правительство
И. Риббентроп

28 сентября 1939 года.

Г.

Германскому министру иностранных дел
господину Иоахиму фон Риббентропу
(в настоящее время в Москве).

Москва, 28 сентября 1939 года.

Господин министр!

Ссылаясь на наши переговоры, мы имеем честь подтвердить Вам, что Правительство СССР на основании и в духе достигнутого нами общего политического соглашения исполнено воли всемерно развить экономические отношения и товарооборот между СССР и Германией. С этой целью обеими сторонами будет составлена экономическая программа, согласно которой Советский Союз будет доставлять Германии сырье, которое Германия в свою очередь будет компенсировать промышленными поставками, производимыми в течение продолжительного времени. При этом обе стороны построят эту экономическую программу таким образом, чтобы германо-советский товарооборот по своим размерам снова достиг высшего объема, достигнутого в прошлом.

Оба Правительства дадут немедленно необходимые распоряжения о проведении вышеуказанных мер и позаботятся о том, чтобы переговоры как можно скорее начались и были доведены до конца.

Примите, Господин Министр, повторное уверение в совершеннейшем моем уважении.

В. Молотов

В ответ на письмо В. М. Молотова от 28 сентября получено письмо от Министра Иностранных Дел Германии г-на фон Риббентропа, где указывается, что Германское Правительство согласно дать все необходимые распоряжения в духе письма В. М. Молотова.

«Известия» №226 (6996) от 29 сентября 1939 г.

Цит. по: Внешняя политика СССР. Т. II. М., 1946. С. 451-453.

Из стенограммы допроса Иоахима фон Риббентропа в Международном военном трибунале в Нюрнберге

Девяносто пятый день
Суббота, 30 марта 1946 г.

Д-р ХОРН [защитник Риббентропа]. 16 февраля 1923 г. конференция послов передала Литве суверенитет над Мемельской [Клайпедской] областью, которая уже была занята неожиданным вступлением литовских войск. Что побудило Гитлера издать директивы по реинтеграции Мемельской области в 1939 г.?

Фон РИББЕНТРОП. Мемель, эта небольшая территория, упоминается в нашем национальном гимне, она всегда была дорога сердцам всех немцев. Военные факты хорошо известны. Территория была передана под контроль держав Антанты после первой мировой войны, а позже была захвачена и оккупирована в результате *a coup de main*¹ литовскими солдатами. Эта земля представляет собой исконно немецкую территорию, и, вполне естествен-

¹ Смелое предприятие (*фр.*).

но, она должна была снова стать частью Германии. Еще в 1938 г. фюрер в моем присутствии коснулся этой проблемы как одной из тех, которые рано или поздно подлежат решению. Переговоры с литовским правительством были начаты весной 1939 г. Они завершились моей встречей с министром иностранных дел Литвы Урбшисом. Было подписано соглашение, по которому территория Мемеля снова становилась частью рейха. Это произошло в марте 1939 г. Не нужно доказывать, что пришлось претерпеть этой области в последние годы. В любом случае это событие полностью соответствовало принципу самоопределения народов. В 1939 г. была выполнена воля народа Мемеля, соглашение восстановило обычный порядок вещей, в любом случае раньше или позже это должно было случиться.

Д-р ХОРН. Через полгода последовала война с Польшей. Каковы, по вашему мнению, были коренные причины этой войны?

Фон РИББЕНТРОП. По данному вопросу я дал показания вчера. Решающим фактором были английские гарантии Польше. Я не считаю необходимым еще раз полностью высказываться по этому вопросу. Эти гарантии в сочетании с польским менталитетом сделали невозможными переговоры с Польшей или какое-либо взаимопонимание с поляками. Что же касается самого начала войны, можно привести следующие причины: не может быть сомнения...

ДОДД (представитель американского обвинения, обращаясь к председателю). Если позволит ваша честь, я заявил сегодня и повторяю вчерашнее свое заявление, что ни в коей мере не намерен вмешиваться в ход допроса. Тем не менее, как заявил свидетель, вчера мы уже разобрались с этим вопросом, мы получили полные показания во время вчерашнего вечернего заседания. Свидетель, перед тем как ответить, заявил, что вчера во время вечернего заседания назвал причины войны, и я полностью с ним согласен. Считаю, нет никакого смысла, чтобы сегодня он снова повторил показания. Кроме того, смею сказать, что у нас есть серьезные сомнения в том, что

существо этого вопроса касалось темы вчерашнего расследования. В любом случае нет необходимости снова выслушивать свидетеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что вы скажете на это, д-р Хорн?

Д-р ХОРН. Я бы хотел заявить, что бывший министр иностранных дел Германии, который обвиняется в причастности к развязыванию второй мировой войны, мог бы кратко рассказать о решающих причинах, которые, по его мнению, привели к ней. Естественно, обвиняемый может не повторять сказанного вчера. Я лишь хочу, чтобы он добавил только несколько деталей по вопросам, которые он вчера затронул в самом общем виде. Это не отнимет много времени у Трибунала.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо, д-р Хорн, если, конечно, он просто не повторит сказанного вчера.

Д-р ХОРН. Пожалуйста, изложите нам вкратце факты, определившие ваш подход.

Фон РИББЕНТРОП. Я бы хотел упомянуть лишь несколько фактов, они касаются только событий последних двух дней.

Первое. Нет сомнений, что 30 и 31 августа (1939 г.) в Великобритании хорошо понимали всю серьезность создавшейся ситуации. В письме, переданном Гитлеру, было сказано об этом. Гитлер заявил, что должно быть принято решение и найден путь к решению проблемы, причем как можно быстрее. Письмо Гитлеру было подписано Чемберленом.

Второе. Англия понимала, что германские предложения были приемлемы, поскольку мы знали, что она имела самое непосредственное отношение к этим предложениям, сделанным в ночь с 30 на 31 августа. Посол Гендерсон заявил, что предложения приемлемы.

Третье. Таким образом, 30 или 31 августа можно было сделать Варшаве намек и предложить полякам переговоры с нами. Было три варианта: представитель Польши мог вылететь в Берлин (это, по словам фюрера, было бы делом одного-полтора часов) или же могла быть организована встреча министров иностранных дел или глав государств. Встреча могла бы состояться где-нибудь на границе. Или

же посол Липский мог бы просто получить указание хотя бы принять от нас германские предложения. Если бы были даны такие инструкции, кризис был бы предотвращен и начались дипломатические переговоры. Если бы британская сторона того пожелала, она могла бы направить своего посла для представительства на этих переговорах. Эта акция, после того что случилось раньше, несомненно, была бы воспринята в Германии весьма положительно.

Этого, однако, не произошло, и, как я понял из документов, которые впервые увидел здесь, за данный период ничего не было сделано, чтобы ослабить эту очень напряженную ситуацию. Шовинизм присущ полякам, и мы знаем со слов самого посла Гендерсона и из показаний г-на Далеруса, что посол Липский использовал жесткий лексикон, характерный для польского менталитета. Так как в Польше хорошо понимали, что в любом случае они получают помощь Англии и Франции, там взяли курс, который сделал войну неизбежной во всех отношениях. Мне кажется, что эти факты представляют некоторый интерес для исторического исследования того периода в целом. Я бы хотел добавить, что сам я испытываю сожаление по поводу того, что события приняли такой оборот. Все, что я создал за 25 лет своей работы, было разрушено этой войной. До самой последней минуты я прилагал все усилия, чтобы предотвратить войну. По-моему, даже в документах посла Гендерсона есть доказательства, что Чемберлен страстно желает хороших отношений с Германией и соглашения с ней; я даже направил специального посланника в (английское) посольство для встречи с Гендерсоном, чтобы заявить откровенно, насколько сильно Гитлер к этому стремился, и сделать все возможное, чтобы воля его была доведена до правительства.

Д-р ХОРН. Дания и Норвегия были оккупированы в апреле 1940 г. Вы заключили 31 мая 1939 г. пакт о ненападении с Данией. На основании этих фактов вы обвиняетесь Обвинением в проведении вероломного дипломатического курса. Когда и каким образом вы получили известие о надвигающейся оккупации Дании и Норвегии?

Фон РИББЕНТРОП. Мы с фюрером всегда желали, чтобы Скандинавия оставалась нейтральной. В соответствии с политикой Адольфа Гитлера я делал все возможное для нераспространения войны.

Как-то в апреле 1940 г. Гитлер вызвал меня в Имперскую канцелярию и сообщил, что им получены документы, свидетельствующие о намерении Британии оккупировать Норвегию или разместить там свои войска. Исходя из этого он решил занять Норвегию и Данию на следующий день утром. Так я впервые узнал об этом. Я был поражен этим, и тогда фюрер предоставил мне документальное подтверждение, полученное им по разведывательным каналам. Он приказал мне быстро подготовить ноты, чтобы проинформировать правительства Норвегии и Дании о намерении Германии ввести свои войска. Я напомнил фюреру, что у нас имеется пакт о ненападении с Данией и что Норвегия — нейтральная страна. Кроме того, я сказал ему, что в информации, полученной из нашей дипломатической миссии в Осло, не было никаких сведений о какой-либо возможной высадке британских войск. Когда же я ознакомился с представленными мне документами, я осознал, насколько опасной была ситуация и что эти сообщения должны быть восприняты всерьез.

На следующий день вместе со своими помощниками я подготовил дипломатические ноты, которые 8 апреля планировалось отправить в Осло и Копенгаген самолетами. Мы работали над нотами весь день и всю ночь. Гитлер приказал, чтобы ноты были доставлены незадолго до германской оккупации. Этот приказ был выполнен.

Оккупация Дании прошла, насколько мне известно, без проблем. По-моему, не было сделано ни одного выстрела. Как только мы оккупировали эту страну, прошли переговоры с правительством Дании (под председательством Стаунинга) и мы пришли к соглашению, что все должно осуществиться без волнений, насколько возможно, в дружественной атмосфере. Мы гарантировали полную неприкосновенность Дании, и события даже на поздних стадиях отличались относительным спокойствием и порядком.

Совершенно по-другому получилось в Норвегии. Оформилось сопротивление. Мы пытались удержать короля Норвегии в стране или склонить его к тому, чтобы он остался. Мы вели с ним переговоры, но они оказались безрезультатными. Король отбыл на север, кажется, в Нарвик, и попытки вести переговоры с Норвегией уже больше не предпринимались. Как вы знаете, Норвегия была оккупирована и в ней установлена гражданская администрация. После этого Норвегия перестала входить в сферу компетенции министерства иностранных дел. Я бы хотел кое-что добавить: фюрер постоянно повторял мне, что принятые им меры абсолютно необходимы. Документы, найденные после высадки английских войск в Норвегии и опубликованные позже, показали, что, без всяких сомнений, Британия в течение долгого времени планировала оккупацию этих стран и высадку своих войск в Норвегии.

Нередко здесь, на суде, делаются ссылки на те тяжелые страдания, которые перенесли народы Дании и Норвегии. Сам я придерживаюсь того мнения, что, как бы ни воспринималась германская оккупация, она в любом случае отвела от Скандинавии опасность стать театром военных действий. Народы Дании и Норвегии избежали неопишемого ужаса. Если бы разразилась война между Германией и Скандинавскими странами, народы этих стран подверглись бы гораздо большим испытаниям и лишениям.

Д-р ХОРН. До оккупации Норвегии вы сталкивались с Квислингом?

Фон РИББЕНТРОП. Я должен объяснить, что имя Квислинга стало известно гораздо позже. До оккупации Норвегии это имя мне ничего не говорило. Действительно, г-н Розенберг как-то связался со мной, чтобы установить контакт с прогерманскими скандинавами из бывшего Северного движения, что было вполне разумным шагом. В то время мы выделили средства для пропаганды в газетах и для политической деятельности в Норвегии.

Во время обсуждений, я помню это отчетливо, не было сделано и намека на захват политической власти с

помощью определенных кругов в Норвегии или при помощи военной силы.

Д-р ХОРН. Каково было влияние МИДа в Дании после оккупации страны?

Фон РИББЕНТРОП. После оккупации Дании МИД был представлен при датском дворе послом. Позже, после определенных событий, перечисление которых, как мне кажется, заняло бы слишком много времени, правительство Дании ушло в отставку и было установлено прямое правление рейха. Кроме того, в Дании находились военный руководитель, а позже и руководитель полиции и СС.

Работа посла при датском дворе не была сложной, однако он обладал большим влиянием. Он прилагал усилия для устранения всех трудностей, которые, вполне естественно, могли возникнуть во время оккупации. Впоследствии, согласно моим указаниям, задачей прямого правления рейха был курс на развитие отношений с Данией не как с врагом Германии, а как с дружественной стороной. Это являлось руководящей линией в отношениях с Данией и в более поздний период, когда возникли серьезные трудности в результате развернувшихся военных действий. На самом деле все долгие годы войны в Дании сохранялся полный покой и порядок, и мы были вполне удовлетворены этим положением.

Впоследствии из-за деятельности агентуры противника, направленной против принятых нами мер и тому подобного, события приняли более серьезный оборот. Руководство прямого правления рейха получало от меня постоянные указания не допускать ухудшения ситуации, напротив, снижать напряженность, проводить работу по поддержанию хороших отношений между датчанами и немцами. Не всегда это было легко, но, мне кажется, в целом результаты были удовлетворительными.

Д-р ХОРН. Когда и при каких обстоятельствах вы получили известие о намерении франко-британского генерального штаба использовать территории Бельгии и Голландии для своих военных операций?

Фон РИББЕНТРОП. То, что этому вопросу в ходе процесса уделяется такое большое внимание, вполне по-

нятно. Ситуация была такова: в 1937 г. Германия объявила о заключении с Бельгией соглашения, по которому обязалась строго соблюдать ее нейтралитет при условии, что та со своей стороны будет отстаивать этот нейтралитет.

После польской кампании фюрер по нескольким поводам говорил мне, что, согласно разведывательным данным, противник намеревался пересечь голландскую и бельгийскую территории, чтобы совершить нападение на Рур. Мы также неоднократно получали сведения подобного рода, но они носили менее подробный характер. Адольф Гитлер полагал, что с возможностью атаки на такой жизненно важный для Германии район, как Рур, необходимо постоянно считаться. Понимая важность нейтралитета Бельгии для мира в целом, мы с фюрером провели много времени в беседах, но я понимал также, что мы втянуты в жестокую борьбу, которая требует совершенно других подходов.

В ходе этих событий весной 1940 г. данные нашей разведки о возможностях подобного нападения становились все более конкретными, и я здесь могу заметить, что документы генерального штаба Франции, найденные и опубликованные позже германским МИДом, поставили последнюю точку в вопросе о том, соответствовали ли истине полученные данные. Возможность нападения на Рур вновь и вновь рассматривалась врагами Германии, во всяком случае нашими противниками в тот период.

В связи с этим я хотел бы привлечь внимание к документу, касающемуся встречи премьер-министров Чемберлена и Даладье в Париже, на которой г-н Чемберлен предложил совершить нападение через так называемые «дымоходы» на жизненно важные районы Рура в целях разрушения. Под «дымоходами» имелись в виду Бельгия и Голландия. Я надеюсь, что этот документ находится здесь и представлен защите.

Ситуация накануне наступления на Западе, о котором фюрер уже принял решение, была, следовательно, такова, что в любой момент можно было ожидать нападения противника через эти две территории. По этой причине Гитлер решил занять их. Насколько я знаю, после этой

операции были найдены документы, свидетельствовавшие о весьма тесном взаимодействии между бельгийским и, насколько мне известно, голландским генеральным штабом, с одной стороны, и генеральными штабами Великобритании и Франции — с другой. Конечно, нарушать в войне нейтралитет страны — очень серьезный шаг, но вы не должны думать, что мы сделали это походя. Это решение стоило мне многих бессонных ночей, и я хотел бы напомнить вам одну фразу: «Можно сойти с ума, думая о правах нейтральных стран». Так как-то сказал один видный государственный деятель Великобритании Уинстон Черчилль.

Д-р ХОРН. Что побудило Германию нарушить суверенитет Люксембурга?

Фон РИББЕНТРОП. Ситуация с Люксембургом во многом напоминает пример с Бельгией и Голландией. Люксембург — страна маленькая, но очевидно, что в войне такого масштаба невозможно было не учитывать ее месторасположение. Однако я хотел бы привлечь внимание к одному факту, связанному с этой страной. За год до этих событий, т.е. летом 1939 г., мы начали переговоры с Францией и Люксембургом с целью выработки конкретных, четко отработанных договоров о нейтралитете. Вначале казалось, что переговоры завершатся успешно, но затем они неожиданно были прерваны как Францией, так и Люксембургом. В то время мы не знали о причинах такого поворота событий. Я помню, что, когда я сообщил фюреру об этом событии, он отнесся с недоверием к мотивам, которые, возможно, и представлялись важными другой стороне. Мы так и не узнали настоящих причин.

Д-р ХОРН. Насколько усилил свое влияние во Франции МИД после оккупации этой страны?

Фон РИББЕНТРОП. После оккупации, точнее, частичной оккупации Франции, несмотря на то что мы еще не заключили мирного договора с этой страной и не существовало возможности наладить нормальные дипломатические отношения, а было лишь объявлено о прекращении огня, фюрер по моей просьбе назначил посла в Виши. Я испытывал по этому поводу некоторое беспокой-

ство, потому что постоянно желал установить тесное взаимодействие с Францией. Мне бы хотелось подчеркнуть, что я в очередной раз предпринял усилия в этом направлении после победы и прекращения огня. Я разработал, а фюрер одобрил и начал претворять в жизнь так называемую монтуарскую политику. В этих целях фюрер сначала встретился с генералом Франке, а потом с маршалом Петеном в Монтуаре. На этих совещаниях я присутствовал.

В интересах исторической правды я хотел бы сказать, что отношение Гитлера к главе побежденного французского народа может быть названо рыцарским. Вряд ли история знала подобные примеры. Адольф Гитлер немедленно предложил маршалу Петену более тесное взаимодействие между Германией и Францией, однако с самой первой встречи маршал Петен выбрал позицию подчеркнутой сдержанности по отношению к победителю, и, таким образом, к моему собственному сожалению, первая встреча закончилась быстрее, чем я надеялся. Несмотря на это, мы систематически предпринимали попытки примириться с Францией и установить с ней самое тесное сотрудничество. То, что эти усилия оказались малоуспешными, можно объяснить вполне естественной позицией Франции, а также результатом воздействия влиятельных кругов. Германия же со своей стороны сделала все возможное...

Д-р ХОРН. Каковы были планы Гитлера в области внешней политики после окончания кампании на Западе?

Фон РИББЕНТРОП. После окончания кампании на Западе мы с фюрером обсудили возможное дальнейшее развитие событий. Я спросил у фюрера, каковы его намерения в отношении Англии. Мы решили, что есть смысл предпринять еще одну попытку. У меня было впечатление, что фюрер размышлял об этом и был воодушевлен моим предложением попытаться добиться мира с Англией. Я задал ему вопрос, должен ли я в связи с этим разработать проект мирного договора. Фюрер не задумываясь ответил: «Нет, в этом необходимости нет. Я все разработаю сам. Если Англия готова к миру, — сказал он

четко, — нужно решить, после Дюнкерка особенно, четыре вопроса. Я хочу, чтобы Англия ни при каких обстоятельствах не потеряла свой престиж. В любом случае я ни в коей мере не желаю такого мира, который задевал бы престиж Англии».

В связи с подписанием договора он выдвинул четыре позиции:

1. Германия готова признать во всех отношениях существование Британской империи.

2. В свою очередь Англия должна признать Германию крупнейшей континентальной державой хотя бы из-за численности населения.

3. Фюрер сказал: «Я хочу, чтобы Англия вернула германские колонии. Я был бы удовлетворен одной или двумя территориями, учитывая потребности Германии в сырье».

4. Он сказал, что хотел бы иметь перманентный союз с Англией до конца своих дней.

Д-р ХОРН. Правда ли, что в конце 1939 г. вы слышали от Гитлера о встрече представителей греческого и французского генеральных штабов, а также то, что французские офицеры были посланы в Грецию?

Фон РИББЕНТРОП. Да, это так. Фюрер стоял на позиции нераспространения войны. Мне было поручено тщательно следить за развитием событий, особенно за ситуацией на Балканах. Гитлер пытался при любом раскладе избежать войны там.

Что касается Греции, то ситуация там складывалась следующим образом: Греция приняла гарантии Великобритании. А между Югославией и Англией и особенно между Югославией и Францией сложились тесные связи. Через разведслужбу Гитлера и по военным каналам мы получали время от времени сведения о том, что между Афинами, Белградом, Лондоном и Парижем ведется подготовка совещания. Где-то в это время я несколько раз по этому поводу обращал внимание посла Греции и просил его проявлять осторожность, заверяя при этом, что Германия не имеет никаких намерений предпринимать что-либо против греческого народа, к которому в Германии всегда относились с большой симпатией.

Тем не менее разведанные, поступившие позже, показали, что Британия получила согласие на размещение своих военно-морских баз в Греции. Я считаю, что это и привело к интервенции Италии, которой мы совершенно не желали. Я знаю, что рейхсмаршал Геринг уже дал показания по этому вопросу. Предотвратить это вмешательство мы были не в силах. Когда мы прибыли во Флоренцию для встречи с Муссолини (я сопровождал Гитлера), было уже слишком поздно. Муссолини сказал: «Мы уже выступили».

Услышав это, фюрер очень расстроился. Потом нам пришлось прилагать все усилия к тому, чтобы не допустить расширения войны между Грецией и Италией.

Вполне естественно, что политика Югославии была решающим фактором в этом регионе. Всеми возможными способами я пытался установить более тесные связи с Югославией и склонить ее к участию в Тройственном союзе, который к тому времени уже был создан. На первом этапе это было трудно, но благодаря регенту принцу Павлу и правительству Цветковича мы в конце концов добились того, что Югославия присоединилась к Тройственному пакту. Однако мы прекрасно понимали, что в Белграде большую роль играют оппозиционные силы, выступающие против этого и против тесного сотрудничества с Германией вообще. Где-то приблизительно в это время, будучи в Вене, Гитлер сказал, что подписание [Югославией] Тройственного пакта показалось ему похоронной церемонией.

Мы были очень удивлены, когда (я думаю, через два-три дня после вступления в Тройственный союз) правительство Югославии было смещено в ходе путча генералом Симовичем и к власти пришло новое правительство, которое нельзя было назвать дружественным по отношению к Германии.

В сообщениях, поступавших из Белграда, содержалась информация о тесном взаимодействии с генеральным штабом Великобритании. Я думаю, американские специалисты в этой сфере хорошо знают данный вопрос. Я в последние месяцы почерпнул из английских источников,

что Британия в какой-то мере была причастна к этому перевороту. Вполне естественно, поскольку мы находились в состоянии войны.

Все эти события побудили фюрера вмешаться в балканские дела прежде всего с намерением помочь Италии, оказавшейся в очень сложном положении в Албании в результате упорного сопротивления греков. На втором месте можно указать на существование возможности нападения на Италию с севера, со стороны Югославии, что могло резко осложнить положение Италии или даже привести к сокрушительному поражению нашего союзника.

Таковы военные и стратегические факторы, побудившие Гитлера совершить вторжение в Грецию и Югославию и провести там боевые действия.

Д-р ХОРН. Если я вас правильно понял, Греция позволила разместить на своей территории базы британского военно-морского флота накануне нападения Италии в октябре 1940 г., несмотря на то что она объявила о своем нейтралитете. Я вас правильно понял?

Фон РИББЕНТРОП. Такова была суть военных сообщений, которые я получал.

Д-р ХОРН. В сентябре 1939 г. генерал Гамелен, тогдашний французский главнокомандующий, одобрил план высадки союзнических войск в Салониках. Когда Германия получила сведения об этих намерениях?

Фон РИББЕНТРОП. Впервые подробные детали мы узнали из бумаг французского генерального штаба в начале войны. Я знаю, что с самого начала все сведения, которые Гитлер получал из разных источников рейха, заставляли его опасаться открытия в любой момент нашего нового фронта в Салониках, как это имело место в годы первой мировой войны. Это означало бы значительное распыление германских вооруженных сил.

Д-р ХОРН. В сентябре 1939 г. вы посетили Москву во второй раз. Какова была причина визита и какие вопросы обсуждались в его ходе?

Фон РИББЕНТРОП. Причиной моего второго визита в Москву было завершение польской кампании. В конце сентября я вылетел в Москву, и на этот раз там меня

весьма тепло встретили. Мы должны были определиться в отношении Польши. Восточные районы страны были оккупированы советскими войсками, а мы заняли западную часть ее до ранее определенной демаркационной линии. На этот раз следовало зафиксировать точную линию демаркации. Кроме этого мы стремились укрепить наши связи с Советским Союзом и установить с ним сердечные отношения.

В Москве было заключено соглашение, окончательно определяющее линию демаркации в Польше, и намечалось подписание экономического договора, ставящего экономические отношения на совершенно новую основу. Предусматривалось и заключение всеобъемлющего договора, регулирующего обмен сырьевыми ресурсами; он был подписан позже. Как хорошо известно, пакт [о ненападении] перерос в договор о дружбе. В целях установления между Москвой и Берлином отношений, основанных на доверии, фюрер отказался от претензий на влияние в Литве, предоставив на основе второго договора преобладающее влияние в этой стране России. Так что в результате полное взаимопонимание между Германией и Советской Россией установилось и в отношении территориальных притязаний.

Д-р ХОРН. Верно ли, что после предъявления ультиматума 15 июня 1940 г. русские оккупировали всю Литву, включая часть, принадлежавшую Германии, без уведомления правительства рейха?

Фон РИББЕНТРОП. У нас не было специального соглашения по этому поводу, но хорошо известно, что эти районы были действительно оккупированы.

Д-р ХОРН. Какие дальнейшие действия русских вызвали беспокойство Гитлера в отношении позиции и намерений России?

Фон РИББЕНТРОП. Несколько скептическое отношение фюрера к позиции России вызывалось различными факторами. Во-первых, только что упомянутая мною оккупация Балтийских государств. Во-вторых, оккупация после французской кампании Бессарабии и Северной Буковины, о чем нас просто не поставили в известность,

без всяких предварительных консультаций. Тогда король Румынии обратился к нам за советом. Фюрер, проявляя верность советско-германскому договору, посоветовал ему принять требования русских и эвакуировать Бессарабию. Кроме того, война с Финляндией 1940 г. вызвала определенное беспокойство немецкого народа, испытывавшего дружеские чувства к финнам. Фюрер считал себя обязанным в некоторой степени принять это во внимание. Следует отметить еще два фактора. Первый: фюрер получил донесение о коммунистической пропаганде на предприятиях Германии, в котором утверждалось, что ее источником была русская профсоюзная делегация. Мы знали также о военных приготовлениях, предпринимаемых Россией. После французской кампании фюрер несколько раз говорил со мной по этому поводу и однажды сказал, что на границах Восточной Пруссии сконцентрировано 20 немецких¹ дивизий. Это очень крупные силы, и, если память мне не изменяет, около 30 (так в тексте. — *Перев.*) армейских корпусов было сосредоточено [русскими] в Бессарабии. Фюрера эти донесения очень тревожили, и он просил меня пристально следить за ситуацией. Он даже сказал, что, вероятно, пакт 1939 г. был заключен [Россией] с единственной целью оказывать на Германию политический и экономический нажим. Во всяком случае теперь Гитлер предложил принять контрмеры. Я указал фюреру на опасность превентивных войн, на что он ответил, что германо-итальянские интересы в случае необходимости должны выдвигаться на первый план при любых обстоятельствах. Я выразил надежду, что такая проблема не возникнет и что в любом случае мы должны приложить все усилия по дипломатическим каналам, дабы этого избежать.

Д-р ХОРН. В ноябре, точнее, с 12 по 14 ноября 1940 г., русский комиссар иностранных дел Молотов посетил Берлин. Кто был инициатором этого визита и что являлось предметом обсуждения?

¹ Как явствует из дальнейшего допроса (см. с. 352), Риббентроп оговорился, желая сказать «советские», и затем исправил свою ошибку.

Фон РИББЕНТРОП. В ходе беседы с Молотовым в Берлине затрагивались следующие вопросы. Да, здесь я должен сказать, что, делая попытки достичь договоренности с Россией по дипломатическим каналам, я с согласия фюрера отправил на исходе осени 1940 г. маршалу Сталину письмо с приглашением Молотову посетить Берлин. Это приглашение было принято, и в беседе фюрера и Молотова обсуждался весь комплекс русско-германских отношений. Я присутствовал на этой беседе. Сначала Молотов обсудил с фюрером русско-германские отношения, а потом упомянул Финляндию и Балканы. Он сказал, что при определении сфер влияния было условлено, что Финляндия войдет в сферу влияния России. Фюрер ответил, что Германия тоже имеет свои обширные интересы в этой стране, особенно в отношении никеля, и, кроме того, нужно учитывать симпатии немецкого народа к финнам. Поэтому он попросил Молотова поискать компромиссное решение проблемы. Эта тема поднималась несколько раз.

Что касается Балкан, господин Молотов заявил, что он хотел бы иметь пакт о ненападении с Болгарией и более тесные связи с этой страной вообще. Он также изложил свои мысли о размещении там баз. Фюрер ответил, скорее даже спросил, обращалась ли Болгария к Молотову по этому вопросу, но, очевидно, не в этом была суть проблемы. Затем фюрер сказал, что у него нет ничего конкретного по данному вопросу, ему надо переговорить с Муссолини, своим союзником, который, вполне естественно, имеет тоже собственные интересы на Балканах.

Был обсужден широкий спектр других вопросов, однако дискуссия не привела ни к каким решениям. Я бы сказал, что споры по недостаточно четко проработанным формулировкам свели на нет все результаты. Как только встреча закончилась, я обратился к фюреру за полномочиями для новой встречи с Молотовым. Я спросил Гитлера, согласен ли он на то, чтобы я обратился к Молотову и узнал о возможности присоединения России к Тройственному союзу. Так я видел тогда одну из наших задач. Фюрер ответил на это согласием, и у меня состоялась еще одна продолжительная беседа с комиссаром иностранных дел

России. Обсуждались те же вопросы. Молотов обрисовал жизненно важные интересы России в Финляндии; он упомянул также о глубокой заинтересованности России в Болгарии, при этом сославшись на родство русского и болгарского народов. Одновременно подчеркнул, что Россия имеет свои интересы и в других Балканских странах. В заключение была достигнута договоренность, что по возвращении в Москву он переговорит со Сталиным и попытается найти какое-либо решение этого вопроса. Я сделал предложение присоединиться к Тройственному союзу, а потом сослался на необходимость обсудить с фюрером поднятые вопросы. Возможно, мы еще могли найти выход. Общим результатом этих бесед было то, что Молотов вернулся в Москву с намерением прояснить по дипломатическим каналам разногласия, еще существовавшие между нами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Хорн, поскольку эти переговоры не привели ни к каким соглашениям, они далеки от обсуждаемых нами проблем. Вы ведь не утверждаете, что было достигнуто какое-либо соглашение?

Д-р ХОРН. Нет, я лишь хотел доказать, что Германия прилагала все усилия, чтобы избежать конфликта с Россией.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вопрос о конфликте с Россией на этих переговорах не поднимался?

Д-р ХОРН. Нет. Из попыток Германии и из показаний Риббентропа видно, что было сделано все возможное, дабы избежать разногласий, могущих привести к конфликту между Германией и Россией. Что же касается преднамеренного нападения — а Обвинение утверждает, что договор с Россией был заключен с целью последующего его нарушения и нападения на нее, — то Россия в любом случае подверглась бы нападению, и этими показаниями я и хочу подтвердить подобную точку зрения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мне это кажется слишком далеким от существа дела. Это говорит только о том, что Риббентроп принял участие в переговорах с Россией, закончившихся безрезультатно. У меня все. Продолжайте, д-р Хорн.

Д-р ХОРН. В одном из ваших предыдущих показаний вы рассказали о концентрации 20 немецких дивизий на границах Восточной Пруссии. Мне кажется, вы просто оговорились.

Фон РИББЕНТРОП. Я имел в виду русские дивизии. Фюрер, я помню, часто говорил об этом. По его словам, если я не ошибаюсь, у нас была лишь одна дивизия во всей Восточной Пруссии.

Д-р ХОРН. Не явилась ли причиной приглашения Молотова в Берлин оккупация русскими территории на Балканах, а также Балтийских государств?

Фон РИББЕНТРОП. Что касается Балкан, то нет, там не было зон русской оккупации. Пожалуй, это относилось к Бессарабии, которая в строгом смысле слова не является балканской страной. Причиной послужила оккупация Бессарабии, последовавшая с обескураживающей быстротой, а также Северной Буковины, которая ни по каким договоренностям, достигнутым в ходе переговоров в Москве, в сферу влияния России не попадала и которая, как сказал тогда Гитлер, являлась исконной и древней территорией австрийской короны. И наконец, оккупация Балтийских государств. Все это, вместе взятое, доставило фюреру известную долю беспокойства.

Д-р ХОРН. Правда ли, что летом 1940 г. вы и Гитлер были проинформированы о пребывании франко-британской делегации в Москве?..

Фон РИББЕНТРОП. Да, это так. Доклады подобного рода поступали постоянно; я не могу сейчас сказать, насколько это верно в отношении лета 1940 г. Когда я прибыл в Москву в 1939 г., я обнаружил, что там находились французская и английская военные делегации с полномочиями от своих правительств заключить военный союз России, Англии и Франции. Это было частью политики, которую Гитлер в своей речи в рейхстаге, кажется, 28 мая назвал «британской политикой окружения» и о которой мне еще в 1936 г. в посольстве поведал господин Черчилль...

Д-р ХОРН. Во время визита Молотова в Берлин в 1940 г. был ли упомянут тот факт, что Россия чувствовала

себя неудовлетворенной русско-финским мирным договором и что Россия была бы не прочь аннексировать всю Финляндию?

Фон РИББЕНТРОП. Четко это сформулировано не было, однако было очевидно, что Россия рассматривает Финляндию как сферу своего влияния. Какие меры намеревалась предпринять Россия, сказать не в моей власти.

Д-р ХОРН. 5 апреля 1941 г. был заключен российско-югославский пакт о ненападении. Как это затронуло Германию?

Фон РИББЕНТРОП. Казалось, Гитлер убедился в том, что Россия отказывается от политики 1939 г. Он воспринял это как оскорбление, если говорить его словами, когда правительство, заключившее пакт с Германией, через короткий промежуток времени подписывает договор с руководством страны, вполне определенно настроенным против Германии.

Д-р ХОРН. Правда ли, что после этого Гитлер запретил вам предпринимать какие-либо дальнейшие дипломатические шаги в сторону России?

Фон РИББЕНТРОП. Да, правда. Я тогда сказал фюреру, что мы должны прилагать более конкретные усилия, если хотим понять позицию России. Он ответил, что это бесполезно и что это не изменит подхода русских.

Д-р ХОРН. Каковы были причины начала войны с Россией?

Фон РИББЕНТРОП. Я должен здесь сказать: зимой 1940/41 г. фюрер столкнулся со следующей проблемой. Я думаю, самое важное — объяснить ее.

Англия не была готова к миру. Таким образом, позиции США и России имели для фюрера решающее значение. Он высказал мне свое мнение по этому вопросу. У нас состоялась долгая беседа, и я запросил конкретных дипломатических указаний. По его мнению, позиция Японии была небезопасна для Германии, хотя мы и заключили Тройственный союз. В Японии большую активность проявляли сильные оппозиционные элементы, и мы не могли предугадать, какую точку зрения примут японцы. Во время греческой кампании Италия показала

себя очень слабым союзником. Таким образом, Германия могла остаться в полном одиночестве.

Позиция США шла вторым пунктом в его монологе. Гитлер высказывался в том плане, что ему всегда хотелось поддерживать хорошие отношения с США, но, несмотря на огромные резервы, США становились все более враждебными по отношению к Германии. Тройственный союз был создан с целью удержать США от вступления в войну; это было нашим желанием, и мы верили в то, что те круги в США, которые выступили бы за мир и добрые отношения с Германией, получили бы поддержку. Здесь мы не добились, однако, успеха, так как после создания Тройственного союза США заняли неблагоприятную в отношении Германии позицию. Если США вступят в войну в Европе, полагал Гитлер, а таково было и мое мнение, им придется считаться с войной на два фронта. Из этого следовало, что США предпочтут не вмешиваться. Однако эта идея осталась нереализованной.

Снова возник вопрос о позиции России, и в связи с этим фюрер заявил: у нас есть договор о дружбе с Россией. Но Россия заняла позицию, которую мы только что обсудили и которая вызывает у меня определенное беспокойство. Таким образом, мы не знаем, что ожидать с ее стороны.

Тогда поступало все больше и больше информации о передвижении войск, и Гитлер принял определенные контрмеры, сущность которых остается для меня неизвестной. Много беспокойства доставляло ему то, что, с одной стороны Россия, а с другой — США и Великобритания могли выступить против Германии, т. е. приходилось считаться как с возможностью нападения русских, так и с объединенным наступлением США и Англии и их крупномасштабной высадкой на Западе. Все эти размышления в итоге побудили Гитлера принять контрмеры и начать по собственной инициативе превентивную войну против России.

Д-р ХОРН. Каковы в действительности были политические причины создания Тройственного союза?

Фон РИББЕНТРОП. Тройственный союз был создан

в сентябре 1940 г. Сложилась такая ситуация, при которой, как я уже сказал, Гитлер чувствовал себя неуверенно из-за того, что США рано или поздно могли вступить в войну. По этой причине я намеревался сделать все возможное в дипломатической сфере, чтобы усилить позиции, занимаемые Германией. Италия рассматривалась мной как союзник, но она проявила себя как слабый союзник.

Так как мы не могли склонить Францию на свою сторону, единственной дружественной страной, если не считать Балканские государства, оставалась Япония. Поэтому летом 1940 г. мы попытались достигнуть более тесного взаимодействия с японцами. Того же желали и они, и мы подписали пакт. Целью или его сущностью был политический, военный и экономический альянс. Однако нет сомнений, что перед альянсом ставились оборонительные задачи, так было задумано с самого начала. Под этим я подразумеваю то, что прежде всего надо было удержать США от вступления в войну, и я надеялся, что эта комбинация позволила бы нам в конечном итоге сохранить мир с Англией. Сам по себе пакт не был направлен на агрессию или на достижение мирового господства, как это часто утверждается. Это неверно. Задачей его, как я только что сказал, было добиться положения, при котором Германия могла бы установить новый порядок в Европе, а также оказать содействие Японии в попытке найти приемлемое для нее решение в Восточной Азии, особенно в отношении китайской проблемы.

Обо всем этом я размышлял, когда вел переговоры и подписывал пакт. Ситуация не была неблагоприятной, пакт мог содействовать нейтралитету США и изолировать Англию, так что в любом случае мы могли заключить мир, основанный на компромиссе, возможность которого учитывалась нами в течение всей войны и над которым мы неустанно работали.

Д-р ХОРН. Каков был эффект, по сообщениям, полученным из посольств, произведенный на США аншлюсом Австрии и Мюнхенскими соглашениями?

Фон РИББЕНТРОП. Нет никаких сомнений в том,

что оккупация Австрии и Мюнхенские соглашения вызвали в США еще более негативное отношение к Германии.

Д-р ХОРН. В ноябре 1938 г. посол США в Берлине был отозван в Вашингтон для доклада правительству и таким образом нормальные дипломатические отношения с США оказались разорванными. Что, по вашему мнению, вызвало эту меру?

Фон РИББЕНТРОП. Мы так и не узнали причины. Мы восприняли это с сожалением, нам пришлось отозвать своего посла из Вашингтона, по крайней мере вызвать его для доклада. Очевидно, однако, то, что это было вызвано позицией США в целом. В то время произошло множество инцидентов, которые склонили фюрера к мысли, что рано или поздно США окажутся в состоянии войны с нами.

Разрешите мне привести несколько примеров. Впервые позиция Рузвельта была сформулирована в «карантинной речи», которую он произнес в 1937 г. Вскоре в прессе началась энергичная кампания. После того как посол был отозван, ситуация стала еще более критической, эффект стал ощущаться во всех сферах германо-американских отношений.

Впоследствии было опубликовано множество документов по этой проблеме. Известное количество таких документов представлено Защитой. Документы, к примеру, касаются позиции, занятой некоторыми американскими дипломатами во время польского кризиса. Вступило в силу положение «кэш энд керри»¹, которое было на пользу врагам Германии; передача Англии эсминцев; затем так называемый закон о ленд-лизе; в другой сфере наблюдалось дальнейшее продвижение США в Европу: оккупация Гренландии и Исландии; наступление на Африканский континент и т. д.; помощь, предоставленная России после начала войны. Все эти меры убедили Гитлера в том, что рано или поздно ему придется считаться с возможностью войны против Америки. Нет сомнений, что прежде всего Гитлер не искал войны, и я могу сказать, что сам я, как

¹ Плати и вези (англ.).

вы можете понять из большого количества документов, представленных Обвинению, вновь и вновь делал все возможное в сфере дипломатии, чтобы удержать Соединенные Штаты от вступления в войну.

Д-р ХОРН. Летом 1941 г. президент Рузвельт отдал американским ВМС так называемый приказ об открытии огня в целях защиты транспортов, перевозящих оружие в Англию. Как Гитлер и германская дипломатия прореагировали на этот приказ?

Фон РИББЕНТРОП. Мы очень сожалели, что подобное произошло. Я некомпетентен в технических деталях этого вопроса, но точно помню, что Гитлера этот приказ очень встревожил. Помню, как в речи на одном из митингов (кажется, в Мюнхене, но я не уверен) он ответил на это заявление предупреждением. Я помню, в какой форме он отреагировал, потому что тогда мне это показалось странным. Гитлер сказал, что Америка отдала приказ открывать огонь по германским кораблям. «Я не приказываю открывать огонь, мой приказ — отвечать огнем на огонь». Кажется, он сказал так.

По дипломатическим каналам мы получали документальное подтверждение всех инцидентов, но тем не менее командование ВМС лучше меня информировано в этом вопросе. Затем последовали протесты и публикации, четко разъясняющие позицию Германии. Без обращения к документам я не могу разъяснить вам подробно детали этих протестов.

Д-р ХОРН. Поставила ли Япония заблаговременно в известность Германию о своем намерении совершить нападение на Пёрл-Харбор?

Фон РИББЕНТРОП. Нет, не поставила. В то время я пытался склонить Японию атаковать Сингапур, поскольку мир с Англией был невозможен. Я не знал, какие военные меры необходимо было принять для достижения этой цели. Во всяком случае фюрер дал мне указание сделать все возможное в области дипломатии, чтобы ослабить позиции Англии и таким образом добиться мира. Мы полагали, что лучшим способом для этого было бы нападение Японии на укрепленные позиции Англии в

Восточной Азии. Как раз из-за этого я и пытался побудить японцев напасть на Сингапур.

После начала германо-русской войны я попытался подтолкнуть Японию к нападению на Россию. Я полагал тогда, что в этом случае война завершилась бы скорее. Она не поступила так, как мы желали. Япония выбрала третье. Она совершила нападение на Пёрл-Харбор, что оказалось для нас полной неожиданностью. Мы учитывали возможность атаки на Сингапур или Гонконг, т. е. на Англию, но мы никогда не рассматривали США как объект нападения, выгодный для нас. Мы знали, что в случае выступления против Англии США могут вмешаться. Это, естественно, принималось нами во внимание. Но мы очень надеялись, что этого не произойдет и Америка в войну не вступит. Впервые я узнал о нападении на Пёрл-Харбор из берлинской прессы, а лишь потом от японского посла Осимы. Я готов заявить под присягой, что все остальные сведения, документы и версии, свидетельства — фальшивки. Я готов пойти дальше: я утверждаю, что нападение застало врасплох даже японского посла — по крайней мере он мне так говорил...

Д-р ХОРН. Какие обстоятельства склонили Гитлера и вас вступить в войну с США на стороне Японии?

Фон РИББЕНТРОП. Когда пришло известие о Пёрл-Харборе, фюрер столкнулся с необходимостью принять решение. В соответствии с обязательствами по Тройственному союзу мы должны были оказать помощь Японии лишь в случае нападения на нее самое. Я пришел на прием к фюреру, объяснил юридические аспекты ситуации и высказал мнение, что, хотя Германии и желателен новый союзник против Англии, нам придется считаться с еще одним оппонентом в случае объявления войны Соединенным Штатам.

Затем фюрер пришел к решению, что, поскольку США уже открывали огонь по нашим судам и, таким образом, мы практически находимся в состоянии войны с ними, оставался лишь вопрос формы. Даже в результате какого-либо инцидента мы могли оказаться в официальном состоянии войны с США. В конечном счете было

ясно, что сложившееся в Атлантике положение неизбежно приведет к войне Германии с США. Затем он дал мне указание подготовить ему ноту, в которую позже внес исправления, и вручить ее американскому послу.

Д-р ХОРН. Как взаимодействовал МИД с союзниками Германии во время войны?

Фон РИББЕНТРОП. Вполне естественно, мы поддерживали тесные контакты с Италией. Под этим я имею в виду то, что в ходе дальнейших военных действий фактически нам пришлось самим отвечать за военные операции этой страны или как минимум нести совместную с ней ответственность.

Взаимодействие с Японией было очень трудным по той простой причине, что мы поддерживали связь с правительством этой страны только по воздуху. Иногда удавались контакты с помощью подводных лодок, но не существовало никакого координированного военного или политического плана кампании. Я думаю, что в этом отношении генерал Маршалл был прав, когда сказал, что не существовало тесного взаимодействия или совместного планирования. Его в самом деле не существовало.

Д-р ХОРН. Как складывалось взаимодействие с Италией?

Фон РИББЕНТРОП. Как я только что сказал, мы, вполне естественно, поддерживали тесные связи с Италией, однако возникали трудности из-за разного рода воздействий на эту работу. Италия с самого начала показала себя очень слабым союзником во всех отношениях.

Д-р ХОРН. Почему в ходе русской кампании вы предложили Гитлеру заключить сепаратные мирные соглашения?

Фон РИББЕНТРОП. В Москве между советским правительством и нами, между Сталиным, Молотовым и мной, а также фюрером установилась определенная атмосфера доверия. Например, фюрер как-то сказал мне, что доверием относится к Сталину, которого он считал одним из выдающихся исторических деятелей и чьим величайшим достижением является создание Красной Армии. Но трудно предугадать, что может случиться. Мощь Советов

возросла и стремительно наращивалась. Трудно было представить себе, как вести теперь дело с Россией и как вступать с ней снова в соглашения. Сам я всегда пытался по дипломатическим и иным каналам поддерживать в некоторой мере отношения, поскольку все еще надеялся, что мир в некотором роде может быть достигнут, что облегчило бы ситуацию на Востоке и позволило бы Германии сосредоточить свои силы на Западе, а возможно, даже и привести к всеобщему миру. Имея все это в виду, зимой 1942 г., незадолго до Сталинграда, я в первый раз предложил Гитлеру заключить соглашение с Россией. Я предложил это после англо-американской высадки в Африке, которая вызвала у меня неприятные чувства. Адольф Гитлер — встреча состоялась в его поезде в Бамберге — весьма категорически отверг идею подобного мира, поскольку, как он считал, это могло бы вызвать пораженческие настроения и т. п. Тогда я предложил ему заключить мир с Россией на умеренных условиях.

Второе. В 1943 г. я вновь обратился к фюреру в письменной форме с предложением подобного мира. Помоему, это было после падения Италии. В то время фюрер был готов к такому решению, он обозначил возможную линию взаимной демаркации, которая могла быть принята, и сказал, что окончательный ответ даст на следующий день. Однако назавтра я не получил от него ни полномочий, ни одобрения. Думаю, фюрер, вероятно, полагал, что заполнить пропасть между национал-социализмом и коммунизмом невозможно и что такой мир будет не чем иным, как прекращением огня.

Я предпринял еще одну или две попытки, но фюрер придерживался мнения, что сначала должен быть достигнут решающий военный успех, только после этого мы сможем начать переговоры, в противном случае они окажутся бесполезными.

Если бы меня спросили, могли бы переговоры закончиться успешно, я бы ответил, что вряд ли. Мне кажется, что, учитывая жесткую позицию, занятую нашими оппонентами, в особенности Англией, даже в начале войны не было никакого шанса, что Германия сможет добиться

мира, а это устраивало как Восток, так и Запад. И я убежден, что с Касабланкским заявлением [Рузвельта и Черчилля] о безоговорочной капитуляции такая возможность полностью исчезла. Я основываю свою позицию не на чисто абстрактных рассуждениях, а на многочисленных сообщениях, сделанных по косвенным каналам, зачастую довольно неопределенных, которые выражали точку зрения лиц, имевших решающее влияние на политику в своих странах. Они требовали войны до победного конца. Я думаю, фюрер был прав, когда говорил о бесполезности переговоров подобного рода.

Д-р ХОРН. Перейдем к другому вопросу. Свидетель Лахузен¹ дал показания, что в сентябре 1939 г. состоялась беседа в личном поезде Гитлера, на которой присутствовали и вы. В ходе беседы говорилось о создании повстанческого движения в польской Украине. Что послужило причиной этой беседы и какова была ваша роль в ней?

Фон РИББЕНТРОП. Я помню, как в ходе польской кампании адмирал Канарис, шеф контрразведки вермахта, по своей инициативе встретился со мной. Это был короткий личный визит, он часто наносил их. В то время я находился в своем купе поезда фюрера. Не помню, чтобы там тогда присутствовал свидетель Лахузен. У меня такое впечатление, что я вижу здесь господина Лахузена впервые. Канарис время от времени посещал меня, чтобы проинформировать о своей деятельности в разведке и других областях. И на этот раз он сделал так же. Помоему, это он сказал, что посланы агенты, чтобы поднять восстание среди украинцев и других меньшинств в тылу польской армии. Могу с уверенностью сказать: он не получал от меня никаких инструкций или директив, как здесь утверждалось, да и не мог получать по двум причинам:

1. Германский министр иностранных дел никогда не имел полномочий давать указания военным органам.

¹ Эрвин Эдлер фон Лахузен — генерал-майор, начальник II отдела (диверсии, саботаж и «народная борьба») абвера (разведки и контрразведки вермахта).

2. В начале польской кампании германский МИД вообще не занимался проблемой Украины и другими подобными вопросами. По крайней мере я не имел к этому никакого отношения. Я даже не имел представления о деталях всего этого, чтобы давать указания.

Д-р ХОРН. Обвинению представлен циркуляр, разработанный МИДом.

Фон РИББЕНТРОП. Я хотел бы добавить кое-что. Свидетель Лахузен заявил, что я якобы высказался в том духе, что дома должны разрушаться, деревни сжигаться, а евреи уничтожаться. Категорически утверждаю, что ничего подобного я никогда не говорил.

В это время Канарис находился в одном вагоне со мной... Очевидно, он получил инструкции от фюрера, как вести дела в Польше с учетом украинского и других вопросов. Никакого смысла в приписываемом мне нет, так как на Украине, в украинских деревнях, население было настроено к нам не враждебно, а дружелюбно. Было бы бессмысленно с моей стороны говорить о том, что необходимо сжигать деревни. Второе: что касается уничтожения евреев, я могу лишь сказать, что это полностью противоречило моим внутренним убеждениям и что тогда никому и в голову не приходило убивать евреев. Короче говоря, все это — абсолютная ложь. Никогда я таких указаний не давал, да и не мог давать, даже вообще не высказывался в этом духе...

Девяносто шестой день

Понедельник, 1 апреля 1946 г.

(Продолжение показаний подсудимого фон РИББЕНТРОПА)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Есть ли у Защиты какие-либо вопросы к подсудимому?

Д-р ЗАЙДЛЬ [защитник Гесса]. Да, ваша честь! Свидетель, в преамбуле к секретному протоколу к пакту, заключенному Германией и Советским Союзом 23 августа 1939 г., говорится приблизительно следующее: «Ввиду

существующих в настоящее время напряженных отношений между Германией и Польшей стороны пришли к соглашению, что в результате конфликта...» Вы не помните, так ли была сформулирована преамбула?

Фон РИББЕНТРОП. Не помню дословно, но приблизительно так.

Д-р ЗАЙДЛЬ. Правда ли, что заведующий юридическим отделом МИДа посол д-р Гаус участвовал в московских переговорах 23 августа 1939 г. в качестве официального советника и он разработал проект договора?

Фон РИББЕНТРОП. Посол Гаус в какой-то мере принимал участие в переговорах, и мы вместе составили проект.

Д-р ЗАЙДЛЬ. Сейчас я хотел бы зачитать отрывок из заявления посла Гауса, а потом задать вам в связи с этим несколько вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Зайдль, какой документ вы собираетесь зачитать?

Д-р ЗАЙДЛЬ. Я представлю вашему вниманию раздел третий заявления, сделанного д-ром Гаусом, и в связи с этим задам свидетелю несколько вопросов, поскольку кое-какие моменты этого пакта недостаточно прояснены.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Генерал Руденко, вы хотите что-то спросить?

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО [Главный обвинитель от СССР]. Я не знаю, господин Председатель, какое отношение имеют эти вопросы к подсудимому Гессу, которого защищает д-р Зайдль, или же к подсудимому Франку. Я не намерен обсуждать эти показания, поскольку не придаю им большого значения. Я бы хотел только привлечь внимание Трибунала к тому факту, что наша задача не обсуждение проблем, связанных с политикой союзнических государств, а рассмотрение обвинений против главных немецких военных преступников, а такие вопросы со стороны Защиты представляют собой попытку отвлечь внимание Трибунала от обсуждения главных вопросов. Поэтому я считаю необходимым, чтобы вопросы подобного рода отклонялись как не имеющие отношения к делу.

(Процедурный перерыв для совещания судей.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Зайдль, вы можете задавать вопросы.

Д-р ЗАЙДЛЬ. Показания Гауса¹ раздел третий его показаний...

Свидетель [Риббентроп], в показаниях Гауса упоминается протокол, согласно которому обе державы обязуются действовать сообща для окончательного урегулирования

¹ Письменное заявление заместителя статс-секретаря министерства иностранных дел Германии посла Фридриха Гауса от 15 марта 1946 г. ввиду его важного значения приводится нами с незначительными сокращениями по немецкому оригиналу: Die Beziehungen zwischen Deutschland und der Sowjetunion 1939–1941. 251 Dokumente. Aus den Archiven des Auswärtigen Amts und der Deutschen Botschaft in Moskau. Herausgegeben von Dr. Alfred Seidl. Tübingen, 1949. Цитированные и упоминаемые Зайдлем места выделены курсивом. «23 августа около полудня самолет имперского министра иностранных дел, которого я сопровождал в качестве советника по международно-правовым вопросам на запланированные переговоры, прибыл в Москву. Во второй половине того же дня состоялась первая беседа господина фон Риббентропа с господином Сталиным, на которой с немецкой стороны кроме имперского министра иностранных дел присутствовали только советник посольства Хильгер в качестве переводчика и, возможно, также посол граф Шуленбург; сам я в ней участия не принимал. С этой долго продолжавшейся беседы имперский министр иностранных дел вернулся весьма удовлетворенным и высказался в том смысле, что все это, можно не сомневаться, приведет к заключению тех соглашений, к которым стремится германская сторона. Продолжение переговоров, при котором должны были быть обсуждены и изготовлены подлежащие подписанию документы, намечено на поздний вечер. В этой второй беседе участвовали лично я, а также посол граф Шуленбург и советник посольства Хильгер. С русской стороны переговоры велись господами Сталиным и Молотовым, переводчиком которых являлся господин Павлов. Быстро и без всяких трудностей было достигнуто согласие относительно текста германо-советского пакта о ненападении... По сравнению с пактом о ненападении гораздо дальше велись переговоры об особом секретном документе, который, как мне помнится, получил наименование секретный протокол, или *секретный дополнительный протокол, и содержание которого сводилось к разграничению сфер интересов обеих сторон на европейских территориях, лежащих*

вопросов в отношении Польши. Было ли такое соглашение достигнуто уже 23 августа 1939 г.?

Фон РИББЕНТРОП. Да, это так. В то время германо-польские отношения серьезно обострились, и, само собой разумеется, этот вопрос тщательно обсуждался. Я бы хотел подчеркнуть, что ни у Сталина, ни у Гитлера не было ни малейшего сомнения в том, что если переговоры с Польшей ни к чему не приведут, то территории, отнятые у обеих великих держав силой оружия, могут быть возвращены также силой оружия. Исходя из этого восточные

между обоими государствами. Употреблялось ли при этом выражение «сфера интересов» или же какие-либо иные выражения, я уже не помню. В этом документе Германия заявляла о своей незаинтересованности в Латвии, Эстонии и Финляндии, но зато причисляла к сфере своих интересов Литву. Что касается политической незаинтересованности Германии в отношении обоих вышеназванных Прибалтийских государств, поначалу возник спор, поскольку имперский министр иностранных дел заявил о необходимости телефонного разговора с Гитлером, который состоялся лишь во время второй беседы; в этом разговоре по прямому проводу он получил от Гитлера полномочия согласиться с советской точкой зрения. Что касается польской территории, то была установлена демаркационная линия. Была ли она точно начерчена на приложенной к документу карте или же описана в этом документе лишь словесно, в памяти моей не сохранилось. В остальном же в отношении Польши было достигнуто соглашение примерно того содержания, что обе державы рассматривают окончательное урегулирование относящихся к этой стране вопросов во взаимном согласии. Насчет Балканских стран констатировалось, что Германия имеет там только экономические интересы. Пакт о ненападении и секретный документ были подписаны в ту же ночь почти на рассвете... Пока готовились чистовые экземпляры документов, господин Риббентропу был подан завтрак, во время которого он в ходе возникшей беседы рассказал, что публичная речь Сталина, произнесенная весной [на XVIII съезде ВКП(б)], содержала одну фразу, которая, хотя Германия в ней и не была названа, была воспринята так, будто господин Сталин тем самым хотел намекнуть, что советское правительство считает возможным и желательным достигнуть лучших отношений с Германией. На это господин Сталин ответил лаконичной репликой, которая в переводе Павлова гласила: «Таково было намерение».

территории [Польши] после победы были оккупированы советскими войсками, а западные — германскими. Нет сомнения, что Сталин никак не может обвинять Германию в агрессии или захватнической войне по отношению к Польше. Если это рассматривать как агрессию, то в ней повинны обе стороны.

Д-р ЗАЙДЛЬ. Была ли в этом секретном соглашении демаркационная линия просто описана словами или же начерчена на карте, прилагаемой к соглашению?

Фон РИББЕНТРОП. Демаркационная линия была приблизительная и проведена на карте. Она проходила вдоль рек Писа, Нарев, Буг и Сан¹. Я запомнил эти реки. В случае вооруженного конфликта с Польшей стороны были обязаны строго придерживаться этой демаркационной линии.

Д-р ЗАЙДЛЬ. Верно ли, что на основании этого соглашения не Германия, а Советская Россия получала большую часть Польши?

Фон РИББЕНТРОП. Я не знаю точных пропорций, но во всяком случае территории восточнее этих рек переходили к Советской России, а территории к западу от них должны были быть оккупированы германскими войсками. Мы с Гитлером эту проблему тогда еще не обсуждали. Позднее, когда было создано генерал-губернаторство, территории, потерянные после первой мировой войны, были включены в состав Германии.

Д-р ЗАЙДЛЬ. У меня еще вопрос. В прошлую пятницу вы заявили, что вы хотели, чтобы Россия присоединилась к Тройственному пакту. Почему этого не случилось?

Фон РИББЕНТРОП. Этого не случилось по причине требований России. Требования России сводились... Пожалуй, сначала необходимо сказать, что я договорился с Молотовым в Берлине о продолжении разговора по дипломатическим каналам. Я хотел склонить Гитлера относительно уже высказанных Молотовым в Берлине требований, чтобы можно было прийти к какому-либо соглашению или компромиссу.

¹ Демаркационная линия проходила по рекам Писа—Нарев—Висла—Сан.

Затем Шуленбург прислал нам из Москвы доклад с изложением требований России. В этом докладе было в первую очередь уже известное требование в отношении Финляндии. На это, как хорошо известно, фюрер сказал Молотову, что он не желает, чтобы после зимней кампании 1940 г. на Севере разразилась еще одна война. Теперь это требование вновь поднималось, и мы оказались в трудном положении, поскольку фюрер это требование однажды уже отклонил.

Другие требования русских касались Балкан и Болгарии. Россия, как известно, хотела иметь там базы, желала установить тесные отношения с Болгарией. Болгарское правительство, с которым мы поддерживали контакты, этого не желало. Более того, проникновение русских на Балканы ставило серьезные проблемы как перед фюрером, так и перед Муссолини. Затрагивались наши экономические интересы в этом регионе — зерно, нефть и т.д. И прежде всего само правительство Болгарии не желало подобного проникновения.

Затем третья. Русские выдвинули требование о выходе в [Средиземное] море и военных базах на Дарданеллах, высказали просьбу, с которой Молотов уже обращался в Берлине, обезопасить хоть каким-нибудь образом выходы в Балтийское море. Господин Молотов тогда сказал мне, что Россия также очень заинтересована в Скагерраке и Каттегате¹.

Я тогда тщательно обсудил эти требования и просьбы с фюрером. Фюрер сказал, что нам придется связаться с Муссолини, которого некоторые из этих требований непосредственно касались. Встреча состоялась, но Муссолини не поддержал требований в отношении Балкан и Дарданелл. Что же касается Болгарии, то, как я уже говорил, она тоже не хотела этого, а в отношении Финляндии ни данная страна, ни фюрер не желали пойти на требования Советского Союза.

Затем имели место многомесячные переговоры. Я помню, как в декабре 1940 г. я получил телефонограмму

¹ Проливы между Балтийским и Северным морями.

из Москвы. У меня состоялся еще один долгий разговор с фюрером. У меня была идея, что, если бы нам удалось достичь компромисса между требованиями русских и пожеланиями заинтересованных сторон, можно было бы сформировать коалицию такой мощи, что она не дала бы Англии вступить в войну...

Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, Nuremberg, 14 November 1945—1 Oktober 1946. Nuremberg, 1947. Vol. X. P. 279—300, 311—315. *Перевод с английского В. Я. Головина и Е. В. Васильва. На русском языке публикуется впервые.*

**Из заключительной речи главного обвинителя
от Соединенных Штатов Америки
Роберта Джексона в Международном военном
трибунале в Нюрнберге**

[Произнесена 26 июля 1946 г.]

...Принято думать, что наше время является вершиной цивилизации, вершиной, с которой мы можем покровительственно взирать на недостатки предшествовавших веков в свете того, что считается «прогрессом». В действительности положение вещей таково, что взятая в перспективе история нашего столетия не будет выглядеть с благоприятной стороны, если только вторая его половина не искупит пороки первой. Эти четыре десятка лет XX столетия будут занесены в летопись истории в числе самых кровавых в ее анналах. Мировые войны оставили столько убитых, что число их превышает численность всех армий, участвовавших в древних и средневековых войнах. Никогда в течение полустолетия не происходило такого количества кровавых убийств и в таком масштабе, не совершалось таких жестокостей и бесчеловечных поступков, не производилось такого массового угона людей в рабство, такого уничтожения национальных меньшинств.

Террор Торквемады бледнеет перед нацистской инквизицией. Эти деяния войдут в историю как неопровержимые факты, по которым будущие поколения будут

судить о нашем десятилетии. Если мы не сумеем уничтожить причины и предотвратить повторение подобного варварства, можно будет с основанием сказать, что XX столетие приведет к гибели цивилизации...

Общий взгляд, брошенный на скамью подсудимых, позволяет заключить, что, несмотря на междоусобные распри, каждый подсудимый в своей области действовал согласованно с другими, все они активно помогали осуществлению общего плана. Это противоречит практике, согласно которой люди с такой различной подготовкой и способностями, по-видимому, только по случайному совпадению содействуют друг другу в достижении своих целей.

Важная и разносторонняя деятельность Геринга носила полумилитаристский и полубандитский характер. Он тянулся своими грязными руками за каждым куском пирога. Он использовал своих молодцов из СА для того, чтобы привести банду к власти. Для того чтобы закрепить эту власть, он задумал сжечь рейхстаг, основал гестапо и создал концентрационные лагеря. Он также стоял за истребление оппозиции и за инсценировку скандальных инцидентов, для того чтобы избавиться от упрямых генералов. Он создал военно-воздушные силы и бросил их на своих беззащитных соседей. Он был одним из самых активных участников изгнания евреев из страны. Путем мобилизации всех экономических ресурсов Германии он сделал возможным ведение войны, в планировании которой он принял большое участие. Он являлся вторым после Гитлера лицом, координировавшим деятельность всех подсудимых.

Роль, которую играли остальные подсудимые, хотя она и была менее представительной и менее наглядной, чем роль рейхсмаршала, тем не менее являлась дополняющим и необходимым вкладом в общие усилия; без любого из подсудимых успех общего дела был бы поставлен под угрозу срыва. Виновность этих людей в совершении целого ряда отдельных действий была здесь доказана. Нет никакого смысла рассматривать сейчас все те преступления, с которыми предъявленные доказательства связы-

вают имена подсудимых; кроме того, я не располагаю для этого достаточным временем. Тем не менее, рассматривая заговор как единое целое и как механизм в действии, мне хотелось бы бегло остановиться на наиболее значительных услугах, которые каждый из этих людей оказал общему делу.

Фанатик *Гесс*, перед тем как его обуяла страсть к странствованиям, был инженером, управлявшим механизмом партии, передававшим руководящему составу партии пропагандистские установки, осуществлявшим надзор над всеми сторонами деятельности партии и сохранявшим ее наготове как преданное и послушное орудие власти.

Когда за границей начинали осознавать положение вещей и тем самым ставился под угрозу успех нацистских захватнических планов, на сцену выступал двуличный *Риббентроп* — торговец ложью, который должен был лить масло на взволнованную подозрениями воду, выступая с проповедями об ограниченных и мирных намерениях.

Кейтель, безвольное и послушное орудие, передал партии орудие агрессии — вооруженные силы и направлял их при выполнении поставленных перед ними преступных задач.

Кальтенбруннер, великий инквизитор, принял от Гейдриха его кровавый плащ, с тем чтобы задушить оппозицию и добиться покорности террором; он утвердил власть национал-социализма на трупах безвинных жертв.

Розенберг, духовный отец и высокий проповедник теории «расы господ», явился создателем доктрины ненависти, которая послужила первым импульсом к уничтожению еврейства и вызвала применение его атеистических теорий на практике на восточных оккупированных территориях.

Фанатик *Франк* утвердил нацистский контроль путем установления новой власти, основанной на беззаконии, тем самым превращая волю партии в единственный критерий законности; он экспортировал свою систему беззакония в Польшу, которой он правил с тиранией Цезаря, и сохранил в живых лишь жалкие остатки ее населения.

Фрик, безжалостный организатор, помогал партии при

захвате власти, руководил полицейскими учреждениями, с тем чтобы сохранить для нее власть, и приковал экономику Богемии и Моравии к германской военной машине.

Штрейхер, ядовитый пошляк, составлял и распространял непристойные расовые пасквили, которые возбуждали народ одобрить все усиливавшиеся по своей безжалостности операции по «расовому очищению» и содействовать их проведению.

В качестве министра экономики *Функ* ускорял темпы вооружения, а в качестве президента имперского банка он помещал на хранение в банк золотые коронки с зубов жертв концентрационных лагерей. Это, по всей вероятности, самый жуткий источник дохода в истории банков.

Шахт, скрываясь под личиной накрахмаленной респектабельности, ранее служил удобной ширмой (приманка, на которую ловились сомневающиеся элементы); впоследствии его махинации дали возможность Гитлеру финансировать колоссальную программу перевооружения, сохраняя при этом полную секретность.

Дёниц, принявший от Гитлера в качестве наследства поражение, способствовал успеху нацистских агрессий, инструктируя свою свору убийц с подводных лодок вести морскую войну с незаконной свирепостью джунглей.

Редер, политический адмирал, украдкой построил военно-морской флот Германии вопреки Версальскому договору и затем предоставил его для использования в серии агрессий, в планировании которых он принимал большое участие.

Фон Ширах, отравивший целое поколение, посвятил германскую молодежь в суть нацистской доктрины, подготовил ее в легионах для службы в СС и вооруженных силах и передал ее нацистской партии как фанатичную, послушную исполнительницу ее воли.

Заукель, самый крупный и самый жестокий работороговец со времен египетских фараонов, добывал остро необходимую рабочую силу путем угона народов других стран в страну рабства, причем в таких масштабах, которые были неизвестны даже в древние дни тирании в царстве на Ниле.

Йодль, предатель традиций своей профессии, руководил вооруженными силами, нарушая их собственный кодекс военной чести, для того чтобы осуществлять варварские цели нацистской политики.

Фон Папен, благочестивый агент атеистического режима, держал стремя, когда Гитлер вскакивал в седло, помог аннексировать Австрию и посвятил свою дипломатическую изворотливость делу достижения нацистских целей за границей.

Зейсс-Инкварт, возглавлявший пятую колонну в Австрии, возглавил правительство своей собственной страны лишь для того, чтобы преподнести ее Гитлеру в качестве подарка, и затем, двинувшись на север, принес террор и угнетение в Нидерланды и разграбил их экономику ради германского неумолимого бога Кришны.

Фон Нейрат, дипломат старой школы, который метал бисер своего опыта перед нацистами; руководил нацистской дипломатией в ранние годы, успокаивал опасения будущих жертв и, как имперский протектор Богемии и Моравии, укрепил позицию Германии для будущего нападения на Польшу.

Шнеер в качестве министра вооружения и военной промышленности начал сотрудничать в планировании и проведении в жизнь программы принудительной доставки военнопленных и иностранных рабочих для германской военной промышленности, добившись того, что выпуск продукции этой промышленности повышался, в то время как рабочие таяли, вымирая от голода.

Фриче, начальник радиопропаганды, подтасовывая факты, добивался от германского общественного мнения яростной поддержки режима и таким образом парализовал у населения способность к самостоятельному суждению, так что оно, ни о чем не спрашивая, подчинялось приказам своего хозяина.

Борман, который не принял нашего приглашения на это собрание, управлял регулятором огромных и мощных моторов партии, направляя ее во всех областях безжалостного проведения нацистской политики, начиная от би-

чевания христианской церкви и кончая линчеванием захваченных союзных летчиков.

В своей деятельности все эти подсудимые, несмотря на их различное происхождение и способности, присоединились к усилиям других заговорщиков, которые сейчас не находятся на скамье подсудимых, но которые тем не менее играли важную роль в выполнении других задач общего плана. Они представляли собой хорошо слаженный, четко работавший механизм, движимый стремлением к общей цели перекроить карту Европы силой оружия.

Некоторые из этих подсудимых были ревностными членами нацистского движения с первых дней его существования.

Другие, менее фанатичные, вошли в общее дело позднее, после того как успехи сделали привлекательным участие в нем, так как оно сулило награды.

Эта группа новообращенных более позднего периода возместила критическую нехватку первоначальных искренних последователей, поскольку, как это указывал в своих выводах доктор Зиммерс, «среди национал-социалистов не было специалистов для выполнения особых задач. Большинство из сотрудников национал-социализма ранее не занималось профессиями, требовавшими технического образования».

Роковая слабость нацистской банды в первый период ее существования заключалась в том, что у членов ее отсутствовали технические знания.

Они не могли создать из своих собственных рядов правительство, способное провести в жизнь все планы, необходимые для реализации целей нацистского движения.

Именно отсюда и проистекают преступления и предательство людей, подобных Шахту, фон Нейрату, Шпелеру и фон Папену, Редеру и Дёницу, Кейтелю и Йодлю.

Сомнительно, могли ли преуспеть нацисты в проведении своего плана господства без участия имевшей специальное образование интеллигенции, которой они с такой охотой предоставляли руководить осуществлением этого плана.

Эти люди действовали, хорошо зная о широко объявленных целях и методах нацистов, и продолжали свою службу даже тогда, когда на практике увидели, куда вел путь, по которому они шли.

Их превосходство над обычной нацистской посредственностью не оправдывает их. В этом — их обвинительный приговор. Из тысяч страниц материалов этого процесса с определенностью явствует, что главное преступление из всей группы нацистских преступлений — нападение на мир во всем мире — было преднамеренно запланировано...

Но некоторые из подсудимых заявляют, что войны не были агрессивными и целью их было защитить Германию от новой возможной опасности — «угрозы коммунизма», которая являлась своего рода навязчивой идеей многих нацистов.

С самого начала этот довод о самозащите терпит крах, поскольку в этом случае полностью игнорируется роковое сочетание фактов, установленных в материалах суда. Во-первых, быстрые и колоссальные по размаху германские приготовления к войне; во-вторых, неоднократные, открыто объявленные намерения руководителей Германии совершить нападение, которые я цитировал ранее, и, в-третьих, тот факт, что имела место целая серия таких войн, когда германские силы первыми наносили удары без предупреждения и пересекали границы стран других народов. Даже если бы могло быть доказано, а это невозможно, что война с Россией на самом деле носила оборонительный характер, совершенно очевидно, что дело обстоит иначе в отношении всех тех войн, которые предшествовали ей.

Кроме того, можно также указать на то, что даже те, которые хотели бы убедить вас в том, что коммунизм угрожал Германии, соперничают друг с другом в попытках доказать, что они были против пагубной русской авантюры. Можно ли поверить, что они выступали бы против такой войны, если бы она была на самом деле оборонительной...

Ни в одном из документов, которые раскрывают планирование и детализацию планов этих нападений, не

было и не может быть процитировано ни одного предложения, которое указывало бы на действительное опасение по поводу нападения извне. Вполне возможно, что у государственных деятелей других наций не хватило мужества немедленно и полностью разоружиться. Возможно, они подозревали о тайном перевооружении Германии. Но если они и медлили с отказом от вооружения, они во всяком случае не побоялись пренебрегать развитием промышленности вооружения.

Германия отлично знала, что ее бывшие враги довели свое вооружение до упадка, столь маловероятной казалась им возможность другой войны. Германия противостояла Европе, которая не только не хотела нападать, но которая была слишком слаба и пацифистски настроена даже для того, чтобы соответствующим образом защищаться, и должна была заплатить чуть ли не своей честью, а может быть, и более того, чтобы купить себе мир. Те протоколы о секретных нацистских совещаниях, которые мы вам представили, не называют потенциального агрессора. В них чувствуется дух агрессии, а не оборонительной войны. Они всегда замыслили территориальную экспансию, а не сохранение территориальной целостности.

Военный министр фон Бломберг в своей директиве от 1937 г., в которой устанавливались общие принципы для подготовки вооруженных сил к войне, опроверг эти жалкие притязания на самозащиту.

Он заявлял в то время следующее: «Общая политическая обстановка оправдывает предположение относительно того, что Германии не грозит нападение ни с какой стороны. Основанием этого предположения является то, что почти все страны, и особенно западные державы, не испытывают желания вести войну и, кроме того, в целом ряде государств, и в России особенно, ведется недостаточная подготовка к войне». Тем не менее он предлагает «постоянно готовиться к войне, с тем чтобы: а) быть в состоянии в любое время нанести контрудар и б) суметь использовать в военных целях благоприятную политическую ситуацию, если таковая представится».

Если эти подсудимые могут сейчас цинично приво-

дить в свое оправдание довод о самозащите, хотя ни один из ответственных лидеров в тот период искренне не заявил и не считал, что самозащита является необходимой, то тем самым доводятся до полного абсурда с правовой точки зрения все договоры о ненападении. Они становятся лишь дополнительным средством обмана в руках агрессора и ловушкой для миролюбивых стран. Даже если договоры о ненападении предусматривают возможность для каждого народа на основе доверия (бона фиде) решить вопрос о необходимости самозащиты против непосредственной угрозы нападения, они тем не менее ни в коей мере не могут служить прикрытием для тех, которые никогда не приходили к решению такого рода...

Было бы величайшей и непростительной пародией на справедливость дать этим людям, которые планировали эту политику и направляли этих мелких исполнителей, избежать кары. Эти люди, находящиеся на скамье подсудимых, перед лицом фактов, имеющих в судебных протоколах, не могут отговориться незнанием этой преступной программы или отдаленным и неопределенным к ней отношением.

Именно они являются творцами этой программы. Посты, которые они занимали, показывают, что мы избрали подсудимых, ответственность которых совершенно очевидна. Это самые высокопоставленные из оставшихся в живых представителей власти, каждый из которых играл главную роль в своей области и в нацистском государстве в целом. В настоящее время нет в живых никого, кто бы по крайней мере вплоть до последнего момента войны стоял выше Геринга по занимаемому положению и располагал большей властью и влиянием.

Никто в армии не стоял выше Кейтеля и Йодля, никто во флоте не занимал более высокого поста, чем Редер и Дёниц.

Кто может нести большую ответственность за двуличную дипломатию, чем министры иностранных дел фон Нейрат и Риббентроп и их подручный Папен? Кто должен нести ответственность за деспотическое управление оккупированными странами, как не гауляйтеры, протекторы,

губернаторы и комиссары, такие, как Франк, Зейс-Инкварт, Фрик, фон Ширах, фон Нейрат и Розенберг? Где искать тех, кто мобилизовал все хозяйство для тотальной войны, если мы забудем о Шахте, Шпеере и Функе? Кто был хозяином этого огромного рабовладельческого предприятия, как не Заукель? Чья рука, как не рука Кальтенбруннера, направляла деятельность концлагерей? Кто подхлестывал ненависть и страх в народе и искусно направлял партийные организации к подстрекательству этих преступлений, если не Гесс, фон Ширах, Фриче, Борман и недостойный упоминания Юлиус Штрейхер?

Список подсудимых состоит из лиц, которые играли главные, связанные между собой роли в этой трагедии, фотографии и фильмы вновь и вновь показывают их вместе в дни важных событий. Документы свидетельствуют, что они были согласны по вопросу о политике и методах и об их агрессивной деятельности, направленной на расширение территории Германии силой оружия. Каждый из этих подсудимых внес вклад в дело нацистского плана, каждый из них играл в нем главную роль. Лишите нацистский режим того, что было сделано Шахтом, Заукелем, фон Папеном или Герингом, и этот режим перестанет быть самим собой. Взгляните на этих падших людей и представьте себе их такими, как они изображены на фотографиях и в документах в дни их величия и славы. Имеется ли среди них хотя бы один, чья деятельность значительно не продвинула бы этот заговор вперед по кровавому пути к достижению кровавой цели? Можем ли мы допустить, что огромные усилия этих людей были направлены на достижение тех целей, о существовании которых они никогда не подозревали?

Защищая себя, все подсудимые единодушно пытаются избежать ответственности и вины, вытекающей из их деятельности на занимаемых ими постах. Мы слышим, как один и тот же припев повторяется вновь и вновь: у этих людей не было власти, они ничего не знали, не пользовались никаким влиянием.

Функ подводит итог этому самоунижению подсудимых в своей жалобной ламентации: «Я всегда, так сказать,

подходил к двери, но мне никогда не разрешалось в нее войти».

В своих показаниях каждый подсудимый по некоторым вопросам оказывается в тупике. Никто ничего не знал о том, что происходило. Время от времени мы слышим голоса, раздающиеся со скамьи подсудимых: «Я слышу об этом впервые, только здесь».

Эти люди не видели зла, ничего не говорили, и ничего не было сказано в их присутствии. Это заявление могло бы звучать вполне правдоподобно, если бы оно было сделано одним подсудимым. Но когда мы складываем все их показания вместе, то о Третьей империи, которая должна была существовать в течение тысяч лет, создается очень смешное впечатление.

Если мы объединим повествования всех подсудимых первой скамьи, то получится нелепая картина правительства Гитлера. Оно состояло из: *человека № 2*, который ничего не знал об эксцессах созданного им гестапо и никогда не подозревал о программе истребления евреев, хотя он лично подписал более десятка декретов, которые касались вопроса преследования этой расы; *человека № 3*, который был просто невинным посредником, передающим, подобно почтальону или посыльному, приказы Гитлера, которых он сам даже не читал; *министра иностранных дел*, который очень мало знал о внешнеполитических проблемах и ничего не знал о внешней политике; *фельдмаршала*, который издавал приказы вооруженным силам, но не имел ни малейшего представления о результатах, к которым приведут эти приказы на практике; *начальника службы безопасности*, который считал, что полицейские функции возглавляемого им гестапо и СД являлись по своему характеру чем-то вроде регулирования уличного движения; *партийного философа*, который интересовался исследованиями в области истории и не имел ни малейшего представления о насилии, которое порождала его философия в XX веке; *генерал-губернатора Польши*, который царствовал, но не управлял; *гауляйтера Франконии*, обязанность которого заключалась в том, чтобы фабриковать грязные документы относительно евреев, но который

не имел никакого представления о том, будет ли их кто-нибудь читать; *министра внутренних дел*, который не знал даже, что происходит внутри его собственного ведомства, и еще меньше знал о том, что творится в его собственном министерстве, и абсолютно ничего не знал о том, что происходит внутри Германии; *президента Рейхсбанка*, который совершенно не знал о том, что поступало и что изымалось из сейфов его банка; *уполномоченного по вопросам военной экономики*, который втайне перестраивал всю экономику для производства вооружения, но не имел при этом никакого представления о том, что в какой-либо степени имеет отношение к войне.

Это может показаться фантастическим преувеличением, но именно к такому выводу вы должны были бы прийти, для того чтобы оправдать этих подсудимых...

Я допускаю, что Гитлер был главным злодеем. Но возлагать всю вину на него одного будет немужественно и несправедливо со стороны подсудимых. Нам известно, что даже глава государства так же ограничен своими умственными способностями и количеством часов в сутки, как и все остальные. Он должен доверять другим быть его глазами и ушами, чтобы следить за всем, что происходит в великой империи. Он должен иметь ноги, которые выполняли бы его поручения; руки, которые выполняли бы его планы...

Кто, как не Риббентроп, Нейрат и фон Папен, пытался убедить Гитлера, который сам совершенно никуда не выезжал, в колебаниях и робости демократических народов? Кто, как не Кейтель, Йодль, Редер и Дёниц, питал его иллюзиями о непобедимости Германии? Кто, как не Штрейхер и Розенберг, сильнее разжигал в нем ненависть к евреям? Кого бы назвал Гитлер в качестве человека, который ввел его в заблуждение относительно условий в концентрационных лагерях, как не Кальтенбруннера, который также пытался обмануть и нас?

Эти люди имели доступ к Гитлеру и часто могли контролировать поступающую к нему информацию, на основе которой он должен был строить свою политику и издавать приказы. Они являлись преторианской гвардией,

и, хотя они подчинялись приказам цезаря, цезарь всегда был в их руках...

Ложь всегда была самым испытанным оружием в нацистском арсенале. Гитлер в «Майн кампф» проповедовал ложь как политику. Фон Риббентроп признавал использование «дипломатической лжи». Кейтель предлагал держать в строгом секрете тот факт, что Германия перевооружалась, с тем чтобы наличие его можно было отрицать в Женеве. Редер лгал относительно создания нового военно-морского флота в Германии в нарушение условий Версальского договора.

Геринг просил Риббентропа сообщить «законную ложь» британскому министерству иностранных дел относительно аншлюса и, таким образом, направлял его по тому же пути, по которому шел сам. Геринг дал честное слово Чехословакии и затем нарушил его. Даже Шпеер предлагал вводить в заблуждение французов, для того чтобы выявить лиц со специальной подготовкой из числа французских военнопленных. Но ложь не являлась единственным способом обмана.

Все они говорят лживым языком нацистов, с тем чтобы ввести в заблуждение доверчивых. В нацистском лексиконе «окончательное разрешение» еврейской проблемы означает — уничтожение; «особое обращение» с военнопленными означает — убийство; «превентивное заключение» означает — заключение в концентрационные лагеря; «обязательная трудовая повинность» означает — рабский труд, а приказ «занять решительную позицию» или «проводить решительные меры» означает — действовать с необузданной жестокостью.

Прежде чем согласиться с тем объяснением слов, которое дают они, мы всегда должны искать скрытый смысл этих слов. Геринг заверил нас под присягой, что Имперский совет обороны никогда не собирался «как таковой». Когда мы представили стенографический отчет совещания, на котором он председательствовал и в основном говорил, он напомнил нам о значении слов «как таковой» и объяснил, что это не было совещание совета «как такового» (я подчеркиваю значение слов «как тако-

вого»), поскольку на совещании присутствовали другие лица. Геринг отрицает, что он «угрожал» Чехословакии; он лишь сказал президенту Гахе, что ему «было бы чрезвычайно неприятно подвергать бомбардировке прекрасный город Прагу».

Помимо явного лицемерия и лживых заявлений имеются также другие извращения в фантастических объяснениях и абсурдных утверждениях. Штрейхер торжественно заявил, что единственным его стремлением в отношении евреев было переселить их на остров Мадагаскар.

Причиной для разрушения синагог, мягко заявил он, являлась их уродливая архитектура. Розенберг, по заявлению его защитника, всегда стремился к «рыцарскому разрешению» еврейского вопроса. Когда после аншлюса появилась необходимость в устранении Шушнига, Риббентроп пытался убедить нас в том, что австрийский канцлер отдыхает на «вилле».

В ходе перекрестного допроса удалось установить, что этой «виллой» был концентрационный лагерь Бухенвальд. В протоколе имеется масса других примеров лицемерия и изворотливости. Даже Шахт показал, что он также принял нацистскую точку зрения о том, что всякая удачная выдумка — правда. Когда ему во время перекрестного допроса был предъявлен длинный список нарушенных клятв и лживых заявлений, он в свое оправдание заявил следующее:

«Я считаю, что можно добиться значительно больших успехов в руководстве людьми, не говоря им правды, чем говоря им правду».

Такова была философия национал-социалистов...

Цит. по: Нюрнбергский процесс.

Сборник материалов. Т. 2. М., 1951.

**Из заключительной речи главного обвинителя
от Великобритании Хартли Шоукросса
в Международном военном трибунале в Нюринберге**

[Произнесена 26—27 июля 1946 г.]

...Не подлежит сомнению, что эти подсудимые принимали участие и несут моральную ответственность за преступления, столь ужасающие, что при самой мысли о них воображение отказывается их постичь.

Хорошо запомним слова подсудимого Франка, которые вы снова слышали сегодня утром: «Пройдут тысячелетия, но эта вина Германии не будет смыта».

Тотальные и тоталитарные войны вопреки торжественным решениям и в нарушение договора; большие города — от Ковентри до Сталинграда, — стертые в прах; опустошенные деревни и неизбежные последствия такой войны — голод и болезни, гуляющие по всему миру; миллионы бездомных, искалеченных, обездоленных...

Но это не единственное и не самое большое преступление. Когда в каждой из наших стран, быть может, в порыве страстей или по другим причинам, которые заставляют терять самообладание, совершается убийство, оно становится сенсацией, вызывает наше сочувствие, и мы не успокаиваемся до тех пор, пока преступника не постигает кара и не восторжествует право закона. Должны ли сделать мы меньше, когда совершено убийство не одного, а, по самым скромным подсчетам, 12 миллионов мужчин, женщин и детей не в бою, не в порыве страстей, а в результате холодного, расчетливого и преднамеренного стремления уничтожить народы и расы, сломать традиции, учреждения и прекратить самое существование свободных и древних государств. Двенадцать миллионов убийств! Уничтожено две трети еврейского населения Европы, более шести миллионов, по данным самих убийц. Убийства совершались, подобно серийному производству в какой-нибудь из отраслей промышленности, в газовых камерах и печах Освенци-

ма, Дахау, Треблинки, Бухенвальда, Маутхаузена, Майданека и Ораниенбурга.

Должен ли мир пройти мимо возрождения рабства в Европе, мимо порабощения 7 миллионов мужчин, женщин и детей, которых увезли из-под родного крова, с которыми обращались, как с животными, которых морили голодом, избивали и умерщвляли...

Когда рассматриваешь характер и огромный масштаб совершенных преступлений, с несомненностью выступает ответственность тех, кто занимал высшие государственные посты и пользовался большим влиянием в нацистском государстве.

Долгие годы в мире, где самая война была объявлена преступлением, германское государство организовывалось для ведения войны. Долгие годы евреи подвергались бойкоту, лишались элементарных прав на собственность, свободу и самую жизнь. Долгие годы честные граждане жили под страхом доносов и ареста одной из тех организаций, которые мы обвиняем как преступные и с помощью которых эти люди правили Германией. Долгие годы миллионы иностранных рабов трудились на фабриках и в деревнях по всей Германии и, как скот, транспортировались по всем дорогам, по всем железнодорожным линиям Германии.

Эти люди вместе с Гитлером, Гиммлером, Геббельсом и несколькими другими сообщниками являлись одновременно руководителями германского народа и его движущей силой. Именно тогда, когда они занимали самые высокие государственные посты и пользовались огромным влиянием, были запланированы и совершены все эти преступления. Если не они несут ответственность, тогда кто же несет ее? Если их креатуры, подобные Достлеру, Экку, Кремеру и сотням других, которые лишь выполняли их приказы, уже заплатили самой высокой ценой, разве они, эти люди, должны понести меньшую ответственность? Как можно говорить, что государственные учреждения, которыми они руководили, не принимали в этом участия? Начальник Имперской канцелярии Ламмерс, их собственный свидетель, сказал в 1938 г.:

«Несмотря на полную концентрацию власти в лице фюрера, не имеет места излишняя и не вызванная необходимостью централизация административных функций в руках фюрера в области управления государством.

Полномочия подчиненных руководителей исключают вмешательство в те приказы, которые они издают. Фюрер придерживается этого принципа в государственном руководстве таким образом, что, например, положение имперских министров практически гораздо более независимо сегодня, чем оно было прежде, хотя теперь имперские министры и подчинены неограниченной власти фюрера и его приказам. Готовность нести ответственность, умение принимать решения, наступательная энергия и подлинная авторитетность — вот каких качеств прежде всего требует фюрер от подчиненных ему руководителей. Поэтому он предоставляет им величайшую свободу для исполнения их задач, с тем чтобы они могли полностью добиться их осуществления».

Пусть даже они, уже заклеенные именем убийц, пытаются теперь как хотят преуменьшать власть и влияние, которыми они пользовались, достаточно только вспомнить то бахвальство, с которым они шагали по арене Европы, для того чтобы увидеть, какую роль они играли. Тогда они не говорили германскому народу и остальному миру, что они лишь невежественные и бессильные марионетки в руках фюрера.

Подсудимый Шпеер говорил тогда: «Даже в тоталитарном государстве должна существовать тотальная ответственность... Невозможно после катастрофы избежать этой тотальной ответственности. Если бы война была выиграна, руководители также взяли бы на себя полную ответственность за это». Что же — следует предполагать, что если бы война была выиграна, то эти люди отошли бы в сторону и заняли позицию сравнительно непричастных обывателей?

Такая возможность не была исключена для них до того, как началась война, если бы они пожелали отмежеваться от того, что происходило. Они избрали иной путь. С самого начала, с того времени, когда сопротивление могло бы уничтожить все это дело в зародыше, они про-

пагандировали легенду о Гитлере, они помогали консолидировать нацистскую власть, создавать идеологию и направлять ее деятельность до тех пор, пока, подобно громадному осьминогу, она не распустила свои щупальца по всей Европе и не протянула их через весь мир. Разве эти люди не знали о целях, к которым стремился фюрер уже в течение этого периода прихода к власти? Пауль Шмидт, переводчик Гитлера, свидетель, располагающий большим знанием фактов, показал:

«Общие цели нацистского руководства были ясны с самого начала — господство над Европейским континентом, которое должно было быть достигнуто прежде всего включением всех говоривших по-немецки групп населения в состав империи, и, во-вторых, территориальная экспансия под лозунгом «жизненное пространство»».

Этот лозунг «жизненное пространство», эта целиком фальшивая идея о том, что самое существование германского народа зависело от территориальной экспансии под нацистским флагом, с самого начала являлись открыто признанной частью нацистской доктрины; таким образом, всякий мыслящий человек должен был знать, что она не может не привести к войне...

Таким образом, с самых первых дней были ясны цели нацистского движения: экспансия, господство над Европой, уничтожение евреев, необузданная агрессия, безжалостное пренебрежение правами всех других народов, кроме их собственного.

Таково было начало. Я не буду задерживать вашего внимания на том, чтобы рассматривать шаг за шагом приход нацистов к власти. Я не буду рассматривать, каким образом, как писал автор истории СА, они обнаружили, что «господство над улицами — ключ к власти в государстве». Я не буду рассматривать, каким образом с помощью организованного террора, который здесь описывал свидетель Зеверинг, штурмовые отряды коричневорубашечников запугивали народ, в то время как нацистская пропаганда, возглавляемая «Дер Штюрмер», обливала грязью всех противников нацизма и возбуждала народ против евреев.

Я не буду рассматривать этот период, как бы ни были серьезны уроки, которые демократические народы должны извлечь из него, потому что может оказаться нелегким точно сказать, когда именно каждый из этих подсудимых должен был осознать, если фактически он не знал об этом и не участвовал в этом с самого начала, что истерические излияния Гитлера в «Майн кампф» являлись реальным выражением его намерений и первоосновой нацистского плана.

Некоторые из них, такие, как Геринг, Гесс, Риббентроп, Розенберг, Штрейхер, Фрик, Франк, Шахт, Ширах и Фриче, без сомнения, поняли это очень рано. В отношении одного-двух других, как, например, Дёница и Шпеера, это могло случиться сравнительно поздно. Немногие могли оставаться в неведении после 1933 г. Все должны были быть активными участниками в 1937 г. Когда вспоминаешь впечатление, создавшееся за границей в течение этого периода, не остается никакого сомнения в том, что эти люди, почти все бывшие руководители Германии и начиная с 1933 г. близкие сотрудники Гитлера, имевшие доступ на его секретные совещания, бывшие полностью в курсе его планов и происходивших событий, не только примирились с тем, что происходило, но и являлись активными и добровольными участниками происходившего...

...Обзор, представленный защитниками, обходит молчанием два факта, имеющих первостепенное значение в этом деле, а именно что уже со времени появления «Майн кампф» все цели политики нацистов сводились к территориальной экспансии, агрессии, господству и что демократическим державам приходилось иметь дело с Германией, которая вне зависимости от отдельных неискренних заверений в мирных намерениях ставила перед собой именно эти основные цели. Если вообще могла идти речь о мире, то он был возможен лишь за счет Германии. И, зная, что эта цена не должна и не может быть уплачена добровольно, немцы решились обеспечить мир силой.

Одновременно с психологической подготовкой германского народа к войне проводились необходимые меры

для перевооружения. На совещании 23 ноября 1939 г. Гитлер в следующих выражениях резюмировал события этого периода: «Я должен был перестроить все, начиная с народных масс и кончая вооруженными силами. Прежде всего внутренняя перестройка — искоренение очагов разложения и пораженческих идей, воспитание в духе героизма. Проводя внутреннюю реорганизацию, я начал одновременно осуществление второй задачи — освобождение Германии от ее международных обязательств. Выход из Лиги Наций и уход с Конференции по разоружению...

После этого приказ о перевооружении... В 1935 г. введение обязательной воинской повинности. После этого ремилитаризация Рейнской зоны...»

С самого начала вы можете заметить, что был разработан общий план каждой стадии, причем таким образом, как он мог быть разработан лишь в том случае, если каждый из этих людей сыграл в его составлении свою соответствующую роль.

Первый период — период видимого спокойствия, во время которого заключались договоры, давались заверения, произносились торжественные заявления о дружбе, в то время как под прикрытием этого «Аусланд-организацион», руководимая Гессом и Розенбергом, начала свою подрывную и разрушительную деятельность. Жертва вводилась в заблуждение открытыми обещаниями и ослаблялась тайными методами воздействия. Затем принималось решение о нападении и убыстрялся темп военной подготовки.

Если жертва начинала проявлять признаки недоверия, количество заверений в дружественных намерениях удваивалось.

Тем временем наносились последние штрихи на творение, созданное в результате деятельности пятой колонны. Затем, когда все уже было подготовлено, подбирались, как говорил Гитлер, так называемый пропагандистский повод для начала войны, фабриковались пограничные инциденты, угрозы и оскорбления сменяли красивые слова и делалось все для того, чтобы запугать жертву и привести ее в состояние покорности. Наконец, наносился

неожиданный удар без всякого предупреждения. План изменялся в деталях от случая к случаю, но по существу он оставался неизменным; вновь и вновь повторялся этот же метод предательства, запугивания и убийств.

Следующей жертвой агрессии явилась Австрия. Прежде всего нацисты в 1934 г. подстроили убийство Дольфуса. После того как были представлены доказательства по делу подсудимого Нейрата, остается мало сомнений в том, что план его убийства был задуман в Берлине и разработан Габихтом и Гитлером за какие-нибудь шесть недель до этого. Провал этого путча сделал необходимым приспособление по времени и обстоятельствам, и в соответствии с этим в мае 1935 г. Гитлер дал заверения Австрии в мирных намерениях.

В то же время подсудимый Папен был послан в Австрию для того, чтобы подорвать основы австрийского правительства. После оккупации Рейнской области следующей на очередь была поставлена Австрия, но Гитлер все еще не был готов; именно этим объясняется заключение торжественного соглашения в июле 1936 г. К осени 1937 г. в сообщениях Папена говорилось о наличии определенного прогресса, и поэтому на так называемом совещании Госбаха был оглашен этот план. Однако необходима была некоторая отсрочка для удаления непокорных военачальников из армии; в феврале 1938 г. Папен вместе с Зейсс-Инквартом закончил разработку плана, тогда как Гитлер, Риббентроп и Кейтель запутывали Шушнига, заманив его в Берхтесгаден.

Вскоре после этого наступила конечная фаза, Геринг сыграл свою роль в Берлине. Подсудимые Геринг, Гесс, Кейтель, Йодль, Редер, Фрик, Шахт, Папен и Нейрат — все были осведомлены об этом заговоре в отношении Австрии, причем Нейрат и Папен знали об этом плане с самого начала.

За исключением Геринга, каждый из подсудимых пытался оправдаться тем, что он якобы не знал об этом; это утверждение может показаться лишь смешным в свете имеющихся документов.

Никто из них не заявлял, что протестовал против этого, и все они продолжали оставаться на своих постах.

План в отношении Чехословакии уже был готов к тому времени: он обсуждался на так называемом совещании Госбаха в ноябре 1937 г., через три недели после Мюнхенского соглашения был дан приказ о подготовке к вторжению, и 15 марта 1939 г., после того как президент Гаха был соответствующим образом запуган Гитлером, Риббентропом, Герингом и Кейтелем, Прага была оккупирована и Нейрат и Фрик установили там протекторат.

Вы помните поразительное признание Геринга в том, что, хотя он действительно угрожал подвергнуть Прагу бомбардировке, он, однако, никогда фактически не намерен был этого делать. Риббентроп, по-видимому, также считал, что в дипломатии допустима любая ложь. Теперь была подготовлена арена для операций против Польши. Согласно объяснению Йодля (я цитирую):

«Разрешение чешского конфликта присоединением Чехословакии округлило территорию великой Германии таким образом, что это сделало возможным рассматривать польскую проблему в свете более или менее благоприятных стратегических предпосылок». Теперь наступил тот подходящий момент, когда, говоря словами Гитлера:

«Германия должна разделаться с двумя своими ненавистными врагами — Англией и Францией».

И вслед за этим начала проводиться политика, изложенная Риббентропом в январе 1938 г. (я цитирую):

«Создание в строгом секрете, но с подлинным упорством коалиции против Англии».

Однако в отношении Польши германское министерство иностранных дел уже за месяц до Мюнхенского соглашения дало следующее указание Риббентропу: «Неизбежно, что отказ Германии от завоевательных планов на юго-востоке и обращение ее к востоку и северо-востоку должны заставить поляков насторожиться».

Дело в том, что после разрешения чешского вопроса все будут считать, что следующей на очереди будет Польша. Но, чем позднее это предположение войдет в международную политику как определяющий фактор, тем лучше. Однако в этом отношении важно в настоящее время проводить германскую политику под хорошо известными и

оправдавшими себя лозунгами права на автономию и расовое единство. Все другое может быть интерпретировано как откровенный империализм с нашей стороны и породит сопротивление нашему плану со стороны Антанты, которое начнется гораздо раньше и в более энергичной форме, чем то, которому могут противостоять наши силы».

Поэтому теперь были вновь повторены обычные заверения, и Гитлер и Риббентроп вновь и вновь выступали с самыми чистосердечными заявлениями.

Тем временем принимались обычные меры, и вслед за совещанием от 23 мая 1939 г., которое Редер охарактеризовал как академическую лекцию на тему о войне, была проведена окончательная военная, экономическая и политическая подготовка для войны против Польши, — и в назначенное время война началась.

«Победителя позднее не спросят о том, говорил ли он правду. В развязывании и ведении войны имеет значение не правда, а победа».

Это были слова Гитлера, но эти люди всякий раз и на каждой стадии повторяли и употребляли эти слова. Эта доктрина являлась краеугольным камнем нацистской политики. Шаг за шагом заговорщики достигли решающей стадии и бросили Германию в борьбу за установление господства в Европе и принесли всему миру неопишуемые страдания. Ни один из этих подсудимых не выступал против режима. Никто из них, за исключением Шахта, к значительной роли которого в создании нацистского чудовища я возвращусь позднее, не ушел в отставку, а даже он продолжал разрешать нацистскому правительству использовать свое имя.

После того как была оккупирована Норвегия, ход войны вскоре показал, что военные цели Германии и интересы ее стратегии будут достигаться путем дальнейшей агрессии.

Я не намерен сейчас занимать время для того, чтобы вновь касаться различных этапов их действий. Как заявил Гитлер на совещании в ноябре 1939 г.:

«Нарушение нейтралитета Бельгии и Голландии не имеет значения. Никто не будет сомневаться в том, что,

когда мы победим, мы не будем говорить о нарушении нейтралитета, как это было в 1914 г.».

Норвегия и Дания были оккупированы. Ни тогда, ни сейчас ничего не было представлено для оправдания оккупации Дании, но со стороны подсудимых были сделаны самые энергичные попытки в ходе этого процесса, для того чтобы доказать, что вторжение в Норвегию было предпринято лишь потому, что немцы были уверены, что союзники имели то же самое намерение. Даже если бы это было правдой, это не могло бы послужить ответом. Но германские документы совершенно опровергают предположения о том, что именно по этой причине немцы нарушили силой нейтралитет Норвегии. Гитлер, Геринг и Редер еще в ноябре 1934 г. договорились о том, что (я цитирую):

«Никакая война не могла бы проводиться, если бы военно-морской флот не смог обеспечить безопасность импорта руды из Скандинавии».

Поэтому, как только приблизился период битвы в Европе, 31 мая 1939 г., с Данией был заключен пакт о ненападении, последовавший за обычными заверениями, которые были уже даны Норвегии и Дании за месяц до этого.

С началом войны Норвегии были даны дальнейшие гарантии, за которыми 6 октября последовали еще новые заверения. Через четыре дня после этих заверений Гитлер обсуждал с Редером скандинавскую проблему и свои политические намерения в отношении северных государств, которые отражены в дневнике адмирала Асмана следующим образом:

«Северогерманское сообщество с ограниченным суверенитетом и в полной зависимости от Германии». 9 октября, через три дня после его последних заверений, в своем меморандуме для информации Редера, Геринга и Кейтеля Гитлер писал об огромной опасности блокирования союзниками выхода для подводных лодок между Норвегией и Шотландией и о вытекающей отсюда важности «создания баз для подводных лодок помимо тех, которые имеются в Германии».

Характерно, что уже на следующий день Дёниц представил отчет о сравнительных преимуществах различных баз Норвегии, после того как он обсудил этот вопрос за шесть дней до этого с Редером. Стратегические преимущества были очевидны для всех этих лиц, и неискренние заявления защиты о том, что вторжение в Норвегию было предпринято лишь потому, что ожидалось вторжение со стороны союзников, полностью разоблачаются после рассмотрения заявлений, содержащихся в меморандуме Гитлера, в абзаце, предшествующем тому, который я только что цитировал (я снова цитирую):

«Если только не появятся совершенно непредвиденные факторы, в будущем следует продолжать заверения в уважении их нейтралитета. Продолжение торговли между Германией и этими странами кажется возможным даже в условиях затяжной войны».

В то время Гитлер еще не предвидел угрозы со стороны союзников.

Розенберг и заместитель Геринга Кернер еще в июне установили связь с Квислингом и Хагелином, и из последующего отчета Розенберга явствует, что Гитлера все время держали в курсе событий. В декабре настало время составлять планы и соответственно на совещании между Гитлером и Редером было принято решение проводить подготовку к вторжению. Вскоре после этого Кейтелем и Йодлем были изданы необходимые директивы, и через определенное время, поскольку это вызывалось необходимостью, в проведение подготовки включились Геринг, Дёниц и Редер.

9 октября, как я уже упоминал, Гитлер был вполне уверен в том, что северным государствам не грозит никакая опасность со стороны союзников. Все упоминавшиеся здесь отчеты разведывательной службы даже в самой отдаленной степени не подтверждают того, что предполагаемое вторжение основывалось — это звучит смехотворно — на необходимости самозащиты.

Верно, что в феврале 1940 г. Редер указал ему на то, что в случае оккупации Норвегии Англией возникнет угроза поставкам руды из Швеции в Германию; однако

26 марта он сообщил, что в связи с прекращением русско-финского конфликта нельзя было считать серьезной угрозой высадку союзников. Тем не менее он предложил, чтобы вторжение, по поводу которого были уже изданы все директивы, было проведено в следующее новолуние, 7 апреля. Интересно отметить, что в личном военном дневнике Редера, подписанном им самим и начальником его оперативного отдела, содержится подобное же мнение, причем запись сделана за четыре дня до этого.

Если бы понадобились дальнейшие доказательства того, что при проведении вышеуказанных мероприятий совершенно не принималась во внимание возможность вмешательства со стороны Запада, их можно было бы обнаружить в телеграммах германского посла в Осло и германского посла в Стокгольме, а также германского военного атташе в Стокгольме, в которых германскому правительству сообщалось, что скандинавские правительства, нисколько не беспокоясь о вторжении со стороны британцев, опасаются, что именно немцы собираются произвести нападение.

Возможно, замечание, сделанное Йодлем в его записи в дневнике от марта о том, что «Гитлер все еще ищет предлог», неуклюжие попытки Редера объяснить, что это замечание относится к содержанию дипломатической ноты, которая должна была быть послана, и уверения Риббентропа относительно того, что ему сообщили об этом вторжении всего лишь за день или за два перед тем, как оно произошло, более чем что-либо иное позволяют сделать вывод о лживости этого защитительного аргумента. Еще раз все эти люди, каждый в своей сфере деятельности, сыграли заранее назначенные им роли, главным образом, разумеется, Розенберг, который прокладывал путь, Геринг, Редер, Кейтель, Йодль и Риббентроп, которые проводили в жизнь необходимые оперативные мероприятия. Никто из них даже не протестовал. Даже Фриче приводит в качестве единственного аргумента в свою защиту, что ему очень долго ничего не сообщали, до самого момента, когда он, как обычно, должен был произнести речь по радио. Он даже не говорит о том, что протестовал. Вновь

в нарушение всех договоров и гарантий было предпринято безжалостное вторжение на территорию двух стран лишь потому, что со стратегической точки зрения было желательно получить норвежские базы и обеспечить за Германией скандинавскую руду. Так продолжалось и в дальнейшем. Югославия, судьба которой была определена еще до начала войны, Греция и затем Советская Россия. Из меморандума Гитлера, изданного спустя шесть недель¹ явствует, что подпись Риббентропа ничего не стоила. Гитлер замечает (я цитирую): «Все стороны в течение последних лет показали, насколько ничтожно значение договоров о дружбе...»

...Тогда² и были изданы первые директивы по поводу нападения в другом направлении — против Советской России...

Ни в едином случае началу военных действий не предшествовало официальное объявление войны... Сколько тысяч безвинных и незащищенных мужчин, женщин и детей, спавших в своих постелях в счастливой уверенности в том, что их страна находится и будет находиться в состоянии мира, были внезапно перенесены в иной мир смертью, которая без всякого предупреждения упала на них с неба...

...Нападение должно было быть проведено «блицартигшнель» — без предупреждения, с быстротой молнии: Австрия, Чехословакия, Польша. Редер повторял директивы Кейтеля по поводу «нанесения тяжелых ударов без предупреждения». Дания, Норвегия, Бельгия, Голландия, Россия. Как заявил Гитлер в присутствии многих этих людей:

«Соображения по поводу того, справедливо это или нет и соответствует ли это имеющимся соглашениям, не имеют к этому никакого отношения...»

Все эти люди знали об этих планах на той или иной стадии их развития. Каждый из них молчаливо соглашался с тактикой их проведения, прекрасно зная о том, что они

¹ После германо-советского договора от 23 августа 1939 г.

² В конце 1940 г.

должны были означать для человеческих жизней. Как теперь может кто-либо из них заявлять о том, что он не являлся соучастником жесточайших убийств, получивших столь широкое распространение?..

Цит. по: Нюрнбергский процесс.
Сборник материалов. Т. 2. М., 1951.

**Из заключительной речи главного обвинителя
от Франции Шампетье де Рибо
в Международном военном трибунале в Нюрнберге**

[Произнесена 29 июля 1946 г.]

В продолжение девяти месяцев на этой трибуне мы вызывали в памяти события истории за пятнадцать лет...

Германские архивы, которые нацисты не успели уничтожить перед поражением, раскрыли нам их тайны.

Нами были заслушаны многочисленные свидетели, чьи воспоминания остались бы неизвестными истории, если бы не этот процесс.

Все факты изложены с предельной объективностью, которая никогда не допускала ни увлечения, ни чувствительности. Трибунал исключил из обсуждения все, что казалось ему недостаточно убедительным, все, что могло бы показаться продиктованным чувством мщения.

Вот почему, господа Судьи, настоящий процесс имеет значение прежде всего в силу своей исторической правдивости.

Благодаря этому процессу историк будущего, так же как и летописец сегодняшнего дня, узнает правду о политических, дипломатических и военных событиях наиболее трагического периода нашей истории, он узнает о преступлениях нацизма, а также о колебаниях, слабостях и упущениях миролюбивых демократий.

Он узнает, что то, что было создано за 20 веков цивилизации, которую считали вечной, едва не рушилось в связи с возвращением варварства древних времен, обрет-

шего новую форму, — варварства, которое было еще более свирепым, потому что оно опиралось на серьезные научные познания.

Он узнает, что достижения в области техники, новейшие методы пропаганды и дьявольские приемы, которые использовала полиция, горделиво попиравшая наиболее элементарные человеческие права, что все это позволило кучке преступников в течение нескольких лет преобразить коллективное сознание целого народа и превратить народ Гёте и Бетховена в народ Гиммлера и Геббельса, если говорить лишь о тех, кто мертв.

Он узнает, что преступления этих людей заключались прежде всего в том, что они замыслили гигантский план достижения мирового господства, и в том, что они стремились осуществить этот план всеми средствами.

Всеми средствами, т. е., разумеется, путем нарушения данного слова и путем развязывания худшей из агрессивных войн, но прежде всего с помощью методического, научно разработанного уничтожения миллионов человеческих существ, а именно ряда национальных и религиозных групп, чье существование мешало гегемонии германской расы.

Столь чудовищное преступление никогда не было известно истории, до того как появился гитлеризм, и поэтому для определения этого преступления потребовалось создание неологизма «геноцид», а для того чтобы поверить в то, что такое преступление возможно, пришлось собирать документы и свидетельские показания...

Все эти преступления были нами доказаны. После предъявления документов, после того как были заслушаны свидетели, после демонстрации кинофильмов, при просмотре которых даже сами подсудимые содрогнулись от ужаса, никто в мире не сможет утверждать, что лагеря уничтожения, расстрелянные военнопленные, умерщвленные мирные жители, горы трупов, толпы людей, изуродованных душой и телом, газовые камеры и кремационные печи, — что все эти преступления существовали лишь в воображении антинемецки настроенных пропагандистов, этого не сможет утверждать никто.

А разве нашелся хотя бы один подсудимый, который оспаривал бы справедливость сообщенных нами фактов? У них нет силы их отрицать. Они лишь пытались освободиться от ответственности, переложив ее на плечи тех из числа своих сообщников, которые сами совершили над собой суд.

«Нам не было ничего известно об этих ужасах», — говорят они, или же: «Мы делали все, чтобы этому воспрепятствовать, но всемогущий Гитлер отдавал приказы и не допускал, чтобы ему не подчинялись, он не допускал даже ухода в отставку».

Жалкая защита! Кого они могут заставить поверить в то, что лишь им одним не было ничего известно о том, о чем знал весь мир, в то, что их служба подслушивания никогда не сообщала им об официальных предупреждениях, которые делали по радио руководители Объединенных Наций преступникам войны.

Они не могли не подчиняться приказам Гитлера, они не могли подать в отставку? Прекрасно! Но ведь Гитлер мог располагать ими самими, но не их волей: не подчиняясь ему, они, быть может, рисковали бы жизнью, но тогда по крайней мере они сохранили бы честь. Трусость никогда не являлась ни оправданием, ни даже смягчающим обстоятельством.

Истина заключается в том, что все они прекрасно знали доктрину национал-социализма, так как участвовали в ее разработке, им было прекрасно известно, к каким чудовищным преступлениям приведет сторонников этой доктрины и тех, кто проводил ее в жизнь, стремление к мировому господству, и они взяли на себя ответственность за это, так как получили материальные и моральные выгоды, которыми воспользовались.

Но они твердо верили в то, что останутся безнаказанными, так как были уверены в победе, были уверены, что перед лицом торжествующей силы не возникнет вопрос о правосудии. Они убеждали себя, что так же, как это было после войны 1914 года, никакое международное правосудие никогда не сможет свершиться.

Они считали, что всегда будет сохраняться пессими-

стское суждение Паскаля о человеческой справедливости в сфере международных отношений: «Справедливость является предметом споров. Силу легко узнать, она неоспорима. Вот почему не смогли сделать так, чтобы справедливое было сильным, а сделали сильное справедливым».

Они ошиблись. После Паскаля медленно, но верно появились понятия Мораль и Справедливость, эти понятия обрели плоть в международных обычаях цивилизованных наций и для спасения мира от варварства. Победа Объединенных Наций утвердила сегодня союз силы и справедливости, об этом упоминает Устав, на основании которого учрежден настоящий Трибунал, и это будет подтверждено вашим приговором...

Действия подсудимых являются элементами преступного политического плана

Подсудимые занимались самой различной деятельностью. Политики, дипломаты, военные и морские специалисты, экономисты, финансисты, юристы, публицисты или пропагандисты — они представляют почти все формы свободной деятельности. Однако без затруднений можно определить связь, объединяющую их. Все они поставили на службу гитлеровского государства все, что у них есть самого лучшего или самого худшего. В определенной мере они представляли собой мозг этого государства. Взятые порознь, они не являлись мозгом всего государства. Тем не менее ни у кого не вызывает сомнений, что каждый из них являлся важной частью этого мозга. Они замыслили политику государства. Они хотели, чтобы мысль их претворялась в действие, и все почти что в равной степени этому способствовали. Это справедливо как в отношении Гесса, Геринга, профессиональных политиканов, которые признали, что они никогда не имели другой профессии, нежели агитатор или государственный деятель, так и в отношении Риббентропа, Нейрата, Папена — дипломатов при этом режиме; Кейтеля, Йодля, Дёница или Редера — военных; Розенберга, Штрейхера,

Франка, Фрика — мыслителей (впрочем, можно ли их так называть!), выразителей идеологии режима; Шахта, Функа — финансистов, без которых режим обанкротился бы и рухнул под ударами инфляции, до того как было начато перевооружение; публицистов и пропагандистов — Фриче и того же Штрейхера, преданно служивших делу распространения общей идеи; технических специалистов — Шпеера и Заукеля, без которых мысль никогда бы не была так претворена в действие, как это произошло; полицейских — например Кальтенбруннера, который с помощью террора подчинял умы; либо просто гауляйтеров — Зейсс-Инкварта, Шираха или снова Заукеля — администраторов, должностных лиц и в то же время политиканов, которые облекли в конкретные формы общую политику, намеченную всей совокупностью государственного и партийного аппарата...

Завоевание жизненного пространства, т.е. территорий, население которых было ликвидировано всеми возможными средствами, в том числе путем его уничтожения, — вот в чем заключалась основная идея партии, режима, государства, а следовательно, и этих людей, стоявших во главе важнейших государственных и партийных органов.

Вот та основная идея, в служении которой они объединились, во имя которой они прилагали свои усилия. Все средства были хороши для ее осуществления: нарушение договоров, вторжение и порабощение в мирное время слабых и миролюбивых соседей, ведение агрессивных тотальных войн со всеми теми ужасами, которые за ними скрываются. Во всем этом они принимали духовное и физическое участие; Геринг и Риббентроп в этом цинично признались, а генералы и адмиралы всеми силами содействовали этому...

Одно опиралось на другое, все было неразрывно связано, так как политика тоталитаризма, тотальная война, подготовка и проведение плана уничтожения народов для завоевания жизненного пространства — все это требовало согласованной тесной связи между всеми органами власти...

Координация действий различных учреждений, во главе которых стояли эти люди, определяет тесное сотрудничество между ними

Защита пытается установить существование непроницаемых перегородок между различными составными частями германского государства. Если в это поверить, то, значит, согласиться с тем, что существовали лишь параллельные и лишь вертикальные нити между различными государственными и партийными органами, между управлениями министерств и между национал-социалистскими организациями. Связь якобы осуществлялась лишь самим главой государства, стоявшим на верху иерархической лестницы. Согласно заявлению Защиты, господствующим принципом в структуре германского государства якобы являлась связь, осуществлявшаяся одним лицом, а не согласованность и сотрудничество.

Это неверно. Это противоречит принципам нацистского государства, противоречит нуждам государства, в котором все силы были направлены к достижению одной цели, а также противоречит той германской действительности, которую выявило судебное разбирательство...

...Примеров этому множество, и эти примеры можно найти во всех государственных учреждениях...

...Во всех террористических мероприятиях, направленных против интеллигенции, были замешаны Риббентроп и Кальтенбруннер; СД и Вильгельмштрассе также были замешаны в организации нападения на радиостанцию в Глейвице, что должно было послужить предлогом для нападения на Польшу. Из отчетов германской военной администрации о разграблении произведений искусства во Франции явствует, что виновниками являются как специальный штаб Розенберга, так и германское посольство в Париже (документ РФ-1505). Вильгельмштрассе и армия действовали совместно с полицией в мероприятиях против заложников, в карательных действиях и в угоне населения. Можно было бы умножить эти примеры. Мы не намереваемся исчерпывающе осветить этот вопрос, а лишь хотим наглядно подтвердить наше мнение по нему...

Подсудимые должны быть осуждены в связи с той преступной политикой, инициаторами и орудием которой они являлись

Все преступления подсудимых связаны с их политической жизнью. Эти преступления являются, как мы знаем, составными частями преступной политики государства. Рассматривать подсудимых как уголовных преступников, забыть о том, что они действовали от имени германского государства и в интересах этого государства, применить по отношению к ним те же нормы, как к хулиганам и убийцам, означало бы уменьшить масштабы настоящего процесса, неправильно определить характер их преступления...

Эти подсудимые захватили германское государство и превратили его в разбойничье государство, подчинив своим преступным намерениям всю исполнительную мощь государства. Они действовали в качестве начальников или руководителей политического, дипломатического, юридического, военного, экономического и финансового штабов. Деятельность этих штабов обычно согласуется в любой стране, ввиду того что они преследуют общую цель, намеченную общей политической идеей. Но мы знаем, что в национал-социалистской Германии эта согласованность была усиленной из-за взаимного проникновения партийных и административных органов. Преступления отдельных лиц превратились в общие преступления, став преступлениями государства. К тому же они явились результатом политических устремлений каждого: «Завоевать жизненное пространство любой ценой».

Государственные преступления, совершенные кем-либо из тех, кто контролировал одно из главных учреждений, могли быть совершены только потому, что этому содействовали все руководители всех прочих основных учреждений и оказывали этому поддержку. Если бы некоторые учреждения уклонились от этого, это вызвало бы крушение государства, уничтожение его преступной мощи и в итоге положило бы предел газовым камерам или сделало технически невозможным их создание. Но ни одно из

учреждений не хотело уклониться, так как газовые камеры и уничтожение в целях приобретения жизненного пространства являлись выражением высшей идеи режима, а этим режимом были они сами.

Разве доказательством этого единства в преступлении нам не служат заявления самих подсудимых, их постоянные усилия и постоянные попытки их защитников доказать, что их учреждения были автономны, для того чтобы свалить ответственность армии на полицию, министерства иностранных дел на главу правительства, управления по использованию рабочей силы на управление по четырехлетнему плану, ответственность гауляйтеров на генералов, — одним словом, для того чтобы заставить нас поверить в то, что в Германии все происходило под отдельными «колпаками», в то время как взаимная зависимость государственных и партийных органов и сложная система многочисленных органов связи и контроля, существующих между государством и партией, свидетельствуют об обратном.

...Таким образом, господа Судьи, с помощью фактов и помимо какого-либо юридического толкования заговора и сообщничества, которое, возможно, может явиться предметом обсуждения в зависимости от различного юридического мышления, мы представляем вам доказательство солидарности и общей виновности всех подсудимых в совершенном преступлении.

Для доказательства того, что они действительно совершили преступления, достаточно того, что они, являясь руководителями и высшими должностными лицами партии или одного из главных государственных органов, а также того, что, действуя в интересах государства, они, для того чтобы содействовать расширению германского жизненного пространства любыми средствами, замыслили, выразили желание, приказали или же только способствовали, сохраняя молчание, чтобы договоры, обеспечивающие независимость других стран, были нарушены, чтобы были подготовлены и развязаны агрессивные войны, чтобы систематически совершались массовые убийства и прочие

зверства, чтобы систематически производились ничем не мотивируемые опустошения и грабежи.

Это преступление является преступлением германской империи, и все подсудимые содействовали его совершению. Мы покажем это в отношении каждого подсудимого на материалах судебного разбирательства.

В отношении каждого подсудимого три основных высказанных положения сводятся к следующему:

1. Каждый подсудимый занимал в государственном и партийном аппарате видное положение, которое предоставляло ему власть над целыми учреждениями или несколькими учреждениями.

2. В том случае, если подсудимый и не замышлял «завоевания жизненного пространства любыми средствами», тем не менее он был согласен с этой установкой режима.

3. Он своей собственной деятельностью принял личное участие в политическом развитии этой установки...

Риббентроп был одной из важнейших пружин в механизме партии и государства. Он был назначен на Вильгельмштрассе Гитлером, который относился с недоверием к дипломатам «старой школы» и прилагал все усилия, чтобы создать благоприятную дипломатическую обстановку для агрессивных войн, что являлось важным средством для завоевания жизненного пространства. Мы помним документ, предъявленный нашими британскими коллегами, из которого явствует, что Риббентроп заверял Чиано в августе 1939 г., что Германия будет воевать, даже если ей уступят Данциг и коридор. Как это было указано, он был замешан вместе со своими органами в террористических действиях и в уничтожении населения оккупированных стран...

Цит. по: Нюрнбергский процесс.

Сборник материалов. Т. 2. М., 1951.

**Из заключительной речи главного обвинителя
от СССР Р. А. Руденко
в Международном военном трибунале в Нюрнберге**

[Произнесена 29—30 июля 1946 г.]

Господин Председатель!

Господа Судьи!

Мы подводим итоги судебного следствия в отношении главных немецких военных преступников. В течение девяти месяцев самому тщательному, детальному исследованию были подвергнуты все обстоятельства дела, все доказательства, представленные Суду обвинением и защитой. Ни одно деяние, вменявшееся в вину подсудимым, не осталось без проверки, ни одно обстоятельство, имевшее значение, не было упущено при рассмотрении данного дела. Впервые в истории преступники против человечества несут ответственность за свои преступления перед Международным Уголовным Судом, впервые народы судят тех, кто обильно залил кровью обширнейшие пространства земли, кто уничтожил миллионы невинных людей, разрушал культурные ценности, ввел в систему убийства, истязания, истребление стариков, женщин и детей, кто заявлял дикую претензию на господство над миром и вверг мир в пучину невиданных бедствий. Да, такой судебный процесс впервые проводится в истории правосудия. Судит Суд, созданный миролюбивыми и свободолюбивыми странами, выражающими волю и защищающими интересы всего прогрессивного человечества, которое не хочет повторения бедствий, которое не допустит, чтобы шайка преступников безнаказанно готовила порабощение народов и истребление людей, а потом осуществляла свой изуверский план.

Человечество призывает к ответу преступников, и от его лица мы, обвинители, обвиняем в этом процессе. И как жалки попытки оспорить право человечества судить врагов человечества, как несостоятельны попытки лишить народы права карать тех, кто сделал своей целью порабощение

щение и истребление народов и эту преступную цель много лет подряд осуществлял преступными средствами. Настоящий процесс проводится таким образом, что подсудимым, обвиняемым в тягчайших преступлениях, были предоставлены все возможности защиты, все необходимые законные гарантии. В своей стране, стоя у руля правления, подсудимые уничтожили все законные формы правосудия, отбросили все усвоенные культурным человечеством принципы судопроизводства. Но их самих судит Международный Суд с соблюдением всех правовых гарантий, с обеспечением подсудимым всех законных возможностей для защиты.

Мы подводим сейчас итоги судебного следствия, делаем выводы из рассмотренных на Суде доказательств, взвешиваем все данные, на которых основано обвинение. Мы спрашиваем: подтвердилось ли на Суде предъявленное подсудимым обвинение, доказана ли их вина? На этот вопрос можно дать только один ответ: судебное следствие полностью подтвердило обвинение. Мы вменяем подсудимым в вину только то, что на Суде доказано с полной несомненностью и достоверностью, а доказаны все чудовищные преступления, которые в течение многих лет подготавливала банда оголтелых преступников, захвативших в Германии государственную власть, и в течение многих лет их осуществляла, не считаясь ни с принципами права, ни с элементарными нормами человеческой морали.

Эти преступления доказаны, их опровергнуть не могли ни показания подсудимых, ни доводы защиты, их опровергнуть и нельзя, потому что нельзя опровергнуть истину, а именно истина является прочным результатом настоящего процесса, надежным итогом наших длительных и упорных усилий. Обвинение доказано во всех его элементах. Доказано, что существовал общий план или заговор, в котором принимали участие подсудимые для подготовки агрессивных войн, нарушающих нормы международного права, для порабощения и истребления народов. Наличие такого плана или заговора является несомненным, как несомненной является руководящая роль в нем подсудимых по этому делу. В этой части обвинение

подтверждено всеми данными судебного следствия, бесспорными документами, показаниями свидетелей и самих подсудимых. Вся деятельность подсудимых была направлена к подготовке и развязыванию агрессивных войн.

Вся их так называемая идеологическая работа заключалась в культивировании зверских инстинктов, во внедрении в сознание немецкого народа нелепой идеи расового превосходства и практических задач уничтожения и порабощения людей «неполноценных рас», представлявших якобы лишь удобрение для произрастания «расы господ». Их «идеологическая работа» заключалась в призывах к убийствам, грабежам, разрушению культуры, истреблению людей.

Подсудимые готовились к этим преступлениям давно, а затем их осуществляли, нападая на другие страны, захватывая чужие территории, истребляя людей.

Когда же возник этот план, или заговор?

Конечно, установить точную дату, день и час, когда подсудимые договорились совершить свои преступления, вряд ли возможно.

Мы не можем и не будем основывать свои выводы и утверждения на догадках и предположениях. Но с полной несомненностью следует считать установленным, что с того момента, когда фашисты захватили в Германии государственную власть, они приступили к реализации своих преступных планов, они использовали власть для подготовки агрессивной войны.

Вся деятельность подсудимых была направлена к подготовке Германии к войне.

Факт вооружений и перестройки экономики для целей войны совершенно бесспорен, он установлен документально, его признают подсудимые.

Спрашивается, к какой же войне подсудимые стали готовиться сразу после захвата власти? Неужели к оборонительной войне?

Ведь никто не собирался на Германию нападать, ни у кого не было такой цели, по-моему, и не могло ее быть...

Судебным следствием полностью доказано совершение преступлений подсудимыми против мира, заключаю-

щихся в планировании, подготовке, развязывании и ведении агрессивных войн, в нарушении международных договоров, соглашений и обязательств.

Здесь сами факты говорят за себя: это те войны, которые повлекли невиданные жертвы и опустошения и агрессивный характер которых установлен с несомненностью.

Вина подсудимых в совершении преступлений против мира полностью доказана.

Доказано полностью обвинение в совершении военных преступлений, заключающихся в ведении войн методами, противоречащими законам и обычаям войны.

Ни подсудимые, ни их защитники ничего не могли возразить против самих фактов совершения таких преступлений...

Полностью доказана вина подсудимых в совершении военных преступлений, в том, что они организовали систему уничтожения военнопленных, мирного населения, женщин, стариков и детей; в том, что по их вине всюду, где ступала нога немецкого солдата, оставались горы убитых и замученных людей, развалины и пожарища, опустошенные города и села, оскверненная и залитая кровью земля.

Доказаны полностью преступления против человечности, совершенные подсудимыми.

Мы не можем пройти мимо тех преступлений, которые подсудимые совершили в самой Германии за время своего господства в ней: массовое уничтожение всех тех, кто в какой-то мере выражал недовольство нацистским режимом; рабский труд и истребление людей в концентрационных лагерях; массовое истребление евреев, а затем тот же рабский труд и то же уничтожение людей в оккупированных странах — все это доказано, и обвинение не поколеблено...

Перехожу к рассмотрению вопроса о виновности отдельных подсудимых...

Риббентроп

Один из главных вдохновителей и руководителей внешней политики гитлеровской Германии — Иоахим фон

Риббентроп был и одним из самых активных участников преступного заговора.

Официально вступив в нацистскую партию в 1932 г., подсудимый, однако, еще до прихода фашистов к власти активно содействовал ее захвату и стал в скором времени официальным советником партии в качестве «сотрудника фюрера по вопросам внешней политики».

Продвижение Риббентропа по служебной линии находится в неразрывной связи с развитием деятельности фашистских заговорщиков, направленной против интересов мира.

В своих показаниях Риббентроп заявил: «Он (Гитлер) знал, что я являлся его верным сотрудником». Именно поэтому Гитлер 4 апреля 1938 г. как убежденного, преданного фашиста назначил Риббентропа официальным руководителем внешней политики, которая являлась одним из важнейших рычагов осуществления всего фашистского заговора.

Однако Риббентроп не ограничивал своей деятельности сферой внешней политики. Как член гитлеровского правительства, как член Имперского совета по обороне империи, как член тайного совета он участвовал в разрешении всего комплекса вопросов, связанных с подготовкой агрессивных войн. Вот почему он, Риббентроп, будучи министром иностранных дел, принимал участие в решении и проведении в жизнь далеко отстоящих от внешней политики вопросов, — как использование рабочей силы во время войны, организация концлагерей и т.п. В этой связи следует отметить, что Риббентропом было заключено специальное пространное соглашение с Гимmlером об организации совместной разведывательной работы.

Имперским министром иностранных дел Риббентроп стал как раз в начале осуществления планов агрессии, рассчитанных на покорение Германией Европы. Это совпадение не случайно. Не без основания Риббентроп считался самым подходящим человеком для осуществления этого преступного заговора. Его предпочли даже такому специалисту международных провокаций, как Розен-

берг, на что последний не без некоторого основания подал официальную жалобу. И Гитлер не ошибся в Риббентропе. Доверие его он полностью оправдал.

Уже 12 февраля 1938 г., через неделю после своего назначения, Риббентроп совместно с Гитлером и подсудимым Папеном, возглавлявшим в течение долгого времени до этого подрывную работу нацистских агентов в Австрии, принял участие в совещании в Оберзальцберге, где он от австрийского канцлера Шушнига и его министра иностранных дел Шмидта под давлением угроз ультимативно требовал согласия на отказ от независимости Австрии и добился этого.

В качестве министра Риббентроп присутствовал на совещании 28 мая 1938 г., на котором было принято решение о введении в действие плана «Грюн» — плана агрессии против Чехословакии.

В соответствии с тактикой фашистов ослаблять изнутри будущую жертву Риббентроп постоянно поддерживал тесную связь и оказывал материальную помощь сначала партии судетских немцев, а потом и словацким националистам, с тем чтобы вызвать внутренний раскол и братоубийственную войну в Чехословакии.

Захватив Чехословакию, фашистские заговорщики, и в числе их подсудимый Риббентроп, перешли к подготовке и осуществлению следующего акта агрессии, заранее намеченного ими в плане преступлений против мира, — к нападению на Польшу.

Будучи вынужден в связи с только что закончившимся захватом Австрии и Чехословакии временно скрывать дальнейшие намерения Германии, Риббентроп сам и через своих дипломатов старался усыпить бдительность европейских государств, лицемерно заявляя, что никаких других территориальных требований Германия не имеет.

26 января 1939 г. в Варшаве министр иностранных дел фашистской Германии Риббентроп заявил, что «укрепление дружественных отношений между Германией и Польшей на основании существующих соглашений составляет важнейший элемент внешней политики Германии».

Прошло немного времени, и Польша испытала ценность этих заверений Риббентропа.

Я не останавливаюсь здесь на той вероломной роли, которую сыграл подсудимый Риббентроп в германской агрессии против Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии и Люксембурга, так как об этом достаточно убедительно говорили мои коллеги.

Подсудимый Риббентроп принял непосредственное активное участие в проведении агрессии против Югославии и Греции.

Прибегая к излюбленному своему методу обманных гарантий для сокрытия готовящейся агрессии, подсудимый Риббентроп 20 апреля 1938 г. дал заверение Югославии, что после аншлюса германские границы с Югославией рассматриваются как «окончательные и нерушимые».

В то же время при деятельном участии подсудимого Риббентропа велась всесторонняя подготовка к агрессии. 12 и 13 августа 1939 г. на совещании Гитлера и Риббентропа с Чиано в Оберзальцберге было достигнуто соглашение о «ликвидации нейтралов одного за другим».

При непосредственном и прямом участии подсудимого Риббентропа фашистские заговорщики планировали, подготавливали и осуществляли также и вероломное нападение на Союз Советских Социалистических Республик 22 июня 1941 г.

Подсудимый Риббентроп сам признал здесь, в зале Суда, что в конце августа-начале сентября 1940 г., т. е. когда уже проводилась разработка плана «Барбаросса» (как это с очевидностью следует из показаний генерала Варлимонта, генерала Мюллера и фельдмаршала Паулюса), подсудимый Кейтель беседовал с ним по вопросу о нападении на СССР.

Деятельность подсудимого и министерства, которым он руководил, играла первостепенную роль в организации войны против СССР с участием Финляндии, Венгрии, Румынии и Болгарии.

Уже после начала агрессии Германии против Советского Союза подсудимый Риббентроп продолжал прилагать усилия к тому, чтобы привлечь на сторону Германии новых сообщников. Так, в телеграмме к германскому по-

слу в Токио от 10 июля 1941 г. он писал: «Я прошу вас всеми находящимися в вашем распоряжении средствами повлиять на Мацуоку, чтобы Япония как можно скорее вступила в войну с Россией. Чем быстрее это произойдет — тем лучше. Конечной целью должно оставаться и в дальнейшем то, что Япония и мы перед наступлением зимы протянем друг другу руку на Сибирской железной дороге...»

Как установлено на Суде, Риббентроп совместно с другими подсудимыми подготавливал ту политику уничтожения и разграбления, которую гитлеровцы наметили, а затем и проводили на временно оккупированных территориях Советского Союза. Подсудимый Розенберг, который разрабатывал планы эксплуатации оккупированных территорий Восточной Европы, проводил совещание по этому вопросу с ОКБ, министерством экономики, министерством внутренних дел, министерством иностранных дел. В своем «Отчете о подготовительной работе по восточноевропейскому вопросу» он писал: «В результате переговоров с МИД последнее назначило в качестве своего представителя к Розенбергу генерального консула господина Бротигама».

Таким образом, бесспорно, что Риббентропу не только было известно о подготовке военного нападения на СССР, но и что он вместе с другими заговорщиками заранее намечал планы колонизации территорий Советского Союза, порабощение и истребление советских граждан.

Подсудимый был вынужден признать, что ему были известны ноты Народного Комиссара Иностранных дел В. М. Молотова о злодеяниях гитлеровцев на временно оккупированных территориях Советского Союза. Ему, как и другим заговорщикам, были известны и другие декларации глав союзных правительств о той ответственности, которая ложится на нацистское правительство за совершение гитлеровцами чудовищных злодеяний в оккупированных странах.

Риббентроп, как это подтвердил свидетель защиты по его делу — бывший статс-секретарь министерства иностранных дел Штейнграхт, был одним из организаторов и

намечался в качестве почетного члена Международного антиеврейского конгресса, который немцы предполагали созвать в июле 1944 г. в Кракове.

Сам Риббентроп признал на Суде, что он вел переговоры с правительствами европейских стран относительно массового изгнания евреев.

Согласно протоколу беседы Риббентропа с Хорти, «министр иностранных дел заявил Хорти, что евреи должны быть либо уничтожены, либо направлены в концентрационный лагерь. Другого решения не может быть».

Этот факт в достаточной мере подтверждает, что Риббентропу было известно о существовании концентрационных лагерей, хотя он упорно пытался доказать здесь обратное.

Риббентроп оказывал поддержку другим фашистским руководителям, и прежде всего подсудимому Заукелю, в угоне на германскую каторгу жителей оккупированных стран.

Кроме того, подсудимый Риббентроп во исполнение общего плана заговорщиков, включавшего уничтожение национальной культуры народов оккупированных стран, активнейшим образом участвовал в разграблении культурных ценностей, являющихся общенародным достоянием.

Для выполнения этой задачи по указанию Риббентропа был создан «батальон особого назначения» при министерстве иностранных дел, который в течение всей войны, следуя за передовыми частями, реквизировал и вывозил в Германию, согласно указаниям Риббентропа, всевозможные культурные ценности с оккупированных территорий на Востоке.

Таким образом, подсудимый Риббентроп участвовал в захвате фашистами власти, играл руководящую роль в планировании, подготовке и развязывании агрессивных грабительских войн, вместе с другими заговорщиками принимал участие, согласно фашистским планам, в руководстве совершением тягчайших преступлений против народов, территория которых была временно оккупирована гитлеровскими захватчиками...

Цит. по: Нюрнбергский процесс.

Сборник материалов. Т. 2. М., 1951.

Из Приговора Международного военного трибунала

В соответствии со ст. 26 Устава, требующей, чтобы приговор Трибунала в отношении виновности или невиновности подсудимых был мотивирован, Трибунал приводит следующие основания, по которым он выносит приговор о виновности или невиновности подсудимых...

Риббентроп

Риббентроп обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он вступил в нацистскую партию в 1932 г. В 1933 г. был назначен советником Гитлера по вопросам внешней политики, а в том же году — уполномоченным нацистской партии по вопросам внешней политики. В 1934 г. он был назначен специальным уполномоченным по вопросам разоружения, а в 1935 г. полномочным министром с чрезвычайными полномочиями; именно в этой должности он вел переговоры об англо-германском морском соглашении в 1935 г. и антикоминтерновском пакте в 1936 г. 11 августа 1936 г. он был назначен послом в Англию, 4 февраля 1938 г. он стал преемником фон Нейрата на посту имперского министра иностранных дел, что явилось частью общей перетасовки кабинета, которая сопровождала увольнение фон Фрича и фон Бломберга.

Преступления против мира

Риббентроп не присутствовал на совещании Госсбаха, созванном 5 ноября 1937 г., но 2 января 1938 г. он, будучи все еще послом в Англии, направил Гитлеру меморандум, в котором изложил свою точку зрения относительно того, что изменение статус-кво на Востоке так, как этого хочет Германия, может быть достигнуто только путем применения силы, и внес свои предложения относительно методов, которые могут помешать Англии и Франции вмешаться в европейскую войну, ведущуюся с целью достижения этого изменения. Когда Риббентроп стал министром ино-

странных дел, Гитлер сообщил ему, что Германии все еще предстоит разрешить 4 проблемы: Австрия, Судетская область, Мемель и Данциг, и указал на возможность «своего рода раскрытия карт» или «разрешения военным путем» этих проблем.

12 февраля 1938 г. Риббентроп присутствовал на совещании между Гитлером и Шушнигом, на котором Гитлер, угрожая вторжением, вынудил Шушнига сделать целый ряд уступок, предназначенных для того, чтобы укрепить положение нацистов в Австрии, в том числе назначить Зейсс-Инкварта министром безопасности и внутренних дел с передачей ему контроля над полицией. Риббентроп находился в Лондоне в тот момент, когда фактически осуществлялась оккупация Австрии, и на основе сведений, полученных им от Геринга, информировал британское правительство, что Германия не предъявляла Австрии ультиматума и ввела свои войска в Австрию лишь для того, чтобы предотвратить гражданскую войну. 13 марта 1938 г. Риббентроп подписал закон, согласно которому Австрия включалась в Германскую империю.

Риббентроп принимал участие в агрессивных планах против Чехословакии. Начиная с марта 1938 г. он поддерживал тесный контакт с партией судетских немцев и инструктировал их, с тем чтобы судетско-немецкий вопрос оставался актуальным, что могло послужить предлогом для нападения, которое Германия планировала против Чехословакии. В августе 1938 г. он принял участие в совещании, имевшем своей целью получение поддержки Венгрии на случай войны с Чехословакией.

После Мюнхенского пакта он продолжал оказывать дипломатическое давление с целью оккупации остальной части Чехословакии. Он играл решающую роль в побуждении словаков к тому, чтобы они объявили свою независимость. Он присутствовал на совещании 14–15 марта 1939 г., на котором Гитлер, угрожая вторжением, вынудил президента Гаху согласиться на оккупацию Чехословакии Германией. После того как германские войска вступили в страну, Риббентроп подписал закон, учреждавший протекторат Богемии и Моравии.

Риббентроп играл особенно значительную роль в дипломатической деятельности, которая привела к нападению на Польшу. Он принимал участие в совещании 12 августа 1939 г., имевшем своей целью получение поддержки Италии в том случае, если это нападение приведет к всеобщей европейской войне. Риббентроп обсуждал с британским послом требования Германии в отношении Данцига и Польского коридора в период с 25 по 30 августа 1939 г., когда ему уже было известно что германские планы нападения на Польшу лишь временно доложены, с тем чтобы попытаться побудить Британию отказаться от ее гарантий Польше. Те методы, которыми он вел эти переговоры, делают совершенно ясным тот факт, что он не начал их добросовестно с целью добиться урегулирования трудностей, возникших между Германией и Польшей.

Риббентроп был заранее информирован о нападении на Норвегию и Данию, а также о нападении на Нидерланды и подготовил официальный меморандум министерства иностранных дел, являвшийся попыткой оправдать эти агрессивные действия.

Риббентроп присутствовал на совещании 20 января 1941 г., на котором Гитлер и Муссолини обсуждали предполагавшееся нападение на Грецию, а также совещании в январе 1941 г., на котором Гитлер получил от Антонеску разрешение германским войскам на проход через территорию Румынии для осуществления этого нападения. 25 марта 1941 г., когда Югославия присоединилась к тройственному пакту стран оси, Риббентроп заверил Югославию, что Германия будет уважать ее суверенитет и территориальную целостность. 27 марта 1941 г. он присутствовал на совещании, состоявшемся после государственного переворота в Югославии, на котором были разработаны планы осуществления объявленного намерения Гитлера уничтожить Югославию.

Риббентроп присутствовал в мае 1941 г. вместе с Гитлером и Антонеску на совещании, на котором обсуждался вопрос об участии Румынии в нападении на СССР. Он также консультировался с Розенбергом по вопросу о предварительном планировании политической эксплуата-

ции советских территорий и в июле 1941 г., после начала войны, убеждал Японию напасть на Советский Союз.

Военные преступления и преступления против человечества

Риббентроп принимал участие в совещании 6 июня 1944 г., на котором было решено начать проведение программы, согласно которой союзные летчики производившие атаки на бреющем полете, должны были подвергаться линчеванию. В декабре 1944 г. Риббентроп был поставлен в известность о планах убийства одного из французских генералов, находившихся в плену, и дал указание своим подчиненным следить за тем, чтобы подготовка к совершению этого акта проводилась таким образом, чтобы помешать странам, представлявшим интересы воюющих сторон, узнать об этом факте.

Риббентроп также ответствен за военные преступления и преступления против человечества в результате своей деятельности в отношении оккупированных стран и сателлитов стран оси. Высшим должностным лицом Германии как в Дании, так и во Франции Виши был представитель министерства иностранных дел, и поэтому Риббентроп несет ответственность за общий экономический и политический курс, осуществлявшийся при оккупации этих стран. Он настаивал на том, чтобы итальянцы проводили безжалостную оккупационную политику в Югославии и Греции.

Риббентроп сыграл важную роль в «окончательном разрешении» еврейского вопроса, проводившемся Гитлером. В сентябре 1942 г. он приказал германским дипломатическим представителям, аккредитованным при правительствах сателлитов стран оси, ускорить депортацию евреев на Восток. В июне 1942 г. германский посол в Виши потребовал у Лавалья передачи 50000 евреев для депортации на Восток. 25 февраля 1943 г. Риббентроп заявил Муссолини протест против медлительности итальянцев в депортации евреев из зоны итальянской оккупации во Франции.

17 апреля 1943 г. он участвовал на совещании между Гитлером и Хорти по вопросу о депортации евреев из Венгрии и информировал Хорти о том, что «евреи должны быть либо истреблены, либо заключены в концентрационные лагеря». На том же совещании Гитлер сравнил евреев с «туберкулезными бациллами» и сказал, что, если они не будут работать, их нужно расстрелять.

В качестве защитительного довода в ответ на выдвинутые против него обвинения Риббентроп ссылается на то, что все важнейшие решения принимались Гитлером и что он, Риббентроп, настолько преклонялся перед Гитлером и был таким его верным последователем, что никогда не подвергал сомнению неоднократные заявления Гитлера о том, что он хочет мира, равно как и не сомневался в правдивости оснований, выдвигавшихся Гитлером в оправдание своих агрессивных действий.

Трибунал не считает это объяснение соответствующим действительности. Риббентроп участвовал во всех нацистских актах агрессии, начиная с оккупации Австрии и до вторжения в Советский Союз. Хотя он лично имел отношение в большей степени к дипломатической, чем к военной, стороне этих актов, его дипломатические усилия были настолько тесно связаны с войной, что он не мог оставаться в неведении относительно агрессивного характера действий Гитлера. Риббентроп также оказывал содействие в проведении преступной политики и при управлении территориями, над которыми вследствие незаконного вторжения Германия получила контроль, в частности в политике истребления евреев.

Более того, имеются многочисленные доказательства, устанавливающие, что Риббентроп был вполне согласен с основными положениями национал-социалистского кредо и что его сотрудничество с Гитлером и подсудимыми по настоящему делу в совершении преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности было искренним и добровольным. Риббентроп служил Гитлеру добровольно до конца именно потому, что политика Гитлера и его планы соответствовали его собственным убеждениям.

З а к л ю ч е н и е

Трибунал признает Риббентропа виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения...

В соответствии с разделами Обвинительного заключения, по которым признаны виновными подсудимые, и на основании статьи 27 Устава Международный Военный трибунал

П р и г о в о р и л :

- 1) *Германа Вильгельма Геринга* — к смертной казни через повешение,
- 2) *Рудольфа Гесса* — к пожизненному тюремному заключению,
- 3) *Иоахима фон Риббентропа* — к смертной казни через повешение,
- 4) *Вильгельма Кейтеля* — к смертной казни через повешение,
- 5) *Эрста Кальтенбруннера* — к смертной казни через повешение,
- 6) *Альфреда Розенберга* — к смертной казни через повешение,
- 7) *Ганса Франка* — к смертной казни через повешение,
- 8) *Вильгельма Фрика* — к смертной казни через повешение,
- 9) *Юлиуса Штрейхера* — к смертной казни через повешение,
- 10) *Вальтера Функа* — к пожизненному тюремному заключению,
- 11) *Карла Дёница* — к тюремному заключению сроком на десять лет,
- 12) *Эриха Редера* — к пожизненному тюремному заключению,
- 13) *Бальдура фон Шираха* — к тюремному заключению сроком на двадцать лет,
- 14) *Фрица Заукеля* — к смертной казни через повешение,

15) *Альфреда Йодля* — к смертной казни через повешение,

16) *Артура Зейсс-Инкварта* — к смертной казни через повешение,

17) *Альберта Шпеера* — к тюремному заключению сроком на двадцать лет,

18) *Константина фон Нейрата* — к тюремному заключению на пятнадцать лет,

19) *Мартина Бормана* — к смертной казни через повешение.

Ходатайства о помиловании могут быть поданы в Контрольный Совет в Германии в течение четырех дней после оглашения приговора через Генерального Секретаря Трибунала.

Приговор составлен в четырех экземплярах — на русском, английском и французском языках. Все тексты аутентичны и имеют одинаковую силу.

Члены Международного Трибунала:

От Великобритании — Председательствующий

Джефри Лоренс

От Союза Советских Социалистических Республик

Иона Никитченко

От Соединенных Штатов Америки

Фрэнсис Бидд

От Французской Республики

Доннедье де Вабр

Их заместители:

Норман Биркетт

Александр Волчков

Джон Паркер

Роберт Фалько

Нюрнберг, 1 октября 1946 г.

Цит. по: Нюрнбергский процесс.

Сборник материалов. Т. 2. М., 1951.

Казнь главных немецких военных преступников

**Сообщение четырехдержавной комиссии
по заключению главных военных преступников**

Приговоры к смертной казни, вынесенные Международным Военным Трибуналом 1 октября 1946 г. нижеуказанным военным преступникам: Иоахиму фон Риббентропу, Вильгельму Кейтелю, Эрнсту Кальтенбруннеру, Альфреду Розенбергу, Гансу Франку, Вильгельму Фрику, Юлиусу Штрейхеру, Фрицу Заукелю, Альфреду Йодлю, Артуру Зейс-Инкварту, были приведены в исполнение сегодня в нашем присутствии.

Геринг Герман Вильгельм совершил самоубийство в 22 часа 45 минут 15 октября 1946 г.

В качестве официально уполномоченных свидетелей от немецкого народа присутствовали: министр-президент Баварии д-р Вильгельм Хогнер, главный прокурор г. Нюрнберга д-р Фридрих Лейснер, которые видели труп Германа Вильгельма Геринга.

*Четырехдержавная комиссия
по заключению главных военных преступников*

Сообщение ТАСС

Нюрнберг, 16 октября. Восемь журналистов — по два от каждой из оккупирующих Германию держав — присутствовали при казни главных немецких военных преступников, приговоренных к смертной казни через повешение Международным Военным Трибуналом.

Казнь была совершена в здании, находящемся во дворе нюрнбергской тюрьмы. Приведение приговора в исполнение началось в 1 час 11 минут и закончилось в 2 часа 46 минут.

Цит. по: Нюрнбергский процесс.
Сборник материалов. Т. 2. М., 1951.

ПРИМЕЧАНИЯ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Стр.

25

В большую политику и дипломатию люди приходят различными путями, но все эти пути имеют одну общую черту — они открывают возможность накопить весомый политический опыт или же обрести необходимую профессиональную подготовку. У Риббентропа подобного не было: как следует из его воспоминаний, он выходец из семьи военного, получил коммерческое образование в Гренобле, а затем, в 1910—1914 гг., занимался торговлей винами в Канаде. Известно, что германские дипломаты-профессионалы приняли Риббентропа, назначенного Гитлером министром иностранных дел, как парвеню и не изменили своего мнения. Риббентроп чувствовал это и потому афишировал свою внешнеполитическую и дипломатическую «подкованность».

С этой целью он старается создать впечатление, что еще в детстве у него был проницательный наставник в вопросах политики — его отец, отличавшийся известным вольнодумством и способностью самостоятельно анализировать перипетии мировой политики. Нужно ли напоминать, что германские военные, судя по всем, в том числе немецким, источникам, были более склонны к муштре, чем к творческому мышлению.

25

Иоахим фон Риббентроп стремится уверить читателей, что, находясь во Франции и обучаясь в Гренобле, он сумел постичь национальный дух французов, как бы сроднившись с ними. Среди французских правителей 30-х годов можно

отыскать снобов, близких по высокомерию и чванливости к Риббентропу, но так называемый средний француз никак не увидел бы в нем близкого по духу человека. Впрочем, сам Риббентроп в других условиях и при других обстоятельствах говорил иное. Так, после подписания 6 декабря 1938 г. франко-германской декларации он заявил: «Я убежден, что сегодняшняя франко-германская декларация послужит тому, чтобы были устранены исторические предубеждения... в наших соседских отношениях...» Так что до родства было еще далеко. Говорил в этом заявлении Риббентроп и о наступлении разрядки во франко-германских отношениях, но через полтора года немецкие войска вошли в Париж, а 22 июня 1940 г. в Компьене Петен подписал унижительные условия капитуляции, продиктованные Гитлером. «Разрядка» получила свое воплощение в нацистском духе — по Риббентропу.

38

Риббентроп утаивает истину, описывая свою деятельность в Турции в качестве адъютанта уполномоченного представителя военного министерства Германии. Такой представитель появился в Турции в результате германотурецкого договора 1914 г. о военном союзе, который и вовлек Турцию в первую мировую войну на стороне Германии. Договор был неравноправным: он обязывал Турцию выступить против России, а Германию ничем не связывал — ни в случае объявления Турцией войны одним или несколькими Балканскими государствами, ни в случае войны против Турции со стороны союзниц России — Франции и Англии.

После поражения на Марне в сентябре 1914 г., когда Германия оказалась перед перспективой затяжной войны, немецкая сторона стала добиваться вовлечения Турции в войну с целью оттянуть русские силы к Кавказу, нарушить коммуникации между Россией и ее союзниками через проливы и вынудить англичан держать большую армию в Египте. Участие Турции в войне привело к тому, что она оказалась фактически под немецким сапогом. Потерпев поражение в войне, Турция была вынуждена

подписать 30 октября 1918 г. Мудросское перемирие, продиктованное Англией и ознаменовавшее установление гегемонии последней на Ближнем Востоке.

Риббентроп обходит молчанием и тот факт, что его деятельность в составе германского военного представительства в Турции закончилась бесславно. За бегство с фронта он предстал перед офицерским судом чести как дезертир, но благодаря связям ему удалось избежать наказания. В частности, показания в его пользу дал Франц фон Папен, также сбежавший с фронта в сентябре 1918 г., в момент разгрома турецких войск англичанами.

43

Риббентроп сколотил свой капитал на торговле вином. Но поскольку такой бизнес вроде бы не делает чести дипломату, он предпочитает говорить об импортно-экспортной фирме, обеспечившей ему «зарубежные связи в Англии и Франции», которые якобы органически ввели его в политическую деятельность международного масштаба. При этом он изображает себя в качестве человека, сумевшего с самого начала разгадать негативные последствия версальской системы для Европы и всего мирового сообщества и на этом основании ставшего ее принципиальным противником. Риббентроп особо выделяет вопрос о репарациях, который открывал исключительные возможности для спекуляций в области внешней и внутренней политики послевоенной Германии и позволял завоевывать признательность обездоленных масс внутри страны, а вне ее добиваться углубления противоречий между Англией и Францией.

На Парижской мирной конференции Франция выдвинула тезис: Германия должна оплатить все убытки, нанесенные войной. Исходя из этого, она обязана принять на себя бланкетное, т.е. открытое, неограниченное, обязательство выплатить ту сумму, которая будет определена репарационной комиссией. Ссылаясь на невозможность точного исчисления суммы убытков, англичане и американцы предлагали вписать в мирный договор некую общую сумму репараций. Верх взяла французская точка зрения.

Германские правящие круги понимали, что Великобритания не хочет чрезмерного ослабления Германии и превращения Франции в доминирующую силу в Западной Европе, и поэтому могли сравнительно безнаказанно нарушать репарационные обязательства. Кампанию против выплаты репараций возглавил угольный король Германии Гуго Стиннес вместе с германской национальной «народной партией», представлявшей интересы тяжелой индустрии. По наущению этих кругов 24 июня 1922 г. был убит сторонник политики выполнения германских обязательств министр иностранных дел Веймарской Германии Вальтер Ратенау.

По подсказке Стиннеса германское правительство просило дать Германии мораторий на 3—4 года по выплате репараций. На задержку с выплатой репараций Франция вместе с Бельгией ответила в январе 1923 г. оккупацией Рура. По советам английских и американских политиков германские власти развернули так называемое пассивное сопротивление, выразившееся в саботаже мероприятий оккупационных властей. Обстановка в Германии накалилась до такой степени, что страна оказалась перед революционным взрывом, и Франции пришлось отступить, что позволило США взять репарационную проблему в свои руки. Так родился «план Дауэса», выдвигавший на первое место задачу восстановления германской тяжелой индустрии — основы военно-промышленного потенциала. Принятие этого плана, названного по имени директора Чикагского банка Дауэса, связанного с группой Моргана, означало начало официального пересмотра версальской системы, поскольку отменялся один из ее основных устоев — контроль над германской военной промышленностью. В 1929 г. «план Дауэса» был заменен «планом Юнга», который в еще большей мере нес на себе печать американской дипломатии того времени. Все формы и виды контроля над Германией как виновницей первой мировой войны, над ее народным хозяйством и финансами окончательно ликвидировались.

Рассказывая о переговорах между Папеном и Гитлером 28 января 1933 г., Риббентроп упоминает о том, что

появилась новая трудность — «вопрос о Пруссии». Этот вопрос возник в связи с обращением канцлера Курта фон Шлейхера по радио к немецкому народу 15 декабря 1932 г. Заявив, что он видит задачу своего правительства в обеспечении занятости безработных и в том, чтобы поставить экономику страны на прочную основу, Шлейхер обещал не увеличивать налоги, не сокращать зарплату и размеры помощи вопреки тому, что было сделано до него канцлером Папеном. Более того, он отменил сельскохозяйственные квоты, установленные Папеном в пользу крупных землевладельцев, и объявил о намерении изъять более 300 тысяч га земли у обанкротившихся юнкерских хозяйств в Пруссии и передать их 25 000 крестьянских семейств.

Промышленники и крупные землевладельцы встали на дыбы против программы Шлейхера. Представлявший ассоциацию аграриев и юнкеров «Ландбунд» выступил против правительства, и его лидеры, среди которых были и нацисты, заявили протест президенту Веймарской республики фельдмаршалу Паулю фон Гинденбургу. Запахло большим скандалом, ибо в руках Шлейхера находились материалы, свидетельствовавшие о невыплате юнкерскими семействами выделенных им в порядке помощи средств — «Остхильфе». В таких аферах был замешан и сам Гинденбург, передавший своему сыну в наследство свое поместье Нойдек в Восточной Пруссии без уплаты полагающегося налога.

Гитлер использовал нечистоплотность сына Гинденбурга Оскара в своих интересах и на встрече 22 января 1933 г. на вилле Риббентропа получил его согласие поддержать претензии главаря нацистов на пост рейхсканцлера. «Вопрос о Пруссии», который мог стоить нацистам потери голосов безработных и крестьян, был разрешен к удовлетворению Гитлера, Папена и Риббентропа.

52

В последние месяцы 1932 г., когда Гитлер при содействии Риббентропа и других подбирался к креслу рейхсканцлера, он провел много бесед с единомышленниками

о задачах и методах будущей внешней политики Германии. Такого рода беседа между Гитлером и Риббентропом состоялась на вилле последнего в Далеме в феврале 1933 г. Однако если по записям откровений Гитлера другими участниками вроде председателя данцигского сената Георга Раушнинга мы знаем об агрессивных планах фюрера, то Риббентроп пытается ввести в заблуждение читателей, уверяя, будто Гитлер хотел мира и выдвигал лишь одно условие — «равноправие» Германии в вооружениях, т.е. отмену военных пунктов Версальского договора. Именно при этом условии, согласно замыслам Гитлера, можно было осуществить «Дранг нах Остен», что не исключало — и это показала вторая мировая война — похода на Запад. В уничтожении Франции, о которой за столом в доме Риббентропа Гитлер высказался отрицательно, фюрер видел средство обеспечить Германии возможность дальнейшей экспансии.

53

Замечание Аннелиз фон Риббентроп, будто Гитлер признал в какой-то момент «опубликование внешнеполитической главы своей книги «Майн кампф» ошибкой», рассчитано на простака, не способного самостоятельно анализировать политические события и соответственно оценивать внешнюю политику фашистской Германии.

61

Риббентроп кривит душой, утверждая, будто он помогал фюреру сблизиться с Францией и французами. Не об этом думал и не к этому стремился Гитлер, как уже отмечено выше. Германия, считал он, должна перейти от «пассивной защиты» к окончательному «активному расчету» с французами. Попытка Риббентропа приписать влиянию лидера штурмовиков Рёма враждебное отношение фюрера к Франции выглядит крайне неуклюжей, ибо за ней просматривается желание добавить еще один довод в оправдание расправы над ним в «Ночь длинных ножей».

Стремясь подчеркнуть свою роль сторонника сближения с французами, Риббентроп вставляет в мемуары на-

думанный эпизод своей встречи с Даладьё. Во Франции виноторговец не столь уж приметная фигура, чтобы пользоваться вниманием и доверием премьер-министра. К тому же Францию представлял в Берлине опытный посол Франсуа-Понсэ, связи которого с магнатами тяжелой промышленности из «Комите де Форж» не были секретом, а этот комитет обладал могучими рычагами воздействия на правительство.

65

В ложном свете изображает Риббентроп проходившие в Женеве переговоры по разоружению и причины, ссылаясь на которые Гитлер оправдывал свое решение уйти с этих переговоров и выйти из Лиги Наций. На самом деле события развивались так: 15 сентября 1933 г. германский министр иностранных дел фон Нейрат потребовал от конференции по разоружению признать равноправие Германии в вооружениях. В поисках компромисса четыре державы — Англия, Франция, Италия и США — предложили Нейрату новый проект соглашения о разоружении. Предлагалось осуществить выравнивание вооружений в два этапа: первый этап — 3–4-летний период стабилизации, в течение которого Германия должна была заменить свою систему долгосрочной службы краткосрочной; второй этап — тоже от 3 до 4 лет, в течение которого осуществлялось некоторое сокращение вооружений держав в целях выравнивания соотношения между ними. Германия отклонила проект. В германском ответе подчеркивалось: «Германия желает либо получить полную свободу, либо подвергнуться таким же качественным ограничениям, как и другие державы». 13 октября Гитлер поставил перед кабинетом вопрос о выходе Германии из Лиги Наций, кабинет одобрил это решение, и на следующий день фюрер выступил по радио с заявлением о выходе Германии из Лиги Наций и о роспуске рейхстага с последующими новыми выборами. Он утверждал, что его «революция» направлена исключительно против коммунизма, а уход из Лиги Наций продиктован «миролюбием и чувством чести».

Риббентроп прибегает к своей излюбленной формуле — формуле умолчания, дабы подчеркнуть «миролюбие» Германии, якобы пошедшей навстречу Польше в начале 1934 г., в результате чего 26 января 1934 г. между Польшей и Германией был заключен «договор о дружбе». Его подписанию предшествовало обострение германо-польских отношений, вызванное нацистской кампанией под лозунгом возвращения Германии так называемого Польского коридора — трассы, связывавшей Польшу с вольным городом Данцигом (Гданьском). Штурмовики проводили вооруженные демонстрации на польско-германской границе, а в Данциге прошла волна выступлений против поляков. 3 мая 1933 г. Польша была вынуждена выразить Берлину свой официальный протест. Германо-польский договор «о мирном разрешении споров» имел как антисоветскую, так и антифранцузскую направленность, поскольку расшатывал созданную Францией систему союзов в Восточной Европе.

Риббентроп искажает факты, утверждая, что причиной введения 16 марта 1935 г. всеобщей воинской повинности якобы послужила невозможность «прийти к ревизии военных статей Версальского договора дипломатическим путем», а непосредственным поводом — восстановление во Франции двухлетнего срока военной службы.

Этот шаг был вынужденным для Франции, в силу того что 1935 год был первым годом пятилетнего периода, когда из-за сокращения рождаемости в 1915—1919 гг. резко уменьшилось число рекрутов. Контингент французской армии насчитывал всего 300 тысяч, а введение всеобщей воинской повинности должно было дать Германии 550—600 тысяч солдат. Поэтому лживо звучит фраза Риббентропа о том, что «французское правительство отказалось от идеи разоружения». Францию, а вместе с ней и Великобританию следует упрекнуть в том, что они отделались обычными протестами в отношении гитлеровской акции, ставящей под угрозу их собственную безопасность.

Описывая свои усилия по заключению англо-германского морского соглашения от 18 июня 1935 г., Риббентроп проводит мысль, что это соглашение могло стать основой более тесных отношений между Германией и Англией. Однако осуществлению таких планов помешали де Ванситтарт и стоявшие за ним круги. Занимавший в 1930—1938 гг. пост постоянного заместителя министра иностранных дел Роберт Ванситтарт принадлежал к антигерманской школе британской дипломатии. Отсюда его ориентация на Францию и его готовность искать соглашения с СССР для борьбы против германской опасности. Позиции Ванситтарта были подорваны после прихода к власти Чемберлена, чья политика «умиротворения» поставила мир на наклонную плоскость к войне. Поэтому кривит душой Риббентроп, пытаясь возложить на Ванситтарта главную ответственность за соскальзывание к войне.

Англо-германское морское соглашение 1935 г. явилось по сути дела ступенькой, способствовавшей осуществлению агрессивных планов Гитлера, ведь оно было двусторонним нарушением Версальского договора. Британская дипломатия капитулировала под нажимом Германии по самому важному для Англии морскому разделу версальской системы. Достаточно сказать, что британское правительство согласилось на увеличение тоннажа германского военно-морского флота на 342 000 тонн и на отмену запрета для Германии строить подводные лодки. Последствия таких уступок британцы остро почувствовали во время второй мировой войны.

Риббентроп старается представить себя в более выгодном свете, утверждая, будто он «вступал в единоборство» с Адольфом Гитлером, желая скорректировать «мировоззрение» нацистов в еврейском вопросе. Но фюрер-де не прислушался к благим пожеланиям Риббентропа, и в итоге на свет появились нюрнбергские законы, подписанные Гитлером 15 сентября 1935 г. Эти законы лишали евреев гражданских прав, запрещали браки между евреями и

арийцами. Последующие дополнения к законам повели дело к полному уничтожению евреев. Принимая позу защитника евреев, Риббентроп просто лицемерит. Выступая в Олимпийском комитете 31 июля 1936 г., когда в Германии проходили XI Олимпийские игры, Риббентроп расточал славословия фюреру, его служению делу дружбы народов, хотя, по свидетельствам очевидцев, гонения на евреев развертывались уже в полную меру. Об этом убедительно рассказывает американский журналист Уильям Ширер, написавший документальную историю нацистской Германии.

87

С присущей ему бесцеремонностью Риббентроп оценивает заключенный в мае 1935 г. советско-французский договор о взаимной помощи как «непосредственную угрозу рейху» и как подрыв Локарнского соглашения. В действительности картина была совершенно иной: именно угроза гитлеровской агрессии, становившаяся все более очевидной после введения в Германии всеобщей воинской повинности, побудила правительство Лавалья пойти на переговоры с СССР и на заключение советско-французского оборонительного договора. Следует сказать, что Лаваль был не прочь разыграть двойную игру — поднять удельный вес Франции для переговоров с Германией в будущем. По этим соображениям он всемерно затягивал ратификацию договора и ставил препятствия переговорам между советским и французским генеральными штабами. По поручению Лавалья Франсуа-Понсэ заверил Гитлера, что Франция готова пожертвовать договором с СССР ради соглашения с Германией. Советско-французский договор был ратифицирован Францией в конце февраля 1936 г., после ухода Лавалья в отставку.

106

Выше мы уже отмечали неприязненное отношение Риббентропа к Ванситарту. Автор воспоминаний явно пересаливает, утверждая, будто гитлеровская политика явилась следствием политики Ванситарта. Постоянный

заместитель министра иностранных дел, несомненно, крупная персона в британской дипломатической иерархии, но Риббентропу, занимавшему пост германского посла в Лондоне, должно было быть ведомо, что у этой персоны особые и по большей части административные функции. И она, разумеется, не входит в состав кабинета, где решаются вопросы большой политики.

Раздраженное отношение Риббентропа к Ванситарту объясняется, видимо, тем, что последний дал на Нюрнбергском процессе показания против него и Гитлера, подчеркнув их вероломство в политике. Вместе с тем нельзя не согласиться с Риббентропом, что заключением военноморского соглашения с Германией в 1935 г. Англия разрушила, а точнее, подорвала один из устоев версальской системы. Однако не имеет ничего общего с исторической истиной утверждение, будто Локарнский договор «потерял свою силу в результате русско-французского военного союза». Этот союз изъял антисоветское жало из Локарнского пакта, что же касается самого пакта, то он был растоптан сапогами немецких солдат, вступивших в Рейнскую зону 2 марта 1936 г.

112

Не лишена оснований ирония Риббентропа, назвавшего Комитет по невмешательству в Гражданскую войну в Испании Комитетом по вмешательству. В этот комитет, начавший свою работу 9 сентября 1936 г. в помещении Форин офиса в Лондоне, входили представители 27 европейских держав, заключивших в августе 1936 г. соглашение о невмешательстве в Гражданскую войну в Испании, Германия и Италия, оказывавшие широкую военную помощь мятежному генералу Франко, входили в состав комитета, и это превращало его деятельность в политический фарс.

117

Находясь на посту германского посла в Лондоне, Риббентроп приложил большие усилия, чтобы добиться заключения 15 ноября 1936 г. так называемого Антико-

минтерновского пакта между Германией и Японией. В конце 1937 г. к нему присоединилась Италия, а затем в 1939 г. — Венгрия, Маньчжоу-Го, франкистская Испания. Риббентроп лукавит, сводя акцию по сколачиванию Антикоминтерновского пакта к «вопросу мировоззрения». Конечно, идеологические мотивы присутствовали при разработке пакта, но дело не ограничивалось только ими. По сути дела речь шла о сколачивании блока государств, вставших на путь агрессии, а затем о подключении к нему стран, оказавшихся под пятой агрессоров, — Болгарии, Финляндии, Румынии, Дании, Словакии, Хорватии и др. Поэтому утверждение Риббентропа, будто он старался создать блок стран, «выступающих за сохранение мирового порядка», звучит как неприкрытая фальсификация. Этот блок, как показал опыт истории, предназначался для того, чтобы сломать существовавший миропорядок в интересах Берлина, Токио, Рима.

124

Риббентроп то и дело возвращается к мысли, что основная часть вины за возникновение второй мировой войны лежит на Великобритании. То, что развязыванию войны помогла проводившаяся правительством Чемберлена политика «умиротворения» агрессоров, — факт, признанный мировой историографией. Но никак нельзя принять тезис Риббентропа о том, что существование новой (нацистской) Германии стало большим преимуществом и для... экспансионистских устремлений Лондона. Бесспорно, что Британская империя — плод экспансионистской политики английского империализма, но в рассматриваемый период перед ним стояла несколько иная задача: сохранить эту империю, в которой все отчетливее проявлялись центробежные тенденции. Поэтому наиболее дальновидные представители британской политической элиты, в частности Ванситтарт, столь досаждавший Риббентропу, хотели сохранить выгодную Англии версальскую систему. Именно здесь скрываются глубинные противоречия, заставившие британских политиков отшатнуться от союза с Германией, на который так рассчитывал Риббентроп,

понимая, что такой союз откроет возможность реализации гитлеровской программы завоевания «лебенсраума» за счет России.

Однако планы Гитлера не обрывались на восточном «лебенсрауме». Они шли дальше, расширяя политические и военные рамки Антикоминтерновского пакта. Собственно говоря, эти взгляды разделял и Риббентроп, рекомендуя фюреру создание «в условиях полной секретности» союзнической группировки против Англии с участием Италии и Японии. «Мировоззренческий» пакт против Советского Союза прикрывал по сути дела сговор трех держав — Германии, Японии и Италии, стремившихся к мировому господству.

134

Замечания Риббентропа о его взаимоотношениях с сотрудниками министерства иностранных дел и с министерством пропаганды заслуживают внимания по той причине, что позволяют понять особенности, присущие тоталитарным государствам, где профессионализм, деловые качества ставятся ниже партийной и личной преданности и где фикция, создаваемая пропагандой, затмевает реальные ценности. Здесь бывший министр рейха близок к истине, ведь в серьезной политической деятельности берут в конечном счете верх профессиональный опыт и высокие нравственные качества.

138

Использование внешними разведками дипломатических представительств и учреждений — дело обыденное в мировой практике. Дипломатическое представительство обеспечивает удобную, надежную «крышу» агентам, а наличие дипломатического паспорта может спасти такого агента в случае «провала» или всевозможных «накладок». И все же можно понять сетования Риббентропа: безоглядное насыщение посольств секретными службами, а это особенно характерно для тоталитарных государств, осложняет работу профессиональных дипломатов. Риббентроп прошел школу фон Папена, который был причастен к

шпионской деятельности еще в Турции, да и Бюро Риббентропа имело касательство к подобной активности, но всему есть предел, и он это почувствовал, сев в кресло министра.

139

Риббентроп пишет о своих разногласиях с ведомством рейхсляйтера А. Розенберга. В период между захватом Польши и нападением на Советский Союз Гитлер учредил новое агентство — оперативный штаб Розенберга, который начал свою деятельность со сбора материалов о евреях, коммунистах и масонах и с разработки политики, как с ними бороться. Впоследствии эта контора превратилась в министерство для Востока. Естественно, создание подобного учреждения рассматривалось министерством иностранных дел как ущемляющее его полномочия. Деятельность ведомства Розенберга с самого начала носила преступный характер. В отношении России Розенберг строил такие планы: по его совету Гитлер намеревался отдать Ленинград Финляндии, Бессарабию и Одессу — Румынии, а из того, что оставалось после дележа, Розенберг замышлял выкроить по меньшей мере четыре государства: Московию с населением 60 миллионов человек, большое Кавказское государство, Украину и Западное государство, состоящее из Белоруссии и Прибалтийских государств. Все эти государства, по замыслу Розенберга, должны были управляться германскими гауляйтерами, и таковые были уже подобраны для Украины и Прибалтийских стран.

145

Противоречит исторической истине утверждение Риббентропа, будто вопрос о судетских немцах возник сам по себе. Никак нельзя считать случайной оговоркой заявление Риббентропа, будто «чехословацкого народа как такового не было никогда — ни до, ни после 1938 г.». Это отражение определенной политической линии, направленной на уничтожение государственности восточнославянских и южнославянских соседей Германии. В подобной

деятельности Берлин опирался на свою «пятую колонну» во главе с лидером партии судетских немцев, который, как это документально доказано, получал от Риббентропа инструкции и деньги.

Инспирируемая Риббентропом партия судетских немцев предъявляла чехословацкому правительству жесткие требования: от претензий на территориальную автономию до заявления, что все немцы в любой стране должны подчиняться только немецкому правительству. Невилл Чемберлен — сторонник политики «умиротворения» Германии, которую настойчиво пропагандировал Риббентроп в качестве германского посла в Лондоне, — пошел навстречу Гитлеру и его ставленнику Генлейну, направив в Прагу миссию лорда Ренсимена с целью оказать давление на президента Чехословакии Бенеша и вынудить его на уступки. Ренсимен твердил в Праге, что нужна уступчивость, чтобы сохранить мир в Европе.

Однако уже тогда было очевидно, что решение судетской проблемы не устранил угрозы войны. Еще в июне 1938 г. адъютант Геринга генерал Боденшатц информировал помощника военно-воздушного атташе Франции в Берлине, что Германия готовится воздвигнуть линию оборонительных сооружений от Северного моря до швейцарской границы и, обеспечив свой южный фланг от угрозы Чехословакии, намерена уничтожить «советскую угрозу» и одновременно обрести «жизненное пространство» на Востоке.

153

Характеризуя Мюнхенское соглашение 29–30 сентября 1938 г., Риббентроп называет его «событием исключительного политического значения». Он прав в том смысле, что это соглашение ознаменовало всю низость тайной дипломатии, бесцеремонно распоряжающейся судьбами народов за их спиной. Нельзя не согласиться со словами Яльмара Шахта, приводимыми в воспоминаниях Риббентропа: в Мюнхене Англия преподнесла Германии Чехословакию в качестве подарка, (добавим, приблизив тем самым начало второй мировой войны),

Туманные рассуждения Риббентропа относительно выступления Чемберлена в палате общин после возвращения из Мюнхена и высказываний государственного секретаря Великобритании по делам колоний нельзя расценить иначе, как неуклюжую попытку оправдать курс Германии на развязывание европейской войны. Ведь Гитлер получил по мюнхенскому сговору все, что хотел, и, согласно нормальной логике, должен был бы удовольствоваться этим. Но уступчивость Англии и Франции лишь разожгла его аппетиты. Прав Уинстон Черчилль, утверждающий в своих мемуарах «Вторая мировая война» (т. 1, с. 310), что «год передышки, который был якобы «выигран» в Мюнхене, поставил Англию и Францию по сравнению с гитлеровской Германией в гораздо худшее положение, чем то, в котором они находились в момент мюнхенского кризиса».

Не вызывает удивления сентиментальное восхищение Риббентропа президентом Гербертом Гувером. Этот президент способствовал принятию «плана Юнга», облегчившего военные приготовления Германии, выступил с предложением приостановить на год все ее платежи по международным правительственным долгам, репарациям и займам. Предложенный Гувером мораторий вступил в силу 15 июля 1931 г. Таким шагом американский президент оказал еще одну поддержку Гитлеру в воссоздании тяжелой промышленности Германии.

Совершенно несостоятельно утверждение Риббентропа, будто в мае 1939 г. начались англо-французские переговоры с Москвой, «чтобы побудить и Советский Союз вступить в военный союз против Германии». Этот тезис рассчитан лишь на не знакомого с историей читателя. Для людей, знающих действительную историю, он звучит неубедительно. Разумеется, не представляет особого труда приписать те или иные замыслы любому историческому деятелю. Но дело в том, что в эти годы

Советский Союз последовательно выступал за создание системы коллективной безопасности, равной для всех, и был противником военных блоков. Впрочем, если бы Москва имела намерение вступить в военный союз против Германии, то тогда была бы беспочвенной инициатива Риббентропа, рвавшегося в советскую столицу, чтобы заключением соответствующего соглашения обеспечить восточный тыл Германии.

180

Переходя к германо-советскому пакту о ненападении, Риббентроп искажает факты. Так, излагая беседу с советским поверенным в делах в Берлине Астаховым, он выделяет свое заявление, что, дескать, нам, немцам, «спешить некуда». Это неверно: Гитлер спешил, и ныне это документально доказано германским историком, родственницей германского посла в Москве графа Шуленбурга Ингеборг Фляйшхауэр в книге «Пакт Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938—1939». Гитлер был готов пойти на любые уступки Сталину по той причине, что затяжка соглашения с Москвой ставила под вопрос сроки военной операции вермахта против Польши.

191

Подписание Советским Союзом пакта о ненападении с Германией 23 августа 1939 г. было вынужденным и исторически оправданным шагом. Вместе с тем едва ли можно оправдать готовность, с какой Сталин пошел на соглашение с Риббентропом о разделе сфер влияния в Восточной Европе. Ведь такое соглашение, с какой бы стороны на него ни посмотреть, имеет привкус великодержавной, имперской политики. И оно дорого обошлось СССР и России в последующие годы, память народов не забывает такие проступки политиков.

Впрочем, обратимся к оценке самого Риббентропа. Возвращаясь из Москвы, он сделал остановку в Кёнигсберге и там, выступая на встрече, заявил: «Мы, национал-социалисты, знаем: все, что делает фюрер, правильно! И это вновь подтвердилось на сей раз». Риббентроп пояснил,

что соглашение, достигнутое в Москве, разорвало кольцо «окружения» Германии. Нацистские главарь обрели свободу рук для осуществления провокации в Глейвице (инсценированное нападение «поляков» на немецкую радиостанцию), которая и была использована как предлог для военного похода на Польшу, переросшего во вторую мировую войну.

219

Ссылки Риббентропа на то, что германское руководство знало о военных планах англичан в отношении Норвегии и это сделало необходимой ее оккупацию вермахтом, не лишены оснований. Действительно, из военных мемуаров Черчилля известно, что англичане добивались от норвежцев возможности использования незамерзающего порта Нарвик, но не столько в целях операций против Германии, сколько в целях переброски солдат и военной техники для оказания помощи Финляндии в войне с Советским Союзом, а также вывоза шведской железной руды. По словам Черчилля, на заседании Верховного военного совета Англии и Франции 5 февраля 1940 г. главной темой была «помощь Финляндии», были одобрены планы отправки в Норвегию трех или четырех дивизий, «чтобы убедить Швецию разрешить нам посылать материалы и подкрепления финнам и, кстати, добиться контроля над железными рудниками в Елливаре». Тем временем продолжалась разработка германских планов прямого нападения на Норвегию и молниеносной оккупации Дании, начатая в конце 1939 г. На быстрой реализации этих планов настаивал адмирал Редер, подчеркивая, что следует опередить англичан. Именно Редер представил Гитлеру Видкуна Квислинга, предавшего свой народ и получившего в награду от немецких оккупантов пост премьер-министра; имя его стало нарицательным.

Приказ о вторжении в Норвегию и об оккупации Дании был отдан Гитлером 1 марта 1940 г. Нападение на Норвегию на всем протяжении от Осло до Нарвика началось 9 апреля.

Риббентроп пытается в мемуарах оправдать вероломное нападение на Данию и Норвегию тем, что, если бы

Германия не выступила своевременно, Скандинавия столкнулась бы с опасностью стать театром военных действий. На деле Норвегия, точнее, ее многие прибрежные районы превратились в локальные театры стычек между вермахтом и англо-французскими войсками, высадившимися в ряде пунктов норвежского побережья в середине и конце апреля. Будучи неподготовленными, захваченными по сути дела врасплох, в мае эти войска были вынуждены убраться восвояси. Последним был эвакуирован Нарвик. Вместе с отступавшими удалось вывезти и норвежского короля, который сумел ускользнуть от оккупантов. Потеря Норвегии была тяжелым ударом для Великобритании, Франции, а затем и Советского Союза. Гитлеровцы обрели базы, опираясь на которые они могли действовать против морских перевозок в Атлантике, а позже против английских конвоев, направлявшихся в Мурманск.

Если оккупированная Норвегия была отдана во власть комиссара рейха Йозефа Тербовена, подчиненного непосредственно Гитлеру, то в Дании до 1943 г. король оставался формально главой государства, сохранялся парламент, а ее вооруженные силы дислоцировались в отведенных для них зонах. В 1943 г. со всем этим было покончено и страна оказалась во власти эсэсовцев.

220

Следующими жертвами в гитлеровском реестре стояли Голландия и Бельгия, через которые осуществлялось вторжение германских войск во Францию во время первой мировой войны в соответствии с «планом Шлиффена» — генерал-фельдмаршала, развивавшего теорию «стратегических Канн», т.е. окружения противника с целью полного его разгрома. Поскольку возможность повторения такого плана напрашивалась сама собой, нужно было отыскать что-то в оправдание действий вермахта. Видимо, таким желанием объясняется сентенция Риббентропа о том, что якобы Чемберлен и Даладье обсуждали на встрече в Париже... нападение на Германию через «дымоходы». Искусственность этой пропагандистской выдумки очевидна, если иметь в виду тактику вермахта действовать

мощным концентрированным кулаком на наиболее важном направлении. Нападение через «дымоходы» неизбежно вело к распылению сил и, следовательно, к поражению, что и показали операции в Норвегии.

222

Риббентроп пытается убедить, будто гитлеровская Германия вела себя «по-рыцарски» в отношении побежденных. Здесь бывший министр иностранных дел третьего рейха явно рассчитывает на романтику прошлого и на смешение понятий. Ведь в ордене рыцарей-крестоносцев на каждого рыцаря приходилось до сотни, а то и более «смердов». Поэтому двойной стандарт был не только обычен, но и органичен для сознания гитлеровской элиты.

Говоря о «рыцарстве» Гитлера, Риббентроп имеет в виду его встречу с Петеном в Монтуаре в октябре 1940 г. Бывший рейхсминистр остается верен себе и своему методу умолчания. Встреча Гитлера с Петеном была не каким-то изолированным эпизодом, а входила в серию встреч фюрера, пытавшегося найти союзников против Великобритании и, изолировав, поставить ее на колени. Первая такая встреча состоялась на франко-испанской границе 23 октября 1940 г. с генералом Франко. Гитлер добивался от него вступления Испании в войну против Англии в январе 1941 г. и, в частности, нападения на Гибралтар 10 января. Каудильо уклонялся от обязательств, ссылаясь на опасность поспешных, преждевременных действий.

Гитлер оставил Риббентропа для продолжения переговоров с министром иностранных дел Испании Серрано Сунье. Но и Риббентроп не добился желаемого; в разговоре с переводчиком Паулем Шмидтом он весьма нелестно отозвался о Франко: «Неблагодарный трус! Он обязан нам всем, а теперь не хочет присоединиться к нам».

Вторая встреча состоялась 24 октября с Петеном в Монтуаре и принесла большее удовлетворение фюреру и его министру. Престарелый «герой Вердена» согласился на сотрудничество с Гитлером, более того, пошел на то, чтобы зафиксировать в письменном виде «идентичность интере-

сов» стран оси и Франции в скорейшем нанесении поражения Великобритании. В качестве подачки Петен получил от Гитлера обещание на территориальное приращение в Африке за счет Британской империи. Таков был «рыцарский жест» фашистского диктатора.

Третья встреча фюрера, на этот раз с Муссолини, имела место во Флоренции 28 октября 1940 г. Выходившего из вагона Гитлера Муссолини приветствовал словами: «Фюрер, мы выступили! Победоносные итальянские войска сегодня на рассвете перешли греко-албанскую границу!» Гитлер был в ярости, но смог скрыть свои чувства. Не прошло и недели, как «победоносные» итальянские войска были обращены в бегство. Немцам пришлось прийти на помощь союзнику, что расширило фронт военных операций.

230

В поведении Риббентропа на Нюрнбергском процессе (что, естественно, отразилось на материалах его воспоминаний) заметна одна примечательная черта; он старается привлечь к числу виновников войны Советский Союз, опираясь на секретный дополнительный протокол к пакту Молотова—Риббентропа от 23 августа 1939 г. Широко известна оценка этого пакта, данная в постановлении II Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г., и нет необходимости повторять ее здесь.

Риббентроп приписывает себе идею «искать компромисса с Россией», но кощунственно называть соглашение 23 августа 1939 г. «компромиссом», ибо стороны преследовали не только не совпадающие, но и прямо противоположные цели. Советское руководство стояло перед задачей отвести от страны угрозу надвигавшейся войны; руководство гитлеровской Германии помышляло о другом — облегчить для себя развязывание войны против Польши, имея в дальнейшем в виду, как откровенничал Гитлер на секретном совещании генералитета вермахта в Оберзальцберге в канун подписания пакта Молотова—Риббентропа, разгромить Советский Союз. «Тогда, — хвастался он, — забрезжит заря германского господства на

всем земном шаре». Это хвастовство проливает свет и на другую истину — судьба мира была в полном смысле слова спасена от «коричневой чумы» на полях России.

Задним числом можно строить различные предположения и по-разному трактовать названные документы. Однако при прочтении воспоминаний Риббентропа относительно переговоров со Сталиным и Молотовым неопровержимой представляется мысль, что немецкая сторона, настроенная на развязывание войны против Польши, была крайне заинтересована в соглашении с Москвой и поэтому Риббентроп действовал в исключительно выгодных для министра иностранных дел условиях: у него был по сути дела карт-бланш. И если он запросил мнение Гитлера относительно претензий Сталина на Либаву (Лиепая), то только в порядке перестраховки.

Раздел воспоминаний Риббентропа под заголовком «Разрыв с Россией» можно по праву отнести к наиболее тенденциозным. Ключ к пониманию причин такой тенденциозности дает фраза воспоминаний о завершении «французской кампании». Дело, видимо, в том, что Гитлер после поражения Франции почувствовал, что близок к безраздельному господству в Европе, и это вызвало изменение его тактики в отношении Советского Союза. Теперь все действия СССР в отношении Прибалтийских стран, Финляндии, Румынии, не говоря уже о Польше, направленные на то, чтобы продвинуть дальше на запад оборонительные рубежи, рассматривались фюрером как угроза безопасности и интересам Германии.

В этом контексте обращают на себя внимание страницы воспоминаний Риббентропа, касающиеся визита Молотова в Берлин 12—14 ноября 1940 г. Следует подчеркнуть, что этот визит был инспирирован гитлеровцами под тем предлогом, что он позволит Гитлеру изложить «личные соображения» относительно взаимоотношений между СССР и Германией.

Перед этим визитом 27 сентября 1940 г. в Берлине был подписан Тройственный пакт, известный как «Ось Берлин—Рим—Токио». В преамбуле пакта его участники выразили стремление к сотрудничеству в целях установ-

ления «нового порядка» в Европе и Азии и его распространения на другие районы мира.

233—235

В письме Сталину от 13 октября Риббентроп пытался смягчить опасения Москвы по поводу действий Германии, сваливая вину за трения между СССР и Германией на происки британских агентов. Чтобы устранить возникшие трения, писал Риббентроп, почему бы не послать в Берлин Молотова? В этом письме Риббентроп намекал на возможность раздела мира между четырьмя тоталитарными державами: СССР, Италией, Японией и Германией. Можно отмахнуться от подобных намеков, счесть их личным безумием Риббентропа, но они все же делались. Почему? Исходя из каких посылок? Ведь в конечном счете и в безумии есть своя логика, а в данном случае действовал человек здравого ума и холодного расчета. Все это наводит на мысль, что извращение социализма и превращение его в различные виды тоталитаризма может сблизить или создать надежду на сближение даже вроде бы противостоящих течений. Видимо, эти соображения подтолкнули Риббентропа проявить инициативу, которая привела к визиту Молотова в Берлин. Этот визит не удовлетворил ни ту, ни другую сторону. Но если Гитлер укрепился в своих планах нападения на СССР, то советское руководство проявило медлительность и нерешительность в подготовке страны к вероломному удару нацистов, заплатив за это чудовищную цену в человеческих жизнях.

245

Опасения Риббентропа по поводу возможного военного союза Великобритании и Франции с Советским Союзом носят надуманный характер. Кто-кто, а он точно знал, как оценивал Гитлер Чемберлена и Даладьё после их капитуляции в Мюнхене. Беспринципность этих политиков, их готовность удовлетворить претензии Германии дали Гитлеру основание назвать их «мелкими червями». За неимением фактов бывший рейхсминистр прибегает к предположениям и досужим домыслам, дабы хоть как-то

сгладить вопиющее вероломство правителей фашистской Германии. Именно такой была политика Гитлера и соответственно Риббентропа по отношению к Советскому Союзу. Не прошло и года после подписания пакта Молотова—Риббентропа, как 21 июля 1940 г. Гитлер отдал распоряжение о разработке плана войны против СССР, закодированного как «План Барбаросса» — по имени императора Священной Римской империи Фридриха I Барбароссы. В окончательном виде план был утвержден 5 декабря 1940 г., а его развернутое оформление содержалось в «Директиве по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск», изданной 31 января 1941 г. Поэтому когда Риббентроп бросает фразу о «превентивной войне» с Россией, то он пускается в заведомую ложь. Не «превентивная» и не «упредительная» война готовилась против СССР, а захватническая, агрессивная, вероломная война на уничтожение. Чтобы отвлечь внимание от этого факта, Риббентроп юлит: он то старается обелить свои деяния и свое ведомство, утверждая, что министерство иностранных дел рейха не имело никакого отношения к вопросу об Украине (хотя нападение на СССР планировалось таким образом, чтобы на Украине еще не созрели хлеба и их при отступлении невозможно было сжечь, а Германия сохраняла возможность собрать их и вывезти), то подыскивает предлоги для обвинений Москвы в желании углубиться на Запад через Финляндию, Буковину, Болгарию.

Риббентроп, описывая переговоры с Молотовым в Берлине в ноябре 1940 г., указывает, что недовольство последнего гарантиями, данными Германией Румынии, было одним из факторов, убедивших фюрера в серьезности «русского стремления на Запад». Однако в действительности дело не в этом. Готовясь к войне, Германия сумела создать промышленность по производству искусственного бензина, но она была не в состоянии обеспечить все потребности вермахта, поэтому румынская нефть Плоешти имела исключительное значение для рейха. Положение обострялось тем, что соседи Румынии — Болгария и Венгрия — имели территориальные претензии к ней. Дело дошло до того, что к концу лета 1940 г. Венгрия была намерена вступить в войну

с Румынией, чтобы вернуть себе Трансильванию. Гитлер был готов выделить несколько дивизий для захвата румынских нефтяных полей. Вопрос разрешился 30 августа на встрече в Вене министров иностранных дел Венгрии и Румынии с участием Риббентропа и Чиано. На этой встрече Румыния и получила от Германии и Италии гарантии. Кому, как не Риббентропу, было знать, что, согласно секретной директиве Гитлера, предполагалось «в случае войны с Советской Россией» сосредоточить на румынских базах немецкие и румынские войска.

Риббентроп пытается найти оправдание решению Гитлера напасть на Советский Союз и в плане «большой политики», и в плане исторического опыта немецкого народа. В этой связи он упоминает о политике Бисмарка в отношении России. Боязнь войны с Россией проходила красной нитью через всю деятельность Бисмарка: он был уверен, что Франция воспользуется такой ситуацией, чтобы взять реванш, и Германия будет вынуждена вести войну на два фронта. По словам Риббентропа, Гитлер опасался возможности подобной войны, но с объединением потенциалов Америки и России. Чтобы избежать «пожирателей людей и технику» (читай: арийскую нордическую расу и ее промышленный потенциал) гигантской войны на два фронта, Гитлер и решил нанести сокрушающий удар в восточном направлении. Стойкость народов Советского Союза опрокинула все его планы и расчеты.

253

Видимо, под влиянием взглядов Гитлера Риббентроп старается представить в роли «поджигателя» войны... президента США Франклина Делано Рузвельта. Он утверждает, будто Рузвельт толкал Англию и Францию к войне против Германии. Это искажение истины, ибо в течение 1935—1941 гг. в США действовал закон о нейтралитете. Американцы придерживались формулы изоляционизма: «Мы не вмешиваемся в дела Европы, а европейцы — в наши». Нейтралитет означал по своей сути отказ руководства США от международного сотрудничества во имя мира, что отвечало интересам гитлеровцев.

Рузвельт, следуя гибкой линии, в начале 1939 г. был вынужден обратиться к конгрессу с посланием, в котором обращал внимание на рост угрозы безопасности США. В послании признавалось совпадение интересов США и СССР. Возможно, именно это обстоятельство и побудило Гитлера, а вслед за ним и Риббентропа обыгрывать тему о том, что Рузвельт (естественно, вместе со Сталиным) толкал Великобританию и Францию к войне против «миролюбивой» Германии, стремившейся-де без большого скандала освободиться от оков версальской системы.

В обращении к народу 3 сентября 1939 г. Рузвельт обещал держать США вне войны, предупредив, однако, что, когда мир где-либо нарушен, все остальные страны подвергаются опасности. Капитуляция Франции и установление контроля гитлеровской Германии над Западной Европой обострили опасения официального Вашингтона. Осенью 1940 г. США вступили в период так называемой необъявленной войны, осознав, что нейтральный внешнеполитический курс противоречит их интересам. Такое осознание пришло, в частности, в связи с подписанием в Берлине 27 сентября 1940 г. Тройственного пакта, наглядно продемонстрировавшего глобальные устремления германо-итало-японского блока.

И. Г. Усачев

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	3
МОЙ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ С 1893 ДО 1933 г.	18
АДОЛЬФ ГИТЛЕР	45
РАВНОПРАВИЕ ГЕРМАНИИ	61
ЛОНДОН	102
ИМПЕРСКИЙ МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ	132
МОСКВА	178
НАЧАЛО ВОЙНЫ	193
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ	211
РАЗРЫВ С РОССИЕЙ	230
НЮРНБЕРГСКИЕ ЗАПИСИ	271
Причины краха	271
К еврейскому вопросу	273
Добровольная ответственность	278
«Свидетели» и «документы»	280
Гендерсон и Чиано	285
«Суд» и «приговор»	294
Заключительные замечания	299
ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПИСЕМ	303
ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ	307
I. Миссия лорда Ренсимена с британской точки зрения (донесение чехословацкого посланника Осуского).	
II. Совместное заявление британского премьер-министра и германского фюрера и рейхсканцлера от 30 сентября 1938 г.	
III. Политика президента Рузвельта (донесения польских послов Потоцкого и Лукасевича).	
IV. Беседа имперского министра иностранных дел с польским послом 26 марта 1939 г.	
V. Германские предложения от августа 1939 г.	
VI. Аффидэвит (письменное показание под присягой) от 15 октября 1946 г.	
ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	326
ПРИМЕЧАНИЯ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	421

Серия «Тирания»

Иоахим фон Риббентроп

МЕМУАРЫ НАЦИСТСКОГО ДИПЛОМАТА

Ответственный редактор *А. В. Бушуев*
Технический редактор *Л. В. Игачикова*
Корректор *Л. В. Игачикова*

Подписано в печать 01.07.98.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Baltica». Усл. печ. л. 23,94. Уч.-изд. л. 19,56.
Тираж 11 000 экз. Зак. 1591.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР 040432 от 29.04.1997.
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

OCR - Давид Титиевский, март 2017 г., Хайфа

ИОАХИМ ФОН
РИББЕНТРОП

*Мемуары
нацистского дипломата*

ISBN 5-8859

9 785885 909020

6715

30-00